

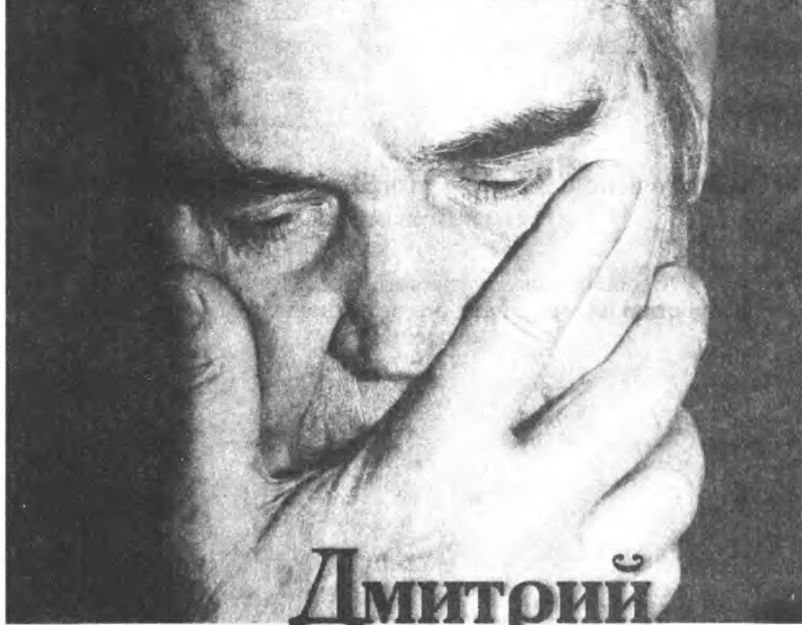
XX

В Е К
Г Л А З А М И
О Ч Е В И Д Ц Е В

Дмитрий Волкозюнов

**ЭТЮДЫ
О ВРЕМЕНИ**

ЭТЮДЫ О ВРЕМЕНИ

Дмитрий
ВОЛКОГОНОВ

Из забытого, незамеченого, ненапечатаного

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новости

Москва 1998

ББК 63
В 67

Под редакцией Александра Проскурина

В книге использованы фотографии из личного архива
семьи Волкогиновых

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя,
запрещается

ББК 63

ISBN 5-237-00828-3 (АСТ)
ISBN 5-7020-1119-8 (Новости)

© АО „Издательство «Новости»“ совме-
стно с ООО „Фирма «Издательство
АСТ»“, издание на русском языке, 1998
© Д.А. Волкогинов, автор текста, 1998
© О.Д. Волкогинова, предисловие,
составление, 1998
© Н.П. Степанов, оформление, 1998

Слова
О
Папе

Отец

Вступительное слово
О. Д. Волкоговой

Книга эта автором не писалась в прямом смысле этого слова. Отец думал когда-нибудь рассказать о своей жизни, о людях, с которыми довелось встретиться, о событиях, свидетелем которых он стал. Сохранились черновые наброски, заметки, зарисовки для этой будущей работы. Да и не только для нее, — у отца была привычка везде, где только выдавалась возможность (в самолете, на совещаниях, в гостиницах), записывать свои мысли и впечатления на маленьких картонных карточках, которыми всегда были набиты карманы его пиджаков. Заболев, он понял, что сам уже никогда не сможет «сложить» из всего этого настоящую книгу. Не успеет. Попросил меня посмотреть его бумаги после того, как его не станет. И я обещала.

Разложив кипы таких разных по содержанию бумаг вокруг себя, я пыталась найти какой-то общий сюжет, который мог бы их объединить. И поняла, что сюжетом таким может стать только сама папина жизнь. Поняв это, почувствовала, что записи не надо «причесывать» и «приводить к общему знаменателю», — пусть останутся мгновенными отблесками таких разных дней в жизни отца, его разных мыслей и чувств. Может быть, в их несхожести можно будет расслышать «шелест души». Получилось ли — судить не мне. Я и так слышу голос отца, читая эти заметки.

О близких людях писать трудно. Еще труднее писать, когда их уже нет рядом. Мешает чувство вины (думаю, оно знакомо всем, кто потерял дорогих и любимых людей) за

то, что ты не сделал и не сказал... Мешает ощущение одиночества и сиротства, понимание, что ты остался незащищенным от течения времени. Мешает излишняя «посвященность» в разные события и поступки, чувства и сомнения того, кто уже ушел. Мешает равнодушие к тому, о чем и о ком ты пишешь. Мешает многое. Из-за этого смещаются акценты и искажается прошлое, тщетными становятся любые, даже самые добросовестные попытки создать объективную картину. И я решила ничего не предпринимать для «борьбы с собой» и сразу предупредить возможного читателя о принципиальной субъективности своих заметок о человеке, который так много значил в моей жизни, — о моем отце.

Когда я думаю об отце, мои воспоминания распадаются на «до» и «после»: *до* страшного диагноза, когда наша семья жила, как все семьи на свете, — хорошо и плохо, весело и грустно, но не было постоянно присутствующего где-то в глубине души чувства обреченности, и *после* — после разговора летом 1991 года с умным и нескладным Михал Михальчем, врачом от Бога, когда вся наша жизнь, несмотря на ее разноцветную внешнюю канву, стала состоять из сменяющих друг друга периодов робких надежд и отчаяния. Удивительно, но несопоставимые в хронологическом (опять-таки объективном) смысле эти отрезки нашей жизни — долгие годы здоровья и всего лишь четыре года мучительного, надрывающего душу угасания, — в моей памяти занимают одинаковое место. Видно, счастливые дни просто короче горьких.

«До»... Мои осознанные воспоминания начинаются с Пироговки — академического общежития с одной кухней, одним туалетом и одной ванной на тридцать с лишним семей. Помню длинные коридоры, неисчислимые полчища детей, которые по этим коридорам бегали, ползали, ходили и катались на велосипедах (и я в их числе), котят, которых мы отлавливали на местных помойках и приносили в наши комнатухи «на радость» родителям, и остро пахнущую

кожей португеею отца, когда он заступал на дежурство. После смерти отца мама даст мне его дневник — тетрадку в коричневом клеенчатом переплете, и я прочту, как он радовался переезду в эту крохотную комнату (старшая сестра Таня спала под обеденным столом, с учетом черного блестящего пианино, — другого места в комнате не было), Москве, библиотекам, всему полустуденческому быту уже взрослого человека.

Учился отец блестяще и получал от новых книг, умных лекций и интересных собеседников истинное удовольствие. Поэтому, видимо, когда встал вопрос о будущем, выбор сделал не в пользу обычной военной карьеры; решил заняться наукой и поступить в адъюнктуру на кафедру философии. Благо, окончив академию с отличием, выбирать он имел право. Наверное, философия была странным выбором для майора из Забайкалья, отнюдь не из профессорской семьи, не видевшего до академии книг Спинозы или Гегеля в глаза, с двумя детьми и свободного уже от юношеских иллюзий. Не могу судить. В моей памяти отец остался уже увлеченным «философом», и когда я выросла из историй о Дерсу Узала (используя известный персонаж, отец рассказывал мне случаи из таежной жизни), он стал рассказывать мне на ночь и во время воскресных прогулок адаптированные к моему нежному возрасту «жизни замечательных философов». (А «Дерсу Узала» перешел позднее «по наследству» к внучке — моей дочери Даше.)

Думаю, философия очаровала его возможностью нестандартно мыслить о «последних вопросах», встающих перед каждым человеком, если он, конечно, по своим интеллектуальным характеристикам хоть немного отличается от инфузории-туфельки. По себе знаю, как завораживают рассуждения о природе человеческого сознания или поиски всеобщего нравственного закона, попытки ответить на вопрос, в чем смысл человеческой жизни, или доказательство того, что мир — лишь мое ощущение, «кажимость». Контраст с повседневной реальной жизнью, служ-

бой в войсках, приказами начальства был столь велик, что не попасть в этот философский плен мог только гораздо менее эмоциональный и более прагматичный человек, но не мой отец.

Через три года была написана и защищена кандидатская диссертация о влиянии военно-технической революции на личность человека («военный аспект» был обязателен для всех работ, выходящих из стен академии), и отец стал преподавать уже другим капитанам и майорам, живущим на Пироговке и записывающимся по праздничным дням в очередь на посещение ванной комнаты. Мы же переехали в первую в жизни родителей квартиру в Медведково (тогда это была грязная новостройка, стоящая на чавкающих залежах глины, и резиновые сапоги были обязательным атрибутом прогулок для взрослых и детей, зато лес был совсем рядом). Больше всего в новой квартире сестру и меня поразило наличие собственного, отдельного, можно сказать, совершенно частного туалета; мы стояли и смотрели на него в бессловесном восхищении...

Именно в этой двухкомнатной квартире отец написал докторскую. Но защищал свою работу на родной кафедре уже как пришлый «варяг» — судьба сделала очередной зигзаг независимо от его личных желаний: отца «взяли» работать в Главпур*. Это считалось повышением, хотя восторга от такой перемены в деятельности он не испытывал и даже дважды отказывался от новой должности. Ему было жаль своих идей, мыслей, пера, потому что в Главпуре отец должен был стать чем-то вроде «пишущего раба», у которого нет права поставить свою подпись под тем, что им написано. Помню, иногда он приходил (вернее, уже приезжал, — в условия «контракта» входила служебная машина в обмен на талант), садился на диван и с тоской говорил: «Меня выжимают, как лимон...»

---

* Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. — *Ред.*

Теперь мне гораздо понятнее страх творческого человека исчерпаться на чуждой работе, но и тогда было очень его жалко. Хотя теперь, по прошествии лет, уже ясно, что «выжать» его голову до доньшка, наверное, просто невозможно, там всегда было невероятное количество планов и идей. Да и новая работа дала столько новых впечатлений и информации, что пользы от всего этого было гораздо больше, чем вреда.

Отец много поездил по миру со своим «шефом» — генералом армии А.Епишевым, к которому он всегда относился с большим уважением, несмотря на усиливающееся со временем расхождение во взглядах. Ездили, как правило, по «странам социалистической ориентации», — проще говоря, по «третьему миру», где не то что социализмом, но и просто цивилизацией подчас не пахло. Постепенно за экзотикой и яркими путевыми впечатлениями начала вырисовываться не очень приятная закономерность: все «вожди», «лидеры», «революционные руководители» этих стран постоянно что-то кланчили в обмен за свою «приверженность к социализму». Отца, не свободного еще от романтического интернационализма, это поражало и коробило. Рассказывал об этом с недоумением и болью. Но действительно серьезный удар он пережил, побывав впервые в «настоящей загранице», — съездив на философский конгресс в ФРГ. На медведковской кухне (неистребимая русская традиция вести все разговоры «по душам» рядом с плитой и холодильником) был сформулирован потрясающий по своей очевидной невозможности вопрос: почему все наши союзники, «строящие социализм», столь бедны, а наши противники, наплевавшие на идею социального равенства, не только процветают, но и в равенстве могут дать нам фору?

С этого все и началось. Пользуясь «генеральским» правом прохода через таможеню без досмотра (отец получил генерала в 45 лет, достаточно рано по тем временам, в обмен на свою потрясающую работоспособность в производ-

стве «лимонного сока»), он стал привозить в чемоданах странные книги — «Архипелаг ГУЛАГ» на папиросной бумаге, но в твердом коричневом переплете, «Самопознание» Бердяева, изданное в Париже издательством YMCA-Press, «Записки русского офицера» Деникина в глянцевогой обложке...

Родители боялись (как ни трудно поверить в этот страх новому поколению, выбирающему «Пепси», но он имел под собой основания), велели никому об этих книгах не говорить, а однажды отец даже «сдал» несколько книжек «куда надо», решив, что кто-то заметил их у него в портфеле, объяснив «где надо» свой интерес к ним как профессиональный, — все-таки, мол, политработник. Но перелома во взглядах еще не произошло. Были сомнения, было критическое отношение к происходящему в стране, было знакомство с «изнанкой» политической жизни, но вера в то, что реформами и перестановками можно систему «исправить» и зажить по марксистским учебникам, была сильнее.

Понимание того, что система «неисправима», что марксизм можно вслед за Лениным действительно сравнить с куском стали (ни тебе прибавить, ни убавить, ни «скрестить» с чем-то еще), пришло после знакомства с архивами и «закрытыми» документами.

Когда папа уже работал в Главпуре, он впервые нашел твердое подтверждение сомнениям и подозрениям по поводу смерти своего отца и моего деда. Моя бабушка, которую мне не довелось ни разу увидеть, сделала все, чтобы затеряться на сибирских просторах с маленькими детьми, после того как ее мужа объявили «врагом народа». Конечно, детям намного безопаснее было не знать правды о страшной судьбе, постигшей отца. Долгие годы они верили в то, что он погиб во время столкновения на КВЖД. Но чем старше становились, тем больше у них возникало вопросов. В конце концов, уже работая в Главпуре, отец нашел документальное подтверждение тому, что мой дед был расстрелян в 1937 году за хранение брошюры Бухарина... По-

сле этого горестного открытия у отца и возникла мысль написать книгу о том времени, о Сталине. Моей маме, историку по профессии, эта идея тоже показалась интересной, и отец начал собирать материалы для будущей книги.

Архивы... Вот в них-то и начало трещать по всем швам его коммунистическое мировоззрение...

Прозрение было болезненным. Признать, что почти вся жизнь была отдана укреплению порочной, бесчеловечной по своей сути системы, что твоя голова с самого детства наполнялась лживыми лозунгами, не имеющими ничего общего с реальной жизнью, под силу только мужественному человеку. Для большинства людей отказаться от «истин», ввевшихся в плоть и кровь, — невозможное самоотвержение; даже спотыкаясь о факты, противоречащие привычным взглядам, мы зачастую предпочитаем не замечать их, чтобы не ломать устоявшегося хода жизни.

Отец был другой. Он не мог забыть расстрельных списков, найденных в архивах, не мог жизни миллионов людей объяснить «перегибами» и «ошибками». Постепенно, мушкетером, шаг за шагом шел к своим новым взглядам. Долгое время не решался отбросить коммунизм полностью. Сначала искренне верил, что с правильного пути страна сбилась где-то в двадцатых, когда Ленин перестал определять реальную политику. (Несколько лет спустя наше «перестроечное» общественное сознание повторило этот же путь: многие историки и публицисты призывали нас вернуться к «ленинским нормам жизни» и к «социализму с человеческим лицом»!) Потом история с архивами повторилась: страшные, преступные приказы о расстреле священников, о передаче царских драгоценностей (причем учет велся не каратами, не граммами, а «чемоданами») на нужды «мировой революции» (в то время, как страна голодала), о запрете на свободное печатное слово, — и под всеми этими бумагами стояла такая знакомая подпись: «Ульянов (Ленин)». Отец, захваченный своими пугающими открытиями, пишет книги об истории большевизма в лицах: в 1989

году вышел «Сталин» (а написан он был еще раньше), затем, в 1992 году, — «Троцкий» и, наконец, в 1994-м, — «Ленин»*.

Чтобы ни говорили папины оппоненты, сколько бы раз ни звучали обвинения в конъюнктуре (выгодно, мол, было измениться — вот и изменился), я абсолютно точно знаю, что это неправда. Благодаря своей поразительной работоспособности отец сделал блестящую карьеру — до горбачевской «перестройки» он дослужился до заместителя начальника Главпура, генерал-полковника со всеми вытекающими отсюда бытовыми последствиями. Променил же он свое спокойное и удобное положение на жизнь беспокойную и непростую не только для него самого, но для всей семьи. Его статьи о Сталине, появившиеся еще до выхода книги, вызвали неудовольствие в Главпуре, где «свое суждение иметь» признавалось вещью совершенно недопустимой (особенно после прихода нового бесцветного начальника — генерала А.Лизичева). А потом отец и вовсе перешел все границы: на одном из совещаний покусился на «священную корову» — предложил реформировать политорганы в армии и заменить их органами информации...

Реакция была достаточно быстрой: отцу официально «посоветовали» покинуть Главпур и предложили место начальника Института военной истории, что было явным понижением на несколько ступенек в военной иерархии.

Но отец «не исправился». Под его руководством коллектив института начинает готовить 10 томов новой истории Великой Отечественной войны... Переписывать еще раз апологетическую версию о нашей победе отец не собирался. Он хотел сказать правду — и о том, что Красная Армия была не готова к войне, и о репрессиях среди военных накануне нападения Германии, и о колоссальных потерях, которые понесли наши войска... Он считал, что победа ве-

---

* В 1996 г. за трилогию «Вожди» Д.А.Волгогонов удостоен Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства. — *Ред.*

лика сама по себе и нет нужды ее приукрашивать. Когда слухи об этом дошли до Главпура, там забеспокоились, но просто снять отца, имевшего депутатский статус, было трудно. Тогда и стали поговаривать, что, поставив «философа» Волкогонова на исторический институт, сделали ошибку...

Устав слушать упрёки в своей «неисторичности», отец, чтобы подтвердить свою «профпригодность», защитил еще одну докторскую диссертацию — по истории, причем сделал это не в военном учреждении, а в Академии общественных наук, дабы не было повода упрекать его в использовании своего служебного положения...

Книга о Сталине наконец-то увидела свет, о ней говорили и писали, имя автора было на слуху. На отца обрушился поток писем. Многие, очень многие благодарили его за правду, пытались чем-то помочь, но приходили и грязные ругательства с неразборчивыми подписями или письма от «Вешалкина», а иногда и «приговоры», составленные в официальном стиле, отпечатанные на машинке и подписанные какой-нибудь «партячкой». Неоднозначной была и реакция людей, с которыми общались долгие годы. Отец переживал, рассказывая, как такой-то генерал не поздоровался с ним при встрече, а бывший медведковский сосед, с которым дружили семьями много лет, перестал звонить (он не пришел даже на похороны отца, не простив ему разномыслие).

Наверное, мы — самая политизированная нация в мире, потому что нигде, кажется, политические взгляды человека не влияют так сильно на сугубо личные отношения, как в России. Если у тех же американцев не считается чем-то удивительным, что муж и жена голосуют на выборах за разных кандидатов, то у нас даже друзья подчас оцениваются с точки зрения «политической грамотности». «Уроки» гражданской войны оказались сильны в нашем обществе, идеологические баррикады были построены прямо на обломках старой многолетней дружбы. Отцу было больно,

и мы, близкие, видели это. Но новый взгляд на историю и будущее России был для него дороже. Получая очередное письмо с восхвалениями в адрес Генералиссимуса и ругательствами в свой, отец обычно вздыхал и говорил: «Мне их жалко...»

Сначала мне его реакция казалась неадекватной. Но сейчас я думаю: он был прав. Люди, страдающие идиосинкразией ко всему новому, неспособные понять и принять того, что не укладывается в выработанные годами привычные схемы, застывшие в своих заблуждениях, должны вызывать именно жалость — их жизни подчинены призракам прошлого...

Первый том десятитомника был готов в «черновом» варианте для обсуждения. Состоялось заседание так называемой ГРК (Главной редакционной комиссии), о котором отец узнал лишь накануне. В зале сидели генералы, маршалы, секретарь ЦК, министр обороны... Обсуждение продолжалось несколько часов. Авторский коллектив обвинили в «антисоветизме» и «очернительстве советской истории»...

Некоторое время спустя стенограмма этого судилища была опубликована в «Независимой газете», поскольку ее текст поразил даже издававших виды журналистов. Трудно поверить сегодня, что подобное «научное обсуждение» могло состояться не в 37-м, а в начале 1991 года! Отца (в лучших советских традициях) обвинили в выполнении «заказа Запада» и, не опровергнув *ни одного* из приведенных фактов, том «зарезали». Так отца «ушли» из института.

Недавно один американский «русист», много знающий о России и нашей жизни, задал мне странный вопрос: «Были ли ваш отец горд, когда его версию начала войны не приняли ЦК и министерство обороны? Наверное, он ощущал это как победу?» Честно говоря, я даже не сразу поняла, о чем речь. Победу? Когда отец пришел домой, на нем лица не было. Мама, только взглянув на него, испугалась. Даже сознавая свою правоту, человеку (если он не супермен из

детских мультфильмов) трудно противостоять многочасовому оплевыванию, больно слушать о себе обидные слова, тяжело разговаривать, если твоих слов не хотят слышать и понимать. А отец был не один, речь шла о работе целого коллектива, ответственность за который он тоже ощущал. Десятитомник так никогда и не вышел в свет... Зато отец потерял еще одного друга, с которым так любил гулять по вечерам, — умный, но заботящийся о карьере генерал армии Гареев написал о нем разгромную статью в «Красную звезду», даже не предупредив папу об этом.

Из армии отца «уйти» не удалось — помогло депутатство. Представления о «нецелесообразности» сохранения его в действующей армии дважды писались в Верховный Совет, но их не удовлетворили, объяснив, что отец продолжает заниматься военными вопросами в различных комиссиях.

Это соответствовало действительности. Окунувшись со свойственной ему эмоциональностью и страстностью в политические битвы того времени, отец возглавил Государственную комиссию по созданию Российской Армии и российского министерства обороны, а позже — по реформированию политорганов. Не была оставлена без внимания и его страсть к архивам — он много работал в комиссии по передаче партийных архивов и архивов КГБ на государственное хранение. Может быть, это было даже важнее всех военных вопросов, вместе взятых, — несколько миллионов файлов информации, долгие годы хранившихся «за семью печатями», стали доступны исследователям. А в парламенте была создана группа «Левый центр», возглавил которую отец. Это было реальное выражение выстраданной им уверенности в том, что в российском политическом спектре всегда было слишком много радикалов, не хватало и не хватает именно центристских сил.

Работал он по четырнадцать часов в сутки. Кроме политической круговерти (отец занимал пост советника президента по вопросам безопасности), депутатских дел, комис-

сий были еще *книги* — самое главное в его жизни, и были мы, семья. Как бы ни был папа занят, я не помню *ни одного* дня, чтобы он не позвонил мне и сестре, не узнал, как наши дела, как внучки. Да и виделись мы почти каждый день — я всегда чувствовала, что у меня как бы два дома: один — мой собственный, с тонко чувствующим и любимым мужем, с которым мы тогда были вместе уже более десяти лет, растущей дочерью, встречающим у порога котом; а второй, не менее родной и нужный, — родительский, где тебе всегда рады, всегда готовы помочь, выслушать, где интересна ты сама, твои мысли, твои успехи и неудачи.

Не знаю, за что мне так повезло с родителями. Много я по-настоящему оценила, лишь когда сама «примерила» роль мамы. Но как бы ни старалась, у меня не получается *так* верить в своего ребенка, уважать его мнение, гордиться его успехами. Я беспомощно кидаюсь от строгости к попустительству, пытаюсь маскировать свою несостоятельность разными педагогическими теориями и уповаю на «авось». Меня воспитывали по-другому. Странное дело, с самого детства, будучи абсолютно уверена в папиной любви и готовности мною восхищаться, я воспринимала это не как индугенцию любимым своим поступкам, а, наоборот, как некое непростое обязательство: я не могла его подвести, не могла сделать что-то, способное его разочаровать. Хотя прекрасно понимаю, что и без «пятерок» и «красных дипломов» папа не любил бы меня меньше. Особенно понимаю это сейчас: страшно и горько чувствовать, что никто тебя больше не будет любить так сильно и так ни за что...

Не знаю, как он все это успевал. Мы все жили, окруженные его каждодневной заботой и вниманием, внучки получали положенные порции «Дерсу Узала» и дачные воскресные прогулки, депутатские запросы помогали решать какие-то проблемы отцовским избирателям, писались справки, доклады, отчеты, проводились совещания, устраивались встречи, снимались телевизионные передачи,

печатались написанные отцом статьи, приходили гости «на сибирские пельмени» — фирменное мамино блюдо, и, при всем этом, он выкраивал хоть пару часов в день, чтобы заняться самым важным делом своей жизни, — чтобы *писать*...

29 книг, написанных им за его 67-летнюю жизнь, похожую в последние годы на скачки с препятствиями, переведенные на многие языки, изданные в 21 стране, — поразительны. Сидеть после целого рабочего дня чиновничьей жизни было тяжело. Так в кабинете появилась конторка, *стоя* за которой папа начал «Троцкого». И здесь-то и пролегла та самая незаметная постороннему взгляду черта — здесь начинается «*после*»...

Рак. Это пугающее слово прозвучало летом 1991 года. Папу стали готовить к операции. О диагнозе он знал, но надеялся (как и мы все), что метастазов нет и операция может спасти... Подготовка к операции сводилась к жесточайшей голодной диете, и через неделю папа ходил, шаркая ногами, как старичок, держась рукой за стену... Это было так ужасно, что, когда позвонил давний друг отца, профессор, историк из Оксфорда Гарри Шукман и сказал, что может устроить папу на операцию в Англии, мы решили ехать туда. Маме удалось уговорить отца, которого очень смущал языковой барьер, меня взяли с собой в качестве «переводчика», и мы втроем сели в самолет. На следующий день после приезда в Оксфорд отца прооперировали.

Я не врач и не могу объективно сравнивать искусство «наших» и «их» хирургов... Наверное, мы поступили по-женски эмоционально, и «наши» всё сделали бы не хуже. Но нас поразило абсолютно другой подход ко всему, что было «вокруг» операции, — никаких мучений голодом (как я уже сказала, операцию сделали на следующий день, и никого не интересовало, что папа ел или не ел до того), никаких диет после операции, — на третий день после того, как отцу отрезали треть кишечника, ему принесли в палату бифштекс. Стопроцентная откровенность с пациентом...

Правда, здесь мы нарушили заграничную традицию. Врачи нашли метастазы у папы в печени, которые нельзя было удалить сразу же, в ходе первой операции. Была нужна вторая... И мы с мамой попросили не говорить отцу об этом сразу же, подождать, пока он не окрепнет...

По-моему, мы не только недооценили его выдержку и силу воли, но и причинили ему ненужную боль. Он так собирался домой, считал дни до отлета в Москву, строил планы, назначал встречи, а мы не говорили ему правды! Правду он узнал через неделю, покидая госпиталь. Молодой обаятельный врач начертил схему папиной печени и объяснил ситуацию. Он надеется снова увидеть генерала через месяц-полтора, но слишком затягивать тоже не следует... Отец, бледно-зеленый и похудевший после только что перенесенного, подумал минуту-другую и спросил: «А можно сделать операцию на той неделе?» Он не хотел ждать, не хотел прерывать еще раз свою работу, не хотел ничего откладывать. И через неделю ему отрезали треть печени...

Вторая операция была тяжелее. К ее последствиям добавилась еще и химиотерапия, которая круглосуточно подавалась через специальный маленький компьютер прямо в вену. Папа часто был в забытьи и стонал, стонал... Помню, как в одну из ночей я горько, навзрыд плакала, сидя на полу в его палате, впервые, может быть, по-настоящему поняв, что могу его потерять, что все мучения могут оказаться напрасными... Но сильный папин организм опять взял свое — на шестой день он поднялся по лестнице на второй этаж квартиры, где мы жили, а еще через пару дней отправился с Гарри в прогулку по окрестностям Оксфорда...

Гарри много сделал для популярности отцовских книг за рубежом — он их блестяще перевел на английский язык. Это стало возможным прежде всего потому, что он сам прекрасно знал и понимал то, о чем рассказывали папины книги, — имя Гарри Шукмана известно в западном ученом

мире как имя специалиста по русской истории, перу которого принадлежит немало собственных работ. Мильей обаятельный Гарри, как много он сделал для нашей семьи! За время, проведенное отцом в оксфордских клиниках, он по неволе стал разбираться в онкологии, ведя ежедневные переговоры с врачами и медсестрами. Болезнь сделала его и отца не только коллегами, но и настоящими друзьями. Они любили беседовать (иногда часами!) обо всем на свете — о детях, внуках, политике, книгах и, конечно же, о российской истории. Отцу особенно импонировал мягкий юмор, помогавший Гарри видеть темы их долгих разговоров с совершенно неожиданной стороны. Думаю, Гарри тоже получал удовольствие от этих встреч и бесед. Недавно, впервые приехав в Москву после смерти отца (бюрократические правила получения визы не позволили ему приехать сюда в день папиных похорон), он с искренним сожалением сказал: «Почему Дмитрий так рано ушел? Как много мне еще надо спросить у него! О скольком мы не успели поговорить...» В те тяжкие дни в Оксфорде он стал для нас близким и родным человеком.

Еще когда отец лежал в госпитале, в Москве произошел тот самый опереточный путч ГКЧП. Он переживал из-за того, что оказался прикованным к постели! Пытался помочь хоть чем-то своим единомышленникам в Москве: слал факсы в разные московские газеты, дал, лежа на больничной койке, интервью Би-би-си, выступил с обращением к соотечественникам по радио (его, кстати, услышали многие и рассказали мне об этом, когда мы вернулись), пытался связаться с советским посольством в Лондоне (где, правда, не нашел никакого понимания, — по моему, посольские чиновники в большинстве своем в глубине души поддерживали ГКЧП...). А когда мы привезли его в Москву, окунулся с головой в ту новую политическую ситуацию, которая сложилась после путча. И писал, писал, писал... Его подгоняла мысль, что он может не успеть сказать все, что хочет, что задумал.

А задумал он многое. В голове уже жил, рос, обретал отчетливые очертания план следующей книги — о Ленине. А за этой книгой уже просматривалась другая — о Сталинградской битве. А еще дальше — третья: история СССР в портретах всех генсеков, начиная с Ленина и кончая Горбачевым*. Собирались материалы по истории казачества, росла на глазах аккуратная стопка заметок по истории белого движения, велись разговоры о судьбах белых генералов — Миллера, Кутепова, Врангеля («судьбы, достойные Шекспирова пера!» — говаривал папа), которые даже в эмиграции не смогли миновать мести НКВД... Планов хватило бы на две жизни. Но неясно было, сколько осталось времени.

Через год стало очевидно: наши надежды на то, что о болезни можно будет забыть, не сбылись. Метастазы в печени и легких. Неоперабельные. Речь может идти только о химиотерапии. Я шла с отцом по оксфордской улице, оглушенная услышанным, и не знала, что можно сказать человеку, даже самому близкому, в такой ситуации. Все слова казались плоскими и ненужными, в их жесткую мертвую оболочку невозможно было втиснуть и малую толику того, что я чувствовала. Папа и тут оказался сильнее меня и сказал совершенно обыденным голосом: «Ну что же... Надо успеть написать „Ленина“. Жалко, конечно, жизнь в последнее время такой интересной стала...»

В нашей беде нам на помощь пришли папины друзья. И здесь я хочу сделать небольшое отступление от линии своего повествования и сказать еще об одном таланте отца — собирать вокруг себя удивительно интересные, яркие личности. Благодаря ему и я смогла увидеть необыкновенных людей, не укладывающихся в усредненные рамки «маленького человечка», плавно скользящего по наезженной колее своей жизни. Не помещался в такие рамки и Бернард Лэфке — худощавый, спортивного вида, с выбритым

---

* Отец не дожил до презентации своего двухтомника «Семь вождей» несколько дней. — *О.В.*

«под ноль» черепом, свободно говоривший на нескольких языках (включая русский и китайский), герой Вьетнама, известный, наверное, любому офицеру американской армии, с которым отец познакомился во время работы в совместной российско-американской Комиссии по розыску пропавших без вести на территории СССР граждан США.

Комиссии этой отец придавал колоссальное значение еще до того, как речь зашла о помощи со стороны Штатов в поиске и освобождении наших «афганцев» и участников других локальных конфликтов. Он считал, что работа этой комиссии — своеобразный нравственный урок, показывающий, как государство должно относиться к *каждому* своему гражданину. Американцы, готовые выехать в любую точку бывшего Союза, если был шанс хотя бы поговорить с кем-то, кто видел или слышал об их соотечественниках, пропавших *десятилетия* назад, перекапывающие целый остров в поисках останков погибшего летчика, на деле показывали, что такое гуманное отношение к человеку, мораль, ценность человеческой жизни. Для нашей многострадальной страны, где жертвы привыкли считать не единицами, а сотнями, тысячами и миллионами, где не хватает денег, чтобы похоронить всех погибших за ее свободу в последней войне, деятельность подобной комиссии, был уверен отец, даже важнее, чем для самих американцев. Он надеялся разбудить сердца своих сограждан, а еще — показать миру, что в новой России нравственные цели являются ключом к раскрытию любых архивов и засекреченных сведений. «Бог даст, — говаривал отец, — я еще напишу и об этом...»

В Москве работали несколько американцев, пытавшихся установить судьбу каждого пропавшего гражданина США. Узнав о болезни отца, один из них — генерал Лефке — сделал все, чтобы совершенно бескорыстно помочь нам. Уже потом мы узнали, что этот удивительный человек готовился круто переменить свою жизнь: уволиться из

армии и стать врачом. Думаю, такому решению во многом способствовали воспоминания о вьетнамской войне. Когда я навестила его через несколько лет во Флориде, он уже окончил медицинский колледж (это на седьмом-то десятке лет!) и работал в бесплатной больнице для бедных, мечтая уехать куда-нибудь — в Боливию или Китай, например, — вместе с женой и детьми работать в миссии Красного Креста... Именно Бернард Лефке сделал все возможное и невозможное, чтобы отец смог лечиться в американском Национальном институте рака — месте, где проходят испытания самые новые методики и лекарства, известные мировой науке. Благодаря ему и врачам из института отец прожил еще три года, хотя первый американский онколог, осмотревший его, уверенно произнес: «Вам осталось жить около семи месяцев».

Врач, к счастью, ошибся. Отец закончил «Ленина» и написал еще один двухтомник — «Семь вождей» за время, отпущенное ему Богом. Но кто может представить, что он чувствовал и как он жил под дамокловым мечом этих «семи месяцев»!.. Я пробовала мысленно «примерить» эту ситуацию — ничего не получалось. Сразу становилось до слез жалко себя. А отец не просто жил с постоянным знанием *об этом*, он работал как вол, он старался не обременять своей болезнью нас, он *радовался* жизни и боролся за нее до последнего.

Мучительные сеансы экспериментальных химиотерапий, с обмороками и температурой под сорок, уколы и капельницы, еженедельные поездки в «Раковую шейку» на Каширке и, несмотря на все это, сотни листов, исписанных мелким ровным почерком, на которых отец хотел оставить свои мысли и новые убеждения. Какая уж тут «конъюнктура»! Человек не в состоянии кривить душой перед своим смертным часом. Отец собирал себя в кулак, переступал через болезнь и слабость, чтобы убедить тех, кто способен слышать: посмотрите, вот они — факты, вот страшная правда о прошлой жизни, которую так долго от

нас прятали в красивых словах и лозунгах. Надеюсь, его услышат...

Папа тихо таял. Если ловил на себе мамин растерянный взгляд, успокаивал: «Ничего, солнышко, все будет хорошо», хотя все понимали, что «хорошо» уже не будет. Он боялся быть нам в тягость, старался все делать сам, мечтал дожить до весны, а там переехать на дачу и еще успеть подготовить к переизданию «Сталина», — столько новых интересных фактов можно было бы вставить в книгу... И мы, стараясь не понимать, не верить в происходящее, привыкнув к тому, что отец может сделать все, что планирует, тоже мечтали о весне и о новом чудо-лекарстве милого и застенчивого американского доктора Аллегра, с которым нас породнила душой папина болезнь. Но чуда не произошло.

...Долгие месяцы после папиной смерти я вспоминала его таким, каким видела незадолго до ухода, — внезапно постаревшим и ослабевшим, потерявшим волосы, с часами, болтающимися на похудевшей руке... Но вот уже несколько недель я вижу его веселым, представляю, как он сильно, привычным жестом с нажимом гладит меня по голове крепкой теплой ладонью и что-то увлеченно рассказывает. Я надеюсь его еще увидеть, если не в этой жизни, так в той. Мне это очень нужно. Так хочется сказать ему что-нибудь ласковое и объяснить, как сильно я его люблю.

04.12.1996

О.Д. Волкогонова

СТАДЫ О ВРЕМЕНИ

Немного о себе

Моя мама
День Победы
Пять моих женщин
О моей жене и друге
Болезнь
В зеркале моего «Я»
Остракизм
Мои «выдвижения»
Драма отказа от убеждений
Страхи и надежды
Бремя судьбы

МОЯ МАМА

Когда моя мать, Перфильева Александра Дмитриевна, умерла от рака грудной железы, ей было 49 лет... После того как расстреляли нашего отца, мать с детьми сослали с востока (мы жили около Находки) на запад — в Красноярский край. У Сталина было правило: ссылать на восток... Но дальше нашего жилья были только Япония и Гавайи, а на Гавайи Сталин не ссылал. На восток было некуда...

Нас студенной зимой привезли в Агул (предгорье Саян). Сегодня я не представляю, как мы выжили. Мы поселились в половину холодного дома раскулаченного крестьянина, где окно со стеклами было только одно... Остальные — забиты досками (между ними — солома). Ни постелей, ни дров, ни еды. Но добрых людей в России всегда было больше, чем негодяев. Соседи принесли какие-то большие мешки, набитые сеном вместо постелей, какие-то старые тулупы, ведро картошки, немного дров. Мать через два-три дня (пришел приказ из района) определили учительницей литературы в семилетнюю школу.

Маленькая, худенькая, бледная, с монгольскими чертами лица, мама билась, чтобы спасти детей. Что-то шила, перешивала, чтобы как-то одеть нас в школу. По воскресеньям клеила из старых обложек школьных тетрадей конверты (в годы войны), чтобы пойти в сосед-

ние деревни и выменять на них немного муки. Весной, придя из школы, бралась за лопату, чтобы вскопать около дома огород и посадить картошку. Чем могли, мы помогали, особенно я, который к началу войны учился уже в 5 классе. Зимой с братом ходили на лыжах в лес, ставили петли на зайцев, иногда приносили добычу. Летом — ягоды, орехи, рыбалка на хариуса... Карточки в деревне учителям не полагались: жили мы тем, чем сами могли прокормиться. В первый же год сердобольный сосед Моголов продал нам по дешевке теленка, — через два года была уже коровенка. Вот тут мы, худые, обновившиеся, ожили.

Я помню, как мать усаживала нас у железной печки, излучавшей столь дорогое тепло, доставала из старого чемодана несколько книжечек, придвигала к себе поближе керосиновую лампу и начинала читать... Когда нас ссылали, разрешили взять по одному узлу на человека. Мать многое бросила, но пару десятков дорогих ей книг захватила с собой.

Благодаря ей мы оказывались в волшебном мире стихов Надсона и Бальмонта, «поэз» Северянина, звучных строф Гиппиус. Враждебный, стылый мир, окружавший нас, уходил куда-то в сторону. Мы старались держаться поближе к матери, очарованные ее певучим словом, восторженной печалью прекрасных стихов. Как сейчас, слышу капель бальмонтовского стиха:

*За окном был слышен шепот,
Непонятный страшный ропот,
Шепот капель дождевых...*

Пишу эти строки по памяти — ведь прошло более полувека с тех очаровательных вечеров в суровом и жестоким мире. Многое навсегда унесено рекой времени в невозвратное, но что-то навечно осталось в душе: тревожное ощущение прекрасного, вера во что-то значимое, великое, загадочное, доброе, что ждет нас впер-

ди... Вспоминая мать-страдальницу, я вспоминаю и те тихие вечера у керосиновой лампы.

Сейчас я понимаю, что она часто сама голодала, стараясь накормить нас. Но откуда у нее были силы? Создала драмкружок в школе — ставили Чехова, отрывки из Островского, Горького... В селе разбили лагерь для зеков, и школа стала средней — училось много приехавших стрелков, энкавэдэшников.

Иногда мы спрашивали маму: почему умер папа? Он такой был добрый... (Нам она сказала, что отец погиб на КВЖД.) Она пыталась что-то объяснить и начинала тихо плакать... Мы старались ее успокоить и больше не спрашивали об отце.

После войны школа вновь стала семилетней, и маму сделали ее директором. Теперь она дома бывала еще меньше. В селе ее любили, шли к ней поговорить, посоветоваться.

Я подрос, окончил 10 классов (учился в Ирбее за 40 км). Каждое воскресенье приходил домой пешком — помочь, взять с собой ведро картошки. Жил в Ирбее у хорошей маминой знакомой — Августы Михайловны. Тоже из ссыльных. У нее было два сына.

Но потом мама как-то быстро сдала. Часто тихо ложилась и виноватыми глазами смотрела на меня, брата, сестру. Приходил фельдшер. Услышали слова: «Наверное, рак...» Мать уже не поднималась. Мы ходили тихо по дому, отгоняли мух от осунувшегося лица высохшей матери, пытались напоить ее молоком. Пришла повестка мне в армию. Собрал котомочку, попрощался с мамой, братом, сестрой и утром ушел в Ирбей. Пришел. В военкомате сказали: «Возвращайся домой, мать твоя умерла. Даем тебе два дня на похороны». Было начало сентября. Возвращался той же таежной дорогой. Нельшно осыпались листья. Стояли притихшие ели. Дома уже хлопотали соседи. Мать лежала строгая, посветлевшая... Малолетнюю сестренку увели к соседям.

Ушел навсегда самый близкий человек, незаметно прививший мне то, что, возможно, есть во мне хорошего.

После похорон — вновь сорок километров, армия. Брата и сестру забрали к дяде — в Канск. Скоро и он умрет.

Я уже старше умершей матери на 18 лет, но чувствую себя перед ее памятью мальчиком. Тепло маленьких рук ссыльной учительницы часто чувствую на своей седой голове.

23.05.1995

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Тогда мне было 17 лет. С матерью, братом и сестрой мы жили в глухом таежном селе на юге Красноярского края, у подножия Саянских гор. Здесь мы находились с 1937 года, когда сгинул мой отец, агроном колхоза. Спустя десятилетия я узнал, что суд над ним длился 15 минут, а суть обвинения была в том, что у отца, среди его двух десятков книг по агрономии, нашли брошюру Н.Бухарина (которую он, возможно, даже и не прочел). Отца тут же увезли в район, а еще через две недели сообщили матери, что он умер...

Потом война. Голодали. Не было ни спичек, ни керосина, ни одежды. Ждали, как и все в селе, конца войны. Радио не было, до районного центра — 70 километров бездорожья. К вечеру 9 мая прискакал гонец из соседнего села: «Победа! Фашисты капитулировали!» Все село — женщины, старики, дети — высыпали на улицу, обнимались, плакали. Более половины села уже в ходе войны получили «похоронки» на мужей, сыновей, отцов, поэтому плакали не только от радости, но и от горя... Особенно густо «похоронки» шли в конце сорок первого — начале сорок второго года, когда сибирские дивизии спасли Москву.

Мы в семье еще не знали, что после 9 мая, в конце месяца, придет и нам «похоронка» — под Прагой 5 мая, за несколько дней до конца войны, погиб мой двоюродный брат Николай, который какое-то время жил в нашей семье...

Все чувствовали одно: после таких мук, лишений, голода, смертей должна же начаться настоящая человеческая жизнь. Помню, на ногах — рваные сапоги, а в душе — уверенность: скоро начнется распрекрасная жизнь...

1990

ПЯТЬ МОИХ ЖЕНЩИН

Я не романист и поэтому никогда не писал о жене, детях, внуках. Но моя жизнь — это прежде всего пять моих женщин: жена Галя, дочь Татьяна с внучкой Машей, младшая дочка Ольга с внучкой Дашей. Нравственная опора моего бытия — в них. Во многом для них и живу.

Конечно, сокровенные слова об общественном призвании, долге и ответственности полны высокого смысла. Но в конечном счете материализация собственного бытия, нравственная «плоть» немислимы без душевного единства с женой, детьми, внуками.

Оставив за плечами много лет, могу сказать себе: мне повезло. Думаю, для жены я значу многое и благодарен ей за неостывающее чувство. Если бы жить заново, я искал бы свою Галину среди миллионов; главное в том, что мы нужны друг другу. Для Галины нет ничего выше семьи. Причем она как-то умеет наше семейное бытие незаметно, но тесно увязывать с наиболее демократическими веяниями в стране. Никто не является таким приверженным сторонником моих идей и выступлений, как жена. Что не мешает ей, если надо, быть критичной ко мне.

Дети — разные, но страшно близкие. Романтичная, мягкая, но житейски беспомощная Татьяна, в чем-то походит на просвещенную женщину XIX века. Литературно одарена, но никогда не пыталась использовать свой талант. Младшая Оля без крепкого здоровья, но очень умная, независимая, рационалистично уверенная в себе, справедливо считающая себя способной на многое. У нее — сильное философское мышление и чрезвычайно самостоятельная жизненная позиция. Внушки Даша и Маша приносят в своих ладошках солнечный ветер... Даша — милое создание, добрая, очень домашняя, застенчивая, умеющая многое делать и делать хорошо. Так любит мои рассказы о Сибири, придуманные «продолжения» историй о Дерсу Узала... Маша — одаренная во многих отношениях, с феноменальной памятью и большим воображением, но уже ждущая похвалы... Умеет быть лидером в учебе. Как я всем им хочу счастья!

Сантименты... Но может быть, в подобных семейных размышлениях и отражается понимание непреходящей, вечной ценности близких людей.

14.02.1993

О МОЕЙ ЖЕНЕ И ДРУГЕ

Я обязан моей жене и другу очень многим. Если попытаться перечислить, — то нужно написать целую книгу. Семейную книгу.

Галина научила меня любить поле, просторы, дали. Это философия далеких горизонтов.

Я всегда восхищался ее любознательностью. Она в любое время согласна пойти на выставку, в театр, поехать на экскурсию. Ее глаза всегда открыты на бесконечно сложный, многострунный мир.

Когда я стою за конторкой или сажу за письменным столом, мне всегда важно знать: Галя здесь, рядом, не-

подалеку. Я всегда чувствовал ее поддержку. Мне часто бывает необходимо с кем-то поделиться своими мыслями, рассказать что-то. Когда я писал «Сталина», то жил судьбой этого тирана, часто рассказывал жене нечто ей неизвестное. Она однажды сказала:

— Знаешь, у меня впечатление, что в нашей семье поселился Сталин.

Потом у нас «селится» Троцкий, затем Ленин.

Я не встречал более самоотверженного человека, готового во имя семьи сделать сверх человеческих сил. Галина способна на подвижничество.

Тешу себя мыслью, что я все же смог сделать и для нее нечто, что позволило ей себя считать счастливой. Хотя бы иногда...

Она очень прямой человек. Может кому угодно (было даже — Горбачеву) сказать в лицо нелицеприятные вещи. Абсолютно нетерпима ко лжи.

Маленькая хрупкая фигурка моего бесценного друга всю мою жизнь прошагала рядом, проявляя обо мне неистощимую заботу... Герой, опора семьи.

17.03.1993

БОЛЕЗНЬ

В июле и августе 1991 года я перенес две тяжелейшие операции — оксфордские врачи удалили злокачественные опухоли в кишечнике и печени. Их сократили на одну треть. Госпиталь «Джон Рэндклиф» в Оксфорде дал мне надежду на завершение моих планов. Почти год я работал по 14—15 часов в сутки — в парламенте, Кремле, как советник президента, председатель двух государственных и одной парламентской комиссий. Казалось, так будет всегда. Но осенью 1992 года врачи в Оксфорде и в Москве заподозрили неладное.

Меня пригласили в Вашингтон. Собрали деньги для дочери Оли, чтобы она могла поехать со мной в качестве помощника и переводчика. За легкие я был спокоен. Вспоминалась молодость, многодневные лыжные переходы, да и в двух московских госпиталях мне подтвердили, что легкие беспокойства не вызывают.

И вот — госпиталь армии США. Роскошный номер, в котором, как сказали, когда-то лежал президент Эйзенхауэр. А к исходу дня мне объявили приговор. Американский полковник-врач сухо констатировал: операцию на легких делать поздно и бессмысленно. В легких — четыре очага. Метастазы и в печени. Я обречен. Через два-три месяца можно провести химиотерапию, что должно продлить жизнь на несколько месяцев. Всего же, по его прогнозам, мне осталось жить 7 месяцев. При самом лучшем исходе — 10 месяцев, заявил врач*.

Я стал высчитывать, что успею: завершить книгу «Ленин», написать книгу «Сталинград», сняться в фильме о Ленине...

Мучительно жаль семью. Сам я за этот год обрел какую-то внутреннюю свободу, понимание, что скорое прощание с этой жизнью уже неизбежно.

16.02.1993

В ЗЕРКАЛЕ МОЕГО «Я»

Оглядываясь за спину, видишь, лет пробежало уже немало. Но многое в ней прожито, как выясняется, по совести ушедшего времени, а не праведности наступившего. Жили плохо, но и сейчас — едва ли лучше. Сын

---

*Думаю, дело не во врачебной ошибке, а в том непрерывном волевом усилии, с которым отец не поддавался болезни, боролся с ней. Его «держали» книги, которые надо было еще написать, дела, которые он хотел сделать, люди, с которыми ему необходимо было встретиться. Именно это, я абсолютно уверена, и помогло ему прожить еще три года, спутав все медицинские карты. — *О.В.*

«врага народа», я смог стать ученым, генералом, депутатом. И тем не менее оглядываться в прошлое — горько.

Горечь понятна: долго, большую часть жизни служил целям, идеям, которые в основе оказались ложными. Убеждение в этом окончательно пришло еще лет десять назад. Возможно, в чем-то моя судьба — типична для российской интеллигенции: умеренный сталинист (при расстрелянном в 1937 году отце, сосланной с нами, детьми, и умершей в ссылке матери), долгие годы — ортодоксальный марксист и где-то лишь с середины семидесятых — «человек долга» со смятенной душой. Нет, я изменился не тогда, когда написал «Сталина» (в 1984 году книгу закончил — опубликовать дали только в 1989-м).

Помню, на заседании кафедры марксистско-ленинской философии в Академии им. Ленина (был адъюнктом в середине шестидесятых), выступая, заявил: ненаучно в философских работах использовать идеи, цитаты, положения политических деятелей (имея в виду, Хрущева, Брежнева, др.). Генерал-майор Н.Ф.Сушко, начальник кафедры, тут же поняв, куда я клоню, оборвал:

— Говори по делу и не забывай о роли политики в философии.

Тем не менее я понял по-другому. Почти в трех десятках своих книг у меня, по-моему, нет цитат ни из Хрущева, ни из Брежнева, ни из Андропова... В статьях не удавалось без них обходиться. Без этого не печатали (ведь я писал о войне, мире, конфронтации, армии, морали военных и т.д.).

В другой раз, при уточнении программы курса по историческому материализму, я все пытался «всунуть» в тематический план тему «О демократии в современном обществе», пока тот же понимающе умный Сушко не оборвал меня еще раз...

Что-то в душе шевелилось, не мирилось с тем, что читал, что говорил сам, с тем, что видел вокруг.

Затем, когда попал в Главпур, пришлось бывать за границей, и не только в «соцстранах». Побывал на нескольких крупных конгрессах, научных симпозиумах. Попутчики на жалкие крохи, что давали в качестве «командировочных», везли домой дешевые джинсы, проигрыватели японские, а я привез за несколько «заездов» Мережковского, Бердяева, Деникина, Врангеля, Гиппиус, Розанова, Лосского, Керенского, даже Троцкого... Рисковал. Правда, выручал мундир, корочки документов, — в 45 лет я уже был генералом... Был «на идеологии». Приходилось туго. Выступал на творческих съездах, упор делал на необходимость патриотического, гражданского воспитания, а главное — непримиримость к враждебной идеологии. Выгляжу сам в своих глазах сегодня (обращаясь к тому времени) — несостоятельным. Но я до 1984 года верил, что система может «поправиться», «вылечиться», «реформироваться». Искренне верил. Потом — только *хотел* верить. *Заставлял* себя верить. Мучил, насилдовал: неужели изначально, в 1917 году, была роковая ошибка? Но на Ленина «покуситься» еще не смел. Даже в «Сталине» написал традиционно и о Ленине, и об Октябре. Я не «созрел» еще и хотел, чтобы книгу опубликовали. Хотя, когда обратился к секретарю ЦК Зимянину с вопросом, могу ли написать книгу о Сталине (ведь без документов ЦК мало что нового можно сказать), он сразу же ответил:

— Время еще не пришло. Да и такую книгу надо писать целому институту. Разве одному справиться с такой задачей? — И примирительно добавил: — Ишь, чего надумал...

Поддержала меня только моя жена, и я с конца 70-х стал исподволь собирать что-то о Сталине (в зарубежных изданиях, в подшивках газет за 20-е, 30-е годы. По-

том помог А.Н.Яковлев, помог директор ЦГАОР*, рано умерший...).

«Созревал». А между тем был вынужден «защищать» марксизм. Помню мой спор с писателем А.Адамовичем (затем, после 87-го, мы с ним даже сблизились). Он, выступая, упомянул об одном командире подводной лодки, который сказал ему: я не знаю, смогу ли, даже получив приказ, запустить ядерную ракету... «Сознание не позволяет согласиться с этим», — сказал капитан 1-го ранга.

Я тогда, помню, возразил ему: думаю, запускать никогда не придется, паритет, взаимное самоубийство, но готовым быть нужно.

Нужно!.. Говорила во мне не совесть, а еще живая ортодоксия. Прав был тогда Адамович, а не я. Но это я не каюсь, а хочу лишь сказать о «диалектике» прозрения, медленного освобождения от догматизма. Покаялся я в своих недавних книгах...

Не буду сейчас писать всего о том, как я освободился. Ни о чем так не жалею, как о том, что не смог этого сделать раньше, когда впервые почувствовал: мы в тупике и во власти огромной, греховно великой, но ложной идеи. Может быть, еще будет шанс написать об этом подробнее. Лишь несколько штрихов.

«Сталин» лежал в столе. Взял и послал в году 1987-м, не помню точно, кусок предисловия к книге в «Литературную газету», озаглавив статью «Феномен Сталина». Она вызвала невиданный интерес. Получил около 5 тыс. писем. Подсчитал, не поленился (ответить всем, конечно, не смог): около 30 процентов однозначно осудили меня за то, что «пнул мертвого льва» (так писал один автор), около 45 — были в растерянности: «не все ведь было плохо, не одни репрессии были». Остальные выра-

---

*Центральный государственный архив Октябрьской революции. — Ред.

зили однозначную поддержку. Таким тогда был, пожалуй, показатель социального, идеологического барометра великой страны...

Вызвал на другой день начальник Главпура генерал армии А.Д.Лизичев (были когда-то приятелями), сухо, не здороваясь, спросил:

— Кто санкционировал? Кто разрешил писать о бывшем лидере партии? Это прерогатива только ЦК... Неужели надо это объяснять?!

Вскоре, правда, после того, как я уже в другом месте высказал мысль: придет время, и армию нужно будет поставить **вне партийной** политики, — со мной говорили иначе. Я рассуждал: армия — это инструмент государства. Вместо политорганов целесообразно ввести органы социальной защиты военнослужащих и информации. Решение Политбюро состоялось скоро. Меня быстренько убрали на должность начальника Института военной истории. Ступени на две-три (если мерить служебной лестницей) ниже.

Многое было и потом. Избирали на очередной съезд партии из центрального аппарата министерства обороны. Я был на партийной конференции, где это происходило. Половина зала — высший генералитет. Кто-то предложил мою фамилию. Выдвинули 17 человек на 3 места. Мне не давали слова. Ругали за оппортунизм. Но я знал, что выиграю. Лизичев, наконец, после долгого гула зала, предоставил мне слово. Среди немногого (что можно сказать за 10 минут?) сказал, что «партия умрет, если не встанет честно на социал-демократические рельсы». Опять ругань генералов... Но я в первом же туре победил...

На съезде мне тоже не давали слова. Когда пробился на трибуну, после слов «такую партию излечить нельзя, она умрет, как все восточноевропейские компартии», — начался топот, захлопывание. После 5—6 минут стояния за трибуной — согнали.

В институте возглавил подготовку 10-томной «Истории Великой Отечественной войны». Убедил коллег написать о войне честно, без умолчаний и сокрытий.

Дважды обсуждали первый том. Полный разгром первой редакции.

За ним — разгром второй редакции, хотя из 32 отзывов, полученных на него, 15 было положительных, а 9 — спокойно критических.

Тон на обсуждении был задан генералами армии Кочетовым и Моисеевым: «Том антисоветский». Многие академики под благовидными предложениями не пришли (заступиться боялись, а ругать том — сами со мной согласны). Присутствовали маршалы, генералы, секретарь ЦК Фалин, главный архивариус, замы председателя КГБ и министра внутренних дел, другая подобная публика.

Был разнос. Варенников, Моисеев, Лизичев, Фалин, другие мастодонты большевизма оскорбляли, кричали: «Оппортунист! Перевертыш! Выгнать из армии! Не давать слова!»

Кое-как это слово получил. Я сказал:

— Мой голос будет одинок в зале, где идет не научное обсуждение, а судилище. Но судят не том и не Волкогонова, а правду о войне. Меня понуждают писать ложь, но лжецом я быть не хочу. Время расставит все по своим местам, и вам не удастся истину сослать на пожизненное заключение.

Мешали говорить, но я отвечал на обвинения в «очернительстве истории», отбивался вопросом на вопрос:

— Разве немцы не были на 6-й день войны в Минске? Это очернительство? То, что в книге сказано о погибших, плененных под Вязьмой почти 600 тысячах советских солдат и офицеров, — очернительство? Разве в 1941 году 3 миллиона советских солдат и офицеров не попало в плен?

Бесполезно. Из АН СССР только член-корреспондент Новосельцев решился подать голос поддержки. Академики промолчали... Даже генерал армии М.А. Гареев, которого считал другом, громил меня...

Мое выступление было сорвано. Договорить не дали. Видимо, все ждали очередной лживой версии минувшей войны, но не правды о наших потерях и ошибках. Сняли прямо на заседании Главной редакционной коллегии.

Министр после совещания, испытав, похоже, запоздалый стыд, сказал мне тихо: «Не обижайся». Фалин, уходя, пытался пожать мне руку. Я ему своей не подал.

Пришел домой. Жена испуганно:

— Почему ты такой черный?

Судилище шло четыре часа. Мне их жаль, моих судей. Многие из них ни тогда, ни позже ничего не поняли.

Ушел к Ельцину, ставшему первым Президентом России. Мы были немного и до этого с ним знакомы. Думаю, я был первый генерал, который открыто встал на его сторону. Стал его советником, часто бывал у него. Чувствовал и чувствую к нему духовную близость. Хотя сразу заметил, что у мятежного борца с КПСС не было хорошей интеллектуальной школы. Об этом, как и о самом Ельцине, думаю, еще напишу.

В августе 1991 года (именно 19 августа, в день путча!) оказался на операционном столе (помог мой близкий друг, профессор Г.Шукман, дома едва ли две раковые опухоли удалили бы удачно). Удалось через Би-Би-Си прямо из госпиталя дважды выступить на Россию с поддержкой демократии, призывом к армии: не поддерживать гэкачепистов. Удивительно: недавно в одном сборнике прочел это свое обращение — кто-то тогда записал...

Числа 25-26 августа послал Ельцину с оказией письмо. Предложил: без шума вывезти ядерные арсеналы из других республик. Чувствовал, что будут трения... Но тогда никто не придал этому должного значения.

В октябре 1993 года, вновь из больницы (из Онкоцентра на Каширке), приехал в Кремль, стал заместителем председателя Комиссии по ликвидации мятежа. Тогда все висело на волоске. Не решишь Ельцин на крайние меры, очень непопулярные, — была бы гражданская война. В ядерной стране...

Но главное в моей жизни — мои книги. Трилогия. «Сталин» (еще в чем-то ущербная книга. Там Ленин и Октябрь — почти традиционно марксистски показаны), «Троцкий», «Ленин» — всего шесть томов — лучше всего говорят о моей эволюции, выстраданных взглядах. Надеюсь, они оказали свое посильное влияние на сознание общества.

Что сейчас? Опасно болен. Спешу сказать несказанное, вымученное, выношенное. Пишу «Семь вождей». Мучаюсь: демократы плохо использовали свои шансы. Коммунисты, националисты могут взять реванш. Печально... Ведь кроме очередей, карточек, цензуры и ГУЛАГа, им нечего предложить.

Большинство друзей (старых), особенно из генералитета, покинули меня. Подвергли остракизму. Получаю угрожающие письма. Грязные звонки и оскорбления в спину. Я их понимаю: обруч примитивного догматизма сорвать с головы нелегко. По себе знаю. Знаю и то, что не только несправедливо жили раньше, но и сейчас живем далеко не так, как нужно. Ельцин совершает ошибку за ошибкой. Он не хочет понять: власть сама по себе не может быть оправданием. Семь десятилетий цепко держат нас до сих пор. Он недооценил это, как и все мы.

Лучшая награда мне — когда при продаже моей книги (меня приглашают обычно выступить, дать автографы) приходят *тысячи* людей! Абсолютное большинство приходящих — сторонники перехода к достойному свободному человека существованию, чего хочу и я. Ни о чем не жалею, кроме того, что многое не успею.

10.12.1994

Москва

ОСТРАКИЗМ

К 1994 году я потерял многих близких старых друзей. А было их немало: генералы, профессура, писатели, сослуживцы, сокурники. Увы! Большинство отошло от меня. Некоторые предали меня остракизму публично, другие просто замолчали, третьи как будто растворились в сумрачном бытии. Жена это заметила давно и, пытаясь успокоить, сказала:

— Кто чего стоит, можно узнать только в годы излома...

Меня отторгли потому, что многие мои бывшие друзья не могут понять, не хотят представить, как это трехзвездный генерал, марксист, бывший когда-то ортодоксальным партийцем, стал «демократом», решительно ушел в смятенный, неорганизованный, «сомнительный» стан антикоммунистов.

Да, я большую часть своей жизни укреплял Систему. Честно и самоотверженно. Долго верил, что ее можно реформировать. Увы, ошибся. Поэтому самое стоящее, что я сделал в своей жизни, — открыто пересмотрел свои взгляды и убеждения.

Я получаю письма (больше анонимные) с угрозами, слышу бранные слова по телефону. Но появилось у меня и много новых знакомых. Возможно, не друзей, а демократических «единоверцев». (В юности дружба завязывается легче, чем в моем пенсионном возрасте.) Прошлое соседствует с настоящим. Как жили в прошлом — постыдно, но и сейчас — немногим лучше. Хотя разница колоссальная! **Мы свободны!**

Отторжение одних, приближение других — знак, симптом большого, может быть, великого выбора: какое будущее мы хотим иметь. Многие, тоскуя по старому, хотят привычного порядка вещей. Так спокойнее. Захотел поехать в Болгарию — иди сдавай суровый эк-

замен в райкоме. Написал книгу — жди, пока ее одобрят Инстанция и Главлит. Надумал купить холодильник или машину — заполняй карточку и жди, иногда долгие годы. А свобода? Она опять будет тесниться в кухонных анекдотах, рассказываемых вполголоса...

Когда я ставил автографы в первый день продажи моего «Ленина», в московском книжном магазине стояли многие сотни людей, которые хотели сказать мне что-то доброе, ободряющее, приятное. Остракизм, как любая медаль, имеет и другую сторону. Я теперь это знаю.

10.03.1994

МОИ «ВЫДВИЖЕНИЯ»

В мае—июне 1990 года состоялся Первый съезд РСФСР. Его бурные перипетии уже стали достоянием истории. При выборах главы Российского государства (Председателя Верховного Совета республики) неожиданно в числе других кандидатур выдвинули и меня (все-го было выдвинуто 5—6 человек). При остром соперничестве Ельцина сначала с Власовым, а затем и с Полозковым я имел реальный шанс как «нейтральная фигура». Но я снял свою кандидатуру. Через два дня — новый тур: меня выдвигают вновь. И вновь я снимаю свою кандидатуру.

В перерыве Ельцин, ставший Председателем Верховного Совета встретился со мной и предложил стать его заместителем. Отказался...

Но все же меня вскоре избрали заместителем Председателя Палаты Национальностей. Через четыре месяца я добровольно сложил с себя эти полномочия. Власть мне не нужна.

В октябре 1990 года Силаев (глава российского правительства в то время) пригласил меня для беседы и

предложил стать министром (председателем Комитета) обороны и общественной безопасности России. Я тут же отказался, хотя разговор с уговорами шел более часа.

В ноябре 1990 года Ельцин предложил мне эту же должность. В долгой беседе я сказал, что готов помогать ему как эксперт, как советник, но... не как министр.

— Б.Н.! Своей головой я вам больше помогу, чем ногами. Возраст мой не для министра...

Ельцин, мне показалось, удивленно посмотрел на меня. Нет, нет и нет. Я не честолюбив.

Мои мотивы? В 60 лет поздно начинать сначала, тем более что я хочу написать еще несколько книг... Жизнь коротка, надо уметь выбрать главное свое дело. Для меня такое дело — это книги, возможность помочь людям по-новому взглянуть на свое собственное прошлое, а значит, и будущее. Грустно вспоминать, что в молодости часть своих сил я растратил зря...

10.12.1991

ДРАМА ОТКАЗА ОТ УБЕЖДЕНИЙ

Тех убеждений, которым «молился» всю жизнь. Я не просто верил в то, чему служил, но и сделал немало, чтобы этому поверили другие...

Первые глубокие сомнения закрались в сознание в семидесятых — начале восьмидесятых, особенно после поездок в Эфиопию, Южный Йемен, Сомали... Страны, которые пошли за нами, стали еще беднее. Всеобщая нищета превратилась в образ жизни. Одновременно — множество поставленных из СССР танков, ракет, авиации. Вооруженная до зубов бедность с продажными руководителями. Мы их щедро кормили, они затевали бессмысленные конфликты.

Почему и мы сами за семь десятилетий не смогли толком накормить, одеть свой народ? Почему враждо-

вали почти со всем миром? «Почему» родились давно, сначала не хотелось об этом думать... Я долго верил, что можно путем реформ, эволюции либерализовать Систему. Теперь — не верю. Перестройка — дорога в этом направлении. Но ленинская система такова: или она есть, или ее нет. Реформы к ней неприменимы.

Все это приходится пропускать через голову и сердце. Это мучительно. Я не могу отказываться от многого. Но не могу многого и сохранить в себе. Драма.

15.02.1990

ВЫБОР ОСОЗНАН И НЕОБРАТИМ

В своем прозрении и освобождении от химер коммунизма я прошел ряд ступеней. Ортодоксальный марксист (даже сталинист), я пережил интеллектуальное смятение после XX съезда. Потом — долгие годы уверенности в том, что советская система может быть улучшена, реформируема. С конца 70-х годов постепенно приходило осознание гигантского тупика (долгие беседы об этом с другом — остроумным Володей Луженко, теплые отношения с которым сохранились до сих пор, — зимними вечерами в Медведково...). После смерти Андропова — окончательная утрата веры в способность системы к самоизлечению. Инерция надежды на то, что Горбачев и его курс все же изменят СССР. А с 1990 года я, как верно писал обо мне маршал С.Ахромеев, — антикоммунист.

Скажу еще раз: жалею только об одном — я поздно возвысил свой голос в поддержку демократических перемен. Мундир трехзвездного генерала, одного из руководителей Главпура — цитадели большевизма в армии, военно-политическое образование (Академия им. Ленина), крепко держали меня в своих объятиях. Легче стать «предателем» писателю, которого не печатают, про-

фессору, которого не отпускают «на землю обетованную», политическому ссыльному, которого «не прощают». А я вроде из «благополучных». Правда, при «неблагополучных» родителях. Царство им небесное...

Мой выбор осознан и необратим. Я не побегу из демократического, нестройного, во многом пока ущербного (откуда в России может быть зрелая демократия?), даже вороватого бивуака. Да, бивуака, раскинувшегося на месте неожиданно легкой победы над КПСС, но так и застрявшего здесь надолго. Точнее, мы передвигаемся медленно. Слишком медленно — вперед. Не уйду в сторону, как Ю.Афанасьев, не побегу назад, как С.Говорухин и Ю.Власов... А ведь это талантливые люди.

Не побегу. Выбор окончательный. Но протест многих интеллигентов обоснован. Думаю, в цивилизованное общество нам надо было идти через более спокойный коридор социал-демократии. От резкого поворота у многих закружилась голова...

Так что же я лично сделал для демократии в России? Немного, очень немного. Но кое-что успел, надеюсь.

Мои публикации, выступления на радио и ТВ. Думаю, не одна сотня статей. И книги. «Сталин», изданный в СССР в колоссальном количестве, внес не одну трещину в монолит догматического общественного сознания моего несчастного, но бесконечно дорогого Отечества. Но книга была написана тогда, когда я еще «не созрел» для отвержения ленинизма. Больше сделали двухтомники «Троцкий» и особенно «Ленин». Никто этого измерить не в состоянии, хотя надеюсь, что написал эти книги не зря.

Работа в парламенте. Я несколько сроков подряд — член российского парламента. Во времена, когда были Съезды народных депутатов — эти шумные всероссийские митинги, я выступал, кажется, на всех, кроме последнего, особо скандального в сентябре 1993 года. Тот

съезд я просто игнорировал. Я старался *работать* депутатом, а не быть им. Думаю, мой голос был слышен. Фракция «Левый центр», которой я руководил вместе с С.В. Степашиным, однозначно придерживалась демократической ориентации.

Был председателем Государственной комиссии по ликвидации политорганов. Из 88 тысяч политработников было уволено из армии более 30 тысяч — в основном генералитет, офицеры, имевшие выслугу лет и право на пенсию, лица, которых было трудно использовать в новой армии. Оставшихся назначали офицерами нового армейского института помощников командиров по воспитательной работе, начальниками различных тыловых, административных, иных служб. Мне очень хотелось сохранить военную молодежь, но устранить из армии партийное, капэсэсовское влияние. Грачев позже подверг резкому сокращению этот пока еще хилый институт, подорвав новую и еще слабую систему воспитания. В своей записке президенту Ельцину — Главнокомандующему — я предлагал именовать это воспитание «государственно-патриотическим». Предложил написать три учебника для личного состава: «История российской армии», «Общество и армия», «Право и армия». Грачев, похоже, похоронил и эту идею.

Работа комиссии, по сути, свелась к деидеологизации вооруженных сил, что чрезвычайно важно. В ее работе не было даже тени «мести».

Являлся председателем Государственной комиссии по созданию Российской Армии. Комиссия, утвержденная президентом, работала около двух месяцев. Дело свелось к «инвентаризации» оставшейся большей части советской армии на территории России, сохранению в ее составе ряда соединений и частей, находящихся в других бывших союзных республиках. Много помогал генерал армии К.Н.Кобец. Работа завершилась подписанием Го-

сударственного акта о создании Российской Армии (перечислялись виды, рода, округа, объединения). Моя подпись — первая.

После августа 1991 года Верховный Совет создал *Парламентскую комиссию по передаче архивов КПСС и КГБ для общего пользования*. Меня опять назначили председателем. Значение этой комиссии огромно! Хотя и работа не была полностью завершена, общество впервые узнало о тайнах «Старой площади» и частично — о тайнах ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ. Комиссия передала для общего пользования 78 миллионов партийных файлов (лишь 4 миллиона оставили секретными, так как в этих документах затрагиваются национальные интересы России). *Семьдесят восемь миллионов!!!*

Было много заседаний, бурных споров. Подготовили Закон об архивах, дали правовую основу использования и хранения национального богатства — исторической Памяти. Мне лично, как и профессорам Р.Г. Пихоя и А.В. Короткову, было доверено вскрыть святая святых Политбюро — «Особые папки», которые раньше мог «вспарывать» лишь Генеральный секретарь. Нам впервые в руки попали так называемые «секретные протоколы» пакта Молотова—Риббентропа, материалы «Катинского дела», документы о подготовке покушения на И.Б. Тито, о планах вторжения в Польшу в 1980 году, тысячи других сенсационных материалов. Абсолютное большинство документов из архивов ЦК пошло в открытые хранилища. Был создан новый архив, стали выходить несколько новых исторических журналов. Наиболее важный из них — «Исторический архив».

Пришлось в течение почти двух лет отдать немало времени и сил, чтобы все мы узнали свое прошлое. Открыли выставку документов КПСС в Вашингтоне, в Москве. Запад расценил это как начало «эпохи доверия», открытости России. Думаю, эта работа на благо

демократической России не прошла бесследно. Надеюсь, по крайней мере.

В мае 1992 года после встречи президентов Ельцина и Буша (я присутствовал на ней) была создана **Комиссия по розыску американцев**, сгинувших на территории СССР. Затем направленность комиссии расширили: стали заниматься поиском и *российских граждан* (самолетов, кораблей), исчезнувших за рубежом в годы «холодной войны». Мы выяснили судьбу более 22 тысяч американцев, прошедших по советской земле. Не все вернулись в Штаты, иные сгинули в сталинских тюрьмах и лагерях. Более десяти живут в России и сейчас — те, кто добровольно остался в СССР (разведчики в основном).

Иногда исследовали судьбы, достойные шекспировского пера. Например, американец Оггинс (псевдошпион) отсидел 8 лет в советском лагере, осталось две недели до окончания срока. Посольство готовится забрать его и отправить домой, в США. Абакумов — подручный Берии — докладывает Сталину: «Нельзя выпускать. Пробыл столько лет в наших лагерях, столько видел... Надо ликвидировать». Сталинская резолюция лаконична: «Согласен». Американца умерщвляют в камере...

Вообще, эта трехлетняя работа заслуживает более подробного и особого описания. Если Всевышний ответит мне на это время, — попробую что-то сказать. Мы впервые узнали о судьбах почти двух десятков наших исчезнувших самолетов, местах их падения (а в ряде случаев, возможно, и сбития), установили пункты вечного упокоения нескольких подлодок с их экипажами. Близкие погибших теперь знают больше об их судьбе. И мы все больше знаем о судьбе 1 млн. 400 тыс. советских воинов, числившихся «пропавшими без вести».

Но главное для России в этой работе то, что мы сказали обществу еще раз: жизнь человеческая бесценна. Каждая, каждый имеет право на Память. Наша страна привыкла, благодаря преступному режиму большеви-

ков, терять людей миллионами... Жизнь конкретного человека была просто статистической единицей. Комиссия попыталась изменить взгляд соотечественников на эту проблему. Тысячи писем в комиссию — свидетельство ее необходимости.

Мы многое сделали и для американцев, правда, в основном в поиске могил, выяснении обстоятельств гибели людей. Политику не затрагивали: кто посылал самолеты в наши воды, к нашим границам. Ведь и мы летали к Гавайям, Аляске, Северной Америке. Гибли там. Тогда, в те годы, мы смотрели друг на друга только через перекрестие прицела.

Помогли американцам и в выяснении судеб их сограждан во время войн в Корее и Вьетнаме. Я делал и делаю все, что в моих силах. Считал и считаю это делом чести. Но не уверен, что мы все выяснили. Знаю, немало документов было уничтожено. Но один, сенсационный, еще хранится. У меня есть его копия. Суть его: в конце шестидесятых годов перед КГБ (ПГУ — внешняя разведка) ставится задача «доставлять информированных американцев в СССР для разведывательных целей». Когда я обнаружил эту сенсационную бумагу в «Особой папке», сразу поехал к Е.М.Примакову (директору внешней разведки). Он вызвал своих людей. Они принесли копию этого плана, где стоит подпись, кажется, Семичастного (уточню). Долго искали следы реализации поставленной задачи. Как я и ожидал, не нашли. Сказали: задача не выполнялась.

Как было в действительности? Режим тогда был таким, что можно предполагать самые дикие варианты. Ответ на вопрос остался тайной, в которую я не смог проникнуть. История, особенно советская, полна тайн. Часто зловещих. Я делал все, чтобы поднять полог над ними.

Сейчас... Кроме комиссии по розыску, занявшей прочное место в моей душе, я являюсь и членом Прези-

дентского Совета. Однако с грустью констатирую: многие наши предложения, советы, рекомендации учитываются слабо или просто игнорируются. К сожалению, у Президента есть другие доверительные советчики, роль которых очень сомнительна. Ельцин за четыре года эволюционировал. Не в лучшую сторону. Но об этом — в другой раз. Как бы то ни было, он все равно остается главной пружиной реформации. Пока остается.

Термидор для России — это историческая катастрофа. Не знаю, ответил ли я на вопрос: «Сделал ли я что-нибудь для спасения российской демократии, пусть неопытной и «нечистой», но давшей людям свободу?» Но хочу твердо сказать: я не лукавил, был честен в своих поступках.

1993

СТРАХИ И НАДЕЖДЫ

Чего я боюсь:

— Глобального конфликта между Западом и Востоком. В XXI веке.

— Националистического безумия с фашистской окраской в России.

— Нового черныбыльского бедствия в результате диверсии какого-либо одержимого фанатика.

— Нашествия духовного фундаментализма (этакого нового Хомейни в квадрате). В любой форме.

— Резкого снижения духовности, обесмысливания жизни. Угроза реальна.

— Реанимации, реставрации одной из разновидностей тоталитаризма в России. Уж куда реальнее.

На что я надеюсь:

— На безмерную мудрость Провидения, которое не допустит эсхатологического мрака.

— На нетленные общечеловеческие ценности Добра, Истины, Красоты, Благородства, Сострадания, Милосердия, Покаяния, Надежды, Чести, Достоинства, Любви, Памяти, Веры.

— На новую генерацию молодых лидеров, у которых не висят на ногах тоталитарные вериги, искренне верящих в просвещение, творчество, права человека.

— Полагаюсь на то, что каждый из нас в рутинные часы и в критическую минуту останется человеком, то есть существом *мудрым*.

10.07.1990

БРЕМЯ СУДЬБЫ

...Боль все чаще сжимает грудь. Роковая болезнь, которую никак не могут победить, двигается во мне все дальше, дальше... Земная жизнь подходит к невидимой черте, которую можно перешагнуть только в одном направлении...

Что такое смерть? Как человек, который пока еще ходит по этой земле, скажу: смерть — это день, который больше уже никогда не наступит, это ночь, которая никогда не кончится.

Тема смерти — вечная тема. Но каждый воспринимает ее по-разному. Для меня самое трудное, самое мучительное, самое страшное — оставить близких. Навсегда. Любимую навечно жену, бесконечно дорогих дочерей, милых, потрясающе милых внучек, моего Петю, далеких брата и сестру, родные могилы...

Все, что будет завтра, через год, через десятилетие, будет уже без меня. Сиреневое утро. Солнечные пятна на лицах Даши и Маши. Тепло глаз Татьяны и Ольги. Поляны, степи, равнины, которые меня научила любить моя единственная Галина. Ее слезы радости при моих удачах и успехах, милые руки и голос поддержки в минуты ударов судьбы. Завтра, потом будет по-прежнему

пульсировать жизнь миллиардов землян. Без меня и многих. Ветер истории, волшебный тенор Паваротти, зубчатые стены Кремля. Все будет, будет. Без меня.

Остается одна вечная, согревающая в холодной боли надежда: души — моя и близких — когда-нибудь встретятся *там...* Но пусть вначале они долго-долго будут на этой земле. Очень долго...

28.08.1994

* * *

Будучи в оковах духовной несвободы, я, возможно, был счастлив. Мысль текла по заданному большевистской властью желобу. Ни сомнений, ни раскаяния... На закате жизни, отторгнув спокойную несвободу, я потерял призрак, мираж «счастья». И благодарен за это судьбе. Сомнения, духовное смятение, антимакистские «ереси» мне дороже ложных «основ». Испытание судьбой дается свыше. Нелегко нести это бремя, особенно если знаешь, что приближаешься к краю земного бытия. Жаль одного: большая часть жизни прошла в сумерках одномерного мышления. Впрочем, жалость бессмысленна: это и есть, быть может, одно из испытаний судьбы. Для меня они очень непросты: отчуждение со стороны многих, горечь от ошибок демократии, в которую я, несмотря ни на что, верю, тяжесть страшной болезни, щупальца которой все туже перехватывают мне грудь... И все же...

Драмы, трагедии личной духовной жизни несопоставимы со счастьем общения с близкими в семье, с радостным ощущением освобождения от обручей несвободы. Подойдя к концу своего земного бытия, невольно оглядываюсь назад — и жизнь не кажется мне только серой, унылой. Было, было и счастье...

04.05.1995

Снегири

Этюд о Временях

Эскизы к портретам

Архиепископ Василий Родзянко,
К. У. Черненко, М. С. Горбачев,
Б. Н. Ельцин, И. П. Рыбкин,
Г. В. Старовойтова, А. И. Яковлев,
Г. Э. Бурбулис, В. В. Жириновский,
А. А. Епишев, А. А. Гречко,
Д. Ф. Устинов, Д. Т. Язов,
В. И. Варенников, В. Г. Куликов,
С. Ф. Ахромеев, П. С. Грачев,
К. М. Симонов, В. П. Лисакович,
М. Л. Ростропович, М. М. Молоствов,
Войцех Ярузельский, Малколм Тун,
Вильямс Биллингтон, Строуб Тэлбот,
Нур Мухаммед Тараки, Ким Ир Сен,
Маргарет Тэтчер, Бернанд Лэфке,
В. Б. Резун (Суворов)

АРХИЕПИСКОП ВАСИЛИЙ РОДЗЯНКО

— Начало XX века было самым многообещающим временем для России и наиболее богатым на роковые ошибки...

Так владыка Василий резюмировал наш долгий разговор на квартире настоятеля православного собора Св. Николая в Вашингтоне отца Дмитрия Григорьева, человека с удивительно тонкой душой и редким даром «чувствования» людей.

Православные храмы зарубежной России — очаги сохранения духовности, во многом утраченной за семь десятилетий на родине. Долгих три часа мы, мысленно перенесясь к подножию столетия, искали «корень», за который Россия, по образному выражению В.Ключевского, исторически «запнулась».

Высокий, прямой, несмотря на свои 86 лет, архиепископ Василий поражал свежестью ума, отличной памятью, неординарностью суждений. Внук лидера 4-й Государственной Думы М.В.Родзянко, вывезенный из России трехлетним мальчиком в 1919 году, будущий архиепископ, прожил сложную, драматическую жизнь. Скитания с родителями (Греция, Югославия, Франция), благодаря которым он смог увидеть трагедию соотечественников в рассеянии, теологический факультет Белградского университета, долгое служение... Пришлось даже пару лет отсидеть в тюрьме в Югославии.

Уставшее лицо, пронизательные молодые глаза старого человека, потрясающее знание истории русской культуры. Спокойный тихий голос полон любви к России: «Прерванные большевизмом духовные традиции нашего народа обязательно восстановятся, но нужно терпение и подвижничество всех честных и мыслящих россиян...»

Живой кусочек истории России. Как же много потеряла наша страна, лишившись таких людей!

К.У. ЧЕРНЕНКО

Находясь на очередной сессии Верховного Совета РСФСР 27.07.1989 года в зале Большого Кремлевского дворца, вспомнил свои предыдущие пребывания здесь. Первый раз — на XIII съезде ВЛКСМ. Хотел выступить, но не разрешили, все заранее было распланировано по минутам. Выступал тогда, кажется, Хрущев. Потом здесь же слушал Брежнева, Черненко, да и сам поднимался на эту трибуну раз 5—7. Был на XXVII съезде партии, делегатом на XIX партконференции, съездах писателей, журналистов, общества «Знание» и т.п. Здесь же проходили Всеармейские совещания партийных и комсомольских секретарей. Помню, как раз на таком Всеармейском совещании выступал Черненко. С трудом дойдя до трибуны, очень невнятно, перескакивая подчас через строчки, читал текст. Задыхался. Доставал из кармана баллончик и «пшикал» себе в рот...

Состояние у всех было подавленное. Было стыдно и больно: великая страна терпела очередного бездарного старца. *Геронтократия...*

После речи Черненко сразу же объявили перерыв. Программой было предусмотрено фотографирование участников совещания с генсекком. Для этого надо было перейти в другой зал (расстояние — метров 100). Чер-

ненко проделал этот путь минут за двадцать. Не меньше. Через каждые 10—15 шагов останавливался, «пшикал». Все что-то со всех сторон ему говорили, чтобы создавалось впечатление, что он останавливается для беседы. Иногда он мучительно улыбался, с трудом, видимо, понимая, что ему говорят и зачем... Полугрупп едва дошел до зала, где мы с ним и сфотографировались. Все в душе понимали, каково физическое и духовное состояние человека, случайно оказавшегося на вершине власти, но делали вид, что все так и должно быть...

Вот это-то и было самым ужасным...

М.С. ГОРБАЧЕВ

Я восхитился Горбачевым весной 1985-го. Шла какая-то передача по ТВ. Сказали: сейчас мы передадим выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева из Ленинграда. То, что я услышал, было необычно: молоджавый человек на протяжении сорока минут уверенно, а главное (что поразило нас всех) — *без бумажки* говорил, что необходимо «ремонтировать, перестраивать» нашу жизнь. Слова текли гладко. Миллионы телезрителей, наверное, думали: наконец-то пришел лидер, достойный великой страны. Не скрою, я испытал гордость, облегчение, даже вдохновение какое-то. Жена разделяла мои чувства.

Тогда я не заметил, что, кроме призыва к перестройке, упакованного в обычные бюрократические обоймы, других откровений не последовало. Нас всех потряс сам факт того, что генсек может говорить сам, без бумажной шпаргалки! За десятилетия мы привыкли к «чтецам-декламаторам».

Шло время. Горбачев, как комета, ворвался в нашу жизнь. Многие его просто полюбили. Но странное дело, с каждым его выступлением, которых было не меньше,

чем, скажем, у Хрущева или Брежнева, люди все больше убеждались: он говорил *одно и то же*. Нет, он говорил о разных вещах — о гласности, о кадрах, о перестройке в партии, но слова, как гладкие морские камушки, скользили, уже никого не затрагивая. Думаю, Горбачев, в силу своего не слишком сильного характера, оказался способен лишь открыть «шлюзы», но не призвать к замене системы. В систему, не подлежащую реформированию, он пытался вдохнуть новую жизнь.

Горбачев — герой пятилетки (1985—1990 гг.).

Я встречался с Горбачевым несколько раз. Один — в узком кругу: Горбачев, Лукьянов, Шахназаров, Ельцин, Хасбулатов, Волкогонов. Три часа шел разговор о Союзном договоре. Тогда два лидера не смогли найти общего языка. Если бы не это, СССР был бы, может быть, спасен на некоторое время. Хотя империя в историческом плане все равно была обречена.

Горбачева считают разрушителем тоталитарной системы. Ошибаются. Он не разрушил Систему, он просто *не мешал* ее саморазрушению. Теперь до конца дней Горбачев будет обосновывать задним числом рациональность своих решений. Одно из самых слабых мест в этом выдающемся человеке: он не умеет честно признавать свои ошибки и слабости.

1992

* * *

Когда однажды с Ельциным и еще с двумя-тремя сопровождающими лицами пришли к Горбачеву, он, встречая у двери и здороваясь, бросил мне:

— Я слышал, Вы выступаете за отмену праздника Победы?

Я растерялся, не готов был сказать что-то веское в ответ на эту нелепицу, кроме фразы:

— У Вас плохие информаторы...

11.02.1993

На презентации книги Горбачева в пресс-центре МИД, где он подписал мне свою новую работу, состоялся разговор, в частности, о его будущих мемуарах. Горбачев сказал, что отразить эпоху в личных воспоминаниях не просто: всегда есть опасность субъективизма. Помню, я ответил ему:

— Есть один способ, чтобы мемуары были всегда интересны читателям и будущим историкам, но способ очень трудный...

— Какой же?

— Писать только правду. Ничего задним числом не приукрашивая, не умалчивая, не оправдывая...

Горбачев посмотрел на меня и промолчал. Думаю, ему будет трудно удержаться от соблазна показать себя гением «с самого начала».

Я много раз слышал, видел Горбачева, говорил с ним. Уверен, что это историческая личность, выдающийся человек. Но его слабость в том, что он сам считает себя выдающимся. А посему будет выстраивать все написанное им, исходя из этого принципа.

Горбачев — баловень истории. Его слабости (нерешительность, осторожность, лавирование, беспринципность) сделали его крупнейшим реформатором XX века. В значительной мере — помимо его воли. Когда незадолго до краха Чаушеску он «благословил» его, наградив орденом Ленина, когда целовался с Хонеккером на глазах у всего мира накануне крушения восточного блока, — он ничего не предвидел. События несли его на гребне своей волны. Э.Неизвестный мог бы сделать его в своей излюбленной манере — черно-белым. И не ошибся бы. Подлинно великим Горбачева могла сделать честность перед историей. Если бы он был на нее способен.

19.02.1993

Вашингтон

На презентации своей книги «Августовский путч» 12 ноября 1991 года Горбачев долго, бессодержательно говорил о том, что «погоду августа не использовали для прорыва к реформам». Слушать его было скучно. Тем более что книжонка (42 страницы текста и три десятка фотографий плюс статья, которая якобы была написана до путча) — очень легковесная.

После вопросов (оживление в зале вызвал лишь такой: «Куда денете полмиллиона долларов, которые вам дал издатель?») мне довелось поговорить с М.С. в банкетном зале. Сначала он спросил Галину Алексеевну: как живете, как дела? А она неожиданно искренне сказала: да вот, два часа сегодня простояла в очереди за молоком. Горбачев смутился, но тут же нашелся: моя Ирина (дочь) тоже сегодня не меньше простояла в очереди... Остался верен себе.

Мы долго затем говорили с ним о вещах исторических, параллелях в социальных движениях, о том, что люди много говорят об уроках истории, но никогда не следуют им. И здесь он неожиданно заговорил, что хотел бы как-нибудь, в спокойной обстановке обсудить вопрос: как ему написать воспоминания; он не хотел говорить слово «мемуары»... Подчеркивал, что «ваше мнение для меня было бы интересно и полезно». Ответил ему: в его положении писать просто — столько помощников. Но если это будет сделано так же быстро, как «Путч», — результат не трудно предсказать. Сейчас главное в этом деле — собирать и собирать документальный материал и готовить себя не к тому, чтобы смотреться в зеркало истории, а набраться мужества для честной исповеди. Он опять ответил что-то не по существу...

13.11.1991

На высокой вершине достаточно бросить один снежок, чтобы вызвать внизу настоящий обвал. Горбачев

явился для СССР таким вот «снежком». Хотя субъективно М.С. хотел спасти Союз, готовил новый Договор, но объективно стал его разрушителем. Парадоксально, что именно Горбачев стал главным могильщиком СССР, о чем сегодня жалеют почти все...

15.09.1993

Б.Н. ЕЛЬЦИН

На предвыборном собрании в Гагаринском районе, где мы сидели рядом за столом президиума, он не произвел на меня впечатления. Ему без конца из-за кулис присылали какие-то бумаги, записки. Мы несколько раз заговаривали, комментируя ход собрания, которым пытались дирижировать коммунистические партийцы. В общем, мы «познакомились» потом еще раз. Он не показался мне тогда человеком очень умным, скорее — настойчивым, непреклонным.

Затем много раз встречался с ним один на один в его кабинете Председателя Верховного Совета по самым разным вопросам, как и на заседаниях Высшего Консультативного Совета, членом которого я стал. Он сильно политически вырос за два года, хотя нередко по-прежнему делал неверные шаги (например, выезд в январе 1991 года в Прибалтику — и отказ от встречи с русскоязычным населением; преждевременное заявление о необходимости создать российскую армию и др.). Но в целом — это мужественный и смелый человек, способный переносить неудачи, удары судьбы. Когда в конце декабря 1990 г. он мне показал телеграмму за час до вылета в Якутск «Не летите этим самолетом. Самолет будет взорван», я сказал: «Может, правда, не лететь?» Он ответил: «Запугивают. Если не полечу, обнаглеют, подумают, что можно запугать». Двенадцать часов было непростого полета... Но Ельцин полетел, не дрогнул.

Ельцин несет на себе печать лидера, вышедшего из партийной обоймы, как и Горбачев. Когда он вышел из КПСС (на XXVIII съезде), то на другой день мне утром сказал: «Не спал всю ночь. Словно отрезал кусок своего сердца...» Но он смог во имя демократии, будущего России перешагнуть через все предубеждения.

21.01.1992

* * *

Я поддерживал, поддерживаю и буду поддерживать Ельцина, как живой символ опоздавших на семь десятилетий перемен.

Но, Боже, как много он допускает ошибок, просчетов, импульсивных действий!

— «Заглатывайте суверенитета столько, сколько сможете» (в Татарстане).

— «Через полгода пойдем в гору, потерпите немножко» (а через полгода опустились еще ниже).

— «Я буду членом вашей партии» (обращаясь к форуму демократов. А по Конституции России президент не может быть членом политической партии).

Смелый, решительный человек, но импульсивный, непредсказуемый политик.

02.12.1992

* * *

В 10.00 состоялось открытие выставки российских архивов в Библиотеке Конгресса. Выступал Джеймс Биллингтон (библиотекарь Конгресса, выдающийся знаток России и обаятельнейший человек), спикер палаты, сенаторы. Предоставили слово и мне: «...Эта выставка — сигналы из нашего трагического прошлого, над которым нельзя смеяться, и ему нельзя мстить...» А потом слушал выступление Ельцина в Конгрессе. Думаю, это была лучшая речь в его карьере. Тема драмы свободы и реформ в России не раз прерывалась бурей аплодисментов и вставанием. За 50 минут речи — зал вставал и аплодировал не менее 10 раз. Когда Президент

завершил речь словами американского поэта русского происхождения: «„Боже, храни Америку...“ и добавлю: „и Россию тоже“», — зал взорвался аплодисментами. Отныне имидж Президента в США резко изменился в лучшую сторону.

...Не хотелось тогда думать, что в это же время у Останкино толпа требовала отставки Ельцина...

17.06.1992

И.П. РЫБКИН

Когда мы были в Верховном Совете России, то с Рыбкиным «соотносились»: он как лидер фракции «Коммунисты России», я же — как лидер «Левого центра». Наблюдал за ним: спокоен, не криклив, умен.

И вот он — спикер Думы. Демократы были очень насторожены: «сельский коммунист» дирижирует парламентом! Но опасения оказались напрасными. Рыбкин, по существу, занял центристскую позицию, политически склоняясь, пожалуй, к линии социал-демократии.

Я встречался с ним несколько раз. Разговаривать с ним приятно. Он смог управлять полусумасшедшим парламентом.

Рыбкин — мастер компромисса. Он умеет сближать полюса, крайности. Прошел хорошую коммунистическую школу (был секретарем обкома) и может иногда идти на откровенный «оппортунизм», если это надо для дела.

Рыбкин сказал мне в разговоре, что любит фруктовый сад. Это прибавило «градусов» моему отношению к этому человеку, я почувствовал что-то общее — сам я люблю пасеку (хотя ни я, ни мои родные никогда не имели ее). Дай Бог, чтобы в жизни России появилось больше спокойных политиков, таких садовников-Рыбкиных.

28.12.1994

Г.В. СТАРОВОЙТОВА

Я знал немного особенного (чего не знали другие) об этой женщине. Но всегда глубоко уважал и уважаю ее. Духовно вместе с Б.Н.Ельциным я с середины 1989 года и останусь с ним до конца, хотя он уже иссяк политически. Но когда я прочел последнюю книгу Б.Н., то с удивлением обнаружил: ни о Старовойтовой, ни обо мне в ней нет ни слова. Хотя Старовойтова для Б.Н. (и для России!) сделала много. Очень много. Смею думать, что кое-что сделал и я. И буду делать, ибо сегодня нет, к сожалению, другого демократического лидера, хотя бы равного Б.Н. по влиянию. Почему не упомянул о Галине Васильевне? Я знаю. Книгу писал другой. Не автор. А такие книги (как и книги Горбачева, и всех тех, кто не пишет сам) — неполноценны.

Мы были вместе с Г.В. советниками Президента. Я остался и сейчас пока в Президентском Совете. Она уже нет. Жаль. Это цельная, смелая, интеллектуально сильная личность.

Нас сблизил август 1991 года. Мне делали операцию в Оксфорде, Старовойтова тогда оказалась тоже в Англии, там у нее сын. Едва придя в себя после реанимации 19 августа, я попросил жену разыскать мне по телефону Г.В. Вскоре она сама позвонила мне в госпиталь. Я узнал от нее подробности о путче. Сама она металась по Лондону, выступая на ТВ, радио, в университете, на собраниях... Везде звучало главное: ГКЧП — преступление коммунистического режима!

— Галина Васильевна! Пришлите мне какого-нибудь корреспондента! Надо мобилизовать все, что можно, для поддержки демократии. Обращусь к армии...

В Англии Старовойтова вела себя молодцом, как большой политик, поднимая общественное мнение Запада против ГКЧП. Не все это оценили...

Одно время наши комнаты — кабинеты советников — находились рядом, на 18 этаже Белого Дома.

Раскрою одну тайну. После путча было намерение сделать министра обороны гражданским человеком. И надо было!

Пришел помощник Галины Васильевны:

— Может быть, она станет МО новой России?

Для меня эта мысль была чрезвычайно привлекательной, интересной. В нормальном обществе, уверен, это был бы прекрасный министр... Но я знал армию, ее консервативный генералитет, традиции, обстановку. Сторонников покойного Ахромеева наверху было большинство... Мне стало жаль Г.В., и я промолчал.

Кто его знает, верно ли я тогда поступил? Гражданского МО до сих пор нет. А жаль! Без глубокого гражданского контроля армия может деградировать и даже стать опасной. Ведь властолюбец Руцкой, подталкивая кровавые события 3—4 октября 1993 года, рассчитывал (и не без оснований) на поддержку некоторой части армии.

Думаю, Галина Старовойтова еще вернется в большую политику. Этого хочет она, это — главное! — нужно обществу. Политическое бесстрашие. Проницательный ум. Она была удалена, уверен, благодаря чьим-то наветам. Воспринимал и воспринимаю ее как серьезного демократического политика. Наступил ли ее час?

1993

А.Н. ЯКОВЛЕВ

Этот мягкий, доброжелательный человек подтверждает своей жизнью афоризм: «Черепаша потому твердая, потому что она такая мягкая». Как никто, в последнем горбачевском бюро Яковлев выказал редкую способность *измениться*. Это, по себе знаю, трудно, непопулярно и даже опасно.

Я уже с десяток лет знаком с Александром Николаевичем. Теперь это знакомство переросло в дружбу. Еще до перестройки, когда я сидел над «Сталиным», Яковлев, пользуясь своим положением, помогал мне получить некоторые архивные документы, которые в обычном порядке были мне недоступны. Он был одним из тех, кто меня поддержал после «маршальского разгрома» при обсуждении первого тома «Истории Великой Отечественной войны». Яковлев был, вероятно, глубинным генератором радикальных перемен в сторону демократии и цивилизованности.

Мне всегда интересно с ним встречаться: он одновременно предстает и как экономист, и как философ, историк, политолог. Мощный интеллект, помноженный на доброту, делает его чрезвычайно обаятельным человеком. Под стать ему его милая жена Нина Ивановна.

Яковлев много сделал для восстановления исторической справедливости в отношении тысяч людей, сыграл огромную роль в изменении догматического общественного сознания. Не случайно, что у него масса недоброжелателей. Это человек с поразительной работоспособностью. Встречает усталый. Говорит:

— Голова сегодня у меня — как мятая картошка...

Но эта «картошка» изумительно устроена и нафарширована доброй, душевной мудростью. Такие люди, как Яковлев, несмотря на их коммунистическое прошлое, стоят в одном ряду с Сахаровым... Их подлинная значимость будет оценена лишь в будущем.

Г.Э. БУРБУЛИС

С Геннадием Эдуардовичем я познакомился в 1991 году. Мы размещались в так называемой «распашонке» — двух комнатах, разделенных посередине небольшой приемной, где сидели за машинками и компьютерами наши секретари. Отношения — официальные с самого начала.

Однажды увидел: в «распашонку» официантка из столовой везет блюда на тележке. Удивился. Это заказал себе обед «с доставкой» молодой человек — Бурбулис.

Иногда заходил к нему; отношения вежливо-холодные. Однажды увидел: лежит большая схема будущего управления Россией. На ней рядом с Президентом (выше парламента и правительства) — Госсовет с Госсекретарем. Понял: свердловский преподаватель марксизма-ленинизма хочет стать Госсекретарем (а так хотелось вице-президентом!). Сказал ему:

— Если Ваша схема осуществится, будет создано новое Политбюро, которое сделает правительство безынициативным и безответственным, станет лишь мешать ему.

— Госсовет будет разрабатывать стратегию движения России по пути реформ, — ответил Бурбулис.

— В XVII веке, когда русские цари создали Госсовет, он носил чисто советнические функции, а Госсекретарь был лишь начальником канцелярии...

Не подействовало. Возник и Госсекретарь, и многое другое — кем и чем был Бурбулис.

Весьма умный человек, с масштабным, но очень схематичным, абстрактным мышлением, Бурбулис сразу же занял вакантное место фаворита. А их всегда не любят. Льстят им или боятся, но не любят. Влияние его стало велико. Однажды я сказал Б.Н.:*

— На людей производит негативное впечатление особая роль Бурбулиса как «тайного советника».

— Но ведь Геннадий Эдуардович такой умный! — ответил Президент.

Я еще раз почувствовал: в 80-е годы в Москве торжествует политический провинциализм.

17.12.1993

---

* Ельцину. — Ред.

В.В. ЖИРИНОВСКИЙ

В середине лета 1993 года я летел с женой со съемок моего фильма «Ленин» из С.-Петербурга. Около часа ждали запаздывающий самолет в депутатском зале. Незадолго до вылета в помещение вошел полупьяный гражданин в фуражке, которую в народе прозвали «жириновкой». Поздоровался. Я в нем опознал депутата Госдумы, с которым, однако, совсем не был знаком.

Я погрузился в газету, а жена пошла в буфет выпить стакан чаю. К ней подошел депутат-жириновец и нетвердым голосом сказал:

— Почему ваш муж не напишет книгу о Владимире Вольфовиче Жириновском? Это не только будущий президент России, но и самая выдающаяся личность конца XX века.

Жена ответила:

— Насколько я знаю, отношение моего мужа к вашему лидеру весьма негативное, и он никогда никаких книг писать о нем, конечно, не собирается.

Как мне потом рассказывала Галя, пока она молча допивала свой чай, думец от фракции Жириновского развязно ругал Собчака, Ельцина, а в заключение неожиданно сказал:

— Хотя с уважением отношусь к вашему мужу, тем не менее, когда мы придем к власти, а придем обязательно, таких, как Волкогонов, придется повесить...

В самолете он пытался подойти ко мне и заговорить, но я уклонился от беседы с человеком, от которого сильно разило спиртным.

Я не знаком лично с Жириновским, но имел возможность в течение целых двух лет наблюдать его бесконечные дурные выходки в Думе, по которым составил о нем вполне определенное мнение.

Мне, честно говоря, не очень интересен сам Жириновский — талантливый, классический демагог с ярко

выраженными параноидальными признаками. Меня поражает другое: как за столь одиозную личность в 1993 году в России проголосовали 13 миллионов избирателей! Непостижимо! Что бы ни говорили («Это голосовали не за Жириновского, а против властей»), даже учитывая, что многие выразили таким образом эдакую фанатерию, дурачество, не предполагая, к чему это приведет, я вижу в таких результатах голосования прежде всего весьма низкий уровень политической культуры значительной части россиян. Сознание их, замусоренное большевиками, столь восприимчивое к разного рода утопиям, оказалось в состоянии вакуума после краха коммунистической идеологии. Поэтому происшедшее на выборах — не столько «феномен Жириновского», сколько феномен замороченной, затурканной нации.

Я слышал десятки раз (правда, иногда не выдерживал, выходил из зала Думы) выступления Жириновского. Все они были скандальными, визгливыми, демагогичными. Набор одних и тех же клише: «власти сознательно ведут дело к вымиранию русских», «всем в России заправляет ЦРУ и МОССАД», «скоро демократам предстоит отправиться за решетку» и т.д. Начинает обычно довольно спокойно, но уже через минуту-другую срывается на крик, нервно жестикулирует, всем угрожает и часто, очень часто, навязчиво повторяет то, что уже говорил раньше.

Труслив. В критические минуты переломов старается остаться в стороне, как это было в октябре 1993 года. Тогда он отправился в Ирак к своему «другу» С.Хусейну. Умеет заигрывать с властями, не без провокаторского подтекста. Всегда окружен кучей телохранителей и различными одиозными личностями, вроде небезызвестных генерала Филатова, майора Логинова и других. Временами Жириновский похож на позднего Муссолини: так же надувает щеки, так же вельможными жестами указывает своей челяди, что ей надо делать. Вокруг не-

го всегда масса журналистов, в основном недалеких, не понимающих до конца, что своими бесконечными репортажами о Жириновском они лишь тиражируют низкопробную демагогию.

В нормальном обществе он уже десятки раз был бы привлечен к ответственности за множество оскорблений лиц, неизмеримо более достойных, чем сам Жириновский. Достаточно прочесть «Пролог—Предвидение» в его подстрекательской книжке «Последний вагон на север»: помои в адрес М.Горбачева, А.Яковлева, Е.Гайдара, С.Шахрая, Г.Старовойтовой, Г.Якунина, Г.Явлинского и других, которые выводила, надо думать, не без удовольствия, рука этого «настоящего интеллигента» (так его любят именовать соратники). Он, этот бывший переводчик, может «интеллигентно» швырнуть стакан в лицо своего оппонента, схватить и оттащить за волосы женщину-депутата, прервать выступление в Думе нежелательного для него оратора оскорбительной репликой... Скандальная известность — тоже известность.

Лжив. Понося Запад в домашних российских выступлениях, оказавшись в тамошних столицах, многое из сказанного на родине дезавуирует, объясняя «неадекватным переводом», ошибками журналистов, неоднозначностью тезиса, который так озаботил европейцев.

Появление Жириновского не случайно. Он — дитя смутного времени. Попытки России второй раз в XX веке перейти на рельсы цивилизованного развития встретили не только официальное сопротивление КПСС, но и попытки создать нарождающейся российской демократии какие-то иные политические противовесы. Мне в цековском архиве удалось однажды обнаружить письмо в ПБ от Жириновского с просьбой предоставить для его партии здание, правительственную связь и т.п. Правда, из бумаги будущего «спасителя России» не ясно, получил ли он просимое. Установлено, что в начале 1990 года вождь либерал-демократов получил высокую

аудиенцию в КГБ. Цель визита, понятно, в документе не раскрыта.

В высшей степени самолюбив, тщеславен, что бросается в глаза любому его слушателю. В своем сборнике статей, выступлений не постеснялся поместить повесть «Последний вагон на север» откровенно графоманского характера.

ЛДПР. В этой партии нет ничего либерального и ничего демократического. Русские либералы начала века перевернулись бы в гробу, узнай о краже их лозунгов людьми, которые так похожи на тех, кто начинал свое дело в Веймарской республике.

Программа партии эклектична и утопична. Она принципиально неосуществима, за исключением возможности вновь попытаться запустить старую ржавяющую машину репрессий и насилия.

Думаю, надеюсь, что наваждение жириновщиной скоро пройдет. В истории этот человек останется как зловещая отрыжка краха большевистской системы в социал-националистическом исполнении. Трагедия, как давно замечено людьми, любит дублировать себя низкопробным фарсом. Здесь это видно в полной мере.

1994

А.А. ЕПИШЕВ

Несколько лет я был референтом у этого человека. Незаурядный ум, выдержка, осторожность являлись его характерными чертами. Он не любил вспоминать, что два года был заместителем у Берии. Зато охотно рассказывал, как, будучи послом в Белграде, а затем в Бухаресте, встречался с Тито, Георгиу-Дежем. По документам уже сейчас я узнал, что он был в курсе того, как готовилось покушение на Тито. Епишев не скрывал, что Чаушеску в молодости был осведомителем совпосольства.

На фронте он хорошо знал Брежнева, показывал мне фотографии, где они «обмывают» ордена. Да и когда Брежнев стал генсеком, нередко (вначале) они проводили вместе с семьями отпуска. Однажды Епишев показал мне личное дело генерала Брежнева, в котором в одном месте рукой Леонида Ильича было написано, что он — украинец, в другом — что русский.

— Так кто же он на самом деле? — с иронией спросил меня Алексей Алексеевич.

Маршалы его побаивались: ведь он запросто говорил с членами ПБ, генсеком, бывал на самых высоких совещаниях.

Обладал одной особенностью: быстро улавливал самое главное в докладе, сообщении, информации. Был прям, не любил двусмысленностей. Но в Главпуре, где долгие годы был начальником, насаждал «шлагбаумное» мышление, требовал от нас особой «идеологической бдительности». Часто от его слова зависело, увидят ли свет чьи-то мемуары, книга или фильм об армии, статья на «военную» тему.

По-моему, Епишев был одним из последних большевиков с аскетической моралью, искренними убеждениями и «классовыми очками».

За три дня до смерти он приехал в Главпур попрощаться и заплатить партийные взносы... Для меня он — олицетворение лучших сторон порочной в целом Системы: жесткий, бескомпромиссный, но прямой и честный «слуга партии».

18.09.1989

А.А. ГРЕЧКО

Мне много раз приходилось летать с маршалом: в ГСВГ*, Каир, Иркутск, Севастополь, Владивосток. Это был любопытный военачальник: властный, самовлюб-

---

*Группа советских войск в Германии. — *Ред.*

ленный, но неглупый, решительный. Вот несколько штрихов к его портрету.

...Когда мятежный Саблин захватил БПК* и вывел его в море, Гречко был у себя в кабинете. Ему доложили о ЧП. Гречко, не докладывая «выше», в ПБ, поднялся, прошелся по своему кабинету, похожему размерами на футбольное поле, налил стакан «Боржоми», выпил и вернулся за свой министерский стол. Решение было принято: «Поднять авиацию флота и утопить БПК». Он не колебался. Правда, когда бомбардировщики поднялись в воздух, экипаж БПК справился с Саблиным. Людей это спасло. Но Гречко был готов утопить корабль со всем экипажем.

...Мы летели из Шпиленберга (ГСВГ) в Москву. Поступила радиограмма: Гомулка хочет встретиться с маршалом. Произвели посадку в Варшаве. Встреча должна была состояться в замке Хеленув под Галицей, куда мы все и приехали. Гречко с Епишевым гуляли в парке. Я с еще двумя генералами прохаживался поодаль. Гречко подошел к фонтану с высокими бортиками. Приказал адъютанту взобраться и обойти фонтан кругом. Полковник залез и тут же спрыгнул на дорожку. Гречко бросил: трус и неумеха! С помощью адъютанта взобрался на борт и на старческих скрюченных ногах пошел кругом фонтана, умело балансируя, но один раз чуть не упал в чашу. Епишев уговаривал спуститься. Неподалеку стояла изумленная польская охрана. Но маршал, почувствовав в себе былого мальчишку, сделал полный круг.

...Шли учения «Восток-72». Гречко, заслушав доклады, сел за стол с адъютантами. Предстояла его любимая игра — домино. Адъютанты, конечно, подыграли ему и Епишеву, и Гречко заставил несчастных проигравших полковников прыгнуть прямо в одежде в пруд. А дело

---

*Боевой противолодочный корабль. — *Ред.*

было под Читой и в конце сентября... Затем, правда, вручил им «в утешение» по часам (не своим, разумеется).

Странный был человек. Много построил для армии — санаториев, госпиталей, военных жилых городков. Любил солдат. Но временами отдавал дань непонятному самодурству. Бесконтрольное единоначалие, упоение властью...

14.05.1987

Д.Ф. УСТИНОВ

Шло очередное подведение итогов «боевой и политической подготовки» армии за 1983 год. За трибуной всеильный министр обороны, член Политбюро, Маршал Советского Союза Д.Устинов. После долгих вступительных ритуальных фраз об «указаниях» Генерального секретаря, важности «исторических решений» последнего Пленума ЦК КПСС и об «усилении агрессивности американского империализма» министр, наконец, приступил к анализу: оперативная и боевая подготовка, дисциплина, быт, вузы, кадры, овладение новой техникой... В зале — около 350—400 генералов, все высшее руководство Вооруженных Сил. У всех в руках блокноты, рабочие тетради, ручки. Изредка министр, касаясь каких-либо недостатков и упущений, поднимает то одного, то другого командующего округом, группой войск, флотом. Слышится обычное в ответ:

— Исправим, товарищ министр обороны. Ваши указания будут выполнены...

Министр минуту-другую распекает трехзвездного генерала, а то и генерала армии, а затем бросает:

— Садитесь! Пора кончать с безобразиями.

Доклад благополучно «катился» к концу. Следом должен был выступить с докладом начальник Генерального штаба маршал Ахромеев, любимчик министра. Здесь же

в зале сидел и бывший начальник Генерального штаба маршал Огарков. Чтобы убрать его с должности (и освободить место для Ахромеева), пришлось вводить четыре(!) Главных командования: Западное, Юго-Западное, Южное, Восточное. На Западное и поставили Огаркова — пожалуй, наиболее умного начальника Генштаба Советской Армии послевоенных лет.

Министр пил воду, вытирал лоб платком, читая страницу за страницей длиннющего (как было принято) итогового доклада. Но вдруг Устинов зашатался, вцепился в края трибуны, стал что-то невнятно говорить... Обернулся к президиуму, что-то произнес... Маршал Соколов быстро объявил: «Перерыв 30 минут»...

Министра, поддерживая, увели в боковую дверь. Кто мог знать, что живым его тогда генералитет видел в последний раз? После перерыва доклад дочитывал маршал С.Л.Соколов, ставший после скорой кончины Устинова новым министром обороны.

Устинов — типичный сталинский технократ — был министром вооружений еще в годы Великой Отечественной войны. То был человек, способный в военной промышленности и невозможное сделать возможным.

Мало что понимая в стратегических, оперативных вопросах, Устинов тем не менее по должности руководил крупными учениями. На «заслушиваниях» командующих округами и армиями он задавал заготовленные ГШ вопросы (в лежащем перед ним тексте были напечатаны и ответы!). Генералы бойко докладывали, а Устинов глубокомысленно вставлял несколько заранее подготовленных операторами фраз. Сценарий разыгрывался точно.

Часто приходилось бывать на заседаниях коллегии министерства обороны. Генерал армии, а затем почти сразу и Маршал Советского Союза, Устинов, на котором форма всегда плохо «сидела», усаживался на председательское место и до обсуждения намеченных в по-

вестке дня вопросов сообщал собравшимся следующее (с небольшими вариациями):

— Сейчас только что говорил с дорогим Леонидом Ильичом... доложил о наших делах. Он надеется, что его указания в оборонной области будут неуклонно исполняться...

Работал Устинов очень много: то ли сохранилась сталинских времен привычка, то ли не тянуло домой (в последние годы он жил без жены — умерла), а может, работа была сутью этого человека?

Думаю, то обстоятельство, что к началу 80-х годов мы достигли ядерного стратегического паритета с США, — огромная заслуга Устинова. Энергии у него было столько, что приходилось удивляться.

Часто еще до завершения какой-либо программы по созданию новой ракетной системы у министра обсуждалось: сколько сотен «знаков» (орденов) выделить разработчикам, сколько Ленинских, Государственных премий и т.п. Министр использовал для решения поставленных задач все рычаги.

По его решению построили новое огромное здание министерства обороны на Новом Арбате. Епишев мне рассказывал: Устинову предложили более разумное решение — построить здание на окраине Москвы или даже за ее чертой (как ПГУ*). Для офицеров МО можно было бы использовать здания Олимпийской деревни. Устинов помолчал и ответил:

— Мне далеко будет ездить на заседания Политбюро...

Ему в это время было уже за семьдесят. Он, видимо, собирался быть министром еще много-много лет. Но Дмитрий Федорович скончался, так и не вселившись, по-моему, в новый кабинет...

---

* Первое главное управление КГБ. — *Ред.*

Мне несколько раз приходилось делать доклады Устинову (чаще вместе с Епишевым) по разным вопросам. Он всегда был сух, официален, неприветлив.

На Политбюро (я перечитал сотни протоколов ПБ) Устинов был до предела ортодоксален. Он был одним из тех, кто (вместе с Брежневым, Андроповым, Громыко) предрешил ввод советских войск в Афганистан. Может быть, хотел в одном из своих приказов записать: «Завершить нормализацию обстановки в Афганистане к открытию XXVII съезда КПСС»...

Это был, пожалуй, последний министр обороны, готовый раздеть страну донага, но сделать СССР самой мощной военной державой.

Д.Т. ЯЗОВ

С министром обороны (поставил его на этот пост, образно говоря, Руст, сев на Красной площади) я лично познакомился во время визита в Пхеньян. Тогда будущий маршал был командующим ПВО. В августе в Пхеньяне стояла страшная жара, к вечеру мы сильно уставали от духоты, но, случалось, отдыхали за беседой.

Меня Язов поразили своей любовью к литературе, стихам. При всей своей внешней мужиковатости оказался добрым и внимательным человеком.

Когда у меня вышла книга о Сталине, министр пригласил меня к себе и показал томики моей книги. В них были подчеркивания и замечания на полях.

— Написано здорово. Не знал, что ты можешь быть писателем. Но твоя книга разрушает наш строй. Она враждебна коммунизму.

Сначала я не возражал, слушая Дмитрия Тимофеевича.

— Нажимаете на жестокость Сталина... Но время было такое...

Тут уж я заспорил, но мои аргументы повисли в воздухе: Язов их не воспринимал.

Министр хорошо знал армию, жизнь солдат, офицеров, был, как говорится, «на своем месте», но искренне считал, что, кроме небольшого «ремонта» Системы, делать с ней ничего не нужно.

1991 год. На заседании Главной редакционной комиссии по обсуждению первого тома из десяти томника о Великой Отечественной войне меня 4 часа громили маршалы и секретари ЦК. Язов был гораздо более интеллигентен в своих оценках, но в конце подытожил: книга имеет «антисоветский тон».

Думаю, в 1991 году Язов участвовал в ГКЧП по убеждению, хотя позже, вероятно, очень жалел об этом.

На мой взгляд, маршал — кристально честный человек, но с очень консервативными политическими взглядами. Он не в состоянии изменить их даже под влиянием неоспоримых фактов.

1992

В.И. ВАРЕННИКОВ

Человек этот мне просто неприятен. В том числе и по личным причинам. Не забуду, как на заседании Государственной комиссии по поводу издания 10-томной истории Великой Отечественной войны с перекошенным от ярости лицом Варенников кричал громче всех:

— Лишить его слова! Удалить из зала! Очернитель нашей истории! Долой перевертыша!

Ему, хоть и не столь энергично, вторил хор недоброжелателей. Я был одинок в том зале...

И вот сейчас: Военная коллегия Верховного Суда оправдала Варенникова за участие в ГКЧП. Суд стал постыдным фарсом. Следовало этого ожидать.

Варенников — хоть и генерал армии — жалкая в интеллектуальном отношении политическая фигура. Сол-

дафон и идеальный служака для той Системы, которая его воспитала: прекрасный исполнитель, начисто лишенный творческих порывов, подобострастный подчиненный, преданный член партии. Он с искренним нетерпением и возмущением звонил в августе 1991 года в Москву: почему не арестован до сих пор Ельцин? Скорее убрать его...

Очень гордится своей звездой Героя Советского Союза. Мало кто знает, что получил он ее в 80-е годы к своему шестидесятилетию... Тогда немало высших генералов сподобились к дню рождения стать «героями». Кто не верит, — проверьте по датам в военной энциклопедии.

Косноязычие и затрудненное выражение своих мыслей — дополняющие штрихи к портрету генерала. Он, наверное, все же мог бы стать этаким русским Кавеньяком, хотя, кроме высокого роста, в генерале нет ничего примечательного.

Мне приходилось встречаться с ним в разное время. Думаю, он тоже не скажет обо мне ни одного доброго слова: «перевертыш», «предатель», «оппортунист» — я все это уже слышал. Но я пишу о нем все-таки не как об антипode в личном плане, Варенников интересен как общественное явление. Таких хватает сегодня. Если бы такие, как он, пришли к власти, то такие, как я и мои друзья, болтались бы на фонарях. Уверен.

21.08.1994

В.Г. КУЛИКОВ

Маршал Советского Союза Куликов — один из последних живых военачальников послевоенной поры. Я его неплохо узнал, когда мы с ним летом 1980 года несколько месяцев провели в Польше. «Солидарность» набирала силу, а в Москве вынашивали планы интервенции в Польшу, если ситуация выйдет из-под контроля.

Куликова заметил А.Н.Косыгин во время своего визита в одну из далеких африканских стран, где молодой генерал был советским советником. Виктор Георгиевич толково доложил, что-то понятно объяснил, о чем-то интересно рассказал, — Косыгин запомнил его и где-то хорошо отозвался о Куликове. Тот быстро, даже стремительно пошел в гору: командующий Киевским военным округом, Группой советских войск в Германии, начальник Генерального штаба... Затем — Главнокомандующий войсками Варшавского Договора. Карьера была сделана.

Куликов часто встречался с вождями «социалистического лагеря» — Хонеккером, Гусаком, Чаушеску, Кадаром, довольно интересно о них рассказывал.

Служил Отечеству маршал ревностно, был человеком выдержанным: я никогда не видел его (как других) взбешенным, истеричным, крикливым. Мягкий по натуре человек, самых средних способностей, он отличался покладистостью и высокой исполнительностью. Высокая должность сделала Куликова барином: даже личного массажиста возил с собой.

Во время звонков министру обороны Устинову из узла связи в замке Хеленув, что под Варшавой, Куликов был весь внимание. Он и раньше никогда не перечил своему начальнику, тем более не делал этого тогда. Была причина: ему исполнялось вскоре 60 лет — и маршал ждал звезду Героя к своему юбилею. Дождался...

Впрочем, Куликов сделал в ту поездку очень важное дело. Мы часто встречались с Ярузельским, маршал передавал тому инструкции и «советы» со Старой площади: наступательные, агрессивные. А обратно мы слали шифровки, звонили, отчитывались. При этом Куликов рисковал, убеждая Устинова, что Ярузельский, мол, «контролирует ситуацию». Возможно, именно его позиция и удержала кремлевских старцев от непоправимого...

С.Ф. АХРОМЕЕВ

Я был хорошо знаком с Сергеем Федоровичем Ахромеевым. Он приехал в Москву где-то в начале восьмидесятых. Был генерал-лейтенантом, но в считанные годы сделал головокружительную карьеру. Карьера его была удивительна, но не случайна.

Во-первых, Сергей Федорович был *фантастически* работоспособен. Приезжал в Генштаб в восемь утра, уезжал в десять вечера. Иногда давал себе послабление по воскресеньям, заканчивая работу к шести. Это был человек, беспредельно преданный долгу, службе, по-другому относиться к порученному ему делу он просто не мог.

Во-вторых, он был фаворитом министра обороны — Д.Ф.Устинова. Любить Ахромеева было за что, и Устинов щедро отблагодарил генерала: он получил с десятков орденов, был удостоен самых высоких премий и главное — за несколько лет он дослужился до маршальской звезды. Впервые в истории звание маршала было присвоено заместителю начальника Генерального штаба. Даже Антонов, начальник ГШ в конце войны, не был удостоен этой чести. Чтобы добиться этого звания для своего любимца, Устинову пришлось одновременно дать такое же звание и начальнику ГШ Н.В.Огаркову.

Достаточно близко я познакомился с Ахромеевым, когда нам поручили готовить военные разделы Конституции СССР, а затем и программы партии. Мы довольно часто встречались в его кабинете в Генштабе.

Когда началась перестройка, я выступил с рядом статей, рассказывающих правду о нашем прошлом, затем вышла моя книга о Сталине. Отношения наши испортились. Ахромеев опубликовал несколько статей (в том числе в «Военно-историческом журнале»), где он не скупился на оскорбительные эпитеты в мой адрес. Я ни разу не ответил маршалу. Диалог с ним был просто не-

возможен. Он не воспринимал даже факты, если они противоречили тем представлениям и убеждениям, на которых он был воспитан. Ахромеев оценивал любое выступление, статью через идеологическую призму. Но я не в обиде на этого человека. Я сам испытал, как трудно порвать с утопией, вошедшей тебе в плоть и кровь.

Ахромеев был честным Солдатом. Кончина его трагична: он не смог согласиться с исторической оценкой того, что было смыслом его жизни, и выбрал смерть.

Я и сейчас, как наяву, вижу сухощавую, некрупную фигуру маршала, склонившуюся над кипой шифровок у себя в кабинете...

П.С. ГРАЧЕВ

Познакомился я с Грачевым зимой 1991 года. После путча. Он мне показался храбрым, смелым офицером. Став председателем Комитета по обороне России, он как-то ушел в тень.

В начале года меня назначили председателем Государственной комиссии по созданию Российской армии. Докладывая Президенту Акт комиссии о создании армии, я, каюсь, предложил назначить Грачева министром обороны. Борис Николаевич согласился. Я заметил, что у Грачева неплохое тактическое мышление, но недостаточно развито стратегическое и политическое. Б.Н. заметил: будем помогать. Поговорили. Ильюшин подготовил Указ.

Через полчаса Грачев был в кабинете Президента, раскрасневшийся, взволнованный. Новый российский генерал армии (звание ему присвоили как раз этим указом) стоял перед Ельциным.

Грачев оказался энергичным и властолюбивым человеком. Вскоре он никого, кроме Президента, не признавал. В заместителях у министра оказались все его быв-

шие начальники. Иногда кажется, что у него существует какой-то комплекс зависимости от них — по старой памяти.

Маловато культуры. Это видно не только из интервью и бесед. Когда мы выходили с ним из самолета в Вашингтоне, Грачев громко жевал жвачку, продолжал жевать и во время официального разговора...

Несмотря на демонстрацию своей «приближенности» и «преданности» Б.Н., в решительную минуту путча 3—4 октября 1993 года (когда громили Останкино) Грачев растерялся, закрылся на три часа у себя в кабинете. Видно, хотел «переждать»... Когда к нему приехали Президент и Черномырдин, требовал *письменного приказа* о штурме Белого дома. Черномырдин стукнул кулаком по столу:

— Ты понимаешь, что говоришь?

Грачев сдался.

Спустя несколько дней после этого министр постарался перед прессой показать себя главным действующим лицом в случившемся.

Бонапартистские замашки все заметнее...

26.10.1993

К.М. СИМОНОВ

Писатель в начале семидесятых не раз приходил в Главпур к А.А.Епишеву. У него возникли какие-то трудности с публикациями: в Отделе пропаганды ЦК были недовольны новым креном автора, навеянным мотивами XX съезда КПСС. Ему была нужна поддержка Епишева, но генерал армии был классическим ортодоксом и пытался внушить Симонову (я два раза присутствовал на их беседе): «На съезде был перебор. Чернить историю нельзя».

Симонов и не собирался «чернить», но делал упор на то, что надо сказать правду о начале войны.

Епишев: «Правда должна быть партийной. Ведь в конце концов мы победили. Стоит ли все ворошить?»

Симонов после таких диалогов уходил обескураженным, хотя о Сталине всегда оставался очень высокого мнения. Заходил несколько раз ко мне в кабинет. Я сопереживал ему, чувствуя тесноту партийной кольчуги, видел, как он тяготился надсмотрщиками над своим талантом.

Во время тех встреч он не раз поднимал один и тот же вопрос: министерство обороны, Главпур должны обратиться к фронтовикам; пусть запишут все, что помнят, что было с ними, что видели они на войне. Уйдут люди, — сколько исчезнет бесценных сведений, фактов... Я поддерживал его. Но министр, Главпур не одобрили этой идеи.

После бесед с Симоновым у меня осталось впечатление, что писатель мучился, разрываясь между «партийной линией» и правдой творчества. Талантливый летописец войны, ее философии, он чувствовал недосказанность написанного. Запомнилась его фраза:

— Печально, если не расскажут о войне всего, что могут, участники и очевидцы. Через десятилетия все это может быть утрачено и искажено.

Прекрасный писатель, но всего сказать не мог. Умный и грустный взгляд Симонова пытался раздвинуть пелену его времени.

В.П. ЛИСАКОВИЧ

Знакомство наше с режиссером Виктором Петровичем Лисаковичем началось сравнительно недавно, кажется, в 1993 году. Но я сразу полюбил его. Этому способствовало то, что я посмотрел его «Стольпина» — талантливый телевизионный фильм. А затем мы

решили с ним создать несколько фильмов по моим книгам: о Ленине, Троцком, Сталине, а в будущем сделать целую серию — «Семь портретов» и еще по той книге, что пишется сейчас. Фильм о Ленине, в котором я «читаю» долгий исторический монолог, практически завершен (уже снято около пяти часов экранного времени), но нет денег закончить картину.

Лисакович подкупил меня мягкостью (я очень люблю добрых людей), интеллигентностью, простотой в общении. А еще он — прекрасный рассказчик. В.П. может о каком-нибудь совершенно обычном случае («А вот во время съемок...», «Еду я на своей машине из Москвы в Ленинград...», «У нас дома кот...») рассказывать столь увлекательно, непосредственно, что сразу берет «в полон» слушателей.

Я ценю в этом человеке и другое. Ему пришлось в свое время снять апологетический фильм о Ленине по заданию ЦК. Думаю, он делал его искренне, не кривя душой в угоду конъюнктуре. Но он *смог*, нашел в себе силы под влиянием новых открывшихся документов, фактов, свидетельств переосмыслить то, что думал и знал раньше. Виктор Петрович оказался способен к изменениям, что является важным показателем способности творить.

К слову, Лисаковичу надо было проявить определенное мужество, взявшись за «Ленина» сейчас. Ведь сегодня, когда более 50 процентов общества относятся к Ленину по крайней мере *лояльно*, можно было найти и менее взрывоопасные темы... Думаю, для него этот фильм — своеобразное покаяние.

Работать с В.П. — одно удовольствие. Он никогда не навязывает свою точку зрения, просто мягко советует, подсказывает. Его жена и сын Степан — под стать ему: милые люди. Скромный человек со многими достоинствами.

12.06.1994

М.Л. РОСТРОПОВИЧ

Поздним вечером третьего марта 1994 года мы с Олей и Дашенькой были в Кеннеди-центре на симфоническом концерте. Первое отделение — философский и гармоничный Шуман; второе отделение — новая вещь молодого современного композитора. Справа и слева от дирижерского мостика после антракта появилась куча больших и маленьких барабанов и других ударных инструментов.

Вышла девушка, вся в сиреновом. Сняла тут же на сцене туфли, оставшись босиком, подошла к металлическому «блюду», взяла в руки «булаву»... Полилась музыка: тревожная, пугающая. Сиреневая музыкантка не ходила, а буквально прыгала по сцене от инструмента к инструменту со своими палочками. А Ростропович за дирижерским пультом усмирял водопад звуков, искал им русло... Слышалось нечто космическое...

А еще через пару дней мы с дочерью и внучкой были в одной из двух православных церквей в Вашингтоне — Св.Николая-чудотворца. Встретили там Ростроповича.

— Мстислав Леопольдович, спасибо за последний концерт в Кеннеди-центре... Какая барабанщица!..

— Вы знаете, она совершенно глухая. Снимает туфли для того, чтобы ногами «слышать» музыку! Даже стоя спиной к оркестру, она может узнать, что мы играем, — Моцарта или Чайковского, — глаза Ростроповича блестели.

Мне несколько раз приходилось встречаться с этим человеком. Он слушает музыку не ногами и даже не сердцем, — он просто ее неотъемлемая часть...

М.М. МОЛОСТВОВ

Я лишь в 1991 году, в самом его начале, узнал этого внешне незаметного, неброского человека. Узнав, полюбил его.

Выпускник философского факультета ЛГУ он за свое свободомыслие (посмел печататься в «самиздате»!) отсидел несколько лет в лагере. Потом был почтальоном в деревне, несколько лет учительствовал там же (когда позволяли власти). После перемен в стране был избран (там же, в провинции) в Верховный Совет республики.

Застенчив, даже молчалив. Похож на интеллигента конца прошлого века: честного, вдумчивого, осознавшего свой долг. Иногда Михаил Михайлович давал мне прочесть свои превосходные философские очерки, зарисовки, которые, к сожалению, очень редко попадали в печать. Чтобы их опубликовать — надо их понять и оценить, а для этого редактор сам должен быть немного философом, что вещь в наше время редкая... Пытался я, помню, заинтересовать очерком Молостова «Философские науки» — ни ответа, ни привета. С чисто российским тактом и вниманием к автору...

А он продолжал писать...

Много месяцев мы просидели на одной скамье в парламенте, и скажу сразу: когда большинство парламентариев станут такими, как он, — это будет означать, что Россия выздоровела.

Тонкая наблюдательность, большое личное мужество, скромность и даже незаметность, философический ум — далеко не полный перечень черт этого замечательного человека. Дай Бог, чтобы интеллект и гражданственность таких, как Молостов, уберегли, наконец, Россию...

15.09.1992

ВОЙЦЕХ ЯРУЗЕЛЬСКИЙ

С бывшим начальником Генштаба, затем министром обороны Войска Польского и, наконец, Президентом Польши, я встречался много раз. Всегда он подкупал

меня своей интеллигентностью, выдержкой, рассудительностью.

Но особенно памятен 1980 год. Польша была как вулкан перед извержением. Москва решила не допустить взрыва в одном из звеньев коммунистической системы, ибо в случае успеха поляков «лагерь» рухнул бы по принципу «домино».

В Генштабе, в Кремле планировали ввод войск в Польшу. Планы были готовы: танковые и мотострелковые дивизии должны были войти в Польшу из СССР, ГДР, ЧССР. Проводились учения на картах. В любой момент выжившему из ума Брежневу могли подсунуть бумагу на подпись и... эти планы превратились бы в реальность. Это стало бы европейским Афганистаном...

Огромную роль в предотвращении страшного развития событий сыграл В.Ярузельский.

...В конце лета ЦК отправило главкома Варшавского Договора маршала В.Г.Куликова (меня «в придачу») в Варшаву. Остановились в замке Хеленув под столицей. Москва каждый день слала шифром подробные инструкции — что и как делать. Я и генерал В.Аношкин составляли развернутые тезисы маршалу. Тот приглашал в замок Ярузельского и долго, иногда более часа, читал тому рекомендации Москвы (контроль над печатью и ТВ, активизация коммунистов, пресечение западного вмешательства и, наконец, готовность к введению военного положения).

Ярузельский молча, с горестным видом слушал маршала. Ничего не записывал. Когда же Куликов умолкал, Ярузельский аргументировано убеждал: в Польше силовые методы неприемлемы. Нужен компромисс, предполагающий уступки. Его умное лицо выражало боль. Он находился между Сциллой и Харибдой. Он маневрировал. Ему нельзя было позавидовать. Но наконец, Пер-

вый секретарь Польской Объединенной Рабочей партии смог внести сомнение в умы престарелых советских руководителей...

Я понимал, что маршал Польши прав, но... молчал. Куликов в душе, думаю, тоже понимал, что его заставляют готовить авантюру. В конце концов, Ярузельский согласился лишь на чрезвычайное положение и спас Польшу от худшего.

Прошло время. Ярузельского стали упрекать за принятое решение, не понимая, что он выбрал меньшее из зол. Мне пришлось даже выступить «Свидетелем защиты», послав в Польшу подробное письмо очевидца о событиях тех лет*.

13.10.1986

МАЛКОЛМ ТУН

Я знал, что в шестидесятые годы М.Тун был американским послом в Москве, благодаря своему интересу историка к тому времени. Но судьба вдруг «одела» в плоть и кровь мои исторические бумажные представления об этом человеке. Весна 1992 года сделала меня его коллегой. Мы оба стали, по решению Ельцина и Буша, сопредседателями российско-американской Комиссии по розыску американцев, сгинувших на территории СССР (а затем — и поиска советских граждан, пропавших без вести за рубежом).

Человек, уже подзабывший русский язык, — удивительный рассказчик: как он встречался с Хрущевым, Брежневым, как его «пас» КГБ в Москве, как случались в его жизни разные дипломатические казусы и курьезы.

---

*Позже В.Ярузельский благодарил отца за это свидетельство, и они еще раз обменялись письмами — на этот раз уже личными. — *О.В.*

Мне Тун понравился сразу своей прямоотой, умением выделять в любых дискуссиях главное, основное и какой-то старомодностью. Мы много раз встречались с ним, беседовали о делах и о себе: в самолетах, на сессиях комиссии, на банкетах, в театрах. Несколько раз вместе были у Ельцина, были и у Буша. А однажды американцы попросили о встрече с Руцким, надеясь, что он (вице-президент в то время) сможет помочь в поисках пропавших американцев. Руцкой «угостил» их получасовым монологом о текущем политическом моменте, о своих соображениях по разным, не относящимся к их делу вопросам, любовался собой. Тогда Тун, старый дипломат «даллесовской школы», для которой не характерны экивоки, прервал его:

— Господин генерал, мы пришли не лекцию Вашу слушать...

Руцкой, правда, не смутился, а просто закончил встречу. Выходя из кабинета, Тун спросил сам себя с искренним недоумением:

— Зачем мы ходили к этому человеку?

Он удивлял своей открытостью, готовностью к «встречному движению». Российская сторона передавала (после рассекречивания) некоторые документы американцам. Тун добился, чтобы нам тоже передали несколько папок бумаг из архива ЦРУ об исчезнувших советских самолетах.

Однажды мы с послом Туном четыре часа (!) в здании Конгресса отвечали на вопросы родственников погибших, исчезнувших американцев. Потом усталый Тун сказал мне:

— Ничто не роднит людей больше, чем доброе, нравственное дело; ничто не меняет их сильнее, чем нравственное сострадание; ничто не ценится так, как нравственность, честность.

Старый дипломат был прав.

ДЖЕЙМС БИЛЛИНГТОН

Осенью 1990 года я с Галей слушал оперу в Большом театре. Честно говоря, несмотря на то, что удалось достать превосходные места — первый ряд партера, настроение было «не оперное». Я очень устал, глаза буквально склеивались дремотой, я жалел, что не остался дома править статью для «Известий». Вдруг в антракте слышу:

— Господин Биллингтон! С Вами рядом сидит генерал Волкогонов. Вы хотели познакомиться с ним еще в прошлом году, когда приезжали в Москву.

Так необычно (наши кресла были рядом) мы встретили человека с известной для Америки фамилией «Биллингтон». По-моему, первый его сын — Джеймс IV, а первый внук — уже Джеймс V. Славная династия американцев...

Ну, а сам Джеймс Биллингтон — крупный американский историк, русист, много лет работает библиотекарем Конгресса США. Это большая должность: он — главный хранитель интеллектуального наследия Соединенных Штатов. Как увлеченно он рассказывал мне о библиотеке (кстати, самой большой в мире), водя по хранилищам архивов президентов, конгресса, с гордостью показывал старинные (по американским меркам) здания, демонстрировал действительно уникальные условия для работы исследователей, приезжающих сюда со всего света. Образцовое содержание миллионов файлов! И конечно, доброжелательность сотрудников библиотеки.

Джеймс прекрасно владеет русским языком, он автор многих книг о России. Наверное, самая известная из них (и на меня она произвела самое большое впечатление) — «Икона и топор» (отличное название!). В книге есть тонкая наблюдательность и философичность, масштабность мышления и точное видение деталей.

Мы встречались не раз. Однажды я помогал ему готовить большую выставку в конгрессе по документам КПСС. В другой раз — выступал на просмотре фильма о Ленине, снятого режиссером Лисаковичем по моему сценарию. Мы бывали друг у друга дома, ходили на концерты, беседовали... Когда я слышу имя Джеймса, у меня невольно теплеет на сердце. Чрезвычайно любознательный и гостеприимный человек! Разговаривая с ним, я несколько раз ловил себя на мысли: как американцы похожи на русских! И наоборот.

Такие люди своей жизнью, своей деятельностью, своими книгами и сближают народы, помогают понять, что у нас одна родина — планета Земля...

15.07.1992

СТРОУБ ТЭЛБОТ

Мне очень нравится этот американец, написавший диссертацию по литературе о поэзии Тютчева. Советник Президента Клинтона и первый заместитель Госсекретаря США Струуб Тэлбот был покорен музой тютчевского стиха.

Я несколько раз встречался с этим интереснейшим человеком — обаятельным, мягко ироничным. Тютчев сумел заронить семена интереса и любви к нашей загадочной и взъерошенной России в его сердце. Тэлбот знает о русских и русскости не понаслышке. Поблескивая стеклами очков, за которыми — живые заинтересованные глаза, Тэлбот спрашивает:

— Как по-вашему, у России есть шансы стать впервые в своей истории демократическим государством?

— Прошлое России (советское и романовское) — тормоз или опора?

Вопросы, вопросы...

Он очень умеет слушать. А это редкое искусство. Реплики его лаконичны и метки. Беседа с этим амери-

канцем, понимаешь, как же мало на высших этажах пирамиды власти (и у нас, и у них) интеллектуальных и интеллигентных людей, какая это редкость в политике...

НУР МУХАММЕД ТАРАКИ

Наша делегация была принята Нур Мухаммедом Тараки — лидером афганской «революции» (а фактически — типичного переворота). Королевский дворец. Тараки зашел в большой зал, где мы его ждали. Приветлив. Улыбка не сходила с лица. Благодарил СССР, КПСС за помощь: «без вас мы бы не победили». (Это уж точно!) Заявил: «Когда мы раздадим землю крестьянам, они поймут сладость революции». Неужели он не знает, что землю эту крестьяне не возьмут, ведь это нарушение Корана?! «Вся наша надежда — на СССР», — это уже понятнее.

Когда Тараки говорил, он смотрел не на собеседников, а куда-то вверх, выше наших голов. Мне он показался мечтателем, утопистом, решившим насадить социализм на исламской почве.

Амин, сидевший рядом, все время молчал. Почему-то сразу же показался мне какой-то зловещей личностью. Невысокий, с бегающими глазками, с бесстрастным выражением лица. Вечером он предлагал главе советской делегации: «Я могу поднять белуджей в Индии, и вы получите выход к Индийскому океану». Авантюрист?

Тараки нажимал на необходимость финансовой и военно-технической помощи, просил советников. А.А.Епишев, уполномоченный Кремлем, обещал.

Не покидало чувство, что мы — гости победивших заговорщиков. Думаю, что и Тараки, и Амин — что-то

вроде исламских большевиков: они или установят диктатуру, или разожгут пламя гражданской войны, или сгинут бесследно. Вчера по приказу Амину, рассказывал Экбаль, на окраине Кабула расстреляли нескольких мулл... Как при Ленине.

Ясно, что Афганистан — новые гири на ногах СССР.

07.04.1979 и

15.08.1982

КИМ ИР СЕН

В Пхеньяне стояла страшная жара при огромной влажности. Дышалось тяжело. Первое, что бросалось в глаза, — всюду лозунги, портреты, памятники «великого вождя». На бесчисленных панно, картинах — везде он выше и больше людей, которые находятся рядом с ним. В действительности же это плотный человек небольшого роста с большой опухолью на затылке.

Говорит негромко. Часто улыбается. В беседах продемонстрировал недюжинный ум и очень хорошую память. Несколько раз высоко отозвался о Сталине — «мудром полководце», вновь напомнил об обещаниях генсека Черненко серьезно помочь с технической модернизацией армии. Смотришь ему прямо в глаза, не отводит их, как, например, Чаушеску.

Когда Ким Ир Сен вышел на сцену дворца, где проходило торжественное собрание, посвященное освобождению Кореи, зал разразился 20-минутными «бурными аплодисментами». Да и потом, во время приема и беседы с ним и его сыном — «любимым руководителем», — все время в голове крутилась мысль, что окружающие искренне видят в нем не советского майора, привезенного в свое время в обозе наших войск, а истинного земного бога. Экзальтация чудовищная!

Родители.
Мать - Александра
Дмитриевна и отец -
Антон Григорьевич.
30-е годы

Дмитрий
Волгогонов - курсант
Орловского
танкового училища
им. М.В.Фрунзе.
г. Ульяновск. 1949г.

У знамени танкового училища. Наградная фотография за отличную дисциплину, высокие показатели в боевой и политической подготовке.
1950г.

Курсант выпускного курса.
1952г.

Фотোগрафия на память от начальника училища генерал-майора Чугункова руководителю "Звездно-лыжного перехода" лейтенанту Волкогонову. Перед стартом лыжной эстафеты. Декабрь 1950г.

С курсантами Саратовского суворовского училища. 1955г.

В Куйбышеве
с женой
Галиной и
дочерью
Татьяной.
1957г.

С Галиной и Татьяной в Ульяновске. 1954г.

С Войцехом Ярузельским (крайний слева) и А.А. Епишевым (третий слева) в замке Хеленув под Варшавой. 1980г.

Аден. НДРГ. 1976г.

На "Острове свободы" с Фиделем Кастро и А.А. Епишевым (справа от Кастро); третий слева - посол в Гаване В.И.Воротников. Гавана. 1980г.

Орден дружбы" от Юмжагийн Цеденбала. Улан-Батор. Март 1983г.

Вручение ордена "Государственное знамя". Пхеньян. Август 1985г.

Кристалльно честный человек, но с очень консервативными политическими взглядами". Будущий член ГКЧП маршал Д.Т.Язов. Москва. 1989г.

Рыбкин - мастер компромисса. Он умеет сближать полюса, крайности". В перерыве между заседаниями Госдумы. 1992г.

В кабинете начальника Главпура А.А.Епишева

На XXVII съезде КПСС: Д.Волкогонов с будущим министром обороны РФ И.Резниновым. 1986г.

На съемках фильма "Власть идеи - идея власти" с В.П.Лисаковичем. 1993г.

Если бы такие, как он ,
пришли к власти, то такие,
как я и мои друзья,
болтались бы на фонарях..."
Будущий член ГКЧП
генерал В.И.Варенников

Наиболее умный
начальник Генштаба
Советской Армии
послевоенных лет".
С Н.В.Огарковым в кулуарах
XXVII съезда КПСС. 1986г.

Горбачев - баловень истории. Его слабости (нерешительность, осторожность, лавирование, беспринципность) сделали его крупнейшим реформатором XX века. В значительной мере против его воли".

С четой Горбачевых на концерте З.Соткилавы в зале Чайковского.

Москва. 1994г.

На I съезде народных
депутатов РСФСР с
В.А.Варнавским и
С.И.Бабуриным.
Июнь 1990г.

С писателем
В.В.Карповым на съезде
писателей России. *1991г.*

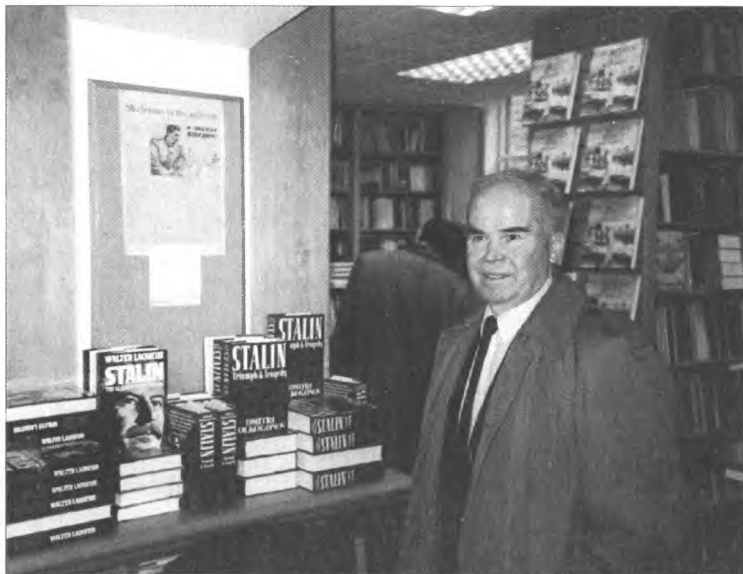

В президиуме
конференции,
организованной газетой
«Асахи».
Токио. Март 1992г.

Выступление,
посвященное 50-летию
окончания «зимней
войны».
Хельсинки. Февраль 1990г.

Книга «Сталин» на прилавке книжного магазина в Лондоне

В издательстве «Прогресс» на презентации книги Р. Такера «Сталин». 1990г.

Яковлев был, вероятно, глубинным генератором радикальных перемен в сторону демократии и цивилизованности... Мощный интеллект, помноженный на доброту, делают его чрезвычайно обаятельным человеком». На презентации книги «Ленин» в издательстве «Новости». 1994г.

Сотцом
Силуяном
на кладбище
Сент-Женевьев
де Буа
под Парижем.
Сентябрь 1988г.

Умогилы Д. С.
Мережковского
и З. И. Гиппиус-
Мережковской
на кладбище
Сент-Женевьев
де Буа.
Сентябрь 1988г

Все со значками вождя. Всё по карточкам. Страна — как гигантский военный лагерь. Военный праздничный парад длился три часа! Казалось, по площади прошла вся Северная Корея; мы увидели даже многочисленные женские батальоны. Ким Ир Сен лишь заученно вяло помахивал ошастливленным массам то правой, то левой рукой...

На приеме больше говорил об американской опасности и угрозе с Юга. Говорил медленно и негромко, не говорил, а *вещал* (как все диктаторы). Стоило ему открыть рот — сразу наступала звенящая тишина: все внимали... Стоило ему поднять руку — к нему тут же подбегал немолодой кореец. Блюда ему приносили специальные люди, не те блюда, какими потчевали всех остальных.

Во время официальных встреч просил самолеты, новые танки, боеприпасы. Чтобы проявить радушие хозяина, приказал показать нам училище «коммандос», свозить на рыбалку, повозить по Пхеньяну. Обычный «набор» казенного гостеприимства.

11-17.08.1985

P.S. Лишь теперь я узнал из архивных документов, как Сталин 9 февраля 1950 года «разрешил» Ким Ир Сэну силой «объединить» Корею. Что из этого вышло — все знают.

1992

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Прием в английском посольстве. Меня посадили рядом с госпожой Тэтчер. Весь вечер она засыпала меня вопросами, внимательно слушала. Я всегда был самого высокого мнения об этой женщине. Двухчасовая беседа убедила меня еще раз в государственной мудрости отставного политика. Нам бы таких деятелей!

Ее интересовало все: сколько квартир получают российские офицеры в этом году, какова обстановка на ядерных объектах, как будут принимать конституцию и т.д. Мне очень понравились некоторые ее образные реплики-замечания.

Тэтчер сказала, что мы упустили шансы в августе 1991 года. Нужно было распустить парламент, принять новую конституцию, осуществить все необходимые преобразования демократического характера.

— Сейчас вы, Россия, похожи на человека, стоящего перед препятствием, которое следует преодолеть. Чем больше вы на него смотрите, тем быстрее оно растет в ваших глазах.

— Я всегда поддерживала и поддерживаю Горбачева. Но он допустил большой просчет: плохо «продал» объединение Германии. Нужно было протянуть лет на 8—10 этот процесс и согласиться на него только при условии: стопроцентное строительство в России всего утраченного ею в Германии — жилья и других объектов. Продешевил Горбачев.

— Германия, кроме всего, небезопасна. В Европе еще будет болеть от нее голова. Решение германского вопроса — не в интересах России...

В таком же духе «железная леди» оценивала не только российско-германские отношения, но и другие реалии российской политики...

22.07.1993

БЕРНАРД ЛЕФКЕ

Двухзвездный генерал американской армии, известный за океаном не только военным. Мы с ним познакомились по совместной работе в Комиссии по розыску американских военнопленных, пропавших на террито-

рии СССР. Мне редко приходилось встречать столь бескорыстных и благородных людей.

Высокий, спортивного вида человек с пронизательными глазами. Может «заткнуть за пояс» почти любого молодого офицера своими успехами в плавании, беге, физической подготовке. Чтобы «держать форму», каждый день бегаёт несколько миль, делает несколько сотен (!) отжиманий. Знает русский, французский, китайский, испанский. Легендарная личность — несколько сотен парашютных прыжков, должности американского военного атташе в России и Китае времен «холодной войны».

Воевал во Вьетнаме. Боль той войны хочет сгладить, притупить богоугодными делами. Его красавица-жена (чей статус красавицы был признан в свое время даже формально — она стала «Мисс Северная Каролина») несколько раз в год ездит в Латинскую Америку помогать детям из сиротского приюта. Сам Бернارد, готовясь к скорой отставке по возрасту, три раза в неделю посещает вечерний факультет медицинского университета. Он хочет стать врачом (в 59 лет!) и уехать с женой и двумя детьми в Латинскую Америку, Африку или Китай помогать людям, не имеющим средств на платную медицину.

Мне редко приходилось видеть в человеке *такое* осознание своего долга перед обездоленными, несчастными, больными, покинутыми. Он принял участие и в моей беде, помог проконсультироваться у крупнейших специалистов-онкологов США.

Бернارد Лефке многое сделал, чтобы выяснить судьбы сгинувших американцев, сейчас он искренне пытается мне помочь в поисках российских (советских) парней, томящихся до сих пор в афганском плену...

19.03.1993

В.Б. РЕЗУН (СУВОРОВ)

Эскиз к портрету предателя. Никогда бы не стал делать этих заметок, если бы не столкнулся с ним в ноябре 1993 года в Париже.

Автор «Ледокола» и «Аквариума» меня никогда особенно не интересовал. Бойкие, тенденциозные книжки. Помню, прочитав «Ледокол», взял наугад десяток цитат и проверил их по оригиналам, — все, почти все, оказались искаженными (где пропущено слово, где добавлено, где убрана запятая, — мелочь, а смысл-то меняется...).

Накануне поездки в Женеву и Париж (для съемок моего фильма о Ленине) мне позвонил человек, который назвался секретарем Союза кинематографистов России.

— Вы не могли бы прокомментировать на Западе «Ледокол»? Можно организовать съемки на ТВ вместе с Суворовым...

— Выступать мне неинтересно. В книге Суворова — версия Геббельса и Шуленберга: «Сталин вот-вот был готов напасть на Германию, и Гитлер был вынужден его упредить». Версия противоречит всем известным фактам. В конце концов, Сталин в 1941 году просто не готов был к нападению!

Я отказался от встречи, но все ж позвонил в посольство (уже в Париже) и узнал, что Резун не прощен за измену; по его вине многие пострадали, была провалена наша сеть в Швейцарии. Встречаться совсем расхотелось.

Утром в отеле ко мне с «секретарем Союза кинематографистов» подошел среднего роста рыхлый человек в парике и очках — всех привычных шпионских атрибутов из фильма об «агенте 007». Пытался уговорить меня на совместное выступление. Без обиняков сказал ему:

— Вы — государственный преступник, мне неприятно что-либо с вами обсуждать.

Тогда меня стали преследовать телефонными звонками, сидели в холле гостиницы с кинокамерой (видимо, чтобы снять сюжет, «как Волкогонов боится разговора с Суворовым»), искали меня. Надоели...

Глубоко убежден, что предательство своей страны нельзя оправдать ничем.

25.11.1993

Лики ушедших

Генерал Деникин

Маршал Ворошилов

Ленин в судьбе России

Еще о Ленине

Ленинские пророчества

Кончина диктатора

Феномен сталинизма

Хрущев - один из семи вождей СССР

Исторические свидетельства

Варианты «Макса»

Мысли из записной книжки

ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН

В одной из заключительных глав пятитомного сочинения русского генерала А.И.Деникина «Очерки русской смуты», написанного на чужбине, есть строки: «Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута, наряду с примерами высокого самопожертвования, всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубине человеческой души...»

В конечном счете все прошлые революции кровавы. Да, октябрьский переворот в Петрограде, с которого начиналась революция, совершился бескровно. Но то было только начало. Уже в Москве переход власти к Советам был совсем иным. А потом был и страшный опыт гражданской войны, когда начала действовать чудовищная логика: брат может пойти на брата, отец может оказаться по другую сторону баррикад от своих сыновей... Более трех лет артиллерийская канонада, сабельные атаки, стоны измученных войной людей заглушали все другие звуки на бескрайних русских равнинах. Соотечественники яростно, беспощадно, исступленно уничтожали друг друга... Даже Плеханов, патриарх марксизма в России, испугался призрака насилия, который маячил за спиной революции... Незадолго до своей смерти, мучаясь тем, что его, корифея теоретического социализма, многие петроградские газеты шельмовали

как «буржуазного перерожденца», Плеханов решил все же остаться честным перед историей и сказать то, что думает об Октябре. В «Открытом письме к петроградским рабочим» он утверждал: «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года». Захват власти одной партией или одним классом, предостерегал Плеханов, может обернуться «величайшим несчастьем...». Старый марксист никем не был услышан... Смертельные противоречия момента все его участники стали решать силой. Гражданская война стала страшной реальностью.

«Белое движение»

Один из лагерей этой войны — «Белое движение». Его основателями был «триумvirат» в составе генералов М.Алексеева, Л.Корнилова и А.Каледина.

Генерал Алексеев направил во все концы России обращение с призывом к офицерам, воинству, всем, кто не хочет «ярма большевизма», прибыть в Новочеркасск, где было решено формировать добровольческие части. Вначале собралось всего около 200 офицеров, прибывших на юг из Петрограда, Москвы, Киева, разместившихся в помещении лазарета на Барачной улице. Вскоре в Новочеркасск прорвался отряд офицеров с румынского фронта под руководством полковника Дроздовского, привел Корниловский ударный полк Нежинцев, прибыли с небольшими группами людей генералы и полковники Богаевский, Марков, Эрдели, Боровский, Казанович, Писарев, Назаров, Покровский, Кутепов, Филимонов, Улагай и другие. Но все равно Добровольческая армия едва насчитывала четыре тысячи человек. Под ударами большевиков «армия» была вынуждена отступить на Ку-

бань (первый «ледовый поход»). Генерал Каледин в приступе депрессии застрелился. Во время похода от прямого попадания снаряда погиб генерал Корнилов. С 31 марта 1918 года в командование Добровольческой армией вступил генерал Деникин, быстро став ведущей фигурой «Белого движения» на юге России.

Какова была политическая программа белых? Пожалуй, о ней можно судить по речи Деникина на открытии Кубанской Рады 1 ноября 1918 года. Главнокомандующий Вооруженными силами юга России (он стал им с сентября 1918 года) специально приехал с фронта и заявил в своем выступлении: «Большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена... Не должно быть Армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая русская Армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственностью только перед русским народом в лице его будущей законной власти... Вопрос о формах государственной власти является последующим этапом и будет решен волей русского народа. Отдельные народности имеют право на широкую автономию при условии сохранения государственного единства».

Доминирующей идеей Деникина было: «скорейшее восстановление Великой, Единой, Неделимой России». Характерно, что, пока немцы оккупировали Украину и другие области охваченного огнем государства, Деникин придерживался лозунга «Ни мира, ни войны с немцами». Когда окрепнем — изгнание германских войск встанет на повестку дня...

После смерти генерала Алексеева Деникин один возглавил «Белое движение» на юге России. Он внимательно следил за образованием единого фронта против советской власти. Была установлена связь с адмиралом А.Колчаком на востоке России, собравшим под свои знамена около 400 тысяч войск, генералом Н.Юденичем

на северо-западе страны, Н.Миллером на севере. Соединения фронтов, как известно, не получилось. Вопреки своим личным желанием в мае 1919 года Деникин признал главенство адмирала Колчака как «Верховного правителя Русского государства и Верховного главнокомандующего русских армий». Колчак в знак благодарности назначает Деникина своим заместителем на юге России...

Что из себя представляла Добровольческая армия в то время? Те, кто видел в ней «осененный страданием и мученичеством подвиг, — правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, — пишет Н.Головин, — точно искренен». Сосуществовали рядом подвиг и грязь, героизм и жестокость, сострадание и ненависть. Деникин назвал кровавое ристалище гражданской войны «русским погостом», на котором и красные, и белые пустили реки крови.

«Различны были способы мучений и истреблений русских людей, но неизменной оставалась система террора, проповедуемая открыто и с торжествующей наглостью. На Кавказе чекисты рубили людей тупыми шашками над вырытой приговоренными к смерти могилою; в Царицыне удушали в темном, смрадном трюме баржи... Сколько жертв унес большевистский террор — мы не узнаем никогда» (впрочем, здесь же Головин сообщает, что, по данным белой Комиссии, эта цифра составляет только в 1918—1919 годах один миллион 700 тысяч человек); хотя генералу хватает мужества признать, что «набегающая волна казачьих и добровольческих войск тоже оставляла грязную муть в виде насилий, грабежей и еврейских погромов». Всего же погибло на полях братоубийственной сечи от террора «белых» и «красных», голода и болезней — 13 миллионов наших соотечественников...

Сегодня страшно поверить и согласиться, что для утверждения «белой» ли, «красной» ли идеи понадобилось

столько жизней и крови. Смертельная межа разделила Россию надолго. Волна насилия захлестнула агонизирующую страну. В плен не брали. Солдаты Краснова поднимали на штыки раненых красноармейцев в лазаретах. Троцкий отдавал приказы о массовых расстрелах дезертиров — «пособников» врагов. В оврагах и белые, и красные расстреливали заложников. В схватке не было места милосердию. По фронтам гулял тиф. Жизнь упала в цене...

Главнокомандующий

Антон Иванович Деникин был обычным русским генералом. Был образован, воспитан в традициях русского офицерства, почитал все ценности корпоративной воинской этики. До первой мировой войны его служба не была отмечена блеском карьеры, достаточно сказать, что командиром полка Деникин стал лишь в 1910 году, почти в 40 лет.

На Германском фронте Деникин храбро воевал, командовал последовательно бригадой, дивизией, армейским корпусом. Там же близко познакомился с генералом Корниловым, что оказало немалое влияние на характер его взглядов.

Уже февральскую революцию и последовавшие за ней события генерал встретил враждебно, через призму «пришедшего хаоса», ворвавшегося не только в общество, но и в армию. Для него было неожиданным назначение на должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, о чем ему в марте 1917 года объявил военный министр А.И.Гучков.

Работая в Ставке вместе с Главкомом Алексеевым, осторожно вел разговор о необходимости установления военной власти. После смещения Алексеева получил новое назначение — командующим уже развалившегося Западного фронта. Его, как и многих других офицеров и

генералов, не покидала мысль: спасти Россию смогут только военные, нужна военная диктатура. Мысль не была оригинальной. Во всех коллизиях прошлого генералитет всегда, хотя бы мысленно, примерял свои возможности для наведения порядка.

Деникин был прямым, цельным человеком, не умевшим угодничать и маскировать свое мнение в угоду начальству. Когда в Ставку приехал А.Ф.Керенский (ставший к тому времени военным и морским министром), Деникин резко выступил на совещании генералитета, обвинив Временное правительство в развале армии и неспособности навести порядок в стране. Его слова о том, что «Декларация прав военнослужащих» — гибель армии, заставили Керенского передернуться, но он смолчал. Деникин, как и большинство русских генералов, в душе сразу отверг Керенского не только за некомпетентность, но и за назойливое многословие. Между собой министра-эсера они называли «главным болтуном России».

Генералы искали подходящего человека, подходящее имя. Нашли — Корнилова. Деникин страшно переживал неудачу своего единомышленника. Крах корниловского заговора обернулся и арестом Деникина. В своих мемуарах генерал-лейтенант писал, что не раз был под угрозой самосуда солдатской толпы. Особенно красочно он описывал свой перевод из Бердичевской в Быховскую тюрьму. Нас вели, вспоминал Деникин, «среди живого человеческого моря... Надвигалась ночь. И в ее жуткой тьме, прорезаемой иногда лучами прожектора с броневика, двигалась обезумевшая толпа; она росла и катилась, как грязевая лавина. Воздух наполняли оглушительный рев, истерические крики, ругательства». Может быть, тогда он впервые остро почувствовал, что бесовство революции молится только насилию.

Группу генералов, в числе которых был и Деникин, разместили в здании бывшей женской гимназии в Быхо-

ве, что около Могилева. Охраной ведал полковник Эрхардт, позволявший заключенным свободно общаться между собой. Сразу же образовался тесный кружок генералов, которым предстояло еще сыграть заметную роль в «Белом движении», — Деникин, Лукомский, Марков, Корнилов, Романовский. Все их разговоры вращались вокруг одной темы — как спасти Россию... Естественно, что генералам путь спасения виделся единственным: с помощью военной силы. Все проклинали Керенского, «главноговорящего России». Именно его они считали главным виновником, позволившим большевикам узурпировать власть.

С помощью Духонина, тогда еще бывшего во главе Ставки, и советского наркома Дыбенко, который поверил приехавшим ходатаям, генералов выпустили из тюрьмы. Похоже, это было последнее распоряжение Духонина. На следующий же день, 19 ноября, по городу поползли слухи: Духонин спас генералов. Толпа матросов и солдат устроила над ним самосуд. Труп Духонина был поднят на штыки и выброшен на мостовую.

Таков был облик русской Смуты.

Деникин тем временем, с документами на имя помощника начальника перевязочного пункта А.Домбровского, направился в Новочеркасск, куда начали стекаться офицеры со всех концов России. Но, как пишет Н.Н.Головин, самая большая трудность формирования Добровольческой армии была социального порядка. Приходили лишь офицеры, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты и почти не приходили солдаты. «Белое движение» с самого начала приобрело характер протеста классов, которым не оказалось места при новых российских порядках.

Добровольческая армия представляла из себя вначале довольно мозаичное объединение: Корниловский полк, Георгиевский полк, три офицерских батальона, юнкерский батальон, Ростовский полк из студенчества,

две батареи... После гибели Лавра Георгиевича Корнилова Деникин принял командование этой почти опереточной армией на себя.

Окрепнув в донских и кубанских станицах, непрерывно получая людское и материальное пополнение, в том числе от бывших союзников царской России, Деникин повел крупную игру. Его армия уже насчитывала десятки тысяч человек.

После революции в Германии и ее поражения Москва аннулировала постыдный Брестский мир, и немцы убралась с юга России. Но развязаны руки теперь были не только большевистскому правительству, получившему передышку, но и Антанте, которая решила помочь «Белому движению» и покончить со смутой в России. В эти месяцы территория бывшей гигантской империи представляла собой разворошенный муравейник, в котором возникали и исчезали партии и правительства, где никто не знал, что будет завтра, где жизнь бурлила вне рамок закона (старые были отменены, новые неизвестны), где миллионы смятенных, дезориентированных, часто озлобленных людей готовы были поддержать то красных, то белых, а многие просто покидали отечество, спасаясь от пришедших напастей.

Тем временем екатеринодарский вождь «Белого движения» не терял времени даром. В то время как Колчак, «Верховный правитель России», начал терпеть одно поражение за другим, к Деникину пришли большие победы. Лето и осень 1919 года — пора наивысших успехов главнокомандующего Вооруженными силами юга России. В конце июня 1919 года в Царицыне, который был взят его войсками, он отдал директиву, согласно которой трем основным группировкам предписывалось: «захватить сердце России — Москву». Сметая неорганизованное сопротивление редких частей Красной Армии, корпуса генерала Деникина быстро двигались к столице. Главнокомандующий, сохраняя внешнее спокойст-

вие, но с внутренним ликованием, читал донесения командира конного корпуса Мамонтова, прорвавшегося в результате дерзкого рейда далеко на север.

В октября 1919 года в штабе Деникина все почувствовали: желанное может скоро свершиться. Осталось всего каких-то верст двести... Взяты Воронеж, Орел, Тула вот-вот должна пасть... А там, в отсутствие Колчака, кто может стать «Верховным Правителем России»? В этих случаях, как известно, все смотрят на победителя...

Деникин еще раньше сформировал «Особое Совещание», впоследствии преобразованное в правительство. В предвкушении близкой победы он не заметил, как большевики, перегруппировав свои силы, создав мощные конные соединения, готовились нанести контрудар. Генерал А.С.Лукомский вспоминал позднее, уже в Берлине, что никто не обратил внимания и на рост недовольства в тылу деникинских войск. «Грабежи и реквизиции, бесчинства возвращавшихся старых хозяев, ухудшение условий жизни беднейших слоев, — писал генерал, — подтачивали тыл Деникина». Приказ о «самоснабжении» частей привел к погоне за «военной добычей». Обыватели в страхе смотрели на «спасителей», которые часто больше походили на обыкновенных мародеров. Растянутая на широком фронте Добровольческая армия противостоять мощному удару красных не смогла. Части Деникина покатались на юг значительно быстрее, чем шли к Москве. Главком метался, отдавал приказы, выдвигал на наиболее угрожаемые направления последние резервы, писал обращения к офицерской чести — все было напрасно... К концу года Красная Армия уже была в Ростове, Новочеркаске, приближалась к Новороссийску. Незадолго до падения Ростова Деникин, чувствуя, что «Белое движение» не простит ему этого поражения (увы! у всех неудач должны быть виновники, и обычно ими становятся руководители!), подготовил не-

что вроде политического завещания: «Наказ Особому Совещанию» (правительству). Деникин продиктовал одиннадцать пунктов. Из-за пространности документа приведу лишь некоторые идеи «Наказа».

Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Борьба с большевизмом до конца. Военная диктатура: всякое противодействие власти — и справа, и слева — немедленно карать. Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и навязывания. Внешняя политика — только национально-русская. За оказанную помощь союзникам — ни пяди земли. Противогосударственную деятельность пресекать, не останавливаясь перед крайними мерами. Прессе содействующей — помогать, несогласную — терпеть, разрушающую — уничтожать. Суровые кары — только при посредстве Управления Юстиции...

Генеральский «Наказ» в немалой мере отражал умонастроения не только тех, кого советская власть сделала «бывшими», но и либерально-демократического крыла политических сил России, со страхом взиравших на плоды великого потрясения.

«Русская смута»

Именно этой теме посвятил генерал А.И.Деникин свои пятитомные воспоминания. Еще не затихли последние залпы гражданской войны в России, а Антон Иванович Деникин, находясь осенью 1921 год в Брюсселе, невзирая, по его собственному выражению, «на трудности и неполноту работы в беженской обстановке — без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, решил издать свои очерки». Во вступлении к «Очеркам» вчерашний главнокомандующий Вооруженными силами написал:

«В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий... После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой, встанет вопрос о сохранении его державного бытия. Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики. Не дождутся. Из крови, из грязи, нищеты, духовной и физической, встанет русский народ в силе и разуме».

За полтора года до написания этих строк Деникин пережил крушение всех своих личных надежд и честолюбивых планов. Перед глазами генерала все еще стоял забитый до отказа войсками Новороссийск, куда все прибывали и прибывали части, теснимые Красной Армией. Генерал Кутепов, оборонявший город, доложил Деникину, что больше суток его деморализованные части не выстоят: нужно уходить сегодня же...

Деникин никогда не смог забыть, как давились его добровольцы у трапов перегруженных судов, как стрелялись офицеры, отчаявшиеся получить место на пароходе, как просьпались у многих низменные чувства перед лицом надвигающейся смерти. Это была безысходность. «Много звериного вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, — вспоминал генерал, — когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым врагом...»

Главкомандующий вступил на борт русского миноносца «Капитан Сакен» вместе с начальником своего штаба генералом Романовским в числе последних...

В Крым удалось переправить около 40 тысяч бойцов. Деникин пытался вести реформирование, восстановить боеспособность войск, но недовольство им нарастало. Быть почти у Москвы и оказаться затем на полуострове, обреченными на поражение, — кто-то должен был за это ответить. Деникин не стал ожидать выраже-

ния ему недоверия Военным Советом и написал письмо его председателю генералу А.М.Драгомирову:

«Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою. Бог не благословил успехом войска, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность Армии и ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. Я не в силах более вести ее...

Уважающий Вас А.Деникин».

В своем последнем приказе Деникин назначил генерал-лейтенанта Врангеля главнокомандующим Вооруженных сил юга России. Второй, и последний параграф приказа гласил: «Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе, — низкий поклон. Господи, дай победу Армии и спаси Россию...»

Вечером 22 марта 1920 года Деникин на английском миноносце навсегда покинул родную землю. Потерпевший поражение генерал, зябко кутаясь в шинель и комкая в руках фуражку, стоял у борта судна и до боли в глазах всматривался в удалявшийся берег. «Когда мы вышли в море, была уже ночь, — запишет он позже. — Только яркие огни, усеявшие густо тьму, обозначали берег покидаемой русской земли. Тускнеют и гаснут. Россия. Родина моя...»

В апреле 1920 года Деникин прибыл в Лондон. Но пробыл там недолго; поиски средств к существованию обрекли на скитания по Европе. В этом же году семья переехала в Брюссель, а на следующий год — в Венгрию. Все время русский генерал отдает написанию своих воспоминаний. В 1926 году Деникин и его близкие перебираются в Париж, хотя скитания их еще продолжатся и во Франции. После завершения «Очерков» в 1928 году Деникин написал книгу «Офицеры», приступил к

биографическому труду «Моя жизнь». Ездил читать лекции по истории в Чехословакию и Югославию. Его последняя лекция, прочитанная накануне войны в Париже, называлась «Международные события и русская проблема». В ней он предупреждал об опасности фашизма, говорил о необходимости всем эмигрантам в случае надобности защищать Россию.

Во время немецкой оккупации Деникин оказался в концлагере, но, несмотря ни на что, отказался сотрудничать с нацистами. Старого генерала освободили, и он часами (по свидетельству его дочери Марины Грев) рассматривал карту военных действий у себя на столе, радуясь победам Красной Армии.

После войны прошел слух, что, возможно, французское правительство выдаст всех русских Сталину. Прежние опасения вспыхнули с новой силой. На встречах с соотечественниками Деникин опять повторял: «С русским народом, но против большевистского режима».

Опасаясь насильственной депортации на родину, Деникин в ноябре 1945 года уехал с женой в США. Здесь он собирался написать книгу «Вторая мировая война». Но старость и болезни уже подкрадывались к бывшему главнокомандующему. Мысленно он все чаще погружался в безумные дни гражданской войны. Вся картина величайшего русского потрясения, прошедшая перед его глазами, предстала под его пером как новая «Русская смута».

Ключевский «смутой», «смутным временем» для Российского государства называл начало XVII века. Пресечение царской династии, появление самозванцев стали поводами для смуты... суть же ее он определил предельно точно: «социальный разлад» в государстве. Деникин увидел в событиях, потрясших Россию, повторение старых смутных времен. Во многом он был прав...

Но старейший генерал так и не понял, что кровавую революцию подготовили не столько «недостаток патрио-

тизма» и «социалисты», сколько сам царизм, втянувший гигантскую страну в бессмысленную войну. Именно война, доведя народ до последней грани усталости, дала невероятные шансы революции. Февраль «не получился» потому, что, провозгласив свободу, он не дал народу мира и землю. Октябрь учел это и, отняв дарованную свободу, дал людям мир и землю. Вернее, пообещал дать... (Правда, без свободы ни мир, ни земля не имели уже той ценности...) Этого так и не понял Деникин, объясняя трагедию России и смутные времена лишь попустительством Керенского и коварством большевиков...

Агония «Белого движения» продолжалась долго. Антон Иванович внимательно следил за развитием событий. До него доходили сведения о том, что после декретов ВЦИК в 1921-м и 1924 годах об амнистии для рядового состава немало солдат уехали на родину. Тех из офицеров, которые тоже не могли вынести разлуки с отчизной и тоже вернулись, ждала горькая судьба. В тридцатые годы, во время страшных «чисток» последние уцелевшие из них были сметены в небытие. Но за околицей отечества все равно осталось много людей, прошедших через добровольчество. В 1925 году врангелевский «русский совет» подсчитал, что количество русских беженцев, которое можно поставить «под ружье» в Германии, Франции, Югославии, Греции, Турции, Китае, Латвии, Чехословакии, Болгарии, достигало 1 миллиона 158 тысяч человек. Все они, как говорилось в документе, добытом разведуправлением РККА, считали себя «преданными белой идее». Вероятно, это было большим преувеличением. Однако долгое время существовал «Русский общевойсковой союз», различные комитеты и объединения бывших добровольцев. Издавались военные газеты и журналы, отражавшие сложную жизнь русских офицеров на чужбине.

Судьба большинства добровольцев, вынужденных покинуть родину, — долгая драма, а иногда и настоящая

трагедия. Эти люди в течение десятилетий были для нас «белогвардейщиной», «царским офицерем». Мы редко видели в них людей, наших соотечественников, имевших подчас блестящее образование и искренне любивших Россию, но закончивших жизнь где-нибудь в ночлежках Харбина или Константинополя, успокоившихся на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа в Париже, водивших такси в Нью-Йорке и Софии... Несмотря на устойчивые антикоммунистические взгляды большинства эмигрировавшего белого офицерства, они не идентифицировали большевистский режим и свою родину. В годину лихолетья гитлеровского нашествия лишь единицы оказались способными пойти в услужение фашизму, решив, что все средства борьбы с коммунистами хороши, — П.Н.Краснов, А.Г.Шкуро, М.В.Ханжин. Большинство же восприняли нападение Гитлера на СССР как личное горе.

Как бы мы ни относились к А.И.Деникину с высоты прожитых лет, нельзя не признать, что он был большим патриотом России, но России, не «вздыбленной революцией», а той, вечной, православной, которую так почитали «бывшие». Последними словами умиравшего на чужбине русского генерала были:

— Увы! Я никогда не увижу спасенную Россию...

1990

МАРШАЛ ВОРОШИЛОВ

Истории очень часто угодно оставлять в тени надолго, порой навсегда, людей достойных и талантливых, и, наоборот, порой случается, что на гребень популярности возносятся люди крайне посредственные, безликие, невзрачные по своей интеллектуальной сути. К последним в полной мере можно отнести и Климента Ефремовича Ворошилова, маршала Советского Союза, одного

из ближайших соратников Сталина, известного военно-государственного и партийного деятеля СССР.

По прошествии многих лет после смерти этого человека, знакомясь с тысячами документов — приказами, директивами, статьями, записками самых закрытых архивов, где стоит подпись Ворошилова, я не смог найти там ни одной мысли, которая свидетельствовала бы об интеллекте этого человека, его истинной гражданственности или нравственной чистоте. Исторический случай в недрах тоталитарной Системы, где прежде всего ценилось послушание, исполнительность, безжалостность и однодумство, вознес Ворошилова на самый верхний этаж политической власти государства. Такая Система живет не только с помощью насилия, но и комплекса мифов и легенд, создаваемых пропагандистской машиной. Ворошилов стал одним из первых многолетних и устойчивых мифов общественного сознания сталинского общества. Тем интереснее проследить за судьбой этого человека, через призму которой еще отчетливее проступают характерные черты тоталитарного социализма с его догматизмом, бюрократией, мифотворчеством.

Ворошилов родился 23 января 1881 года в селе Верхнее, Екатеринославской губернии в семье бедняков: отец — сторож на железной дороге, мать — поденщица. Его ранние годы похожи на судьбы многих простых людей того времени: раннее приобщение к труду, лишения, безысходность. Несмотря на отсутствие образования (по его словам, он учился всего «две зимы»), еще на пороге века его смогло захватить своей струей революционное движение в России.

В семнадцать лет он уже член социал-демократического кружка. Вскоре с помощью студентов одолел «Манифест Коммунистической партии», включился в нелегальную деятельность. Естественно, последовали аресты и ссылки. Но при либерализме царских наказаний за

политическую деятельность бежать из мест высылки не составляло никакого труда.

На стокгольмском и лондонском съездах РСДРП Ворошилов встречается с Лениным, знакомится со Сталиным, другими социал-демократами, которые придумали для себя романтические титулы «профессиональных революционеров». Работая с большими перерывами на заводах (в Луганске, Царицыне, Петрограде), будущий «военный вождь» с началом первой мировой войны уклонился от мобилизации в армию.

С приходом февральской, а затем и октябрьской революций 1917 года вчерашний слесарь попал в самую гущу клокочущего людского водоворота. Был быстро замечен вождями, избран на съезд партии, стал членом ВЦИК, членом коллегии ВЧК, получил назначение на Украину для укрепления «защиты советской власти». Под его водительством отряды, верные Москве, с трудом пробивались через мятежные районы Дона к Царицыну, где, собственно, и началась его военная биография.

«Пролетарский полководец» — именно так часто называли Ворошилова в официальных большевистских кругах. Человек, не износивший ни одних солдатских штанов, вскоре после начала революции стал «полководцем». Вначале он возглавил на Украине пеструю, плохо организованную массу вооруженных людей, которая именовалась 5-й армией. После ее перехода в Царицын она была переформирована в 10-ю армию. Именно здесь, в Царицыне, вместе с уполномоченным по делам продовольствия на юге России Сталиным, политкомиссаром Е.А.Щаденко и несколькими бывшими офицерами царской армии он организовал оборону города, имевшего важное значение не только в военном отношении, но и в продовольственном обеспечении голодного центра.

Современники Ворошилова отмечают его большую личную храбрость и бесстрашие. Но никаких заметных

полководческих качеств на Царицынском фронте Ворошилов не проявил. Не обладая даже элементарными военными знаниями, он уповал на партизанские, «пролетарские» методы борьбы, был подозрителен к военным специалистам. Будучи членом Военного совета Южного фронта и командующим 10-й армией, часто конфликтовал с командующим фронтом Павлом Павловичем Сытиным — опытным и знающим военачальником. При поддержке Сталина не раз через голову командующего фронтом обращался непосредственно в Москву, к Ленину, а также главнокомандующему Вацетису, стремясь скомпрометировать Сытина и других военспецов.

Вацетис был даже вынужден послать из Арзамаса резкую телеграмму Реввоенсовету фронта, в которой, в частности, говорилось: «...я вижу, что защита Царицына доведена вами до катастрофического состояния, а между тем ваши прежние донесения свидетельствовали о том, что Царицын защищается многочисленными отрядами. Нынешнее катастрофическое положение Царицына всецело ложится на вашу ответственность, ибо произошло исключительно от вашего нежелания работать в контакте с комфронтом Сытиным... Категорически приказываю вам действовать по указаниям комфронтом Сытина и в полном с ним контакте...»

Ворошилов долго был уверен, что революция должна отбросить традиционные методы вооруженной борьбы, уповая больше на способы «народного», партизанского действия. Даже Ленин, не будучи военным специалистом, понимал, что линия, выразителем которой был Ворошилов, глубоко ошибочна. Выступая на съезде партии, лидер русской революции, осуждая идеи «военной оппозиции», к которой примыкал и «герой» Царицына, в частности, говорил: «Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Товарищ Ворошилов говорит: «У нас не было никаких военных

специалистов и у нас 60 000 потерь». Это ужасно. Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, мы обходились без военных специалистов, — разве это есть защита партийной линии... Виноват товарищ Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить».

В годы гражданской войны волей ЦК большевистской партии Ворошилов не раз перебрасывался с места на место: в конце 1918 года назначается народным комиссаром внутренних дел Украины, командующим войсками Харьковского военного округа, командующим 14-й армией, командующим внутренним Украинским фронтом, членом Реввоенсовета 1-й Конной армии... За участие в подавлении Кронштадтского мятежа был награжден вторым орденом Красного Знамени. Первым — за бои на Северном Кавказе.

Везде, куда его посылало руководство большевиков (в 1921 году Ворошилов стал членом Центрального Комитета партии), «пролетарский полководец» проявлял завидное рвение и исполнительность. Это был один из тех военных руководителей, которые, не внося ничего нового в военное дело, зарекомендовали себя как послушные и последовательные исполнители чужой воли.

По настоянию Сталина Ворошилова назначают командующим весьма ответственным Московским военным округом вместо друга Троцкого Николая Ивановича Муралова. После смерти Михаила Васильевича Фрунзе, пробывшего во главе военного ведомства лишь около года, Ворошилов (и вновь по рекомендации генерального секретаря партии!) возглавил Красную Армию, находясь в общей сложности на этом посту полтора десятилетия. Именно в это время высшее руководство СССР, испытывая военное давление со всех сторон и не отказываясь от своих коминтерновских планов разжигания «мировой революции», уделяет особое внимание военному строительству.

Наряду с коллективизацией и индустриализацией создание мощных армии и флота было предметом основной заботы руководства ВКП(б), возглавляемого Сталиным, который в начале тридцатых годов стал полномочным диктатором страны. Именно в такой обстановке нарком Ворошилов оказался исключительно удобным человеком для «вождя народов». Сохранив дружеские, часто даже внешне фамильярные отношения со Сталиным (до самой смерти диктатора он обращался к нему на «ты»), Ворошилов превратился в безропотного и ревностного исполнителя воли новоявленного цезаря.

Мало этого: Ворошилов стал, по сути, первым, кто начал усиленно насаждать культ Сталина, используя для этого военные штрихи биографии человека, ставшего олицетворением самых мрачных страниц истории великого народа. Так, в пятидесятилетие Сталина, 21 декабря 1929 года, в «Правде» появилась статья Ворошилова, озаглавленная «Сталин и Красная Армия». Автор этой апологетической статьи, презрев истину, писал: «В период 1918—1920 годов товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный Комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, — там не было видно Сталина. Но там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, — там появлялся товарищ Сталин...»

Прошло немногим более десяти лет после октябрьского переворота, но претендент на пост диктатора определился. Им был Сталин. Он очень нуждался в массовой идеологической поддержке, чтобы короноваться на

уникальную и единственную в своем роде должность — «вождя народов». Одним из первых, кто оказал эту поддержку, был руководитель самого влиятельного и могущественного ведомства — военного.

Огромные ресурсы были брошены на создание отечественного самолетостроения, танкостроения, производство боеприпасов, химического оружия. Мы знаем, что история ценит только истину. Во имя ее следует указать, что именно Ворошилов явился основным инициатором создания такой ужасной отрасли милитаризации, как химическое и бактериологическое оружие. В конце марта 1934 года он посылает Сталину записку следующего содержания: «...Посылаю проект положения, штатов и сметы по химико-бактериологической работе, разработанный комиссией тт. Фишмана, Гая, Великанова и Демиховского на основе наших указаний.

Предлагаемая организация, которую мы (при твоей помощи) постараемся обеспечить соответствующими людьми, должна создать необходимые условия для развертывания этой работы.

Прошу об утверждении представляемых проектов...»

В верхнем углу документа стоят размашистые подписи: «За. И. Сталин, В. Куйбышев, Молотов».

Этот страшный документ — свидетельство того периода, когда СССР шел по мрачному пути смертельной конфронтации, угроз и столкновений со многими странами мира. У «пролетарского полководца», инициировавшего военные приготовления в такой чудовищной сфере, не было мучительных колебаний.

Но полководец не сыскал себе славы и лавровых венков на поле брани.

Во время советско-японского вооруженного конфликта на озере Хасан Ворошилов (при участии Сталина) своими бестолковыми распоряжениями, носившими главным образом угрожающе-политический характер, парализовал уверенность и работоспособность

Военного совета войск Дальнего Востока. В небольшом, по сути, столкновении советские войска потеряли более трех тысяч убитыми и ранеными, имея большое превосходство в силах. Но Ворошилов, созвав 31 августа 1938 года Главный военный совет РККА, возложил всю ответственность за неуверенные действия на командующего маршала Блюхера. В своем приказе № 0040 от 4 сентября 1938 года Ворошилов расформировал управление Дальневосточного Краснознаменного фронта, а Блюхера, по предварительному согласованию со Сталиным, отстранил от командования, предрешив тем самым его трагический конец.

Но это был конфликт локального значения. Более крупной неудачей, одним из последствий которой стало охлаждение Сталина к «легендарному наркому», стала бесславная советско-финляндская война 1939—1940 годов, продлившаяся 105 дней.

Ворошилов, как главнокомандующий войсками, действовавшими против Финляндии, явно недооценил (как и все советское руководство) упорства, мужества и мастерства финнов, вставших на защиту своей родины. В своем докладе Сталину, который основывался на донесениях Берии и Главного разведывательного управления РККА, Ворошилов писал: «Материальная часть вооруженных сил финской армии большей частью довоенных образцов старой русской армии... Среди резервистов настроение подавленное... Рабочие массы Финляндии... угрожают расправой тем, кто ведет политику, враждебную Советскому Союзу...»¹.

Однако потребовались огромные усилия великой страны, чтобы сломить сопротивление небольшой финской армии. В ходе кампании рядом своих оборонительных действий финны показали очень слабую подготовку советских войск и особенно их высшего руководства.

¹ ЦГАСА, ф.25888, оп.11, д.17, л.196—199.

Весьма чувствительный удар был нанесен окружением и разгромом 44-й стрелковой дивизии. Москва после этого прибегла к испытанным методам: судам военных трибуналов и расстрелам.

В своем докладе Сталину Ворошилов, как всегда, пытался переложить вину за военные неудачи на чужие плечи: «Считаю необходимым провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков. Выдвинуть вместо трусов и бездельников (сволочи тоже есть) честных и расторопных людей. Мерецкова предупредить от лица Ставки (лично я это уже сделал), что, если он не наведет порядка в войсках, он будет снят и отдан под суд...»².

А Берия все нагнетал обстановку. Вот один фрагмент сообщения, переданного Ворошилову: «139 стрелковая дивизия находится в тяжелом положении. Фуража совершенно нет, третьи сутки горючее не подвезено, полки десять суток находятся в бою; потери 800—900 человек. В 609 полку комсостав выведен на 80 процентов. Бойцы разбегаются. Настроение подавленное...»³. Ворошилов хорошо знал, что подобное донесение пошло и к Сталину.

Лишь к началу марта, к великому конфузу Ворошилова и Сталина (выступавшего в роли члена Военного совета Главного командования), сопротивление Финляндии было сломлено. Около семидесяти тысяч жизней советских воинов плюс глубокая политическая изоляция страны, которую мир осудил как агрессора, стояла эта бесславная война. Легкого похода не получилось.

Сталин сделал для себя выводы. Уже через месяц после окончания войны Ворошилов был отстранен от руководства Наркоматом обороны и заменен С.К.Тимошенко, военачальником этой же «школы». «Актом

² ЦГАСА. ф.33987, оп.3. д.1396. л.395—396.

³ ЦГАСА. ф. 33987, оп.3. д.1221. л.339.

о приеме Наркомата обороны» Сталин постарался максимально унижить Ворошилова и тем самым найти главного козла отпущения. И хотя «великий вождь» сделал неудачника заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров по оборонным вопросам, все отлично понимали, что это серьезная опала.

«Зимняя война» воочию показала всем: «легендарный красный маршал» не обладает ни стратегическим мышлением, ни оперативным кругозором, ни должными организаторскими способностями. Человек, который учился лишь «две зимы» и имевший на вооружении только «школу Политбюро», в которой главной наукой было угадать желание главного вождя, оказался «голым королем»...

Это в полной мере показала вскоре и Великая Отечественная война советского народа против немецкого фашизма. Сталин пытался использовать Ворошилова как представителя Ставки, члена Государственного Комитета Обороны, в качестве главнокомандующего Ленинградским фронтом. К слову сказать, Сталин продержал его в последней должности всего одну (!) неделю... Еще до этого Верховный Главнокомандующий послал в Ленинград красноречивую шифровку Ворошилову, Маленкову, Жданову и Кузнецову, в которой говорилось: «Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной. Ленинградский фронт занят только одним: как бы только отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончать с героями отступления?»⁴. Последняя фраза весьма зловеща, ведь Сталина хорошо знали. Везде назначения Ворошилова вели только к ухудшению положения. Старейший маршал не обладал ни мышлением, ни волей военачальника, а одной смелостью, которая так помогала ему в начале карьеры, ситуацию изменить было нельзя.

---

⁴ ЦАМО, ф.3, оп.11556, д.2, л.81.

В начале февраля Сталин направляет Ворошилова как представителя Ставки на Волховский фронт с целью активизации действий по деблокаде Ленинграда. Но положительного результата, увы, и на этот раз не последовало. Тогда Сталин предложил Ворошилову в прямом разговоре по телеграфу самому возглавить фронт. Тот сразу же отказался, сославшись на какие-то пустяковые обстоятельства, — а попросту боясь ответственности и испытывая полную неуверенность в своих силах. Тогда Сталин, взбешенный отказом Ворошилова, продиктовал документ, который был затем узаконен (так часто бывало) как решение Политбюро. С небольшими сокращениями стоит его привести.

«Членам и кандидатам ЦК ВКП(б) и членам комиссии партийного контроля. Сообщается следующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о работе товарища Ворошилова, принятое 1-го апреля 1942 года.

Первое. Война с Финляндией в 1939—1940 годах вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась большая запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное Артиллерийское управление, Управление боевой подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и другое. Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам. Товарищ Ворошилов, будучи в то время Народным комиссаром обороны, вынужден был признать на Пленуме ВКП(б) в конце марта 1940 года обнаружившуюся несостоятельность своего руководства. ЦК ВКП(б) счел необходимым освободить товарища Ворошилова от поста Наркома обороны.

Второе. В начале войны с Германией товарищ Ворошилов был назначен главнокомандующим Северо-За-

падным направлением, имеющим своей главной задачей защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, товарищ Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. В своей работе в Ленинграде товарищ Ворошилов допустил серьезные ошибки: издал приказ о выборности батальонных командиров в частях народного ополчения — этот приказ был отменен по указанию Ставки как ведущий к дезорганизации и ослаблению дисциплины в Красной Армии; организовал Военный Совет обороны Ленинграда, но сам не вошел в его состав — этот приказ был также отменен Ставкой как неправильный и вредный, так как рабочие Ленинграда могли понять, что товарищ Ворошилов не вошел в совет обороны потому, что не верит в оборону Ленинграда; увлекся созданием рабочих батальонов со слабым вооружением (ружьями, пиками, кинжалами и т.д.), но упустил организацию артиллерийской обороны Ленинграда. Ввиду всего этого Государственный Комитет Обороны отозвал товарища Ворошилова из Ленинграда.

Третье. Ввиду просьбы товарища Ворошилова он был командирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако, пребывание товарища Ворошилова на Волховском фронте не дало ожидаемых результатов. Желая еще раз дать возможность товарищу Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил товарищу Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но товарищ Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет провалиться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

Первое. Признать, что товарищ Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

Второе. Направить товарища Ворошилова на тыловую военную работу.

Секретарь ЦК ВКП(б) И.Сталин»⁵.

Приведенный документ — явное личное творчество Сталина. Верховный Главнокомандующий, без конца повторяя «товарищ Ворошилов», фактически показал полную несостоятельность «первого маршала».

Сталин, правда, еще раз дал Ворошилову крупный самостоятельный участок работы, назначив его в конце 1942 года главкомом партизанского движения. Но через три месяца вынужден был освободить своего соратника и от этого поста. В последующем «великий вождь» использовал Ворошилова в основном для представительских целей как декоративную фигуру, сочтя, что на этом поприще он не сможет нанести большого вреда.

Бывшему «легендарному полководцу» еще крупно повезло: его не расстреляли, как генерала армии Павлова, и не разжаловали, как маршала Кулика, на которых Сталин свалил крупные катастрофы 1941 и 1942 годов. Сталин не мог забыть услуг, оказанных ему Ворошиловым, в осуществлении страшной чистки, проведенной накануне войны в армии и на флоте. Это составляет особую главу в жизни «первого маршала». Мы обязаны осветить ее в этом очерке, хотя бы и потому, что конкретные деяния Ворошилова самым непосредственным образом повлияли на катастрофическое начало войны с фашистской Германией.

Для начала вспомним одну фразу из речи Ворошилова, произнесенной на заседании главного Военного совета в ноябре 1938 года: «В ходе чистки Красной Армии

⁵ ЦАМО, ф.132, оп.2642. л.233. л.285—286.

в 1937—1938 годах мы вычистили более четырех десятков тысяч человек»⁶. Если учесть, что большая часть «вычищенных» (а чистили террором и раньше, и позже указанных лет) была расстреляна, то нетрудно представить объем человеческого и стратегического ущерба, нанесенного вооруженным силам сталинской операцией, которую активно помогал осуществлять маршал Советского Союза Ворошилов, получивший это звание в 1935 году в числе первых пяти военачальников, удостоившихся подобной чести.

Ворошилов полностью поддержал курс Сталина на генеральную чистку в стране, с тем, как они полагали, чтобы убрать с политической сцены всех потенциальных противников из числа бывших троцкистов, сторонников тех или иных оппозиций, бывших царских офицеров, сомнительных в идейной благонадежности людей. Ворошилов дал общую установку на «выкорчевывание» «врагов» из рядов РККА, которая активно исполнялась оболваненными людьми. Когда процесс начал выходить из-под контроля и армия оказалась фактически обезглавленной, маршал вынужден был отдать 3 января 1939 года приказ № 001 «О разрешениях на аресты военнослужащих», где говорилось, что «разрешения на аресты военнослужащих высшего, старшего и среднего начальствующего состава РККА могут даваться только мною...»⁷. Хотя и до этого перо наркома не высыхало...

В телеграмме в Новосибирск Ястребову 14 июня 1937 года говорилось: «разрешение на аресты троцкистов, двурушников и пр. даю только лично я...»⁸.

Вот лишь несколько его личных телеграмм из многих сотен подобных:

---

⁶ ЦГАСА. ф.33987, оп.3, д.152, л.151.

⁷ ЦГАСА. ф.33987, оп.3, д.1280, л.43.

⁸ ЦАМО. ф. 5, оп.176692, д.5, л.110.

«Хабаровск. Блюхеру, Хаханьяну. На № 1587. Арестовать. 1 июля 1937 г. К.Ворошилов».

«Свердловск. Гойлиту. На № 117. Найти, арестовать и строжайше судить. 1 июля 1937 года. К.Ворошилов».

«Смоленск. Белову, Мезису. На № 475. Арестуйте. 1 июля 1937 г. К.Ворошилов».

«Владивосток. Кирееву, Окуневу. На № 2454. Уволить, а если есть подозрения, что он замешан в делах жены, арестовать. 21 июля 1937 г. К.Ворошилов».

«Ленинград. Дыбенко, Магеру. На № 16757. Разрешаю судить. 22 июля. К.Ворошилов».

«Тбилиси. Куйбышеву, Ансе. На № 342. Уволить. На № 344. Судить и расстрелять. На № 346. Уволить. 2 октября 1937 г. К.Ворошилов»⁹.

Сколько было таких шифротелеграмм!

Результаты не замедлили сказаться. Из пяти Маршалов Советского Союза трое были расстреляны. Из 16 командармов — погибли 15; из 67 командиров корпусов — сгинули 60; из 169 командиров дивизий — 136; из 397 командиров бригад — 221; из 4 флагманов флота погибли все; из шести флагманов 1-го ранга погибли все; из 15 флагманов 2-го ранга погибли 9. Были арестованы и расстреляны тысячи командиров полков, батальонов, эскадронов и им равных. Страшный пир насилия продолжался более двух лет.

Уникальный, беспрецедентный случай в истории, когда лицо, стоящее во главе армии, само организовывало, санкционировало, направляло, инициировало всю эту кровавую вакханалию. Подручный Сталина — маршал Ворошилов, которого долгие годы обманутые люди считали полководцем, государственным деятелем, был попросту палач. Пособник главного палача. Им двигало одно чувство: выполнить волю Сталина и обезопасить

---

⁹ ЦАМО, ф.5, оп.176 692, д.5, л.130, 137, 140, 191, 196, 239, 367.

таким образом себя, стать достойным доверия «вождя». Отсутствие элементарной гражданской порядочности, догматизм мышления, ложно понятый долг делали Ворошилова прямым соучастником грандиозного преступления. Именно он (разумеется, вместе со Сталиным) повинен в том, что накануне войны командирами полков становились вчерашние комроты, дивизиями командовали неопытные офицеры, перепрыгивавшие через ступени военной карьеры, а высший эшелон руководства армией и флотом был явно не готов к той страшной ноше, которую возложила война на его плечи.

К Ворошилову, естественно, обращались тысячи арестованных людей, прося разобраться в «недоразумении». Я просмотрел тома этих потрясающих документов. За исключением нескольких случаев Ворошилов остался глух к мольбам этих людей.

Вот что маршал Егоров писал Ворошилову перед своим арестом: «Пошел второй месяц, как я освобожден от всякой работы. Я не говорю уже о том, что невыносимо и тяжело сидеть без работы. Основное и важнейшее — это то, что замерла целиком моя жизнь, и я кажусь за бортом, как будто какой-то предатель и изменник». Ворошилов начертил на письме: «Т.Сталину. Это четвертое заявление одного и того же порядка. К.Ворошилов».

Дальнейшая судьба маршала Александра Ильича Егорова печальна, как и Блюхера, и Тухачевского. Впрочем, с расправы над Тухачевским и началась основная кампания избиения командных кадров. Именно Ворошилов устроил фарс с «обнаружением и обсуждением контрреволюционной фашистской организации», который продолжался с 1 по 4 июня на Военном совете при народном комиссаре обороны СССР. Доклад сделал сам Ворошилов. В приказе № 072 от 7 июня 1937 года он предопределил судьбу несчастных. Точнее, он знал, чем кончится этот процесс: «Немецко-японские фаши-

сты не дождутся поражения Красной Армии. Она была и остается непобедимой. Агент японо-немецкого фашизма Троцкий и на этот раз узнает, что его верные подручные гамарники и тухачевские, якиры, уборевичи и прочая сволочь, лакейски служившие капитализму, будут стерты с лица земли, и память их будет проклята и забыта»¹⁰.

Была ли эта жестокость случайной? Нет, конечно. Беспощадность к врагам считалась у большевиков высшей революционной добродетелью. Все «соратники» Сталина наперебой стремились превзойти друг друга в непримиримости к потенциальным противникам, что, впрочем, многих из них не спасло от тяжелой участи. Молох тоталитарной системы не мог обходиться без жертв. Бесчисленных жертв.

Еще ранее, в сентябре 1936 года, Николай Иванович Бухарин, на котором уже «висели» зловещие подозрения, но он продолжал находиться на свободе, обратился с доверительным, дружеским письмом к Ворошилову, в котором писал: «Как Вы можете верить наветам на меня, ведь так могут поступать люди, не заслуживающие уважения». Ворошилов тут же ответил. Письмо маршала заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«Тов. Бухарину.

Возвращаю письмо, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении партруководства. Если твоем письмом хотел убедить меня в твоей полной невиновности, то убедил пока в одном: впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу, а если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу партруководства, буду считать тебя и негодяем.

3.IX-36 г.

*К.Ворошилов»*¹¹.

¹⁰ ЦАМО, ф.17, оп.165, д.39, с.42.

¹¹ ЦГАСА, ф.33987, оп.3, д.891, л.29.

Предварительно копию письма Бухарина и своего ответа опальному большевику Ворошилов направил Сталину и другим членам Политбюро. Цинизм «пролетарского полководца» может быть достойно оценен историей.

В столь сложных заботах о чистоте рядов РККА Ворошилову было трудно уделять должное внимание боевой готовности войск, оперативному мастерству военачальников, своевременному техническому перевооружению частей и соединений. Книга приказов Наркома обороны за 1937—1940 годы пестрит такими, например, документами, подписанными Ворошиловым:

«№ 071 от 25.05.1937 г. О мерах предотвращения порчи материальной части ВВС РККА по злему умыслу».

«№ 0135 от 20.08.1937. О мерах предотвращения вредительской и диверсионной деятельности в автобронетанковых частях РККА».

«№ 049 от 22.04.1939 г. Объявление приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Подласа К.П., Шуликова М.В., Помощникова А.И.».

«№ 065 от 15.05.1939 г. О случаях порчи оружия в войсковых частях Орловского и Приволжского военных округов».

«№ 0028 от 16.05.1941 г. О неверной, непартийной линии некоторых окружных армейских газет»¹².

Подобные документы больше похожи на «творчество» главы карательной спецслужбы, нежели на приказы руководителя военного ведомства огромной страны.

Имя Ворошилова причастно ко многим трагедиям террора. И не только советских людей, но и поляков. После раздела Польши осенью 1939 года по указанию

---

¹² Приказы Народного комиссара обороны СССР за период 1937—1941 гг. М., 1990.

Сталина и предложениям Берии и Мехлиса Ворошилов «помог» решить судьбу польских «военнопленных». В соответствии с этими решениями:

«генералов, подполковников, крупных военных и государственных чиновников и всех остальных офицеров поместить на юге (в Старобельске);

разведчиков, контрразведчиков, жандармов, полицейских и тюремщиков — в Осташковском лагере, Калининской области;

пленных солдат, родина которых находится в немецкой части Польши, содержать в Козельском лагере, Смоленской области и Путивльском лагере, Сумской области...»¹³.

Несчастные еще не знают, что это будут для них не лагеря интернирования, а лагеря смерти, последнее прибежище на земле.

Пожалуй, эти вехи биографии маршала гораздо более впечатляющи, чем его военные подвиги на фронте, где, впрочем, он развернуться не успел. Своего послушного, удобного, исполнительного Ворошилова Сталин не рисковал подолгу держать в действующей армии даже в начале войны. И было отчего.

Едва приехав в Ленинград, Ворошилов кроме организации ряда контратак в стиле гражданской войны 8 сентября 1941 года сочинил вместе со Ждановым Постановление Военного совета Ленинградского фронта по затоплению кораблей Балтийского флота «для закупорки фарватеров и гаваней». Ответ Сталина был быстрым; через два дня последовала директива Ставки: «освободить маршала Советского Союза тов. Ворошилова от обязанностей командующего Ленинградским фронтом. Тов. Ворошилову сдать дела, а тов. Жукову принять в течение 24 часов...»¹⁴.

¹³ ЦАМО. ф.5, оп. 176692, д.5, л.449.

¹⁴ ЦАМО. ф.3, оп.11556, д.2. л.201.

После Волховского фронта осел «пролетарский маршал» в стратегическом тылу и, работая по подготовке пополнения, имел немало свободного времени, чтобы мысленно охватить свою военную карьеру. Ведь это с его легкой руки перед войной стала внедряться в сознание военных мысль о возможности легкой победы над любым врагом. Выступая с речью на Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года, Ворошилов, назвав Сталина «истинным маршалом коммунизма», заявил: «Мы должны победить врага, если он осмелится на нас напасть, малой кровью, с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов...»¹⁵.

Слова «малой кровью» стали крылатыми в довоенной армии, слабо подготовленной к современной полномасштабной войне. Но уже «зимняя война» показала амбициозность и бессодержательность слов Ворошилова о «малой крови». Он все время убеждал народ в своих многочисленных выступлениях, что «выучка личного состава достигла большой высоты...». Однако уже в декабре 1939 года был вынужден в своем докладе Политбюро писать горькие слова о делах в Карелии: «Пехоты как организованной силы на фронте не существует, болтается у фронта масса (толпами) людей, почти никем не управляемых... Командиры и политсостав все еще настроены к легкому и безостановочному походу на Финляндию...»¹⁶.

Можно было бы назвать эти признания самокритичными (ведь он народный комиссар обороны страны!), если бы тут же не следовали безнравственные пассажи о виновности Мерецкова, других военачальников, по сути, всех, кто стоял ниже самого маршала в военной иерархии. Виновны были все, кроме него самого.

---

¹⁵ К.Ворошилов. Оборона СССР. М.: Военное издательство, 1937, с.646—647.

¹⁶ ЦГАСА, ф.33987, оп.3, д.1396, л.59.

После сказанного нет нужды подробно останавливаться на том, был ли маршал военным теоретиком. Уже ясно, что не был. Однако Ворошилов любил на различных совещаниях читать большие доклады, которые ему готовили, подписывать большие статьи, которые ему писали. В 1937 году вышла толстая книга Ворошилова «Оборона СССР». Почти на семистах страницах изложены его речи, выступления, статьи, доклады, сделанные им на протяжении ряда лет. Особое место в этом бесцветном фолианте занимает статья «Сталин и Красная Армия», представляющая собой безудержный панегирик «вождю народов».

Есть в этой книге традиционные статьи о «смычке Красной Армии с населением», «клевете империалистов», «военной химии», о «коне и машине», есть даже статья с забавным названием «За рост поголовья, за хорошего коня!»¹⁷ и другие подобные «теоретические» материалы. Но в книге, претендующей на программное изложение вопросов обороны Советского государства, нет доктринальных разработок по военной стратегии, оперативному искусству, тактике. Поверхностные, агитационные материалы продиктованы лишь пропагандистскими усилиями в традиционном большевистском духе.

Внимательно изучив этот скучнейший труд, можно сказать, что он не только является письменным памятником эпохи, но и доказательством явной посредственности интеллекта «первого маршала Страны Советов», свидетельством глубокой полководческой ограниченности человека, под руководством которого армия подошла к тяжелейшим испытаниям Великой Отечественной войны.

Война фактически сорвала с Ворошилова тогу национального, народного героя. Все свои высокие награ-

¹⁷ К. Ворошилов. Оборона СССР. М.: Военное издательство, 1937.

ды — дважды Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда — маршал получил после войны в честь различных юбилеев, занимая высокие, но в основном символические, декоративные должности. Правда, одно время Политбюро поручило этому малограмотному человеку курировать культуру. Думаю, писатели, художники, артисты, композиторы, режиссеры, встречаясь со старым склеротичным человеком, о котором было сложено столько легенд, песен, написано картин, могли убедиться в том, что Системе было угодно, чтобы культура в стране была такой же, как и ее куратор.

Сталин после войны относился к неудачнику пренебрежительно-снисходительно, правда, пожаловал Ворошилову пост заместителя Председателя Совета Министров СССР, который тот и занимал до самой смерти Сталина.

После кончины диктатора, когда маршалу было уже за семьдесят, вдруг началась новая фаза его карьеры. Соратники Сталина, еще не внеся этого вождя в мавзолей к другому вождю, решили, что Ворошилов — идеальная фигура на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Декоративная должность была отдана человеку, который, как полагали члены Президиума ЦК КПСС, будет автоматически освящать государственными актами их решения. Поначалу так и было: Ворошилов поддержал заговор партверхушки против Берии, послушно узаконивал государственными решениями постановления партийного ареопага. Так было, например, когда Хрущев единолично, фактически не советуясь ни с кем, передал Крым из состава России Украине, а Ворошилов угодливо проштамповал этот антиконституционный шаг соответствующими решениями Президиума Верховного Совета.

Но уже вскоре после XX съезда партии Ворошилов вместе с Молотовым, Маленковым и Кагановичем выступил против Хрущева, как только речь зашла о реаль-

ной десталинизации. После этого дряхлый маршал продержался два года на посту Председателя, но еще до наступления своего восьмидесятилетия, в 1960 году, был освобожден от бремени высшей власти, уступив место пока малоизвестному, но такому же бесцветному человеку — Л.И.Брежневу.

Однако на этом переживания маршала не окончились. На XXI съезде партии Хрущев и его сподвижники вновь обрушились на членов «антипартийной группы». Досталось и Ворошилову. Хрущев, в частности, заявил, что маршал несет полную ответственность «за многие массовые репрессии в отношении партийных, советских, хозяйственных, военных и комсомольских кадров и за другие явления подобного рода, имевшие место в период культа личности».

С резкой критикой Ворошилова выступили и другие делегаты. Казалось, что на закате лет одного из ближайших соратников Сталина выбросят из партии, в которой тот занимал с 1926 по 1960 год положение фактически «неприкасаемого», будучи членом Политбюро, а затем и Президиума ЦК КПСС. Но Ворошилов подал покаянное заявление съезду, где говорилось, что он «полностью согласен с проведенной партией большой работой по восстановлению ленинских норм партийной жизни и устранению нарушений революционной законности периода культа личности» и глубоко сожалеет, что в той обстановке и им допущены ошибки.

Вот так: участие в массовых злодеяниях по уничтожению тысяч неповинных людей в форме советских офицеров — всего лишь «ошибки». Но, по большевистской логике, это именно так, ведь Ворошилов пишет о «революционной законности», которая так же далека от истинного права, как сам Ворошилов от мифического образа «пролетарского полководца».

Оставшись не у дел, почти в одиночестве (его жена Екатерина Давыдовна умерла; правда, были приемные

дочь и сын), Ворошилов пытался написать воспоминания. Первая часть — «Рассказы о жизни» — появилась еще при жизни автора. Но книга в силу догматического большевистского мировоззрения Ворошилова интересна лишь как свидетельство одного из тех, кто привел страну к исторической неудаче.

Старик доживал свои дни, как все уцелевшие члены Политбюро, очень недурно. Специальным постановлением Политбюро от 30 июля 1960 года Ворошилову установили пожизненную пенсию в 9 тысяч рублей в месяц, сохранили государственную дачу, лимузин, врачей, прислугу, охрану и другие атрибуты принадлежности к высшей коммунистической партийной номенклатуре. Так жил новый бюрократический класс, вся высшая партократия.

Но и долгожители перешагивают рано или поздно ту невидимую черту, возврата откуда нет. Ворошилов скончался 2 декабря 1969 года. Политбюро отреагировало стереотипно-торжественно, в духе заведенных кремлевских традиций: городу Луганску присвоить имя Ворошиловград, Хорошевскому району — Ворошиловский район, учредить стипендии имени почившего в Бозе слушателям военных вузов, одна из академий стала «имени К.Е.Ворошилова»... К тому времени в Москве уже было много улиц, районов, дворцов культуры, станций метрополитена, носивших имена умерших членов Политбюро, этих «бессмертных» людей. Со временем древняя столица великой страны обещала стать городом-памятником уродств большевистской системы, способной вознести на самую высшую точку гребня власти людей бесталанных, невзрачных, посредственных, но с марксистской твердостью, догматической устремленностью, идейной непримиримостью.

Одним из таких «вождей» ушедшего прошлого и был маршал Ворошилов.

ЛЕНИН В СУДЬБЕ РОССИИ

В каждом веке появляются люди, которые оставляют несмываемые временем следы. К таковым относится и Ульянов-Ленин. Этот человек со своей партией начал в октябре 1917 года эпохальный, семидесятилетний эксперимент, равного которому по масштабам и глубине последствий, пожалуй, не было в истории человечества. Будучи человеком, «вскормленным» ленинской идеологической пищей, после долгой и мучительной переоценки многого, что казалось раньше незыблемым, я пришел к глубоко осознанному выводу, генетические и политические корни всех бед России в XX веке исходят от Ленина и ленинизма.

Победа Ленина в октябре 1917 года оказалась сказочно легкой, неожиданной и исторически парадоксальной. Приход к власти большевиков стал возможен в результате стечения в один узел невероятных обстоятельств. переворот, который большевики стали называть «Великой Октябрьской социалистической революцией», подготовила мировая война. Родившаяся в феврале 1917 года российская демократия не знала, как ее окончить. А Ленин знал: он пообещал народу мир и землю и, по существу, просто подобрал власть, валявшуюся на мостовых Петрограда. Но, пообещав мир и землю, Ленин тут же отобрал у людей февральскую свободу. А без нее цена земли и мира — ничтожна. Так начался грандиозный эксперимент большевиков, закончившийся лишь к концу XX века историческим поражением.

Ленин оказался главным интеллектуальным и организационным двигателем переворота. Без него, как заявлял Троцкий, октябрьская революция не свершилась бы. И это действительно так. В этом смысле Керенский, добейся он выполнения своего приказа о задержании Ульянова-Ленина, мог бы предотвратить готовящийся переворот. Министр юстиции Временного правительст-

ва Павел Малянтович незадолго до своего расстрела в 1918 году говорил: «Арестуй я Ульянова летом семнадцатого — все пошло бы иначе».

Истории было угодно поступить по-другому. Ленин смог заставить разуверившихся во власти людей поверить в «спасительные» (а, по сути, преступные) лозунги:

а) поражение собственного правительства, а значит, и Отечества в войне (Брестский мир стоил России утраты 1 миллиона квадратных километров территории и согласия передать Германии 245,5 тонны золота контрибуции);

б) превращение «войны империалистической в войну гражданскую» (ее цена — 13 миллионов жизней россиян и 2 миллиона изгнанных за околицу Отечества, полная разруха страны и разрушение ее государственности);

в) отказ от союзнических обязательств, означавший откровенное предательство и внесение в международные отношения «классового подхода».

Эти, как и многие другие ошибочные и подчас преступные акции, считались нами, советскими людьми, лишенными реальной свободы, «гениальными». Печально, что и сейчас, в 1994 году, по сведениям социологов, в России более половины граждан видят в ленинизме позитивный смысл.

Ленин, приехавший в революцию из Швейцарии сорокасемилетним человеком, практически нигде и никогда, в обычном смысле этого слова, не работал. Как и большинство других главных ленинских «вождей» (Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев и др.). Это, по сути, были деклассированные личности, составившие клан так называемых «профессиональных революционеров». Для этих людей, российских якобинцев, утопическая идея большевизма представлялась высшей ценностью. Созданная Лениным партия-орден видела во власти, так легко им доставшейся, универсальный рычаг для «пере-

вертывания» России, а затем и всей планеты. В основе реализации ленинского эксперимента лежали его постулаты о беспощадной диктатуре как революционном методе решения любых проблем. Человек, классы, масса превратились просто в средство для достижения большевистских целей. Это дополнялось доктриной социального «расизма», конструированием общества по принципу: один класс — гегемон, другие подчинены ему; некоторые должны быть уничтожены, например, буржуазия, «крепкое» крестьянство и др.

Власть стала высшей целью. Диктатура пролетариата переросла в диктатуру одной Партии, которая подготовила диктатура одного Вождя. Классические социал-демократические идеи после октября 1917 года в России были растоптаны.

Вождь большевиков создал теоретические чертежи советского здания, сцементированного бюрократизмом и догматизмом. Именно Ленин заложил методологический и мировоззренческий фундамент советской Системы. Немало успел сделать сам. Но — главное! — подготовил почву для достойного «продолжателя», явившись духовным отцом Джугашвили. Хотя и без Ленина Система, возникнув, своего «вождя» обязательно нашла бы. Им оказался Сталин. Но мог быть и Троцкий или кто-либо другой. Кардинально от этого ленинская Система не могла измениться.

Еще несколько лет назад я искренне верил, что Сталин «искажил» Ленина. Это было заблуждением, характерным для советской интеллигенции. Сталин «достроил» здание, где главная роль принадлежала партии большевиков, которую Сталин сравнивал с «орденом меченосцев». Мертвый Ленин оказался ордену более нужнее, чем живой.

Партия превратила ленинизм в советскую «библию». Многомиллионные тиражи ленинских сочинений и свыше 80 тысяч памятников вождю — гранитных, бронзо-

вых, гипсовых, бетонных — лучшие доказательства этому. Одновременно партия присвоила себе монополию на истину. Она стала классовой. Никто не смел и подумать иначе. Но классовой истины нет, есть только классовая ложь. Истина же всегда общечеловечна.

Универсальными средствами «совершенствования» ленинской системы стали ложь и насилие. Превращение страны в полицейское государство сопровождалось зловещей работой сталинских «органов»: только с 1929 по 1953 год в СССР было репрессировано по политическим мотивам 21,5 миллиона человек!..

Партия, следуя «ленинским курсом», не отказалась от коминтерновского мышления. Но произошло существенное изменение стратегии: от попыток непосредственно зажечь пожар «мировой революции» и взять штурмом «цитадель империализма» перешли к ее долгой «осаде».

Система, созданная Лениным и достроенная Сталиным, в дальнейшем эволюционировала в условиях противоборства двух начал: безусловного сохранения ортодоксальной ленинской линии (Брежнев, Андропов, Черненко) и линии косметического, осторожного либерального реформирования (Хрущев, Горбачев). Либерально-реформистская тенденция была весьма слабой, но очевидной. Почему же она возникла?

Главной причиной стал провал *всех* ленинских предсказаний (о всемирной победе мировой революции, крахе капитализма, построении коммунизма через 15—20 лет и т.п.). Несостоятельность теоретических пророчеств «вождя Октября», по сути, является историческим приговором человеку, считавшемуся гениальным мыслителем.

Кроме того, нельзя забывать об экономической ущербности Системы, которая за семь десятилетий оказалась неспособной решить многие элементарные вопросы жизни человека. «Военный коммунизм» полно-

стью не умер и после Ленина и Сталина, его элементы существовали десятилетия, вплоть до эпохи Горбачева.

Возникновению реформистской тенденции способствовала также историческая бесплодность изматывающей гонки вооружений. Достижение СССР стратегического паритета с США в ракетно-ядерных вооружениях ценой сверхусилий советского народа окончательно «подрезало жилы» ленинской Системе.

И еще одна причина: несмотря на создание ухищренного могущественного аппарата пропаганды и манипулирования общественным сознанием, стало немислимым игнорирование принципиальной невозможности соблюдения прав человека при «реальном социализме». Сознание, мысль, деяния миллионов людей оказались стянутыми обручем примитивного догматизма. Свободный же человек, говоря словами Герцена, «должен иметь возможность жить во все стороны».

Духовная, политическая и социальная эрозия ленинизма стала необратимой. Его крушение было лишь делом времени.

Система оказалась эффективной лишь в экстремальных условиях: война (в том числе и против собственного народа), силовая индустриализация, коллективизация, создавшая сословие подневольных крестьян, доведенная до абсурда милитаризация, тотальная идеологизация общества. Система была обречена.

Эксперимент века имел бы шанс на позитивное развитие лишь в одном случае: если бы Ленин, большевики еще в 1917 году перешли на рельсы социал-демократизма. Но тогда Система уже не была бы ленинской...

Горбачев пришел к власти в исторический момент, когда стагнация общества достигла столь опасного уровня, что многим было ясно: нужно решаться на крупные перемены. Возврат к сталинизму был маловероятен из-за глухой оппозиции этому варианту «молчащего народа». XX съезд Хрущева сделал свое дело. Горбачев

выбрал реформы, малоэффективность которых в экономике вскоре стала очевидной тоже для многих, ибо предполагалось осуществить их по *ленинским рецептам*.

Фактически горбачевская реформация имела лозунг: назад, к Ленину. Именно здесь истоки личной неудачи Горбачева и незавершенности «перестройки». Все же Горбачев своей попыткой сделал главное: открыл шлюзы гласности. Реформатор не собирался ликвидировать ленинскую Систему, он хотел ее «обновить», «улучшить», произвести «ремонт». То было романтическим утопизмом. Ленинская Система не подвластна демократическим реформам. Поэтому принципиально важно подчеркнуть: последний ленинец Горбачев не разрушал тоталитарную систему, — он не мешал ее саморазрушению.

От октябрьского семидесятилетнего эксперимента большевиков выиграли *все цивилизованные народы мира, кроме России*. Звучит парадоксально, но это именно так: многие, как в историческом зеркале, увидели свое возможное будущее — насилие, монополию на власть, однодумство, мифологизированное сознание, «гарантированную» бедность — и, естественно, отшатнулись от этой «лучезарной» возможности. Большинство стран мира (но, увы, не все) избежали своего «Октября».

Разрушительный характер революций на нынешнем этапе развития цивилизации превратил эту форму радикальных перемен в злоедейский анахронизм. В XX веке, и тем более в столетии грядущем, социальной эволюцией можно достичь неизмеримо большего, чем революцией.

Конец нашего столетия. Его главный итог и вывод: нельзя допустить, чтобы коммунистическая или фашистская идеология определяла вектор развития человечества.

Сейчас в России, как и в 1917 году, друг другу противостоят два крыла — правое и левое при очень пассивном, аморфном, но огромном «центре» (до 55 процентов населения). Важно понять, что при сегодняшней справедливой неудовлетворенности ходом реформ у нас есть общий противник — тотальный кризис, преодолеть который можно только сообща. Нельзя бороться, как Ленин, не за Россию, а за власть над ней...

Страна находится посередине сумрачной долины переходного периода от тоталитарного, бюрократического общества к обществу цивилизованному, демократическому, свободному. Мы обрели главное — *свободу*. Но не умеем ею распоряжаться! Ближайшие годы дадут окончательный ответ на вопрос, каким путем будет дальше двигаться Россия. По крайней мере, два вектора из нескольких очевидны.

Демократическое, цивилизованное развитие России станет необратимым, и она пойдет к тому, чтобы пережить за порогом XXI века свое «экономическое чудо» и новый «Серебряный век» своей культуры.

Силы реванша, реставрации, большевистского термидора в какой-то форме смогут вернуть, отбросить Россию в мрачный загон тоталитаризма, где все начнется с карточек и очередей и закончится современным ГУЛАГом. Это будет возвращением (на какое-то время!) к новому ленинизму.

Огромный по масштабам и последствиям ленинский эксперимент закончился провалом. Но этот факт не может быть основанием для мести или насмешек над прошлым. При всем трагизме пройденного пути, в котором много и героических страниц, — это наша собственная история...

Шрам, нанесенный Лениным XX веку, выражает бессмертие утопий и бессилие неправедной силы.

Декабрь 1994

ЕЩЕ О ЛЕНИНЕ

Никто в XX веке так не потряс основы человеческого бытия, как Ленин. Именно с его именем (и его партии) связаны величайшие надежды, самые эпохальные потрясения, невероятные планы и проскты, астрономическое число жертв и исторические поражения.

Ленин, что бы о нем ни говорили, навсегда останется в истории и памяти человеческой. Им будут интересоваться не только историки. Найдутся люди (они есть, их сейчас много), которые будут следовать его революционным рецептам. И это опасно. Теория и практика Ленина потерпели сокрушительное фиаско. Но Ленин очень умело эксплуатировал бессмертную идею *социальной справедливости*. Не использовал, а эксплуатировал. Помните характеристику Троцкого, данную Лениным в 1912 году? «Профессиональный эксплуататор отсталости рабочего класса...» Красивая фраза, пригодная для определения не только Троцкого...

Ленин — один из крупнейших якобинцев, которых знало человечество. Он заразился неистребимой идеей построить справедливый мир, но, как и все его предшественники, потерпел в конечном счете историческую неудачу. Он ставил чрезмерные цели. А в человеческой, социальной сфере чрезмерное недостижимо. Можно ступить ногой на Луну, создать киборга умнее человека, искоренить страшную болезнь, но не добиться ни равенства, ни справедливости. Они полностью недостижимы. Достижима *цивилизация*, при которой равенство и справедливость достигаются не абсолютно, а в определенных рамках и границах. Иначе — большевизм, национализм или безнадежная мечтательность. Рамки и границы способны расширяться, меняться, но они никогда не исчезнут. Общество абсолютно равных — это угрюмая, страшная мечта. Ленин стал олицетворением Идеи, которая с помощью насилия хотела сделать людей счастливыми.

Ленин был главным жрецом коммунистической утопии. Его личная трагедия отражена в конечном счете в трагедии его дела. Он не смог «перехитрить» историю: осуществить великое опережение. Вместо этого — огромное историческое отставание. Ленин велик, огромен, необъятен по последствиям своего дела (намерения для истории уже «не в счет», главное — результаты, а они налицо). Великую утопию ждало то, что ждет все утопии: она потерпела крах, но тут же возродилась в новой форме, чтобы привлечь новых людей. Они все еще увлекаются ленинизмом, потому что крах большевистской Системы не много прибавил им счастья. Надежды неизбежно сменяются разочарованиями, ибо нет ни идеальных, ни справедливых обществ. И тогда новые проповедники будут твердить: «Ленина исказили», «Ленина не поняли», «Ленина предали»... Может быть, это и верно. Как верно и то, что *подлинный* Ленин, которого так мало знают, — еще более зловец и страшен, чем многие его последователи.

Сегодня так много жрецов, вскормленных ленинской пищей, что предвижу: многое из сказанного мной будет опровергаться и оспариваться. Мы это так умеем — не слышать то, что не хотим слышать. Пожалуй, это одно из главных умений, которым нас научил Ленин и ленинизм. Нетерпимость ко всему, что не вписывается в прокрустово ложе марксистских представлений, схем, пропагандистских штампов. Знаю, тут же найдут соответствующую ленинскую цитату, чтобы «пригвоздить»... У меня, конечно, не было в руках компьютерного томографа для анатомии мыслей и дел вождя. У меня было лишь желание остаться честным.

Ленин уже в прошлом. Но неоленинизм еще долго будет вызывать интеллектуальное смятение и спазмы социальных взрывов.

11.05.1989

ЛЕНИНСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА

Ленин в 1913 году сказал, что из-за межимпериалистических противоречий туннель между Англией и континентальной Европой невозможен (полн. собр. соч. т.24, с.16).

А туннель есть. Несбывшихся ленинских прогнозов множество.

1. Мировая революция в ближайшие два-три года...
2. Гибель капитализма и образование Мировой Советской коммунистической федерации...

Всемирная победа коммунизма через 10—15 лет (говорил в 1915 году)...

Учение Ленина бессильно, потому что оно неверно.

КОНЧИНА ДИКТАТОРА

Каждый политический деятель умирает трижды. Сталин не был исключением. Исторически — Сталин не умрет никогда; он останется в памяти человеческой как страшный диктатор XX века. Политически — он тоже не умер, еще агонизирует. О попытках его спасти свидетельствуют плакатики и портретики «вождя народов» на нынешних манифестациях. Лишь физически Сталин бесспорно умер сорок лет тому назад.

...Первого марта 1953 года разъехали со сталинской дачи в четыре часа утра. В конце ужина Сталин был явно раздражен; выговорил почти всем собеседникам, обойдя лишь одного Булганина. Он был недоволен: если бы не НКВД, то промышленность, лесное хозяйство, горное дело, дороги, электростанции — никто не выполнил бы планов... Чем занимаются члены Президиума? В руководстве кое-кто считает, что можно жить старыми заслугами... Ошибаются. Да, ошибаются!

Над ночным столом, уставленном блюдами, висела гробовая тишина.

Не смогли «сковырнуть» Тито, раздраженно продолжал вождь, упустили момент, а с ним и победу в Корее; из Информбюро получился какой-то ублюдок; вновь видны явные признаки крупномасштабного вредительства в стране... Почему должен обо всем думать только Сталин?

Берия, Молотов несколько раз пытались в паузах монолога успокоить вождя: «Примем меры...», «Ваши указания будут выполнены...», «Положение обязательно поправим...».

Сталин обвел медленным взглядом присутствующих, тяжело поднялся, бросил салфетку и, сухо кивнув всем, ушел к себе. Все следом поднялись и молча вышли. Разъезжались еще в темноте. Маленков, как часто бывало, сел в машину к Берии.

Весь следующий день Сталин никого не беспокоил: не вызывал, не звонил, не требовал почту, даже не обедал. Обслуга забеспокоилась. Но без вызова никто не смел войти к вождю. И вот, вечером в кабинете у вождя зажегся свет. Охрана вздохнула с облегчением. Но и после этого не последовало никаких звонков...

Чем занимался все это время Сталин? Потом определили, что удар с ним произошел где-то в районе 21 часа еще 1 марта, когда плохо чувствовавший себя вождь прошел в столовую. Никогда мы, наверное, уже не ответим на этот вопрос. Мир человека — огромный, необъятный, загадочный космос. Уходит человек — исчезает навсегда и этот неповторимый, уникальный мир... Правда, о мире Сталина мы знаем немного больше, чем о других. Его мир материализовался в гигантских стройках, в атомной бомбе, российском ГУЛАГе, могучем государстве-крепости, полутора десятках его ясно-примитивных томов сочинений. Но и этого мало для ответа на поставленный вопрос...

Сталин обычно после ночных ужинов спал до полудня. Затем завтракал, работал над документами, просма-

тривал вышедшую литературу. На его столе всегда лежала стопка свежих журналов, недавно вышедших книг на политические и исторические темы. Здесь же в последнее время лежали макеты четырнадцатого и пятнадцатого томов собрания сочинений И.В.Сталина, которые так никогда и не увидели свет. Четырнадцатый том — это о конце тридцатых годов, кануне войны. Ручка вождя основательно «походила» по подготовленному тексту. Ну, а том пятнадцатый — война — даже не был им выправлен.

Может быть, он предавался размышлениям, сидя в кресле у окна, как часто бывало? Или анализировал работу двух недавно созданных бюро (одно — внутри Советского Союза, другое — за рубежом) по диверсионной работе? Надо, чтобы Берия доложил об их деятельности... Не исключено, что он отметил про себя: в этом, 1953 году, по последним данным Гохрана золотой запас страны достиг рекордного уровня за всю советскую историю, существенно перевалив за две тысячи тонн... А может, его обуревали мысли об одиночестве? Бренности этого бытия? Достигнув фантастической власти, покорив сотни миллионов людей, став обладателем невиданной мончи, он был абсолютно одинок на своей вершине. Вокруг суетилось множество людей, но ему не с кем было спорить, некому доказывать, не перед кем оправдываться... Леденящая пустота... С ним были всегда неразлучны только его мысли, все чаще зовущие в прошлое. Ведь ни настоящее, ни будущее не вечны: вечно только прошлое.

Никто и никогда не узнает мыслей Сталина перед роковым ударом. Обнаружила его лежащим на полу охрана, самовольно вошедшая в помещение около полуночи. Перенесли вождя на диван. С трудом разысканный Берия шипел на прислугу:

— Не видите, товарищ Сталин крепко спит! Марш все отсюда, не нарушайте сон Иосифа Виссарионовича!

Лишь рано утром следующего дня протрезвевший Берия снова приехал уже с членами Президиума и с целой группой врачей. После суетливого осмотра перепуганные профессора представили партийной верхушке медицинское заключение.

«Сов. секретно.»

Медицинское заключение

о состоянии здоровья тов. И.В.Сталина

Консилиум в составе начальника ЛСУК тов. Куперина И.И., профессоров Лукомского П.Е., Глазунова И.С., Ткачева Р.А. и доц. Иванова-Незнамова В.И. 2-го марта в 7 часов утра освидетельствовали состояние здоровья тов. И.В.Сталина.

При осмотре в 7 час. утра — больной лежит на диване на спине, голова повернута влево, глаза закрыты, умеренная гиперемия лица, было непроизвольное мочеиспускание (одежда промочена мочой). При попытке врача прощупать пульс на левой лучевой артерии проявилось двигательное беспокойство в левой руке и левой ноге. Дыхание не расстроено. Пульс 78 в 1 минуту с редкими выпадениями. Тоны сердца глуховаты. Кровяное давление 190/110. В легких спереди хрипов нет. В области правого локтевого сустава — следы ушиба (экскорияция и небольшая припухлость).

Больной в бессознательном состоянии. Правая носо-губная складка опущена. При поднимании век глазные яблоки уходят то влево, то вправо. Зрачки средней ширины, реакция на свет снижена. Движения в правых конечностях отсутствуют, в левых — временами двигательное беспокойство. Сухожильные рефлексы справа низкие, тонус слегка повышен, рефлекс Бабинского справа. Брюшные рефлексы справа отсутствуют. Минингиальных симптомов нет.

Диагноз: гипертоническая болезнь, общий атеросклероз с преимущественным поражением сосудов головного мозга, правосторонняя гемиплегия вследствие кровоизлияния в бассейне средней левой мозговой артерии; атеросклеротический кардиосклероз, нефросклероз.

Состояние больного крайне тяжелое.

Назначения: абсолютный покой, оставить больного на диване; пиявки за уши (поставлено 8 шт.); холод на голову, гипертоническая микроклизма... Снять зубные протезы. От питания сегодня воздержаться.

Установить круглосуточное дежурство невропатолога, терапевта и медсестры.

Осторожное введение с чайной ложечки жидкости при отсутствии поперхивания».

Здесь же, в соседней комнате, в 12 часов дня провели заседание Бюро Президиума ЦК КПСС. Председательствовал Г.М.Маленков. За столом молча, подавленные, сидели члены Бюро Л.П.Берия, Н.А.Булганин, К.Е.Ворошилов, Л.М.Каганович, М.Г.Первухин, М.З.Сабуров, Н.С.Хрущев, а также члены Президиума А.И.Микоян, В.М.Молотов, Н.М.Шверник, М.Ф.Шкирятов. Докладывал начальник лечебно-санаторного управления Кремля И.И.Куперин, здесь же сидел в стороне с бумагами профессор Р.А.Ткачев. Куперин страшно волновался: впервые докладывать такому составу... Он не забыл, что два месяца назад Сталин подписал распоряжение, связанное с «делом врачей» министру здравоохранения СССР Ефиму Ивановичу Смирнову «Об устранении серьезных недостатков в работе лечебно-санаторного управления Кремля».

Заслушав короткий доклад «Заключение врачебного консилиума об имевшем место 2 марта у товарища Сталина И.В. кровоизлияния в мозг и тяжелом состоянии в связи с этим его здоровья», соратники некоторое время молчали. Для всех исход был ясен. Говорить о надеждах, перспективе выздоровления не решались, — могли не так понять. Лишь Берия зловецки произнес, обращаясь к Куперину:

— Вы отвечаете за жизнь товарища Сталина, вы это понимаете?

Маленков зачитал заготовленный текст проекта постановления:

«1. Одобрить меры по лечению товарища Сталина, принятые и намеченные к проведению врачебным консилиумом.

2. Установить постоянное дежурство у товарища Сталина членов Бюро Президиума ЦК.

3. Назначить следующее заседание Бюро Президиума сегодня в 8 часов вечера, на котором заслушать сообщение врачебного консилиума».

Приняли, как принимали все и раньше, «единогласно».

Вечером провели еще одно заседание Бюро Президиума ЦК КПСС. Обсудили медицинское заключение:

Заключение: состояние больного по сравнению с состоянием в 7 час. утра стало еще более тяжелым: больной по-прежнему находится в бессознательном состоянии, появилось нарушение ритма дыхания, пульс стал более частым, аритмия выражена резко, кровяное давление по сравнению с 7 час. утра стало несколько выше (210/120).

Назначения: строгий постельный режим, повторно поставить на область сосцевидных отростков 6-8 пиявок, свеча с эуфилином (0,3) после клизмы из 200,0 мл 10% раствора сернокислой магнезии. Ввести внутримышечно 5,0 мл 25% раствора сернокислой магнезии. Поить с чайной ложечки сладким чаем при условии отсутствия поперхивания. Периодически холод над головой (отменить)».

Высший орган вновь одобрил меры по «лечению товарища Сталина, принятые врачебным консилиумом», добавив, однако, один новый пункт:

«Привлечь дополнительно к лечению товарища Сталина следующие медицинские силы: действительных членов Академии медицинских наук Мясникова А.Л., Тареева Е.М., Коновалова Н.В. и зав. кафедрой второго Московского медицинского института Филимонова И.Н., введя их в состав врачебного консилиума».

Со второго марта, с 7 часов утра дежурные врачи стали вести краткую хронологию течения болезни. Она пространна — десятки страниц. Показания и результаты наблюдений записывались через каждые двадцать—тридцать минут. Мы не можем, конечно, привести этот перечень физических признаков того, как душа покидает тело. Агония была долгой, страшной, но бессознательной. Вот лишь несколько из множества зафиксированных штрихов великого таинства — смерти человека:

2 марта 1953 г.

«11.35. Дыхание глубокое, ровное, 30 в минуту, двигательные беспокойства в левой руке и в левой ноге не отмечаются. Бессознательное состояние. Пульс 80 ударов в 1 минуту, удовлетворительного наполнения и напряжения с отдельными выпадениями...

13.30. Состояние по-прежнему бессознательное. Пульс 80 в 1 мин., аритмичный. Число дыханий 28 в 1 минуту, дыхание ритмичное. Тоны сердца глуховаты, аритмичны; хрипов нет (спереди). Помочился в мочеиспускательный канал. Моча посылается на анализ. Места от пиявок до сих пор понемногу кровоточат».

Члены Президиума сидят в креслах неподалеку от больного, в соседних комнатах. Иногда встают, тихо переговариваются, выходят позвонить. Кто-то распорядился принести бутерброды. Берия уезжал часа на два-три в Кремль. Приехал возбужденный. Врачи по-прежнему непрерывно тихо совещаются, ставят пиявки, делают уколы, пытаются поить сладким чаем с ложечки. Все фамилии врачей «безупречны» на предмет национальных изысканий: Третьяков, Куперин, Ткачев, Глазунов, Иванов, Филимонов... Все, хоть и не говорят, но помнят, что здесь же, в Москве, в застенках Берии мучаются другие врачи — М.С.Вовси, Я.Т.Этингер, Б.Б.Коган, М.Б.Коган, А.М.Бринштейн... Их фамилии тоже по-своему «безупречны»...

«16.00. Состояние больного продолжает оставаться крайне тяжелым: сознание не проясняется, временами нарушение ритма дыхания (дыхание Чейн—Стокса), пульс 100 в минуту, аритмичный. Тоны сердца глуховаты, аритмичны, кровяное давление 210/120... Состояние больного по сравнению с состоянием на 7 час. утра стало еще более тяжелым...»

В ночь на 3 марта состоялся новый консилиум. Доложили вновь Бюро Президиума ЦК о ходе лечения (вернее, умирания). Привыкшие к ночным бдениям, еще не потерявшие силы соратники утвердили заключение врачей:

«Консилиум подтверждает диагноз больного и считает состояние его крайне тяжелым. Проводимые лечебные мероприятия консилиум считает правильными. На ближайшее время считать целесообразными следующие мероприятия:

1. слегка приподнять голову и верхнюю часть туловища, положив небольшую подушку;
2. на ближайшее время ограничить питание введением через рот глюкозы с лимонным соком;
3. грелки к ногам, преимущественно левой, температурой до 39-40 градусов на 1-2 часа;
4. пенициллин 3 раза в сутки по 3000 тыс. единиц на растворе новокаина...».

Не все понимают, что власть времени — власть абсолютная. Время течет то бесшумно, то в грохоте войн и революций, то в пафосе речей и социальных конвульсиях, — течет неуклонно. *Его* время кончилось. Земные боги тоже смертны...

3 марта 1953 года

Страна притихла. Работали заводы, шли поезда, читались лекции в университетах. А «органы» докладывали о настроениях людей. Для большинства ощущение обрушившегося горя было неподдельным. Люди *привыкли любить* Сталина. Но никто не знал, любил ли он их...

В половине одиннадцатого консилиум в том же составе докладывает Бюро Президиума:

«Состояние больного крайне тяжелое. Глубокое угнетение сознания. Лицо цианотично, небольшой акроцианоз. Конечности на ощупь теплые, отеков нет. Температура тела в 9.30 — 38,1. Дыхание типа Чейн—Стокса с длительными паузами, число дыханий 36 в 1 мин... Сердце увеличено влево... тоны несколько глуше, чем вчера...

Консилиум считает состояние больного угрожающим».

Таким образом, в состоянии больного произошло ухудшение: угнетение сознания стало более глубоким, усилились нарушения дыхания, деятельность сердца стала слабее. Несколько раз в зале появлялся сын Сталина Василий, выкрикивавший одну и ту же фразу:

— Сволочи, загубили отца!

Дочь Светлана окаменело и печально смотрела на профиль отца, то и дело скрываемый халатами снующих вокруг больного врачей.

4 марта 1953 года

После войны Сталин особенно заботился о своем здоровье. Правда, он не доверял врачам, а больше полагался на настои трав, которые ему готовил его верный оруженосец Поскребышев, фельдшер по профессии (пока Сталин не посадил и его). Много отдыхал. Иногда по нескольку дней не приезжал в Кремль; бумаги ему возили на дачу. Он устал от людей, пресытился властью и могуществом. Лишь иногда ночной концерт на даче или балет в Большом поднимали ему настроение. Его бодрил юг, родной Кавказ: Сочи, Гагра, Цхалтубо. Мало кто знает и сейчас (а тогда, кроме членов Президиума, никто не знал), что Сталин в 1950, 1951, 1952 годах отдыхал на юге по 4—4,5 месяца в году! Но когда возвращался от теплого, ласкового моря — вновь становилось тревожно от частых головокружений, приступов тошноты и дурных предчувствий...

«02.00. Вновь передано сообщение в печати и по радио „О состоянии здоровья И.В.Сталина“ ...

23.00. Дыхательных пауз было относительно немного, и они устранялись механическим раздражением грудной клетки, в этот период кислород не применялся. С 2.30* снова участились паузы, в связи с чем был применен кислород (2 подушки). После вдыхания кислорода цианоз уменьшился. В целом положение больного стало критическим».

В ночь на 5 марта вновь заседало Бюро Президиума ЦК КПСС. Ареопак власти чувствовал приближение развязки. Невыспавшиеся члены высшей партийной коллегии опять «единогласно» приняли постановление, предложенное Маленковым и Берией:

**«О совместном заседании Пленума ЦК КПСС,
Совета Министров СССР и
Президиума Верховного Совета СССР**

1. Созвать 5 марта в 8 часов вечера совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

2. Принять и внести на рассмотрение совместного заседания Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР следующее решение:

В связи с болезнью товарища Сталина, которая влечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности, считать на время отсутствия товарища Сталина важнейшей задачей партии и правительства — обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что в свою очередь требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР признают необходимым теперь же осу-

---

* 5 марта. — Ред.

шествить ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства.

О документах и бумагах товарища Сталина И.В.

Поручить тт.Маленкову Г.М., Берия Л.П., Хрущеву Н.С. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок».

Члены Президиума, вероятно, думали, что Сталин умрет в этот же день: столь безрадостным был доклад врачей. Но Сталин был жив.

5 марта 1953 года

«3.35. Акт дыхания расстроен, через каждые 2-3 минуты наступает пауза продолжительностью 4-5 секунд. Двигательное беспокойство в левой ноге и в пальцах левой руки в течение 1-2 минут, потом исчезло. Дыхание 27 в минуту, пульс — 108 в минуту. Дан через подушку кислород. Дыхание несколько улучшилось».

...Берия вновь уехал в Кремль. Теперь у него была возможность спокойно проверить личные сейфы Сталина. У государственного палача было подозрение о завещании Сталина. При наступившем в последнее время охлаждении старика к нему он не мог ожидать ничего хорошего от выраженной письменно последней воли вождя. Да и вообще: у Сталина была толстая тетрадь в темном переплете, в которую он порой что-то записывал...

«11.30. Внезапно наступили позывы на рвоту. Состояние больного сразу ухудшилось. Наступило резкое побледнение лица и верхнего отдела туловища. Дыхание стало весьма поверхностным с длительными паузами. Пульс частый, слабого наполнения.

Тотчас же введена камфара 2 кб.см, строфантин, кардиазол 1 кб.см, кофеин 1 кб.см и дано немного карбогена в течение 20 секунд, затем дан кислород. Наблюдалось легкое движение

головы, 2-3 тикообразных подергивания в левой половине лица и судорожные толчки в левой ноге...»

В чем смысл жизни человека? В надеждах? Скорби? Поисках? Разочарованиях? Хотя смысл явно существует, мы никогда не получим однозначный ответ на этот, может быть, самый важный человеческий вопрос. Наверное, счастьем для Сталина была его уверенность в том, что он смысл своего бытия вполне понимает.

В Москву шли тысячи писем и телеграмм с горячими пожеланиями «скорейшего выздоровления товарищу Сталину».

И вновь консилиум. Результаты докладывают измученным уже и измятым членам Президиума, которые по одному, по два выходят в соседние комнаты и засыпают тут же, в креслах...

«12.00. Состояние больного на утро 5 марта резко ухудшилось. Расстройства дыхания усилились... В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести...»

Маленков и Берия (иногда к ним присоединяется Хрущев), что-то негромко обсуждают, дают поручения, звонят по телефону. Речь идет о предстоящем совместном заседании Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Но Сталин все еще жив...

«21.30. Резкая потливость. Больной влажный. Пульс нитевидный. Цианоз усилился. Число дыханий — 48 в 1 минуту. Тоны сердца глухие. Кислород (1 подушка). Дыхание поверхностное».

«21.40. Карбоген, (4,6% CO) 30 секунд, потом кислород. Цианоз остается. Пульс едва прощупывается, больной влажный. Дыхание учащенное, поверхностное. Повторен карбоген (60 CO) и кислород. Сделаны инъекции камфары и адреналина. Искусственное дыхание».

«21.50. Товарищ Сталин скончался».

Оцепенение и томительное ожидание неизбежного конца у соратников сразу прошло. Многие испытывали одновременно печаль и облегчение. И страх перед неизвестным будущим. Отдав дань вождю, все засуетились и быстро умчались в Кремль.

На коленях у еще неостывшего тела по-бабьи в голос ревела экономка Сталина В.В.Истомина, которую связывали со Сталиным близкие отношения; стояли, сморкаясь от слез, люди из обслуги. Их тоже ждала неизвестность.

Уже через час после смерти вождя было принято постановление:

«Образовать Комиссию по организации похорон Председателя Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик и Секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА в составе гг. Хрущева Н.С. (Председатель), Кагановича Л.М., Шверника Н.М., Василевского А.М., Пегова Н.М., Артемьева П.А., Яснова М.А.»

Большая бригада работников отдела пропаганды ЦК сидела над текстом «Обращения» ко всем трудящимся. Слались закрытые депеши на места. «Органы» повышали бдительность.

Рано утром 6 марта состоялось заседание Комиссии по организации похорон. Пункт первый постановления гласил:

«Комиссия считает целесообразным вскрытие и долговременное бальзамирование тела товарища СТАЛИНА произвести в специальной лаборатории мавзолея В.И.Ленина».

Все было расписано по тридцати пунктам. Охрану возложили, конечно, на МГБ СССР (Гоглидзе), оформление Колонного зала — на Беспалова, Рындина, Герасимова, Волкова, снятие маски — на скульптора Манизера. Похоронить решили в форме генералиссимуса, с

войсковым и почетным караулом. Никаких неожиданностей в этом документе не было.

Но два решения были принципиальными и потребовали вновь созыва Президиума ЦК 6 марта в первой половине дня:

«Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР постановляют:

Поместить саркофаг с телом И.В.Сталина в мавзолее на Красной площади, рядом с саркофагом В.И.Ленина»;

«Утвердить прилагаемый проект постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР «О сооружении Пантеона — памятника вечной славы великих людей Советской страны».

Диктатор очень хотел (об этом он осторожно говорил в день своего семидесятилетия в 1949 году), чтобы после его смерти был учрежден орден Сталина. Из десятка эскизов он сам выбрал один: знак, похожий на орден Ленина, только вместо ленинского профиля — силуэт усатого лица. Но никто в комиссии не вспомнил даже о пожелании вождя. Все думали только о себе и о неясном будущем.

С 4 часов утра до 13 часов 6 марта проходило патолого-анатомическое исследование тела. Проводили его светила советской медицинской науки — 9 человек и все с типичными русскими фамилиями. Впрочем, с фамилиями перестраховались. Просто еще никто не знал, что «дело врачей» вместе со смертью Сталина тоже умрет. Да и целых одиннадцать страниц акта о вскрытии уже никого не интересовали. Для народа медицинское заключение написали попроще и покороче — на страницу с четвертью.

Страна погрузилась в траур. Горе было неподдельным! Рабочие были в печали в силу своей пролетарской сознательности, крестьяне — в силу крепостной зависи-

мости, военные — памятью о дорогих (во всех смыслах) победах... Не печалились лишь миллионы жителей ГУЛАГа — для них вспыхнула надежда на амнистию. Особенно надеялись на амнистию политические заключенные. И напрасно.

Вспыхнули бунты. Уже много позже похорон государственный советник юстиции Руденко докладывал Маленкову: «В Речном (особом) лагере, где содержатся особые государственные преступники, возникли массовые беспорядки. Заключенные отказались выходить на работу. Оказывают активное сопротивление администрации лагеря. Первого августа группа заключенных в количестве 500 человек пыталась прорваться в зону лагеря. Требовали пересмотра дел и амнистии после смерти Сталина. Было применено оружие. Убито 42 и ранено 138 заключенных...»

Здесь же Руденко напоминает об основных параметрах особых лагерей: полный запрет свиданий с родственниками; разрешается писать только два письма в год и только родным; одежда — с номерами на спине; бараки — с камерной планировкой; работы — только физически тяжелые по 10 часов в день; все лагеря — в тяжелых климатических условиях; зачетов за хорошую работу не положено; после отбытия срока — пожизненная ссылка...

На бумаге — резолюция: «Доложено. В архив». Верхушка продолжала мыслить по-сталински и не хотела ничего менять.

Траур объявили сразу на четыре дня. Предусмотрели и артиллерийский салют в 12 часов дня 9 марта; не забыли и о том, что нужно на пять минут в этот же час остановить работу всех предприятий, учреждений и транспорта; поездам и кораблям дать трехминутные гудки. Похороны были пышными и... смертельно опасными. Диктатор не хотел уходить даже в мавзолей без оформления ритуала десятками жертв любви к нему. Люди да-

вились в очереди, чтобы посмотреть на тело Сталина, их затаптывала толпа...

На центральной трибуне мавзолея рядом со сталинскими соратниками стояли Чжоу Эньлай, Б.Берут, К.Готвальд, В.Ульбрихт, О.Гротеволь, В.Червенков, Г.Георгиу-Деж, П.Гроза, М.Ракоши, П.Тольятти, Ж.Дюкло, П.Ненни, Пак Ден Ай, Кекконен, Завадский, Цеденбал... Международные руководители помельче стояли на крыльях мавзолея.

Состав Президиума сократился после смерти вождя сразу более чем вдвое; сталинские выдвиненцы на XIX съезде (вроде Д.И.Чеснокова, П.Ф.Юдина, П.К.Пономаренко и других) мелькнули на политическом небосклоне и исчезли. Сталинской гвардии они были ни к чему. Даже Л.И.Брежнев не удержался в «обойме», но его политическая звезда еще взойдет...

На траурном митинге солировала четверка: Хрущев, Маленков, Берия и Молотов. Все клялись в верности «делу Сталина». Еще никто не знал, что мужиковатый Хрущев через три года подложит самую крупную свинью сталинизму.

Имя Сталина увековечивали наперегонки. И так в перенасыщенной этим именем стране (и не только в ней!) появились новые улицы, колхозы, поселки, площади имени умершего вождя. Например, уже 7 марта в Варшаве решили, что город Катовице будет городом Сталиногрудом, а Дворец науки и культуры в самой Варшаве станет носить имя Иосифа Сталина. Конечно, перед ним будет воздвигнут и очередной памятник Сталину.

Мало кто знает, что уже после похорон Президиум ЦК решит «организовать на подмосковной даче, где жил и работал вождь, музей И.В.Сталина». Даже директора назначили, утвердили штатное расписание, отпустили большие деньги. Но, к счастью, скоро одумались, решив, наверное, что в стране уже достаточно музеев, заповедников, памятных мест и монументов первому

вождю, предшественнику Сталина. По количеству книг «классиков марксизма-ленинизма-сталинизма» и памятников им страна, безусловно, давно добилась коммунистического изобилия.

Что еще сказать в этом репортаже из прошлого?

Светлана Аллилуева (у нее сразу же отобрали пропуск в Кремль и не пустили в квартиру умершего отца) обратилась в Президиум ЦК отдать ей часть книг из библиотеки Сталина. Хрущев прочел письмо и написал: «В архив». Книг Светлана не получила.

Но самое главное случится позже. В монолитной Системе постепенно станут нарастать подземные толчки, едва слышные стуки миллионов людей, томящихся в неволе. Хрущев одним из первых расслышит их. Но до свободы и тогда еще будет так далеко...

ФЕНОМЕН СТАЛИНИЗМА

История — это не только реальный процесс развития общества в целом, но и, в известном смысле, бесконечная галерея лиц, прошедших по нашей земле. Лишь незначительная часть из общего числа в 70—80 миллиардов человек, появившихся на планете, сохранили свои «оттиски» в анналах истории. Это, в свою очередь, позволило многим историкам и философам долгие годы быть во власти гносеологического обмана: анализировать прошлое по сохранившимся в памяти монархам, героям, полководцам, тиранам, государственным деятелям. Понимая ограниченность анализа такого рода, мы тем не менее продолжаем слышать: «во времена Хрущева», «во времена Брежнева», как когда-то «в павловскую эпоху» или «в николаевское правление».

Именно в этой особенности человеческого сознания заложена возможность рассмотрения определенного пласта времени через призму судьбы того или иного человека. Биографический метод анализа, несмотря на

свою ограниченность, способен активно привлекать внимание общества к тем или иным этапам своего развития. На основании биографического метода появляется возможность создавать портреты (исторические, политические, духовные) тех или иных личностей.

Как и каждый портрет, создаваемый художником, такие портреты отвечают неизменному правилу: достоверность фактов, событий, явлений сочетается с их свободной авторской интерпретацией.

Это пояснение сделано затем, чтобы быть лучше понятым: я пытался набросать эскиз портрета Сталина — личности, стоявшей во главе нашего общества три десятилетия, но это не было самоцелью, для меня было важно выяснение политического, социального, духовного феномена сталинизма.

Со сталинизмом связана крупная неудача одного из крупнейших в человеческой истории социальных экспериментов. То была попытка, соблазн решительного опережения, обернувшаяся в конечном счете колоссальным историческим отставанием. По своей сути сталинизм оказался уродливой формой *отчуждения народа от власти, свободы, собственности и мысли*. Радикальный революционаризм смог объединить все: огромную искреннюю тягу миллионов людей к социальной справедливости с тоталитарной регламентацией бытия; героическое подвижничество — с массовым замутнением сознания; высокие цели — с тотальным бюрократизмом.

Социальную базу сталинизма в конечном счете создали многочисленные, охватывающие все общество бюрократические структуры. Именно Сталин легионы революционеров смог переформировать в армии бюрократов. Но это еще не тоталитаризм. Лишь когда бюрократия приняла форму диктатуры, оформилась подлинная база сталинизма.

При этом следует иметь в виду, что с момента зарождения предпосылок сталинизма шла борьба двух тенден-

ций. Первую отождествлял со своим именем в основном Ленин, позднее Бухарин, Киров: убежденность, учеба коммунизму, выборность. По сути, в этой тенденции присутствовали народно-демократические моменты. Другая, которую с середины двадцатых годов стал олицетворять Сталин, выражала: «ударность», «догнать и перегнать», «разгромить» и т.д. Это *бюрократически-радикальная* тенденция социализма. С конца двадцатых годов она «одолела» тенденцию первую. Краткосрочный реванш, в свою очередь, был взят на XX съезде, но затем наступил длительный бюрократический застой. Наконец, лишь сейчас есть некоторый шанс возвращения к демократическим тенденциям социализма.

Культ новоявленного цезаря по своей сути был *культом марксизма*, учение которого десятилетиями считалось непогрешимым и неопровержимым. Поэтому сталинизм есть также форма абсолютизации набора вневременных истин, превратившая марксизм в разновидность светской религии, в которую нужно *верить* и догматы которой позволялось лишь осторожно комментировать.

Сталинизм по своей сущности, если говорить о его элементах, означает (1) сращивание партийного и государственного аппарата; (2) всевластие бюрократии; (3) марксистский догматизм в мысли; (4) внеправовые формы применения насилия. Это одна из жестких и устойчивых форм политического тоталитаризма. Абсолютизовав положение марксизма о диктатуре пролетариата, являющееся ахиллесовой пятой всего учения, сталинизм смог создать и распространить диктатуру пролетариата (диктатуру партии) на всю общественную жизнь.

Сложен вопрос о происхождении (генезисе) сталинизма. Был ли он случайным или закономерным? Каковы конкретные причины его утверждения? В попытках ответить на этот вопрос в нашей печати появилось в по-

следнее время немало интересных публикаций. Кратко выскажу свою точку зрения.

Бытие марксизма в России имело три основных формы: ленинизм, сталинизм, троцкизм. Для меня очевидно, что сталинизм родился и вырос на почве ленинизма. Кстати сказать, одна из «тайн» неуязвимости Сталина заключалась в единоличной монополизации им ленинского учения. Он смог его так «развить» и «защитить», что этот ленинизм стал на долгие годы идеологическим обоснованием сталинских «программ» и «курсов». Большинство ленинских тезисов, сформулированных в годы революции и гражданской войны, продолжали действовать и в годы мирного развития.

Корневище сталинского социализма уходит своими истоками в догматизированный марксизм. Особенно тяжелые, непоправимые последствия имела догматизация ошибочной Марксовой аксиомы о диктатуре пролетариата как насилии одного класса над другим. Со временем предполагавшийся у Маркса созидательный элемент диктатуры окончательно уступил место насилию. Ставка только на радикальные решения, фактическое отрицание исторической роли реформ подвинули Сталина к невиданным в истории экономическим и социальным экспериментам, последствия которых чувствуются и спустя многие десятилетия. Враждебное отношение к социал-демократии, разрыв с ее прогрессивной традицией означал умирание гуманистических начал народо-властия. С середины 1918 года, по сути, была сделана ставка на одномерное развитие, отрицающее альтернативные программы и политический плюрализм.

Если к этому присовокупить низкую политическую культуру народных масс, отсутствие демократических традиций у партии и ясного плана социалистического строительства, раннюю бюрократизацию политических структур, то станет ясно, что возникновение сталинизма

хотя и не было фатально предопределено, но и *не являлось случайным*.

Сталинизм тридцатых годов существенно отличается от своего облика начала пятидесятых. Начинал он отнюдь не с «переворота», не с «измены» революционному делу, идеалам Октября, но общий итог — создание тоталитарной цезаристской системы. Эволюция хотя и не причудлива, но своеобразна.

Знаменитый 11-й тезис Маркса о Фейербахе — «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», — был понят буквально. Изменения были грандиозными: ценой утраты человеческого достоинства, совести, гуманизма, народовластия, наконец, миллионов жизней.

Народ наивно поддержал призыв: «в десять лет пробежать столько, на что другим понадобилось сто лет». Никто никогда не думал и не говорил о цене этого исторического «ускорения», обернувшегося экономическим и идеологическим крахом.

Можно обозначить хронологические рамки эволюции сталинизма и постсталинизма.

1. Утверждение: с началом коллективизации и ускорением процесса централизации власти. Отныне все решения идут лишь сверху. Огосударствление партии и утверждение командных методов во всех сферах жизни.

2. Перерождение: на протяжении времени после XVII съезда партии в 1934 году и до начала Великой Отечественной войны происходит утрата *всех* атрибутов народовластия и возникновение цезаризма. Неограниченное насилие.

3. Частичное отступление: война объективно заставила во имя выживания Системы вновь выдвинуть народ на подобающую ему судьбоносную роль. Но ослабление хватки сталинизма (да и то частичное) было временным.

4. **Консервация:** великая победа советского народа утвердила единодержца в его «исторической правоте», что привело к ужесточению режима и «совершенствованию» тоталитарного государства.

5. **Постсталинизм:** этот долгий период начался после смерти диктатора. После краткой оттепели продолжались внешне малозаметные, скрывааемые, но настойчивые попытки приспособить основные элементы сталинизма к новым реалиям. Лишь сейчас, в ходе мучительно трудного обновления, начался реальный процесс десталинизации общества.

Вся эволюция сталинизма есть процесс усиления отчуждения народа и личности от свободы и мысли. Монополия одной политической силы явилась условием и причиной всех деформаций. Верховная властная инстанция оказалась неограниченной какими-либо реальными нравственными и правовыми нормами. Все это нельзя объяснить лишь культом личности. Это не только сужает проблему, но и маскирует подлинные глубинные причины исторического краха социализма, который самое крупное свое поражение потерпел от сталинизма.

Причины провала — в ложной методологии социальных действий, в отбрасывании социал-демократических традиций, в абсолютизации классовых начал, одномерности социального развития. Если нам удастся преодолеть сталинизм не только как ложное сознание, но и как глубоко ошибочную и преступную методологию действий, возможно возрождение и утверждение в общественной жизни подлинных гуманистических ценностей.

Окончательную оценку сталинизму даст время.

Легенда Ф.Достоевского о «Великом Инквизиторе», как и пророчество Н.Бердяева о неизбежности рождения нового мира после ухода цезарей, представляются пророческими. Но социальные кризисы и их разреше-

ние имеют не только прогрессивную, но и консервативную логику. Освобождение от идеологических догм не гарантирует безошибочности. Философия истории напоминает: необратимость ушедшего не уменьшает многовариантности грядущего. Мы не имеем больше права на исторические катастрофы, подобные сталинизму.

18.04.1990

ХРУЩЕВ — ОДИН ИЗ СЕМИ ВОЖДЕЙ СССР

К ВЫСТУПЛЕНИЮ В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХРУЩЕВА

— За семь десятилетий существования великого государства, именуемого СССР (и мы будем всегда с горечью говорить о его крушении), было **семь первых вождей** гигантской страны: Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев.

— Можно историю изучать, скрупулезно анализируя социальные капилляры жизни, духовную пищу людей, политические мифы, которым они молились; тенденции, которые тогда господствовали.

— Но можно изучать и по-другому: взглянуть на галерею «вождей». Их немного — семь человек. Хрущев занимает среди них *особое место*, хотя был *забыт*. Говоря словами Шекспира:

*...Баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел — опала и забвень...*

— Неповторимость этого лидера заключается в том, что *Хрущев*:

а) Вышел из недр руководителей Системы; представитель второй генерации послеоктябрьских руководителей. Он один из главных Архитекторов Системы, рев-

ностный ленинец и соратник Сталина, идеологический приверженец коммунизма.

б) Но именно он (и никто другой) *почувствовал* подспудные движения, первые токи назревавшего тотального кризиса Системы (стремление обезопасить себя и других привело Хрущева к устранению штатного Инквизитора — что резко подняло шансы Хрущева). Нужно было что-то решать с миллионами осужденных, что-то сделать на селе, ослабить полицейскую хватку государства. У Хрущева оказалось качество, которого не оказалось у других: *способность изменяться*. И сейчас у многих его нет...

в) Хрущев нанес первый и страшный удар по Системе. Но не понимал этого; он думал о *культе*. В известном смысле он стал *Освободителем духа*, очень далеким провозвестником нашей Свободы. Я восхитился Хрущевым, когда читал стенограмму его «проработки» в ПБ. Хрущев страстно говорил: «Я хочу умереть, но сказать правду...»

г) *Судьба Хрущева* предельно драматична и заслуживает шекспировского пера (устранение Монстра, XX съезд, венгерская трагедия, операция «Анадырь», разрыв с Мао, космическая ракетная эпопея и др.) По драматическому накалу — редкая судьба.

д) Это — *Великий Импульсивный реформатор*. Многие из его реформ (к слову, в России из 4 реформ лишь одна более или менее удавалась...) были непросчитанными, спонтанными, легковесными. Но главное — он начал поворот гигантской страны на рельсы цивилизации. *Он Начал!*

е) Но совершил Хрущев при этом немало и роковых ошибок. Не будем инвентаризировать их, назовем лишь одну: **Крым** (тлеющий детонатор) в отношениях двух истинно братских государств.

Итак, Хрущев — один из семи лидеров (я пишу сейчас большую книгу: «Семь портретов»). Все они, эти лидеры, совершили *роковые просчеты, имеющие глубокие исторические последствия для России:*

а) *Ленин:* попытка с помощью неограниченного Зла добиться вселенского Добра;

б) *Сталин:* гулагизация мышления, экономики и политики. Преступления против человечности;

в) *Хрущев:* в системе тоталитаризма усмотрел лишь один изъян — «культ личности»;

г) *Брежнев:* хотел добиться всего — ничего не меняя;

д) *Андропов:* пытался административным путем выйти из кризиса;

е) *Черненко:* этот высший чиновник вообще ничего не пытался;

ж) *Горбачев:* надеялся реформировать коммунистическую Систему. *Но она или есть, или ее нет.* Реформированию коммунизм не подлежит. Был лишь один шанс: КПСС вернуться на социал-демократические рельсы. Это я, в частности, предлагал на последнем съезде КПСС, но был согнан с трибуны...

Таковы все лидеры СССР. *Хрущев* — дитя своей эпохи, но в целом выделяется мужеством, стремлением к переменам, покаянию (да, покаянию). *Вспомните его книгу...*

Глядя на Хрущева и всех остальных первых лидеров страны, *видим:*

а) Все семь «вождей» СССР — выходцы из периферии страны, а не из столиц. Российская столица *после Романовых не выдвигала из своей среды «первых» вождей.* Все они из глухой провинции.

б) Большинство этих вождей, хотя и не уставали говорить о «диктатуре пролетариата», — выходцы, как сказал бы Ленин, из «мелкобуржуазной среды» — крестьянства.

в) Все «профессиональные революционеры» — партократы, люди одного искусственного паразитического и бюрократического клана.

Хрущев, хотел этого или не хотел, пытался разбить этот номенклатурный круг. Многие его действия парадоксальны и иррациональны; с именем Ленина он фактически атаковал ленинскую Систему.

Он, как никто тогда, своим природным умом понимал: *настоящее еще не завершено, а будущее уже начато.*

15.04.1994

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Будет или не будет существовать КПСС, РКП, ВКП(б), КПРФ — для меня не столь важно. Если бы она действовала по общепринятым демократическим «правилам игры», — вопрос не возникал бы вообще, но по таким правилам коммунисты никогда раньше не играли. Я просто приведу исторические свидетельства этого, хотя мне непросто это делать, ибо я сам на протяжении сорока лет был членом этой организации и несу свою долю исторической ответственности за ее прошлое. Я приведу только факты: не для ожесточения и чувства мести, а для понимания, покаяния, недопущения возврата тоталитарных порядков. Пусть разуму моих соотечественников помогут эти исторические свидетельства. Они могли бы быть чрезвычайно пространными — во множестве томов. Я же набросал лишь предельно сжатый эскиз этого многотомья.

1. **Компартия и власть.** Большевики не только отстранили и уничтожили все так называемые буржуазные партии, но ликвидировали и своих союзников — меньшевиков и левых эсеров, с которыми они пришли к власти. (Решения ПБ ЦК от 25.06.18 г., ПБ РКП от

11.05.20 г. и 22.06.20 г., ПБ ЦК РКП от 05.01.22 г. и т.д.) Везде запреты, закрытия, запрещения, ссылки, аресты, расстрелы. Монополия на власть в течение семи десятилетий — результат уничтожения своих политических противников.

2. Компартия и церковь. Насильственная ставка на создание атеистического государства. Решение ПБ от 4 мая 1922 г. о репрессиях против духовенства, изъятии церковных ценностей, в резолюции — указание: «применить к попам высшую меру наказания». Провозгласив «свободу совести», уничтожили тысячи священников, сотни церквей. Постановление ПБ от 22 марта 1922 г. прямо говорит о необходимости «расстрела поповства», учит: «взять бешеный темп по проведению процессов попов». Результат — принудительная атеизация общества.

3. Компартия и растрата народных средств. С первых дней прихода к власти началось безудержное расхищение государственных (царских) средств на создание и подкармливание КП, инициирование революций. Доклады Гохрана о выдаче многих миллионов денег. Только в 1919 г. семнадцать компартий получили огромные суммы (золотом, бриллиантами, ценностями другого рода). От голода в стране умирали люди, а национальное достояние пудами передавалось коммунистическим группкам и партиям. В том числе из личной царской казны изъято 458.700.000 золотых рублей и драгоценностей на 7 млн. (золотых царских денег!) — на дела Коминтерна. Ну а уж про финансирование «дружественных» партий за рубежом кто только ни писал...

4. Компартия и террор. Постановление ПБ в сентябре 1918 г. — «О красном терроре». Решением ПБ в 1919 г. разрешено вынесение внесудебных приговоров. Постановление ЦК ВКП(б) от 28.10.34 г. — учреждены особые Совещания. Массовый террор: на основе документов мною установлено, что с 1929 года по 1953 год реп-

рессировано около 21,5 млн. человек (более трети расстреляно, еще одна треть умерла в лагерях). Постановление ЦК (сентябрь 1941 г.) о выселении немцев, позже — татар, калмыков, греков, турок и др. народов. Бесчеловечные решения: постановление ПБ от 03.12.1934 г. не принимать ходатайств о помиловании лиц, осужденных к смертной казни. Террор осуществлялся и вне страны — по устранению политических противников (было создано даже специальное подразделение — секретно-политический отдел НКВД). Террор стал политическим методом устранения инакомыслящих.

5. Компартия и крестьянство. Принудительная коллективизация — беспрецедентный способ решения глубокой социальной проблемы насилием. Сослано, расстреляно, арестовано 8,5 млн. человек (1929—1933 гг.). Приобщали к преступлениям, развращали и остальных крестьян, выделяя беднякам 25% изъятого у «кулаков». Начиная с 1931 г. ОГПУ «изымало» крестьян для решения самых трудных строительных задач (каналы, шахты, дороги), где до 70% людей гибло. О бесчеловечном обращении с беспаспортным в то время крестьянством можно говорить долго. Жилы этому социальному слою были подрезаны окончательно большевиками в начале 30-х годов, после чего крестьянство до сих пор подняться не может.

6. Компартия и интеллигенция. Интеллигенция в своем большинстве не приняла революцию как способа насильственного переустройства общества. И сразу же начались гонения. Результат: из 2 млн. бежавших, эмигрировавших, высланных в 1917—1924 гг. — более 400 тысяч представителей интеллигенции. Постановление ПБ от 08.06.22 г. узаконило практику высылки за границу в соответствии с указанием Ленина: «очистим Россию от этой сволочи». По решению ПБ ВЦИК издал постановление о «создании Особого Сопровождающего из

представителей НКВД и НКЮ», которому предоставлялось право в «более легких случаях» высылать интеллигенцию за границу. За рубежом оказались десятки тысяч образованнейших людей страны. Большевики на десятилетия обокрали, обескровили интеллектуальный потенциал общества. В своем письме Горькому Ленин, оправдывая эту практику, писал, что у «интеллигентов, мнящих себя мозгом нации, в голове не мозг, а г...» (РЦХИДНИ, ф.2, оп.1, д.11164, л.8).

И после этого коммунисты все 70 лет вели войну с духовностью, поисками истины. Гумилев, Зощенко, Клюев, Мандельштам, Пильняк, Ахматова, Солженицын... Не счесть. Смею утверждать, что самое тяжелое наследие коммунистического правления — именно в сфере сознания, ибо это было преступлением против *мысли*. Требуется долгие годы, чтобы замусоренное догматическими штампами сознание вновь стало свободным.

Можно было бы приводить исторические свидетельства и по другим сюжетам: «Компартия и экономика», «Компартия и вооруженные силы», «Компартия и права человека», «Компартия и мораль» и т.д. Всю историю своего существования эта партия разрушала, запрещала, манипулировала, карала, преследовала, отбирала. Семь десятилетий нашего покорного ожидания: ленинского рая (он обещал мировую революцию в два-три года и всемирную победу коммунизма через 10—15 лет — говорил, кстати, об этом в 1915 г.), сталинского «догнать в экономическом отношении» (вот тогда «жить будет веселей»), хрущевского коммунизма к началу 80-х, брежневского перехода «развитого социализма в новую стадию»; двое следующих ничего толком пообещать не успели; горбачевский рай был разбит на бесчисленное количество «этапов» и «периодов» и каждый из них «решающий»...

Неужели есть желающие еще подождать?!

ВАРИАНТЫ «МАКСА»

Когда я работал несколько лет назад над книгой о Троцком, то в архивном фонде Сталина встречал бумаги с упоминанием советского агента «Макса». Из них я узнал, что разведчик «Макс» не был боевиком, а использовался в Западной Европе и Латинской Америке (в частности, в операции по уничтожению Троцкого) для «агентурного прикрытия» (так значилось в документах). Правда, в одной боевой операции «Макс» все же участвовал.

Как известно, 24 мая 1940 года на дом Троцкого в Койоакане в Мехико было совершено неудачное для террористов нападение под руководством знаменитого мексиканского художника-коммуниста Давида Альфаро Сикейроса. (Может быть, это было учтено московскими властями, когда они наградили его в 1966 году Ленинской премией мира?) В группе нападавших был и «Макс» с ручным пулеметом...

Мне удалось тогда установить, что нелегал «Макс» есть никто иной, как советский гражданин Иосиф Ромуальдович Григулевич, впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР. По размышлению, в силу ряда причин, я не стал приводить его настоящей фамилии в книге. Но спустя какое-то время в газете «Известия» появилась большая статья об этом человеке. Но еще до этой публикации мне стал известен один любопытный и даже сенсационный документ, связанный непосредственно с «Максом».

Известно, что Сталин после «своеволия» Тито полагал, как рассказывал Хрущев, что стоит ему «пошевелить пальцем», — и югославского лидера не будет. Но шло время; Сталин «шевелил» уже обеими руками, а Тито был жив. В результате многие имели возможность убедиться, что кремлевский диктатор не так всемогущ, как казалось на первый взгляд. Сталин несколько раз

раздраженно выговаривал свое недовольство Берии, который имел неосторожность однажды предложить вождю попытаться нормализовать отношения с Югославией. Однако генералиссимус уже не мог дать «заднего хода». Именно он дал литерному делу Тито, заведенному в соответствующем подразделении МГБ, название «Стервятник». Отступить Сталин не хотел и не мог; югославский отступник должен быть ликвидирован.

Как писал в июле 1953 года в ЦК КПСС А.Н.Поскребышев, проработавший у вождя долгие годы помощником, Сталин однажды заявил в узком кругу: «Берия развалил разведку, и ни в коем случае ему нельзя доверять этот участок работы». Возможно, устами Поскребышева говорила личная обида: незадолго до смерти Сталина помощник вождя был отстранен от службы по настоянию Берии и со страхом ждал дальнейшего развития событий. Но тем не менее Берия, будучи заместителем Председателя Совета Министров и членом Политбюро, курировал МВД и МГБ. Чувствуя растущее недовольство и раздражение Сталина в связи с заминкой дела по ликвидации Тито, Берия и шеф МГБ С.Д.Игнатьев лихо радочно искали пути выполнения указаний вождя. В конце концов, поздней осенью 1952 года родилось несколько вариантов ликвидации Иосипа Броз Тито, близкого союзника Сталина в годы войны и сразу после нее. Все эти варианты были напрямую связаны с именем И.Р. Григулевича — «Макса».

После этого вступления приведу полностью документ, подготовленный тогда же в Министерстве государственной безопасности СССР и адресованный лично Сталину. Записка МГБ в силу особой секретности написана одним из заместителей Игнатьева в единственном экземпляре. Вот ее текст:

«МГБ СССР просит разрешения на подготовку и организацию теракта против Тито с использованием агента-нелегала

«Макса» — тов. Григулевича И.Р., гражданина СССР, члена КПСС с 1950 года (справка прилагается).

«Макс» был переброшен нами по коста-риканскому паспорту в Италию, где ему удалось завоевать доверие и войти в среду дипломатов южноамериканских стран и видных коста-риканских деятелей и коммерсантов, посещавших Италию.

Используя эти связи, «Макс» по нашему заданию добился назначения на пост Чрезвычайного и Полномочного посланника Коста-Рики в Италии и одновременно в Югославии. Выполняя свои дипломатические обязанности, он во второй половине 1952 года дважды посетил Югославию, где был хорошо принят, имел доступ в круги, близкие к клике Тито, и получил обещание личной аудиенции у Тито. Занимаемое «Максом» в настоящее время положение позволяет использовать его возможности для проведения активных действий против Тито.

В начале февраля с.г. «Макс» был вызван нами в Вену, где с ним была организована встреча в конспиративных условиях. В ходе обсуждения возможностей «Макса» перед ним был поставлен вопрос: чем он мог бы быть наиболее полезен, учитывая его положение. «Макс» предложил предпринять какое-либо действенное мероприятие лично против Тито.

1. Поручить «Максу» добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении лиц. Сам «Макс» не будет знать о существовании применяемого препарата. В целях сохранения жизни «Максу», ему будет предварительно привита противочумная сыворотка.

2. В связи с ожидаемой поездкой Тито в Лондон, командировать туда «Макса» с задачей, используя свое официальное положение и хорошие личные отношения с югославским послом в Англии Велебитом, попасть на прием в югославском посольстве, который, как следует ожидать, Велебит даст в честь Тито.

Теракт произвести путем бесшумного выстрела из замаскированного под предмет личного обихода механизма с одновре-

менным выпуском слезоточивых газов для создания паники среди присутствующих, с тем чтобы создать обстановку, благоприятную для отхода «Макса» и скрытия следов.

3. Воспользоваться одним из официальных приемов в Белграде, на который приглашаются члены дипломатического корпуса. Теракт произвести таким же путем, как и во втором варианте, поручив его самому «Максу», который, как дипломат, аккредитованный при югославском правительстве, будет приглашен на такой прием.

Кроме того, поручить «Максу» разработать вариант и подготовить условия вручения через одного из коста-риканских представителей подарка Тито в виде каких-либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведет в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество.

«Максу» предложено еще раз продумать и внести предложения, каким образом он мог бы осуществить наиболее действенные мероприятия против Тито. С ним обусловлены способы связи и договорено, что ему будут даны дополнительные указания.

Считали бы целесообразным использовать возможности «Макса» для совершения теракта против Тито. «Макс» по своим личным качествам и опыту работы в разведке подходит для выполнения такого задания.

Просим Вашего согласия».

Содержание записки похоже на сюжет «крутого» детективного боевика. Но это не наброски к сценарию приключенческого фильма, а подлинный замысел руководства министерства государственной безопасности. Сталин не оставил резолюции на документе, однако, как нам известно, выразив сомнение в осуществимости всех этих вариантов акции, дал тем не менее «добро». Началась первичная проработка: оперативная, техническая, агентурная. Кремлевский диктатор сомневался, скажем сразу, лишь в способностях «Макса» выполнить такое сложное «дело». Вождь привык действовать наверняка

и не хотел провала. До этого Григулевич никогда не использовался как террорист-боевик (за исключением случая, о котором мы рассказали вначале), и не все были уверены, что он будет способен, как Меркадер в Мехико, пойти фактически на акцию, где немного шансов было «выбраться». Террористу предстояло действовать одному.

«Макс» не предлагал, насколько мне известно, «предпринять какое-либо мероприятие лично против Тито» (как утверждается в записке). Он прекрасно понимал, чем может закончиться для него акция. Осуществить теракт предложили ему руководители из Москвы, а он, естественно, не мог не согласиться. Григулевича (как и «разочаровавшегося троцкиста» Меркардера в 1940 году) обязали написать «прощальное письмо» жене, которое должно было попасть в руки спецслужб Тито в случае неудачи с отходом. В письме, как и в случае с операцией по ликвидации Троцкого, излагалась версия, что это акт одиночки, совершенный по идеологическим мотивам. Так руководители МГБ хотели замести следы, если бы «Макс» был бы схвачен.

Началась, повторю, лишь первичная проработка операции. И кто знает, не сработал ли бы в один не очень прекрасный день «бесшумно действующий механизм» с бактериями легочной чумы, не произвел ли бы «Макс» на приеме выстрел из бесшумного пистолета или, наконец, не сработала ли бы шкатулка с драгоценностями... Но «дело» не успело раскрутиться. Вмешался непредвиденный случай. Сталин умирает...

Уже в марте 1953 года операция отменяется. Берия, резко усиливший влияние на короткое время до своего ареста, вызывает Григулевича в Москву. Он явно боится провала: когда Сталина нет — всем будет особенно ясно, чья воля направляла руку убийцы. У Лаврентия Павловича были большие честолюбивые планы и дополнительные осложнения уже были теперь ни к чему.

Трудно сказать, как сложилась бы дальше судьба разведчика-нелегала (да разве его одного?), останься Берия у власти.

Забывтое, неосуществленное дело. Чаше такие операции доводились до конца, как это было с Троцким, Седовым, Райсом, Капустянским, Хохловым, другими «враждебными лицами». В отношении таких людей, как отмечалось в специальной инструкции МГБ, утвержденной на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 9 сентября 1950 года (протокол П77/309), допускалось принимать меры по «пресечению» их деятельности «особыми способами по специальному разрешению».

На вооружении коммунистической партии с ленинских времен был теракт не только против соотечественников, но и против зарубежных граждан. Экзотические варианты «Макса» еще раз свидетельствуют о глубокой безнравственности жрецов большевизма.

Акция не состоялась. Но, как заметил однажды Руссо, хотя удар и не всегда достигает цели, намерение не промахивается.

МЫСЛИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Большевики синтезировали свои цели (западного толка) со средствами (восточного характера) в некий феномен российского революционаризма. Маркс и Пугачев, европейская социал-демократия и азиатская стихия слились в ленинизме, методология мышления и действия которого повторяли (пытались!) французскую революцию. В результате — Россия должна делать сейчас то, что не удалось после февраля 1917 года.

17.01.1989

* * *

Верный признак грядущего поражения большевистской идеи — бесчисленные памятники и музеи Ленина, музеи революции, музеи и бюсты ленинских соратни-

ков. Это напоминает гигантское революционное кладбище. Убийцы и палачи (свердловы, войновы, унцлихты), вожди и их холуи словно оккупировали великую страну, сделав ее похожей на погост.

17.10.1989

* * *

Любая революция переживает эволюцию (октябрьская — от демагогии к террору).

* * *

Полемика Ленина была направлена не столько против идей, сколько против людей. У Ленина не было «аристократизма» ума. Ибо «аристократический» интеллект не допустит унижения словом своих противников. А сколько мусора в сочинениях, сборниках Ленина! Пустяковые записки, наброски планов косноязычных статей, заметки на полях... Все собрано под синюю обложку полного собрания сочинений... Но ведь не только секретариат, но и сам Ленин хранил с самых давних пор свои письма, записки, тексты речей и выступлений. Давненько он начал смотреться в зеркало истории...

18.04.1988

* * *

«Революционная совесть», «революционный порядок», «революционные законы» — суть выражения абсолютной безнравственности и абсолютного бесправия.

* * *

Революцию совершили войска. Ленин тоньше других оценил момент. Его лозунги о земле, фабриках, заводах, мире затрагивали интересы многих. Но как только власть была захвачена, забыто было все: демократия, Учредительное собрание, свобода слова, равенство, справедливость и т.д.

* * *

Сады Бытия изначально замусорены ложью, лестью, властолюбием, двуличием, тщеславием, корыстолюбием. И не вычистить их никогда. Ни ленинскими революциями, ни сталинским террором, ни западными демократическими институтами. Порок и высоты духа соседствуют изначально. Сказки-утопии большевиков остались только сказками.

03.05.1992

* * *

Октябрьский переворот 1917 года — та же пугачевщина, перенесенная в век двадцатый. Пугачев не смог «оседлать» удачу, а Ленин смог, ибо был циничнее.

* * *

Бездеятельность, ошибки и просчеты — не есть алиби для истории: Горбачеву — за развал Союза, Брежневу — за стагнацию, Хрущеву — за половинчатость шагов... Но помогали им мы сами...

* * *

Церковь и Царь (в синтезе — византийство), Идеология и Диктатор (в синтезе — тоталитаризм) привычны на Руси. И никуда это не отринуть, как мы ни стараемся выбиться на дорогу демократической цивилизации.

* * *

Все беды россиян не привнесены диверсантами, евреями, врагами, еретиками, а взлелеяны нами самими, нашей «российскостью».

19.05.1992

* * *

После разгрома русской культуры, начиная с октября 1917 года, ей понадобился почти век, чтобы начать «приходить в себя». Правда, кое-что жило и в советское время (образование — особенно, частично — кинематограф, музыка и т.п.). Но большевики унаследовали тра-

гическую российскую традицию гонения на вольнодумцев. Вспомним только писателей: К.Рылеев — повешен; А.Бестужев — 20 лет каторги, после которой послан солдатом на Кавказ; А.Одоевский — каторга, потом солдатом на Кавказ; А.Герцен — ссылки, эмиграция; Ф.Достоевский — каторга, солдатчина... Большевики: Н.Гумилев — расстрелян; В.Маяковский, С.Есенин — самоубийства; О.Мандельштам, Б.Пильняк, И.Бабель, Н.Клюев, А.Ахматова, А.Солженицын... Не счесть, сколько было выслано за околицу Отечества... И это при том, что главный плод русской истории — ее великая культура...

Творчество соседствовало со страхом, опаской, индифферентностью. Выполнялся социальный заказ и на духовный суррогат, и мы все были его потребителями — «поклонниками» демьянов бедных и других ремесленников «пролетарской культуры». Произошла «советизация» русской культуры и ее кастрация.

По сути, деформирована была не культура, а духовность народа. Правда, обретя свободу, мы не ликвидировали последствий погрома, а кое в чем и усугубили эту бездуховность. Ложь, это дитя несвободы, аморальность, как иллюзия свободы, псевдосвобода — они приспособились к изменившейся среде быстро...

05.05.1995

Борт самолета Вашингтон—Москва

* * *

Ленин, как и обещал, перевернул Россию. Вверх дном. И до сих пор она никак не может занять своего нормального положения.

08.10.1995

* * *

Войны оставляют после себя пустыни и... горы книг о себе.

10.10.1996

Тихое эхо истории

22 июня 1941 года

Старая версия

«Паникеры и трусы должны истребляться на месте...»

Черчилль и Сталин как союзники

Май 1945 года

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Река времени течет в одном направлении. Уже минуло полвека с того страшного дня, когда настежь распахнулись огромные двери войны, — от Баренцева до Черного морей. Даже тем, кто окончил войну восемнадцатилетним, теперь уже за шестьдесят. Но в памяти человеческой тот такой далекий теперь уже день остался не просто как роковая дата, но и как линия отсчета тех долгих 1418 дней и ночей, что вберет в себя Великая Отечественная война советского народа.

За полтора месяца до великой схватки в двух столицах прозвучали речи лидеров государств, которых пока еще связывал договор «О дружбе и границах». Гитлер выступил в рейхстаге 4 мая 1941 года, а Сталин — на следующий день, 5-го числа этого же месяца. И тот и другой говорили о войне. О той, что идет в Европе, и очень глухо — о войне грядущей. О чем же говорил фюрер?

Из газеты «Фелькишер беобахтер» № 125 за 5 мая 1941 года следует, что это была очень длинная речь человека, для которого совесть была лишь химерой, а чужая человеческая жизнь ставилась ни в гроши.

«Депутаты! Члены немецкого рейхстага! Во времена, когда дела являются всем, а слова ничем, я не имею намерения выступать перед вами как перед избранными представителями немецкого народа чаще, чем этого требует необходимость...» Далее фюрер подробно на-

помнил депутатам, как была разбита Польша, Бельгия, Голландия, Франция, Норвегия, Югославия, Греция. В своей пространной речи «первый ариец» без конца поносил Черчилля, прибегая к самой грубой брани и оскорблениям по адресу британского премьер-министра.

В речи фюрер заявил, что в ходе покорения Европы «немецкие вооруженные силы поистине превзошли самих себя. Пехотные, бронетанковые и горные дивизии, как и соединения войск СС, соревновались без отдыха в храбрости, выдержке и упорстве в достижении целей. Работа генерального штаба была выдающейся. Воздушный флот прибавил к своей исторической славе еще новые героические подвиги... Для немецкого солдата нет ничего невозможного!»

Читая пожелтевшие страницы перевода речи, доложенной Сталину и другим политическим и военным руководителям Советской страны, как бы чувствуешь, что Гитлер обращался не только к депутатам рейхстага...

Заключительные фразы фюрера читаются откровенно и многозначительно: «Немецкий народ будет крепко держать превосходство своего вооружения и ни в коем случае не допустит уменьшения своего преимущества... Это величайший процесс вооружения в мировой истории. Необходимые меры в этом отношении будут приниматься и впредь с национал-социалистической решимостью и основательностью... Немецкая империя и ее союзники представляют такую силу, которую не могут превзойти любые коалиции мира. Немецкие вооруженные силы постоянно будут вмешиваться в ход событий тогда и там, когда и где это будет необходимо». В заключение Гитлер заверил депутатов, что он «с абсолютным спокойствием и высшей уверенностью смотрит в будущее»¹.

---

¹ ЦАМО. ф.32. оп.11306, д.5, л. 501—522.

Сидящие в зале заседаний рейхстага еще не знали, что слова о «высшей уверенности в будущем» оратор прямо связывал со своей целью, изложенной в директиве № 21, известной под названием план «Барбаросса». Имя этого рыжебородого германского императора казалось Гитлеру добрым знамением: его военные походы были так удачны... Правда, возвращаясь из очередного, Барбаросса прозаически утонул во время одной из переправ.

В директиве общий замысел был сформулирован предельно ясно: «Немецкие вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы путем молниеносной войны разгромить Советскую Россию еще до окончания войны с Англией... Сухопутным силам энергичными действиями в сочетании с глубокими прорывами танковых соединений уничтожить сосредоточенные в Западной России войска противника и не допустить отхода боеспособных частей в глубь страны... Конечной целью операций является достижение границы между европейской и азиатской частями России, т.е. линии Волга—Архангельск»². Одним из основных разработчиков планов войны в германском генеральном штабе стал генерал-майор Ф. Паулус, чья фамилия после февраля 1943 года стала хорошо известна советским людям.

Об этих замыслах советскому руководству станет известно лишь после войны, когда начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковник Йодль передаст представителю советской контрольной миссии в Германии генерал-майору Трусову кипу совершенно секретных документов, «касающихся ведения войны на Востоке»³.

Сталин, выступая в Кремле на следующий день, 5 мая, на выпуске слушателей военных академий, еще не

² ЦАМО, ф.500, оп.12462, д.7, л. 1—2.

³ ЦАМО, ф.500, оп.12462, д.7, л.2.

знал о речи фюрера и, конечно, о плане «Барбаросса». Речь советского диктатора необычна по содержанию. Оригинального текста обнаружить не удалось, хотя, как говорит генерал армии Н.Г.Лященко, присутствовавший на этом приеме, Сталин держал перед собой листки бумаги. Но стенограмма выступления велась, и, когда после войны приступили к подготовке издания 14 и 15 томов сочинений вождя, был взят за основу текст записи, сделанной сотрудником наркомата обороны К.Семеновым. Мало кому известно, что кроме речи Сталин произнес на приеме еще три тоста, из которых особый интерес имеет последний. Собственно, это был не тост, а дополнение к здравице одного генерал-майора, который провозгласил: «За мирную сталинскую внешнюю политику!» Сталин перебил выступавшего:

— Разрешите внести поправку: такая политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика — дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили ее современными средствами борьбы... Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом... Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная.

А что же говорил вождь в своей основной, получасовой речи?

Поздравив выпускников академий с окончанием учебы, Сталин заявил, что, «вернувшись в ряды армии, вы не узнаете ее». Изредка взмахивая здоровой рукой, оратор сообщил, что армия извлекла уроки из советско-финской войны и событий на Западе. Неожиданно Сталин, характеризуя качественный рост армии, сказал во всеулышание то, что в сейфах лежало не просто под грифом «совершенно секретно», а под гораздо более

значимым — «особая папка». Теперь у нас, заявил лидер партии и государства, в составе армии 300 дивизий.

Вождь рисовал оптимистическую картину состояния Красной Армии, при этом начавшийся процесс перевооружения новой боевой техникой представил фактически как уже состоявшийся.

— Почему Германия сейчас побеждает на Западе? — задал себе вопрос Сталин. Обведя зал своими желтыми глазами, он, не спеша, объяснил секрет ее успехов. — Прежде всего германцы учли уроки своего поражения в первой мировой войне (когда они позволили себе воевать на два фронта. — *Д.В.*). «Военная мысль германской армии двигалась вперед. Армия вооружалась новой техникой». Немцы «политически подготовили» войну, заимев «в достаточном количестве союзников». Уж не СССР ли имел в виду Сталин, который после договора о «дружбе» с Германией превратился как бы в ее невоюющего союзника?

Но Сталин тут же заявил, что германская армия не является непобедимой. Почему? «В германской армии ничего особенного нет ни в танках, ни в артиллерии, ни в авиации. Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны...» И далее Сталин продолжал весьма легкоवेशно высвечивать слабые места немецкой военной машины: «В германской армии появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает от нашей... Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники...»

Читатель имеет возможность сам оценить степень аналитической прозорливости человека, которого нарком обороны С.К.Тимошенко в своем приказе, подписанном в этот же день, величал не иначе как «великим вождем и учителем»⁴.

---

⁴ ЦГАСА, ф.4, оп.12, л.97, л. 454—456.

Таковы были взгляды Сталина, который в решающей степени определял политику, военное строительство, стратегию обороны страны. По указанию Сталина начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии армейский комиссар второго ранга Запорожец приступил к подготовке новой директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время». Она была разработана к двадцатым числам июня, но ее не успел просмотреть Сталин и подписать нарком обороны. Война застала ее на сталинском столе. Главный смысл документа заключался в переложении идей, изложенных Сталиным в его майском выступлении. «Великий вождь» полагал, что после нападения Германии война Советским Союзом будет вестись только наступательно. В проекте директивы говорилось, что «политическую пропаганду нужно поднять на уровень современных задач Красной Армии. Все формы пропаганды, агитации и воспитания направить к одной цели — политической, моральной и боевой подготовке личного состава к ведению справедливой, наступательной и всепокрушающей войны»⁵. Директива вместе с тем верно констатировала, что «Германия ведет войну за установление своего господства в Европе» и стремится к созданию «крупной колониальной империи».

Сталин верил, что в случае нападения Германии (что он считал к весне 1941 года маловероятным: ведь это же «два фронта»!) Красная Армия будет в состоянии, как он заявил в своем тосте 5 мая, быстро «от обороны перейти к наступательным действиям». Но разве он не знал о совершенно секретной директиве наркома обороны № 34678 от 17 мая 1941 года, в которой маршал Советского Союза С.К.Тимошенко оценивал результаты проверки боевой подготовки формулой: требования и

---

⁵ ЦАМО. ф.32, оп.11309, д.101, л. 24.

задачи, поставленные на «зимний период 1941 года значительным количеством соединений и частей, не выполнены». Главный военный совет, например, подготовку ВВС Красной Армии оценил как «неудовлетворительную». Документы с этими оценками, которые хорошо были известны Сталину, подписали С.К.Тимошенко, А.А.Жданов и Г.К.Жуков⁶. К слову, после такой оценки начальник главного управления Военно-воздушных сил Павел Васильевич Рычагов был освобожден от должности, арестован и еще в этом же году расстрелян⁷.

Специальной проверкой частей, проводившейся с 23 мая по 5 июня 1941 года в Киевском, Западном, Прибалтийском особых военных округах, Одесском военном округе, установлена неудовлетворительная готовность войск. В шифротелеграмме, адресованной военным советам округов и армий, подписанной Тимошенко и Жуковым, дается тревожная оценка состояния частей⁸. Несколько ранее А.Запорожец докладывал Сталину и другим членам Политбюро специальной запиской «О состоянии укрепленных районов на наших западных границах», в которой однозначно отмечалось, что «укрепленные районы, строящиеся на наших западных границах, в большинстве своем небоеспособны»⁹. А Сталин за полтора месяца до начала войны утверждал, что в случае нападения Германии СССР быстро перейдет в наступление!

У нас и по сей день немало лиц, утверждающих, что страна «благодаря заботе партии» была в основном готова к отражению агрессии, и лишь вероломство Гитлера привело к катастрофе в начальный период войны. Но какая же это готовность?! Давайте посмотрим еще до-

⁶ ЦАМО, ф.32, оп.11309, д.3, л.85—95.

⁷ ЦАМО, ф.8, оп.794, д.31, л.61.

⁸ ЦАМО, ф.208, оп.2513, д.70а, л.424—426.

⁹ ЦАМО, ф.15, оп.725588, д.36, л.241.

кументы. Вот записка тех же Тимошенко и Жукова, адресованная Сталину, Жданову и Вознесенскому, подписанная уже после хвастливого выступления Сталина 5 мая, в которой они честно и мужественно говорят, что по целому ряду важнейших образцов «вооружения и боевой техники промышленность выполняет план поставки совершенно неудовлетворительно»¹⁰.

Страна готовилась к войне, но не была готова к ней. Советский народ, главный герой и мученик надвигавшейся войны, отказывая себе во всем, прилагал отчаянные усилия по наращиванию оборонного потенциала. Духовная решимость людей защитить Отечество была высокой. Но просчеты высшего руководства во внешнеполитической сфере, господство бюрократии и догматизма, обезглавливание Сталиным армии, беспрекословное подчинение всех воле единодержца, который считался непогрешимым, предопределили в огромной степени крайне неудачное для СССР начало войны.

А тем временем к Сталину шли и шли донесения по различным каналам о концентрации немецких войск на границе. Доклады Сталину основывались на *многочисленной* информации, собираемой агентурой и войсковой разведкой. Вот, например, некоторые выдержки из доклада разведотдела штаба Западного особого военного округа, подписанного 4 июня 1941 года полковником Блохиным и майором Самойловичем: «...На основании ряда проверенных агентурных данных, военная подготовка Германии против СССР за последнее время, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно». Далее подробно говорится о непрерывном прибытии к границе все новых и новых частей, особенно танковых и механизированных. В докладе, в частности, также отмечается: «Все гражданские лечебные учреждения в крупных и

---

¹⁰ ЦАМО. ф.67, оп.12001, д.141, л.48.

мелких населенных пунктах генерал-губернаторства (в Польше. — *Д.В.*) — заняты под госпитали... Заканчивается скрытая мобилизация чиновников на будущие должности в западных районах СССР. Эти чиновники обо всем предупреждены и ждут только начала военных действий... Функционируют курсы парашютистов для забрасывания в тылы Советской Белоруссии для выполнения диверсионных задач. Возможность начала военных действий немцев против СССР не исключается в июне месяце...»¹¹. Здесь же приложен опросный лист нарушителя госграницы Френцеля Юзефа Юзефовича, перешедшего на советскую сторону 4 июня 1941 года, из которого явствует, что немецкая армия должна в ближайшее время напасть на СССР¹².

Подобных сообщений — множество. Их обилие даже успокаивало Сталина, ибо он считал, что немцы не могут быть столь беспечны в своих приготовлениях, а все эти перебежчики — просто провокаторы. На все заявления Тимошенко, Жукова Сталин бросал односложные ответы:

— Не поддавайтесь на провокации... Разве немцы способны вести войну на два фронта?

Он как бы не хотел видеть, что фронта на Западе фактически уже не существовало после поражения Франции.

Как рассказывал Г.К.Жуков К.М.Симонову где-то весной 1941 года, когда поток сообщений о концентрации немецких войск в Польше особенно возрос, Сталин обратился с личным письмом к Гитлеру с просьбой разъяснить положение дел. В ответ фюрер «доверительно» сообщил советскому руководителю, что эти сведения верны — действительно, в Польше сосредоточены крупные войсковые соединения, но что он, Гитлер.

¹¹ ЦАМО, ф.127, оп.12915, д.16, л.307—314.

¹² ЦАМО, ф.127, оп.12915, д.16, л.317—319.

будучи уверен, что эта информация не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить: сосредоточение войск в Польше не направлено против Советского Союза. Мол, территория Западной и Центральной Германии подвергается сильным бомбардировкам. Поэтому Гитлер вынужден временно отвести сюда значительную часть своих войск. Фюрер заверил Сталина, что намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается честью главы государства... Похоже, как говорил Жуков, Сталин поверил этому аргументу Гитлера. Советский лидер тогда не знал, что с начала 1941 года Германия провела крупную дезинформационную операцию «Британский лев» с целью убедить советскую сторону в широкомасштабной подготовке десантной операции на английские острова. Ее реализация заключалась в «случайной» утрате карт немецкого вторжения в Англию и заявлениях германского военного атташе генерала Кестринга, назойливо повторявшего советским должностным лицам на официальных встречах, что немецкие войска в Польше «должны хорошо отдохнуть, прежде чем покончить с Англией»¹³.

Тем не менее под давлением военных Сталин все же разрешил осуществить ряд важных оборонных шагов. В мае месяце генерал-майором Василевским по указанию Тимошенко был разработан в единственном экземпляре («Особо важно. Совершенно секретно. Только лично»), написанном от руки, «План обороны государственной границы» и доложен Сталину и Молотову. В плане говорилось, что «возможное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность атаки и со стороны Японии наших дальневосточных границ»¹⁴. В результате обсуждений в узком кругу в кабинете Сталина пришли к выводу, что в

---

¹³ ЦГАСА. ф.33988. оп.4. д.36. л.56.

¹⁴ ЦАМО. ф.16, оп.2951, д.232, л.2.

первом эшелоне прикрытия на Западе надо держать 57 дивизий, во втором — 52, в резерве — 62 дивизии. При этом была допущена, под давлением Сталина, крупная стратегическая ошибка: главные силы сосредоточили на Юго-Западном направлении (около 100 дивизий). Равномерное построение стратегического эшелона по глубине, часто на большом удалении от границы, позволило агрессору расправляться с отдельными элементами обороны по частям. Главный удар ждали на юго-западе, а Гитлер нанес его в центре, на Западном направлении. Впрочем, этого следовало ожидать: во всех проведенных кампаниях немецкие войска рвались к столицам поверженных государств по кратчайшим направлениям.

После одобрения плана обороны начальником Генерального штаба был назначен Г.К.Жуков. Так получилось, что за полгода это был уже третий начальник Генштаба. В августе 1940 года Б.М.Шапошникова сменил К.А.Мерецков, а теперь его сменил Г.К.Жуков. Едва ли эта чехарда способствовала спокойному стратегическому осмыслению грозной ситуации.

Военным удалось уговорить Сталина пойти на еще один крупный шаг: в конце мая — начале июня на учебные сборы было призвано 793 тысячи военнообязанных из запаса, что позволило за две-три недели до начала схватки пополнить часть соединений первой линии. Но в целом, в начале 1941 года, укомплектованность частей Красной Армии была такой: средними танками — на 74 процента, тяжелыми — на 31, легкими — на 100, артиллерийскими орудиями — на 76, самолетами — полностью, но, главным образом, из состава старого парка.

Война стремительно приближалась. По разным источникам, Гитлер несколько раз переносил сроки начала боевых действий. В мае последовательно намечались числа 14, 15, 20-е, а в июне — 15-е и, наконец, 22-е число.

Сталин, чувствуя неготовность к войне, всячески стремился демонстрировать свою лояльность по отношению к Гитлеру. Когда в июне немецкие самолеты в массовом порядке стали нарушать советские границы, по распоряжению советского руководителя была отдана директива: залеты «не носят преднамеренного характера... При нарушении германскими самолетами границы оружия не применять»¹⁵. Если самолеты совершали «вынужденные посадки», экипажам беспрепятственно разрешали взлетать вновь.

Однако сообщения о подготовке Германии к нападению множились лавинообразно. Сталин предложил Молотову осуществить зондаж. Было опубликовано печально известное заявление ТАСС от 14 июня, в котором советское руководство деликатно выражало упреки в отношении соблюдения Германией условий пакта, но тем не менее в конце концов заявляло: «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз...» Сталин и Молотов, по существу, предлагали Берлину новые переговоры, которые, если их оттянуть на месяц-другой, сняли бы саму возможность войны в 1941 году.

В тот самый день, когда «Правда» опубликовала «Заявление ТАСС», Гитлер собрал совещание высшего командного состава гитлеровской армии, на котором он заслушал командующих группами армий о готовности «похода на Восток». Фюрер подтвердил новую дату вторжения: 22 июня 1941 года. Но время начала боевых действий было сдвинуто с 3.30 на 3.00 часа. Геббельс, рейхсминистр пропаганды, запишет в своем дневнике: «В Москве заняты гаданием... Кажется, Сталин начинает понимать, что к чему». Хотя Геббельс отмечал, что Сталин «по-прежнему глядит (на Германию. — Д.В.), как кролик на удава».

---

¹⁵ ЦГАСА, ф.33987, оп.3, д.1368, л.246.

В этот же день, 14 июня, в войсках Ленинградского и Одесского военных округов, Прибалтийского и Киевского особых военных округов, продолжалась обычная военная жизнь. На танкодромах шло вождение боевых машин, раздавались взрывы снарядов на полигонах, велось строительство новых аэродромов и укрепрайонов; штабисты, в соответствии с распоряжениями Генерального штаба, уточняли планы обороны государственной границы и противовоздушной обороны районов. В соответствии с директивой наркома обороны от 13 мая 1941 года, из внутренних округов продолжалось выдвигание четырех армий. Завершение выдвигания планировалось в первой половине июля. В общем, шла напряженная войсковая жизнь, жестко управляемая и направляемая, как это всегда бывает во всех военных системах, из центра. Пульс войскового организма бился учащенно.

Заявление 14 июня внесло, казалось, успокоение в напряженную атмосферу советского бытия, и жизнь текла своим чередом. На заводе боеприпасов № 80 выясняли, например, почему срывается план поставок; московская комиссия работала на Подольском заводе, допытываясь, почему в бронекорпусах имеются трещины; специальные люди «беседовали» с наркомом судостроительной промышленности Носенко: почему вместо 9 переправочных паромов поставлено в войска лишь три...¹⁶ Но в этот день, 14 июня, занимались и другим:

«Командующему войсками ПрибВО
Командующему 11 армии

На 18.00 14 июня арестовано 115 человек. Остались одиночки. Все идет благополучно. Работа идет к концу.

Генерал-майор Куркин»¹⁷.

¹⁶ ЦАМО, ф.67, оп.12001, д.141, л.48—63.

¹⁷ ЦАМО, ф.140, оп.680086, д.7, л.165.

Речь идет, по-видимому, о завершающейся чистке в частях «подозрительных лиц» из местного населения...

Роковой день приближался. Как его встретили на немецкой стороне?

Заканчивались последние приготовления к нападению в германских войсках. Проверялась связь Ставки Гитлера, перенесенной в район Ростенбурга, со штабами групп армий. В войска пошло обращение Гитлера с призывом «устранить большевистскую угрозу Германии на Востоке». Поезда, переведенные еще 22 мая на график ускоренного движения, продолжали подавать войска и военные грузы к границе. Во второй половине дня 21 июня самолеты люфтваффе поодиночке прибыли на приграничные аэродромы. Из частей диверсионного назначения были переданы условные сигналы многочисленной агентуре, заброшенной заранее в приграничные округа, о начале действий с наступлением 22 июня. Многие из диверсантов будут бандитствовать в форме военнослужащих Красной Армии.

На исходе дня Риббентроп направил пространную телеграмму с грифом «Срочно! Государственная тайна!» германскому послу Шуленбургу в Москву, содержание которой тот должен был сообщить утром советскому руководству. В телеграмме говорилось, что советско-германские договоры от 23 и 28 сентября 1939 года «принесли Советскому Союзу огромные выгоды в области внешней политики», и, как выяснилось, говорилось далее, «заклучение договоров явилось тактическим маневром для получения соглашений, выгодных только России». В четырехстраничном документе германского МИД подчеркивалось, что «действия СССР против прибалтийских государств, Финляндии и Румынии, где советские притязания распространились даже на Буковину», продемонстрировали стремление «большевизировать и аннексировать эти страны». Утверждалось, что «оккупация и большевизация Советским Союзом предо-

ставленных ему сфер влияния является прямым нарушением московских соглашений...». Обвиняя далее СССР в том, что он намерен «с тыла атаковать Германию», МИД сообщал, что «фюрер поэтому приказал германским вооруженным силам противостоять этой угрозе всеми имеющимися в их распоряжении средствами»¹⁸. Почти в этот же час, во второй половине 21 июня, Гитлер писал Муссолини:

*«Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончилось принятием самого трудного в моей жизни решения. Я полагаю, что не вправе больше терпеть положение после доклада мне последней карты с обстановкой в России, а также после ознакомления с многочисленными другими донесениями... Что касается борьбы на Востоке, дуче, то она определено будет тяжелой. Но я ни на секунду не сомневаюсь в успехе... Окончательное решение будет принято только сегодня в 7 часов вечера...»*¹⁹.

Гитлер еще не знал, что начать войну для него будет легче, чем ее закончить.

А что же было в 7 часов вечера и позднее 21 июня в Москве?

На стол к Председателю Совета Народных Комиссаров Сталину его помощник Поскребышев приносил и приносил сообщения с западной границы одно тревожнее другого. В донесении, подписанном начальником штаба ПриБВО генерал-лейтенантом Кленовым, говорилось: немцы «закончили строительство мостов через Неман... Гражданскому населению предложено эвакуироваться вглубь от границы на 20 километров...»²⁰. Дру-

---

¹⁸ СССР—Германия. 1939—1941 гг. Документы и материалы. США, 1983, с.167—170.

¹⁹ Там же, с. 170—173.

²⁰ ЦАМО, ф.221, оп.2467, д.39, л.70).

гой начальник штаба ЗапОВО генерал-майор Климовских докладывал: «Проволочные заграждения вдоль границы у дороги Августов, Сейны, бывшие еще днем, к вечеру сняты. В лесу шум моторов»²¹. М.П.Кирпонос, командующий Киевским особым военным округом, сообщал о перебежчиках, которые говорили о начале германского наступления через несколько часов.

Сталин колебался. Он всегда был осторожным политиком. Решения принимал часто после большой внутренней борьбы. Он не хотел в этот момент войны, знал, что к ней не готов. Однако бывают моменты, когда надо действовать в высшей степени решительно и быстро, с тем чтобы история не оставила времени на неудачу. Положение земного бога постепенно так изменило восприятие этого человека, что Сталин не хотел верить в неизбежность чего бы то ни было противоречащего его желаниям и прогнозам. «Вожди» свой голос слушают особенно чутко. Они уже не хотят верить, допускать саму мысль о том, что ошиблись...

Вечером 21 июня Сталин распорядился, чтобы Молотов пригласил германского посла Шуленбурга для объяснений об обстановке на границе. Похожий приказ пошел и в Берлин: совпослу было приказано встретиться с Риббентропом.

Шуленбург, застигнутый вызовом за уничтожением секретных бумаг, отправился в МИД и с непроницаемым лицом выслушал Молотова. Тот с удивлением говорил, что «советское правительство не в состоянии понять причины недовольства Германии...». Будучи одним из главных архитекторов советско-германской политики, Молотов надеялся услышать успокоительные заверения. Но Шуленбург ему сухо ответил: «Не могу дать ответа на этот вопрос и передам его в Берлин». Риббентроп отказался принять советского посла, отослав его к

---

²¹ ЦАМО, ф.208, оп.2454, д.26, л.34.

статс-секретарю Вецекеру. Когда посол Деканозов пытался говорить о случаях залета немецких самолетов на советскую территорию, статс-секретарь, неучтиво перебив его, заявил: «...поскольку у меня совершенно другое мнение, то нужно ждать ответа моего правительства... Ответ будет дан позже»²². Да, через несколько часов германское правительство даст «ответ» беспрецедентным вторжением на территорию СССР.

После долгих обсуждений в кабинете Сталина с участием Тимошенко и Жукова решили направить в войска директиву Главного военного совета, известную под номером один, которая после шифровки в половине первого ночи 22 июня ушла в штабы округов. В ней, в частности, говорилось: «В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начаться с провокационных действий... Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения...»²³.

Но даже эта робкая директива не успела дойти до многих частей. Войска приграничных округов, численностью в 170 дивизий, насчитывавшие более 3-х миллионов человек, дислоцированные на большую глубину, оказались застигнутыми врасплох. Германские войска, численностью около 4-х миллионов человек, сконцентрировав свои силы на нескольких основных направлениях, добились на них трехкратного превосходства в силе. Первый удар оказался ошеломляющим. Западные округа только в первый день войны потеряли более 1200 самолетов. С первых часов немцы обеспечили себе господство в воздухе.

---

²² СССР—Германия. 1939—1941. С.174.

²³ ЦАМО, ф.229, оп.164, д.1. л.71.

Советские войска на границе, застигнутые врасплох, отчаянно сражались, но их усилия были разрозненными, спонтанными. В первые же часы связь, управление были парализованы.

Взглянем на первые часы войны глазами ее участников. После смерти Сталина ряд военачальников для обобщения опыта начального периода войны направили в Генштаб свои воспоминания. Вот, например, фрагменты из записей бывшего командующего 8-й армией генерал-лейтенанта П.П.Собенникова. Он сообщает, что уточненный «план обороны до войск не доводился». Никаких письменных приказаний ни до, ни после 20 июня из штаба округа получено не было. «На командный пункт 21 и 22 июня стали поступать противоречивые указания по телефону и телеграфу об устройстве засек, минировании и т.п., причем одними распоряжениями эти мероприятия приказывалось производить немедленно, другими — отменялись, потом опять подтверждались и опять отменялись...» В ночь на 22 июня «я лично получил приказание от начальника штаба фронта генерал-лейтенанта П.С.Кленова в весьма категоричной форме — к рассвету 22 июня отвести войска от границы, вывести их из окопов, что я категорически отказался выполнить...». Чувствовалась большая нервозность, несогласованность, неясность, боязнь «спровоцировать» войну. Уже на рассвете 22 июня «почти вся авиация Прибалтийского военного округа была сожжена на аэродромах». Генерал, которому довелось в течение короткого времени командовать даже фронтом, горестно заключает: «Штаб армии не был боеспособен...»²⁴.

Командир 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенант Д.И.Рябьшев вспоминал, что к 22 июня «из 939 танков, имевшихся в корпусе, только 169 были новых образцов (КВ и Т-34). Остальной парк — устарев-

²⁴ ЦАМО. ф.15, оп.881474, д.12, л.246—253.

шие машины Т-26, БТ-5, БТ-7». После рекогносцировки в районе границы с целью определения маршрута для прохода танков, вспоминал Рябьшев, «я наблюдал массовые нарушения границы немецкой авиацией и доложил об этом начальнику штаба 26-й армии генералу И.С.Варенникову, высказав предположение о подготовке к нападению со стороны немецких войск. Генерал Варенников в категорической форме отверг мое мнение и заверил, что если что-либо будет серьезное, то мы получим своевременное подтверждение... Никаких мыслей о войне ни у кого не было»²⁵. Далее Рябьшев вспоминает, как в первые дни войны он получал одно за другим приказание штаба фронта и армии, сводившиеся к бесконечным перемещениям корпуса на большие расстояния. Получив распоряжение об отводе войск корпуса во фронтовой резерв и начав его исполнять, он вдруг получил новый приказ об ударе по противнику в направлении Броды, Дубно. Колонны уже были на марше. «На КП корпуса прибыл член Военного совета Юго-Западного фронта корпусной комиссар Н.И.Вашугин, который потребовал немедленного выполнения последнего приказа командующего фронтом о выходе корпуса в район Дубно, угрожая мне расстрелом». С большим трудом удалось перегруппировать силы корпуса, повернуть его и завязать тяжелые бои, хотя, «как позже было установлено, намечавшееся раньше наступление было еще раньше отменено»²⁶. Части корпуса оказались в окружении. Когда, наконец, остатки соединения вырвались из вражеских тисков, всего в составе оказалось лишь десять процентов танков от первоначального состава. «Бесцельные переброски корпуса в течение первых дней, — с горечью вспоминал Рябьшев, — отсутствие устойчивой связи, частая смена

²⁵ ЦАМО, ф.15, оп.881474, д.12, л.179.

²⁶ Там же, л.187.

задач, без учета реальных возможностей и времени, при отсутствии авиационного прикрытия и взаимодействия с соседями, несмотря на исключительное мужество личного состава», предопределили крупные неудачи и поражения.

Но самое тяжелое положение сложилось на центральном участке советско-германского фронта. После получения известия о нападении гитлеровской Германии в войска в 7.15 утра пошла еще одна директива, которую подписали Тимошенко, Жуков и Маленков. В ней говорилось: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить»²⁷. В Кремле и не предполагали, что через шесть дней немецкие войска будут в Минске...

На основе путанных, обрывочных сообщений с фронта по инициативе Сталина к исходу дня была подготовлена еще одна совершенно нереальная директива, адресованная военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и южного фронтов, в которой говорилось, что необходимо «мощными концентрическими ударами» уничтожить Сувалковскую группировку противника в Белоруссии окружить и уничтожить вторгшиеся войска в районе Владимир-Вольнского и Броды, а «к исходу 24 июня овладеть районом Люблин» (в Польше. — *Ред.*). Один из пунктов, продиктованный самим Сталиным, гласил: «На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей»²⁸.

В одной фразе — три раза повторено слово «граница». Сталин нервничал, но еще не был в шоке, который спустя некоторое время психологически его парализует

---

²⁷ ЦАМО, ф.5, оп. 11556, д.1, л.4.

²⁸ ЦАМО, ф.48а, оп.1554, д.90, л.260—262.

на два-три дня. Это, кстати, подтверждает и «Книга записи лиц, принимаемых товарищем Сталиным». После 28 июня до 1 июля — провал; у Сталина никто не был, он никого не принимал. Именно 28 июня ему доложили, что восточнее Минска соединились две танковые группы немцев, окружившие главные силы Западного фронта. Попавшие в окружение соединения самоотверженно сражались до конца первой декады июля.

Два дня после этого сообщения диктатор находился на ближней даче, потрясенный картиной катастрофического начала войны, которую, наконец, ему «нарисовали» генштабисты. Танковые группировки противника рвались к Ленинграду, Москве, Киеву. В отдельные дни темп продвижения немецких войск достигал 30—40 километров в сутки. Поэтому указания «вождя» о разрешении «перехода границы» лишь подчеркивали полную оторванность советского лидера от реальной обстановки.

Наиболее трагическая обстановка сложилась на Западном фронте. Приведем лишь некоторые документы, подписанные командующим Западным фронтом Д.Г.Павловым и его штабом. Судьба отведет ему лишь неделю на командование фронтом, а ровно через месяц после начала войны он, Герой Советского Союза генерал армии Павлов Д.Г., начальник штаба Климовских В.Е., начальник связи Григорьев А.А., командующий артиллерией Клич Н.А., командующий 4-й армией Коробков А.А. будут осуждены и в тот же день все, кроме Н.А.Клича, расстреляны. Н.А.Клич будет расстрелян позже. Инициатором выявления «преступной деятельности» руководства фронтом явился Л.З.Мехлис. За эту замечательную инициативу Мехлис и все, кто ее поддержал, получили телеграфное одобрение Сталина. Судьба героя гражданской войны в Испании, сорокачетырехлетнего Павлова и его товарищей по несчастью была предрешена.

Вот несколько документов, подписанных Павловым и его окружением, оставшихся для истории.

К вечеру 22 июня Павлов и Климовских доложили в Москву, что войска 3-й и 10-й армий лишь незначительно попятились, а 4-я армия «ведет бои предположительно на рубеже Мельник, Брест, Влодава»²⁹. По сути, руководители фронта, не зная обстановки и потеряв управление войсками, докладывали свои «предположения».

Утром 23-го в войска фронта пошла шифровка за подписью Павлова, Фоминых и Климовских, где они констатировали: «Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей н/с, которых к тому же сопровождают красноармейцы, люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых командирам и бойцам не организуют...»³⁰

Или вот еще одна шифровка Павлова командующему 10-й армией:

«Почему мехкорпус не наступал, кто виноват. Немедля активизируйте действия и не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления. Каждую дивизию вы знать должны, где она, когда, что делает и какие результаты...»³¹

Через два-три дня Павлов увидел, что войска 3-й и 10-й армий оказались в «мешке». В этих условиях командующий принимает единственное и, видимо, верное решение: в направлении Минска еще оставался коридор

---

²⁹ ЦАМО, ф.208, оп.10169, д.4, л.23.

³⁰ ЦАМО, ф.208, оп.2513, д.71, л.188.

³¹ Там же, л.203.

в 50—60 километров шириной. Оставался еще незначительный шанс спасти войска.

«Командармам 13, 10, 3 и 4

Сегодня в ночь с 25 на 26 июня, не позднее 21.00, начать отход, приготовить части. Танки в авангарде, конница и сильная ПТО (противотанковая оборона. — *Д.В.*) в арьергарде...

Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв произвести на широком фронте. Первый скачок 60 км в сутки и больше...

Павлов

Пономаренко

Климовских»³².

Но стремительного «отступательного марша» совершить не удалось. Почти все склады горючего были разбомблены или достались врагу...

Немного оставил для истории подобных распоряжений Павлов, храбро сражавшийся в Испании, но волею обстоятельств представленный Сталиным едва ли не как главный виновник катастрофы первых дней. А тут еще донесение секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии М.Н.Тупицына Сталину, поступившее через три дня после начала вторжения:

«Обком КП(б)Б считает, что руководство 4-й армии (командующий А.А.Корбков. — *Ред.*) оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями... С первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, и военное руководство не принимает решительных мер».

³² ЦАМО, ф.15, оп.725588, д.36, л.239.

Как мы знаем, «решительные меры» Сталиным были приняты. За просчеты, которые лежали прежде всего на его совести, советский диктатор очень скоро стал железной рукой «наводить порядок» в войсках. Были арестованы генералы Ф.К.Кузьмин, В.А.Меликов, А.Г.Потатурчев, Ф.Н.Романов, И.В.Селиванов, В.В.Семашко, Н.И.Трубецкой, П.Г.Цырульников, И.И.Алексеев, Б.И.Арушанян, В.С.Голушкевич, Ф.С.Иванов и другие.

Многие военачальники накануне войны в результате кровавой «чистки» быстро взлетели на высокие должности, не обладая нужным опытом, и на них взвалили ответственность за неудачи. А неудач было их как много в том роковом, 1941 году.

Но было бы нечестно писать историю первых дней войны только черными чернилами. Дух подвижничества и самоотверженности не покидал советских солдат и командиров и в самые трагические минуты сражений. Гальдер 29 июня записал: «...Русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражаются, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывая форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян». Уже в первый день войны, столь роковой для советской авиации, военные летчики Л.Г.Буталин, С.М.Гудимов, А.С.Данилов, И.И.Иванов, Д.В.Кокорев, А.И.Мокляк, П.С.Рябцев и другие таранили вражеские самолеты.

По-другому поступил И.И.Копец, храбро сражавшийся в небе Испании и командовавший там эскадрильей. Дома на него возложили командование всей авиацией Западного особого военного округа. Он не смог перенести удара и жить после того, как в течение *одного* дня Западный фронт потерял 738 самолетов, из них 528 —

на аэродромах... В Москву, в Главное управление политической пропаганды пошла телеграмма:

«В 17 часов 22 июня в своем кабинете покончил жизнь самоубийством командующий ВВС ЗапВО генерал-майор Копец Иван Иванович. Предположительная причина самоубийства — малодушие вследствие частных неудач и сравнительно больших потерь авиации...»³³.

Обратите внимание на последнюю фразу телеграммы, подписанной начальником управления политической пропаганды Лестевым: уже сразу «малодушие» и лишь «частные неудачи»... Форма объяснений — стандартная и готовая на все случаи советской жизни.

Огромная пробоина в зыбкой диафрагме Западного фронта пугающе зияла на карте, которая лежала на длинном столе в кабинете Сталина. Сталин послал на Западный фронт сначала маршала Советского Союза Б.М.Шапошникова, затем одного за другим еще двух маршалов — Г.И.Кулика и К.Е.Ворошилова, а после окружения фронта оставшихся двух маршалов — С.К.Тимошенко и С.М.Буденного... Но столь внушительный маршальский «десант» одним своим появлением мало что мог изменить. Стратегическая инициатива принадлежала немцам, а под рукой у Ставки не оказалось крупных стратегических резервов.

Огненная лавина войны катилась на восток. А между тем страна и руководство начинали действовать. Двадцать третьего июня была создана Ставка Главного Командования в составе семи членов, возглавляемая Тимошенко. На следующий день был организован Совет по эвакуации во главе с Л.М.Кагановичем. Еще через день было сформировано советское бюро военно-политической пропаганды, возглавляемое верным сталинцем Мехлисом. Уже на второй-третий день механизм подготов-

³³ ЦАМО, ф.208, оп.2513, д.71, л.131.

ки постановления ЦК ВКП(б) и СНК — «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и драгоценностей Оружейной палаты Кремля», «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», «О переводе из Москвы наркоматов и главных управлений...» заработал не останавливаясь.

Наркоматы полностью или частично должны были выехать в Астрахань, Владимир, Сталинград, Иваново, Киров, Омск, Уфу, Сызрань, Саратов, Томск, Ульяновск, Свердловск, Молотов, Горький, Челябинск, другие города. Сталин все время собирался созвать пленум ЦК, да так и не собрался. Не понадобился он ему и в ходе всей войны (лишь один раз, в 1944 году, этот сталинский арсопаг был собран). Сталину как-то сразу оказалась не очень нужна и утопическая коммунистическая идея, и он обратился к великим теням Невского, Донского, Минаина, Пожарского, Суворова, Кутузова, стремясь опереться на мощь народного патриотизма. Ему быстро понадобились и церковь, и национальное самосознание, зато совсем ни к чему оказался Коминтерн...

Страна втягивалась в тяжелейшую изнурительную войну, на которой безжалостные жернова войны перемелют множество человеческих судеб. К середине июля, то есть всего за три недели войны, войска потеряли около одного миллиона убитыми и ранеными и столько же оказались пленеными. Две трети личного состава, начавших войну на Западе, были убиты, ранены или пленены! Валькирии — воинственные девы из германской мифологии — оказались беспощадны к советским солдатам во время распределения поражений и смертей.

В зоне оккупации за эти недели оказалось более 20 миллионов советских людей, испивших самую горькую чашу фашистского рабства. На поле боя осталось около 3.5 тысячи сожженных и подбитых танков, более 6

тысяч самолетов, много другой боевой техники и оружия. Крупные потери понес флот, особенно на Балтике. Начальный период войны был вчистую проигран.

Думаю, ни одна страна и армия после такого нокаутирующего удара не смогли бы продолжить борьбу. Но величие русского народа в том и заключалось, что он не сломался, не сдался, не согнулся. И когда к середине июля Гитлер, полагая, что с СССР в ближайшие недели будет покончено, начал назначать гауляйтеров Украины, Белоруссии и Прибалтики, рассчитывая на присоединение к рейху советских земель, — на просторах России, во всех республиках Союза уже начало подниматься и нарастать огромное, великое и неодолимое патриотическое движение за спасение Отчества.

Трагедия начала войны — не только в вероломстве Гитлера, но и в порочности Системы, где все мог решать лишь один человек, где существовала монополия на политическую власть, где даже промахи и преступления вождя люди убежденно считали «великим деянием». Послушайся Сталин того же Жукова, Тимошенко да и Павлова, просивших разрешения еще за неделю до рокового начала привести войска в состояние боевой готовности и занять заблаговременно позиции для обороны, война могла бы начаться совсем по-другому. Ошибки Сталина, этого божества тоталитарной Системы, оплачены миллионами человеческих жизней людей, которые не дожили и недолюбили. Оценивая события начала войны с позиций истории и историка, можно прийти к выводу, что все горькие поражения лета 1941 года были поражениями сталинской Системы, но не советского народа. Именно народ нашел в себе силы, пройдя через безнадежность и отчаяние первых дней и недель сражений, не утратить волю к победе. Конечно, до победы было еще очень далеко. Но сама способность народа вынести эти невероятные испытания давала надежду, что рано или поздно враг будет повержен.

Перебирая документы той поры (еще несколько лет назад многие из них были обречены на «пожизненное заключение» в спецхранах), понимаешь, что 22 июня 1941 года навсегда останется печальной датой в нашей памяти. Более половины столетия прошло с той поры, изменилась страна, жизнь в ней потекла по-другому, новые печали и радости волнуют человеческие сердца.

Все течет... Вечно лишь прошлое.

Март 1991 г.

СТАРАЯ ВЕРСИЯ

Больше чем полстолетия прошло с начала войны. Но до сих пор существуют разные точки зрения на то, как это произошло. Историки, архивисты, публицисты, очевидцы событий вносят свой оттенок в мозаику мнений; случаются и попытки изменить всю цветовую гамму исторического полотна, перевернуть устоявшиеся оценки событий прошлого — иногда удачные, позволяющие нам яснее увидеть прошедшее, но подчас и необоснованные, являющиеся лишь плодом воображения их авторов.

Передо мной опубликованные части книги В.Суворова «Ледокол. Кто начал вторую мировую войну?» Конечно, книга заслуживает развернутых рецензий военных историков, и они, вероятно, появятся. Я же хочу лишь высказать свое мнение по тем вопросам, что затронуты в публикации.

Концепция, выдвигаемая В.Суворовым, сводится к утверждению, что Сталин готовился напасть на Германию в начале июля 1941 года, но Гитлер его упредил на две недели. По этому поводу я бы высказал два важных, на мой взгляд, соображения.

Первое, общего плана. Не является секретом или открытием Суворова, что Система, возникшая после октября 1917 года, ставила своей стратегической целью осу-

шествление мировой пролетарской революции. Более того, руководители нового государства не сомневались в ее победе. Например, В.И. Ленин, выступая 6 марта 1920 года на годовщине III Интернационала, заявил: «...можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема...». Последние слова его речи уточняли, что эта победа грядет «в срок, не чрезмерно далекий, — эта победа обеспечена».

Подобных заявлений коммунистических лидеров можно привести множество. Но дело не ограничивалось призывами и речами. ЦК РКП с помощью Коминтерна рассылал по всему миру огромные суммы (золотом, драгоценностями) с целью создания все новых и новых компартий и инициирования революционных выступлений в Германии, США, Англии, Франции, Венгрии, Италии, Испании, Греции, Финляндии, Персии, Китае, Индии... Я перечислил далеко не все страны, куда ехали коминтерновские (точнее, московские) эмиссары для выполнения директив большевистского руководства. Теперь все это документально подтверждено.

Но не только деньгами, золотом, пропагандой руководители Советской России хотели создать, по выражению Троцкого, «мировую советскую республику». Недавно было опубликовано выступление Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 года, семь десятилетий пролежавшее в тайниках партийных архивов, из которого ясно, что наступление Красной Армии в 1920 году на Варшаву преследовало цель «советизации Польши и Литвы», прорыв в Германию для экспорта революции. Ленин провозгласил, что период оборонительных войн против империализма закончился, начался период наступательных.

Неудача под Варшавой показала, что авантюрным наскоком зажечь пожар мировой революции не удастся. Перешли к попыткам подрыва капиталистической цитадели изнутри, демонстрируя и готовность помочь извне.

Сталин был осторожен, но от коминтерновских целей никогда не отказывался, даже когда сам похоронил эту организацию. И когда подвернулся случай прирастить территорию страны на Западе в результате сговора с Гитлером, а потом и в результате разгрома фашистской Германии, он не колебался. Все это общеизвестно.

Давно нет Ленина, Сталина, а мышление советских лидеров до недавних пор оставалось коминтерновским. Мы поддерживали любой режим, если он хоть в чем-то проявлял строитивость по отношению к США, другим капиталистическим государствам. Наша страна выбросила фактически на ветер сотни миллионов рублей, поддерживая так называемые «национально-демократические страны», коммунистическое движение, откровенно тоталитарные режимы.

Я помню, как на партийном съезде кто-то с трибуны сказал, что в Никарагуа победила народная революция... Какой взрыв восторга был в зале! Мы все мыслили категориями борьбы, революций, «советизации», стремлением решить, в конце концов, в свою пользу «основное противоречие эпохи»...

Никто не задумывался над тем, что мы уникальны и одиноки во Вселенной, и по-настоящему мудр был бы тот лидер, который добивался не победы в противоборстве, а того, чтобы истина о нашей единичности стала бы планетарной.

Какое, вы скажете, это имеет отношение к книге Суворова? Имеет, и глубокое. И у фашизма, и у большевизма была философия противоборства. Да и их оппоненты были немногим лучше. В той дипломатической игре, которая шла накануне войны между Сталиным, Гитлером и западными демократиями, каждый хотел обеспечить свою безопасность за счет другого. И в конечном счете проиграли все.

Конечно, не вызывает сомнения, что Сталин знал о неизбежности схватки с Гитлером. Он готовился к ней

упорно, настойчиво. Это не просто было сделать, ибо только с 1937 по 1940 год страна в результате сталинских репрессий лишилась около 4,5 миллиона наиболее подготовленных специалистов в разных областях, в том числе около 40 тысяч человек командного состава армии и флота. Схватка приближалась. Почти никто не сомневался в ее неотвратимости. Сталин думал о ней и в наступательном варианте со своей стороны. Но готовился ли Сталин совершить агрессию 6 июля?

Второе, более конкретное соображение. Сталин не планировал нападения на Германию в 1941 году. Он *готовился к войне* с Германией, однако все известные мне документы не говорят о конкретных сроках ее начала как результата агрессии со стороны СССР.

Передо мной несколько документов с грифом «Особо важно. Совершенно секретно. Только лично», адресованные Сталину и Молотову. Нарком обороны маршал С.К.Тимошенко и начальник генштаба генерал армии Г.К.Жуков докладывали «уточненный план развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке», подготовленный 11 марта 1941 года. Основной разработчик — генерал-майор Василевский.

В плане говорится, что «сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание *на оборону* (курсив мой. — Д.В.) наших западных границ. Возможное вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ». Военачальники считают, что Германия может нанести свой главный удар на юго-востоке, имея целью прежде всего «захватить Украину», а вспомогательный удар — «на Двинск и Ригу».

Затем, 14 мая, Тимошенко и Жуков отправляют «особой важности» директивы командующим войсками Западного, Прибалтийского, Киевского особого воен-

ных округов. Главная задача одна: «к 20 мая 1941 года лично Вам, с начальником штаба и с начальником оперативного отдела штаба округа разработать детальный план *обороны* (курсив опять мой. — Д. В.) государственной границы и противовоздушной обороны». Нигде ни слова об ударе по германским войскам 6-го или какого-то бы ни было другого числа.

Все документы (каждый на 15—17 страницах) требуют предпринять крупные дополнительные меры *оборонительного* характера. Эти директивы подготовлены после совещания у Сталина, на котором было решено выдвинуть из внутренних округов на Запад 16, 19, 21-ю и 22-ю армии, призвать 800 тысяч запасников, с помощью которых укомплектовали 21 дивизию в приграничных округах. Но за месяц до нападения, которое первоначально планировалось Гитлером на 15 мая, завершить подготовку страны к обороне не удалось.

Сталин до последнего момента не верил, что Гитлер решится сражаться сразу на два фронта. Таким образом, никому не известно о каком-либо документе, плане, оформленном оперативно замысле Сталина совершить нападение в тот или иной момент.

Мне в составе комиссии недавно довелось распечатать сотни «особых папок» Политбюро ЦК довоенного и послевоенного периодов. Там были найдены, как теперь уже известно, подлинники так называемых «секретных протоколов» советско-германского Пакта о ненападении 1939 года, материалы по «Катынскому делу» и многие другие сенсационные документы. Но не было ничего обнаружено о конкретном тайном замысле Сталина напасть на Германию. А такую гигантскую операцию без планов, без оперативной штабной подготовки совершить невозможно.

Однако, я уверен в этом, Сталин прикидывал какие-то наступательные варианты. Так, выступая на выпуске слушателей академий Красной Армии 5 мая 1941 года,

он был необычно откровенен и в последнем тосте заявил: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом».

Еще есть более поразительный документ, подготовленный в Генштабе для Сталина, но, по всей видимости, так и не доложенный ему. То ли не решились, то ли разговор состоялся устно. Датирован документ 15 мая 1941 года. Там говорится: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмотобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск...». Напечатана подпись — «Г.К.Жуков», но генерал армии не расписался.

Никаких сроков не указано... Хотя идея предупредить нападение Германии жила. В.Суворов настойчиво подчеркивает особое значение даты 19 августа 1939 года, когда, по его мнению, было принято решение о нападении на Германию.

Разочарую автора: действительно, 19 августа заседание Политбюро состоялось, но военный вопрос стоял такой: «Об отсрочке призыва в РККА рабочих строительства железной дороги Акмолинск—Карталы (по телеграмме Скворцова). Решили: удовлетворить просьбу ЦК КП(б) Казахстана об отсрочке призыва до второй половины ноября 1939 года четырех тысяч рабочих строительства железной дороги Акмолинск—Карталы». И все. Никакого упоминания о несуществовавшем в действительности плане «Гроза». Сталин и окружение, судя по всему, примеряли разные варианты, но сочли за благо максимально укрепить оборону.

Между тем чрезвычайно существенно, что в Германии документ о нападении был. Это директива 21, или план «Барбаросса», подписанный Гитлером 18 декабря 1940 года. Приведу из этого документа лишь три фразы: «Немецкие вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы путем «молниеносной» войны разгромить Советскую Россию еще до окончания войны с Англией... Все мероприятия, которые требуют много времени для их реализации, должны быть начаты уже теперь и окончены до 15 мая 1941 года... Конечной целью операций является достижение границы между европейской и азиатской частью России, то есть линии Волга—Архангельск».

В своей книге Суворов пишет о заготовке бараньих тулупов, танков БТ и воздушно-десантных корпусов и т.п. для планировавшегося вторжения. Тулупы вряд ли бы понадобились, так как война «планировалась» на три месяца, тактико-технические данные БТ весьма отличаются от указанных в книге, а ВДВ *никогда* не насчитывали одного миллиона человек. Я мог бы продолжать этот перечень несуразностей. Но это в конечном счете имеет мало отношения к вопросу: кто начал вторую мировую войну?

Предложенная версия, не без изящества сформулированная Суворовым, не нова. Советский диктатор, как и немецкий фюрер, заключившие в сентябре 1939 трогательный договор о «дружбе», оба были коварны, оба мыслили масштабами континентов и эпох, оба хотели наступать. Но Гитлер, кроме этого, был еще авантюристичен. Поэтому вопрос, вынесенный в заглавие книги Суворова, для истории давно не существует. Он решен.

История имеет одну коренную особенность: необратимость событий. Первое сентября 1939 года и 22 июня 1941 года давно и окончательно ответили на этот вопрос.

«ПАНИКЕРЫ И ТРУСЫ ДОЛЖНЫ ИСТРЕБЛЯТЬСЯ НА МЕСТЕ...»

Эта фраза взята из знаменитого приказа народного комиссара обороны Союза ССР № 227, продиктованного, отредактированного и подписанного Сталиным 28 июля 1942 года.

Документ, долгие годы пролежавший в заточении секретных архивов, уже несколько лет известен всем исследователям. Менее известны шаги и меры, принимавшиеся командованием фронтов и армий по его реализации. Газеты, радио, донесения, приказы начальников различных степеней в то время повторяли на разные лады памятные фразы из приказа: «паникеры и трусы должны истребляться на месте», «ни шагу назад без приказа высшего командования», «командиры, комиссары и политработники... отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины».

Требования приказа внесли некий новый элемент в умонастроения людей, в общественное сознание сражающегося народа. Категорический императив — не отступать! — подкреплялся целым рядом жестких и, видимо, жестоких мер.

В соответствии с приказом на фронтах стали быстро формироваться штрафные батальоны, куда направлялись за «паникерство» старшие и средние командиры (офицерский состав); штрафные роты для рядовых бойцов и младших командиров, а также многочисленные заградительные отряды. Напомним, «изобретение» заградотрядов принадлежит Ленину и Троцкому, широко практиковавших в гражданской войне эту форму сохранения устойчивости войск. В приказе, получившем название на фронте «Ни шагу назад!», говорилось, что заградительные отряды надо «поставить в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае

паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов»¹.

Летом и осенью 1942 года основным «пространством» применения положений приказа стали советские части и соединения, отступавшие к Сталинграду, Волге. Всем памятни те полные драматизма дни, недели и месяцы 1942 года.

Через несколько дней после подписания приказа № 227 военный прокурор и председатель военного трибунала Сталинградского фронта Яченин и Иевлев издали распоряжение: квалифицировать «преступления комиссаров и политработников, обвиняющихся в оставлении боевых позиций», по статьям 58-1, пункт «б», 58-10 Уголовного кодекса РСФСР. По этим статьям мерой наказания был расстрел².

После издания приказа Ставка тут же стала требовать у командования фронтов доклады о его выполнении. Приведем некоторые документы (с сокращениями), раскрывающими «работу» приказа в обстановке отступления советских армий и сохранения стратегической инициативы у немецких войск.

Вот донесение прокурора 62-й армии военного юриста первого ранга Новикова военному прокурору Сталинградского фронта:

«Диввоенюристу тов. Яченину

На Вашу шифротелеграмму № 162 доношу:

При проверке выполнения приказа НКО СССР № 227 установлено:

Руководство работой загранотрядов возложено на ОО НКВД. Загранотряды сформированы в 112, 299, 87, 98 СД и 31 СД. По данным загранотрядов по состоянию на 15.8.42 г. было задержано:

---

¹ ЦАМО. ф.2, оп.920266, д.5, л.23—24.

² Уголовный кодекс РСФСР. М., 1938, с.27.

Всего 4900 чел военнoслужаших, из них старшего начсостава 1, среднего начсостава 298, младшего начсостава 691 и рядового 3910 чел.

Из числа задержанных отправлены:

В свои части 2600 чел., на пересыльные пункты 2246, разоблаченных шпионов 15 чел., привлечено к уголовной ответственности дезертиров 2 чел., расстреляно перед строем 17 чел. трусов, дезертиров и т.д. ...

Необходимо отметить, что к выполнению приказа НКО № 227 вообще в армии приступили поздно, все еще раскачивались. ВП армии в этом вопросе не проявила должного прокурорского надзора. Начали искать и увлекаться привлечением к уголовной ответственности трусов, дезертиров, бежавших с поля боя в большинстве из рядового состава.

Военный прокурор 62-й армии,
Военный юрист 1 ранга
(Новиков)»³.

В свою очередь военный прокурор фронта Яченин, анализируя многочисленные донесения, поступающие из сражающихся армий, пишет докладную записку в Военный Совет Сталинградского фронта «О вопросах, связанных с выполнением приказа НКО от 28.VII-1942 № 227»:

«Военная прокуратура фронта за последнее время подчинила всю свою работу борьбе за выполнение приказа НКО № 227.

За последнюю декаду работники военной прокуратуры фронта и я лично объездили все армии и ряд дивизий и на месте проверяли, как выполняется приказ НКО № 227 и приказ войскам Сталинградского фронта от 1.VIII-1942 г. № 00168...

При выезде в 62-ю армию 14 августа я выявил ряд таких случаев.

Так, 147 стр. дивизия вела ожесточенные многодневные бои с численно превосходящим противником. Несмотря на

---

³ ЦАМО, ф.220, оп.252, д.10, л.102—103.

упорное сопротивление всего личного состава дивизии, командир дивизии генерал-майор Вольхин бросил управление дивизией, окружил себя охраной и позорно бежал с поля боя.

112 стр. дивизия (командир дивизии полковник Сологуб, комиссар дивизии — ст. батальонный комиссар) отошла от занимаемых позиций без приказа свьше, части дивизии переправились на восточный берег реки Дон. Прибывший на место отхода командующий армией генерал-лейтенант Лопатин принял решение переправить части дивизии обратно на западный берег Дона. Во время этой переправы командир дивизии полковник Сологуб был убит. О комиссаре дивизии Военный Совет армии не имел никакого суждения.

В 153 стр. дивизии 63 армии имел место такой курьезный случай: командование дивизии дало приказ о том, чтобы штрафная рота была укомплектована не позже 7-го августа. Командиры полков, превратно поняв этот приказ, направили в штрафную роту 17 лучших бойцов...

а) Лейтенант 781 стр. полка Деденко и политрук роты Кудря 29 июля проявили трусость, не приняли боя, оставили взвод и станковый пулемет, а сами бежали в тыл. Оба приговорены к расстрелу.

б) Лейтенант Петров (63 стр. дивизия 21 армии) проявил трусость, оставил без руководства вверенный ему взвод в составе 25 человек и 4 миномета, во время боя ушел из подразделения. Осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

в) Командир 51 стр. дивизии полковник Возовик П.В., попав в окружение, потерял подчиненные ему части, бросил оружие, орден, документы и в штатской одежде вышел один в расположение наших частей. Дело следствием закончено особым отделом фронта и 16 августа передано в военный трибунал для слушания. Дело будет заслушано, очевидно, сегодня.

г) Командир роты 781 стр. полка 124 стр. дивизии Малышенко и политрук Шароватов 10-го августа, в 17.00, без приказа вышестоящего командования отвели роту с занимаемого рубежа. Два раза их возвращали обратно на участок обороны, но, несмотря на это, они все же роту отвели и переправили на ле-

вый берег Дона. Мальшенко и Шароватов были преданы суду военного трибунала. 12-го августа военный трибунал рассмотрел дело и приговорил их к расстрелу. В тот же день перед строем командиров 781сп приговор был приведен в исполнение...

Военный прокурор
Сталинградского фронта
Л.Яченин»⁴.

Москва нервно требует докладов; отступление хотя и замедляется, но по-прежнему продолжается... Сталин почти ежедневно по прямому проводу разносит командующих, требует беспощадно расправляться с «паникерами», активнее использовать загранотряды. Когда командующих звали к аппаратам связи с Москвой, те шли с тяжелым сердцем, заранее зная о содержании очередных указаний и требований Верховного. Никто из них не был уверен, что «беседа» закончится для него благополучно. Телеграфные ленты переговоров фиксируют часто одни и те же вопросы: почему не выполняется приказ № 227? Что Вы лично делаете для его выполнения?

Политуправления фронтов едва ли не ежедневно строчат донесения в ГлавПУРККА. Несколько офицеров политуправления фронта, не разгибаясь, сочиняют донесение за донесением. Их огромное количество. Большинство их до недавнего времени были закрыты для исследователей. Приведем фрагменты из нескольких докладов в Москву, подписанных крупными фронтовыми политработниками Галаджевым и Гуревичем.

«ГлавПУРККА тов. Щербакову
5 августа 1942 г.

В ряде частей начали практически осуществлять требования приказа 227 к трусам и проявляющим неустойчивость. Од-

---

⁴ ЦАМО, ф.200, оп.252, л.10, л.33—41.

нако отмечены отрицательные настроения. Красноармеец Малишин заявил: «Приказ тов. Сталина увеличит наши потери, так как Красная Армия не сможет устоять, а отступить тоже нельзя, потому что расстреляют». В таком же смысле было выступление мл. лейтенанта 3 гв. кк* Гордиенко, который заявил: «Если бы стали выбирать добровольцев в заграничный отряд, я бы ни за что не пошел. Как же я буду своих расстреливать...» Галаджев»⁵.

Как явствует из политдонесений, не все «правильно» восприняли приказ Сталина. Отдельные красноармейцы расценили его фактически так, как откровенно определял роль заграничных отрядов Троцкий в 1918 году: «Они дают возможность умереть с почетом впереди, или с позором в тылу».

Донесение за донесением. И все о приказе № 227. Репрессивными мерами Ставка пыталась стабилизировать обстановку. Вот еще одно донесение Галаджева:

«ГлавПУРККА — тов. Щербакову
6 августа 1942 г.

Из 28 заграничных отрядов, которые необходимо создать к 6 августа, создано 18, остальные формируются. Батальоны, пресекая отдельные случаи паники, жестоко расправляются с трусами. 2 августа расстрелян бежавший с поля боя красноармеец Иванов. 5 августа расстрелян лейтенант Могильный, который оставил поле боя, бежал в тыл...

Бывший начальник политотдела 66 морской бригады Выхованец за проявленную трусость и паническое бегство исключен из партии и предан суду военного трибунала.

Однако не изжиты факты либерального отношения к носителям пораженческих настроений.

Начальник артиллерии 62 армии полковник Беляков вел пораженческие разговоры среди командиров и вольнонаемных. Демонстративно не явился на зачитание приказа Наркома

---

⁵ ЦАМО, ф.220, оп.242, л.9, л.110—111.

* Кавалерийский корпус. — *Ред.*

№ 227. Вместо того чтобы поступить с пораженцем так, как этого требует приказ 227, Васильев доложил, что назначают партийное расследование. Васильев мною предупрежден за либеральное отношение к выполнению приказа...

Галаджев»⁶.

Сообщая в Главное политуправление Щербакову, Галаджев рисует довольно мозаичную картину жестоких расправ с трусами. Но наряду с беспощадной твердостью было несколько случаев терпимого, милосердного отношения к людям, у кого от ужасов войны «отказала» психика.

Весьма информативны донесения исполняющего обязанности начальника политуправления Сталинградского фронта Гуревича, который приводит много горестной статистики: задержанных, арестованных, направленных в спецлагеря, расстрелянных. Подробно описываются случаи умышленного членовредительства среди военнослужащих, стремящихся уклониться от боевых действий.

«ГлавПУРККА — тов. Щербакову
13 августа 1942 г.

С 1 по 10 августа армейскими загранотрядами задержано 2099 чел., в том числе бежавших с поля боя 378 чел., вышедших из окружения и плена противника 713 чел., членовредителей 94, отставших от частей 914.

Из задержанных отправлено в штрафные роты 517, в спецлагеря 11, пересыльные пункты 82, арестовано 104, расстреляно перед строем трусов, паникеров и членовредителей 83 чел...

...В 3 кк начполитотдела Поляков, красноармеец Кудинушкин 17 гв. кп заявили красноармейцу Фролову: «Приказ выпущен вредительский. В нем говорится не отступать ни на шаг — это для того, чтобы уничтожить всех людей». На это Фролов ответил: «Это, пожалуй, верно. Приказ создан для уничтоже-

⁶ ЦАМО, ф.220, оп.242, д.9, л.112—114.

ния людей». И здесь также ограничились тем, что сообщили об их поведении особому отделу...

Гуревич»⁷.

Сегодня уже можно говорить на основании имеющейся статистики, что расстреляны как трусы и паникеры на Сталинградском фронте были многие сотни человек. Например, только с 1 по 10 августа заграничными отрядами одного только этого фронта было расстреляно 140 человек. Тысячи офицеров оказались в спецлагерях. Первого августа 1942 года Сталин приказал формировать «штурмовые стрелковые батальоны» из офицеров, направленных после выхода из окружения в Люберецкий, Подольский, Рязанский, Калачский, Котлубанский, Сталинградский, Белокалитвенский, Георгиевский, Угольный, Хонларский и некоторые другие спецлагеря. Численность каждого стрелкового батальона определялась в 929 человек⁸.

Судя по документам, офицеры из лагерей рвались с огромным желанием в штурмовые батальоны, ибо видели в этом возможность не только сохранить свое доброе имя, но и спасти семью от неизбежных преследований со стороны органов НКВД.

Даже во время быстрого отступления большим группам военнослужащих нередко удавалось с боями прорываться на восток. Однако здесь, согласно приказу наркома обороны № 521, они должны были обязательно пройти «проверку» в спецлагерях НКВД. Правда, этих людей было так много, что отдельные командиры и политработники (например, дивизионный комиссар Абрамов, член военного совета 1-й гвардейской армии) вопреки приказу обращались «наверх» с просьбой не отправлять окруженцев в тыл, в «отстойники» НКВД, а вливать их в поредевшие части.

⁷ ЦАМО, ф.220, оп.242, д.11, л.13.

⁸ ЦАМО, ф.3, оп.11556, д.13, л.210—212.

«Члену Военного Совета Ст.ф.
тов. Хрущеву

Части нашей армии захватывают довольно значительное количество бывших красноармейцев, которые были в плену и окружении. На сегодня таких лиц армией захвачено до 300 человек. По приказу НКО № 521 всех этих лиц мы обязаны направлять в спецлагеря НКВД.

Считаю целесообразным часть этих бойцов в лагеря не направлять, а поставить их на самые опасные участки фронта, обеспечивая за ними строжайший надзор. Пусть своей кровью искупят свою вину перед Родиной, о чем прошу Вашего разрешения»⁹.

Хрущев наложил резолюцию «с подстраховкой»: «Разрешаю, но чтобы не просочились агенты врага».

Как только удалось остановить противника, а затем и перейти в контрнаступление, у заграничных работ резко убавилось. Стал действовать древний, как сами войны, закон: успех на поле брани окрыляет, поднимает и укрепляет дух сражающихся войск. Уже 1 декабря 1942 года начальник оргинструкторского отдела главного политуправления дивизионный комиссар Пронин докладывал после анализа донесений с фронтов: «Резко сократилось количество поступающих в штрафные батальоны и роты офицеров, младших командиров и солдат. А с началом наступления прекратилось вовсе»¹⁰.

Не репрессии в армии остановили немцев, а осуществленная наконец должная организация обороны, хотя надо признать, что и тогда мы чаще воевали не умением, а числом.

Я коснулся лишь одного вопроса, раскрывающего роль репрессивных мер советского командования в критические моменты войны. Это была проверенная боль-

⁹ ЦАМО, ф.220, оп.226, д.28, л.96.

¹⁰ ЦАМО, ф.32, оп.11302, д.77, л.256—258.

шеви́стская методология действий. Ленин в 1918 году со своей партией, например, смог удержаться у власти лишь с помощью беспощадного и безграничного террора. Конечно, это тема особая, однако советское руководство с тех самых пор всегда репрессивным мерам уделяло особое, повышенное внимание.

В Великой Отечественной войне репрессии 1941—1942 годов явились способом компенсации крупных стратегических ошибок политического и военного руководства страны. Даже несколько частных документов, приведенных здесь, свидетельствуют, что Верховное командование советских вооруженных сил, не колеблясь, прибегало к самым жестоким мерам, чтобы спасти положение. А оно летом 1942 года на юге было катастрофическим, и главным образом потому, что Сталин, как и в 1941 году, вновь ошибся с определением направления главного удара противника. Цена сопротивления, а в конце концов и победы над агрессором выразилась в огромных потерях, обусловленных не только ожесточенной борьбой, но и крупными военными и политическими просчетами советского руководства. Исправляли и компенсировали эти просчеты не столько с помощью военного искусства, сколько с помощью присущих Системе жестоких репрессивных мер.

Репрессии сыграли определенную роль в борьбе с паникой, но не они остановили фашистскую машину под Сталинградом. Доблесть солдатская, а не страх жестокого наказания двигали людьми, сражавшимися и умиравшими за родное Отечество. Приведенные частные документы из того далекого времени способны лишь дополнить некоторыми штрихами полотно гигантской битвы на Волге. Но эти материалы помогают глубже постичь величие свершенного советским народом, устоявшим не только перед натиском мощного противника, но и пережившего давление собственной репрессивной Системы.

ЧЕРЧИЛЛЬ И СТАЛИН КАК СОЮЗНИКИ

История борьбы объединенных наций с фашистской Германией находит свое яркое отражение не только в совместной борьбе народов, но и во взаимоотношениях их лидеров. Колоритную страницу союзнических отношений представляют У.Черчилль и И.Сталин. Оба они в годы войны в огромной мере олицетворяли волю, решимость и готовность вести борьбу до победного конца. Будучи членами «Большой тройки», каждый из них помимо общих целей прежде всего руководствовался интересами своей страны. То были лидеры, выражающие особенность политических систем, которые они олицетворяли.

В отношениях Черчилля и Сталина не могли исчезнуть мотивы и обстоятельства давней борьбы британского премьера против советского государства в самом начале его возникновения. Сталин знал об оценке Лениным Черчилля, которого вождь русской революции называл «величайшим ненавистником Советской России». Советский диктатор всегда относился с большим подозрением к Черчиллю, хотя во время войны неоднократно отдавал должное ему уму, хитрости и мужеству.

У.Черчилль, обладая высокой государственной мудростью, оказался способным в годы борьбы с фашизмом перешагнуть через шлагбаум классовых предрассудков и подняться до осознания общечеловеческих приоритетов. Именно он, первым из западных государственных деятелей, уже 22 июня 1941 года заявил о решительной поддержке борьбы советского народа с фашизмом. Являясь с мая 1940 года премьер-министром Великобритании, Черчилль стоял вместе с руководителями других стран у колыбели зарождения антигитлеровской коалиции. Думается, он одним из первых осознал приоритет общечеловеческих интересов над классовыми.

Работая в личном архиве Сталина времен войны, мне удалось по ряду прямых и косвенных свидетельств (резолюций на документах, черновиков писем Черчиллю и Рузвельту, записей некоторых разговоров с советским министром иностранных дел, инструкций лицам, которые должны были иметь контакт с союзниками, и т.п.) определить отношение Сталина к союзникам на разных этапах военного сотрудничества. Первые полтора года (с июня 1941-го по конец 1942 года) Сталин, сохраняя свое глубокое недоверие, тем не менее, перешагнув через свою гордыню, не раз обращался с просьбами и *благодарностями* к премьер-министру Великобритании. Так это было в письмах от 26 июля, 3 сентября, 13 сентября 1941 года и других посланиях.

В 1941—1942 гг. судьба СССР висела на волоске. Другой превалирующей мыслью Сталина в письмах этого периода является настойчивое, порой назойливое требование, предложение, просьба об открытии второго фронта в Европе. Уже 10 июля 1942 года Сталин пишет Черчиллю: «Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на восток... Еще легче создать фронт на севере». Рассуждения Сталина в этом письме оторваны от реальности, абстрактны и свидетельствуют, что в это время его стремление избежать поражения господствовало над здравым смыслом.

Внимательно анализируя переписку Черчилля и Сталина в годы войны, приходишь к выводу, что английский премьер-министр более сдержан в отрицательных эмоциях и щедр в выражениях доброжелательности. Хотя очевидно, что в душе он всегда относился к Сталину как к потенциальному противнику. В своем письме от 6 сентября 1941 года британский премьер терпеливо и многословно объясняет Сталину, что сейчас нет никакой возможности открыть второй фронт. «Акция, ведущая лишь к дорогостоящей неудаче — как бы похвальны ни были ее мотивы, — может быть полезна только Гитле-

ру». Послание Черчилля очень доброжелательно и при-
миряюще. Сталин же порой бывал весьма резок.

8 ноября 1941 года, узнав о предстоящем приезде в Москву генералов Уэйвелла и Пейджета, раздраженно радирует английскому премьеру: «Если миссия названных генералов ограничивается делом информации и рассмотрения второстепенных вопросов, то я не вижу необходимости отрывать генералов от их дел и сам не смогу выделить время для таких бесед». Конечно, в подобных высказываниях проявлялись привычки и манеры диктатора. По сути, во время войны в составе «Большой тройки» взаимодействовали два представителя западной демократии и лидер тоталитарного государства. Как показал исторический опыт, в минуту общей опасности подобное взаимодействие оказалось возможным.

Черчилль встречался со Сталиным несколько раз: в Москве, Тегеране, Ялте и Потсдаме. Отношения развивались по восходящей. Наиболее конструктивными и благожелательными они были в Ялте. Оба лидера понимали, что они — вынужденные друзья-соперники. Их странний союз «обеспечил» Гитлер, представляя общую для них опасность. Хотя Сталин, как явствует из его конфиденциальных разговоров со своим окружением, склонялся в своих личных симпатиях к Рузвельту, Черчилля он считал не только более мудрым политиком, но и более хитрым. Однажды в разговоре с Молотовым Сталин назвал Черчилля «сильным политиком с повадками лисы».

Особенно сильным противостояние Черчилля и Сталина было по польскому вопросу. Достаточно вспомнить послания Сталина от 3 и 23 марта 1944 года Черчиллю. В них советский руководитель употребляет для характеристики взаимоотношений СССР и Англии в вопросе о Польше такие выражения: «пересыпаны угрозами по отношению к Советскому Союзу», «Вы квалифицируете нашу политику как политику силы», «это не-

заслуженное оскорбление Советского Союза» и т.д. Похоже, что-то уже взято из лексикона будущей холодной войны. Я думаю, это было не совсем так. Просто и Черчилль, и Сталин при всех своих отличиях были ярко выраженными прагматиками. Каждый из лидеров последовательно, порой до острых столкновений, защищал интересы своей страны.

Стратегическое взаимодействие Черчилля и Сталина характеризовалось отличным пониманием намерений и возможностей каждой из сторон. Английский премьер, исходя из долгосрочных интересов своей страны, делал все, для того чтобы второй фронта был открыт тогда, когда исход мировой битвы был бы уже предрешен. Именно в такой ситуации, считал Черчилль, США и Англия добьются большего при меньших потерях. К 1943 году Сталин хорошо уяснил эти намерения. Иногда он напоминал об этом довольно откровенно своему «партнеру». В феврале 1944 года в послании к премьер-министру Сталин продиктовал: «Если допускать, что Англия могла бы обойтись без СССР, то ведь в не меньшей мере это можно сказать и про Советский Союз. Мне не хотелось обо всем этом говорить, но я вынужден сказать об этом и напомнить о фактах».

Стратегически оба лидера очень хорошо понимали друг друга. Необходимость конструктивно взаимодействовать брала верх над устойчивой мировоззренческой неприязнью и несовместимостью, которую два члена «Большой тройки» пытались как-то камуфлировать. Чем ближе было окончание войны, тем больше стратегическое внимание переключалось на политические вопросы будущего Европы и мира, статуса и роли в нем Польши, Греции, Югославии, Австрии, Чехословакии и т.д.

Собственно военные вопросы совместной борьбы Черчилль и Сталин решали, опираясь на анализ и выводы своих штабов. Правда, Черчилль при этом обычно

ссылался на мнение своих военачальников и американского президента. Сталин делал какие-либо ссылки гораздо реже, выдвигая и обосновывая военные решения от собственного имени. Думаю, что в области собственно военной оба лидера были военачальниками весьма среднего уровня. Но когда они наполняли оперативные решения политическим содержанием, то выглядели весьма впечатляюще и демонстрировали уже высокий уровень стратегического мышления. Думаю, в способности синтезировать военную область с политическими параметрами английский и советский руководители не уступали друг другу. Оба они достаточно слабо разбирались в тактических военных вопросах, были немного сильнее в области оперативного искусства и находились на солидной высоте, когда дело касалось общей стратегии войны.

Оба политических деятеля обладали поразительной работоспособностью. Оба часто бывали категоричны, однозначны в своих решениях. Оба не скрывали своего взгляда на особую роль выдающейся личности, которая способна менять вектор исторического развития. Мудрость одних государственных деятелей, злой гений других, ничтожество третьих, по мнению Сталина и Черчилля, похоже, лишь оттеняют безликость человеческой массы (естественно, вслух они этого не говорили).

Но были и существенные различия между лидерами. Для мышления Черчилля характерно бинарное видение человеческого бытия: есть добро и зло, существуют христианские ценности и атеистические ереси, в мире есть место для добродетели и греха. Возможность политического «маневра» для него всегда имела абсолютные границы, которые нельзя переступить, не извратив саму благую цель политического деяния.

Таких границ не существовало для Сталина. «Все позволено» для достижения поставленной цели. Думаю, именно здесь корень авторитарности сталинских реше-

ний, его склонности не считаться с числом человеческих жертв при решении той или иной военной задачи.

В Потсдаме Черчилль пригласил Сталина посетить Великобританию, где тот уже побывал раз в начале века. Сталин, поколебавшись, практически отказался, сославшись на рекомендации врачей. Он не мог признать, что смертельно боялся полетов на самолетах. Маленький штрих, забавная подробность доказывает, что свои слабости есть и у вождей. Были такие слабости, разумеется, и у Черчилля. Но к безусловной заслуге двух лидеров следует отнести тот факт, что никакие слабости и особенности характеров не помешали их военному и политическому сотрудничеству в интересах своих стран. Лидер консерваторов и один из самых страшных диктаторов всех времен стали яркими личностными символами великой борьбы, будучи объединенными в, казалось бы, невозможном союзе.

МАЙ 1945 ГОДА

Историк имеет дело с застывшими и необратимыми фактами: последние артиллерийские залпы уже давно прогремели, приказы военачальников исполнены, протоколы победителей на конференциях подписаны... Река времени неумолимо уносит все дальше и дальше в вечность облик той войны. Никому не дано вернуться в прошлое. Но мысленно, в сознании, это возможно, и тогда оживают картины и звуки былого: пожарища разрушенных городов, хрипы умирающих бойцов, отрешенные лица солдат, готовящихся к яростной, возможно, последней в их жизни атаке.

Величайшая способность человеческого разума мысленно «прокручивать» в сознании, как кинолентку, события давно ушедшие, помогает нам сохранять цепь времен неразрывной, глубже понять драмы и трагедии былого, по-новому увидеть то, что казалось давно изве-

стным. Многое из необратимого уже не кажется сегодня неизбежным, будь люди мудрее и проницательнее. Размышления над прошлым — органичная часть нашего бытия. Так мы слышим эхо истории, которое наставляет, предостерегает, напутствует нас. В этом — своеобразная власть истории над умами людей.

Четыре с половиной десятилетия минуло с того забываемого дня, когда мы пережили дни великого и выстраданного триумфа. Давно заросли на земле шрамы окопов, выросли новые поколения людей, стали частью ландшафта бесчисленные могилы безвременно унесенных из жизни людей. И хотя сегодня нельзя не признать, что, строя «развитой социализм», мы потерпели крупную историческую неудачу, нельзя считать сплошной «черной дырой» десятилетия, прожитые нашим народом после октября 1917 года. Длинная и зловещая тень сталинизма не смогла закрыть главного героя нашей трагической истории — советский народ. Особенно пронзительно это чувствуешь, обращаясь к событиям Великой Отечественной войны. Прошлое остается навсегда с нами не только с помощью человеческой памяти, мемуаров, учебников, но и благодаря архивам.

Передо мной несколько архивных дел. Давайте с их помощью вернемся в май того далекого победного сорок пятого года. Откроем лишь несколько страниц...

Вот две характерные и похожие друг на друга телеграммы, направленные Г.К.Жуковым Сталину 2 мая 1945 года.

«Докладываю копию приказа Командующего обороной Берлина генерала Вейдлинга о прекращении сопротивления немецкими войсками в Берлине.

Жуков

Приказ

30 апреля 1945 года фюрер покончил жизнь самоубийством. Мы, поклявшиеся ему на верность, оставлены одни.

Согласно приказа фюрера вы должны продолжать борьбу за Берлин, несмотря на то, что недостаток в продовольствии, боеприпасах и общее положение делают эту борьбу бессмысленной. Каждый час продолжения вами борьбы удлинит ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто падет в борьбе за Берлин, принесет напрасную жертву.

По согласованию с Верховным Командованием советских войск требую немедленно прекратить борьбу.

Вейдлинг — генерал от артиллерии
и командующий обороной города Берлина»¹.

Таков был вынужденный приказ Вейдлинга, гитлеровского генерала. А ведь Сталин распорядился взять Гитлера живым! Серов, представитель ведомства Берии в Германии, еще несколько дней назад докладывал, что район рейхсканцелярии будет оцеплен, что «157 и 105 пограничные полки войск НКВД приступили к несению заградительной службы в районах в соответствии составленного нами плана»². Не вышло... Гитлер ускользнул от международного правосудия.

А вот каково содержание еще одного письма, письма Ганса Фриче, заместителя Геббельса, которое Жуков тоже докладывает Сталину.

«Как Вы из переговоров с начальником германского генерального штаба генералом Кребсом осведомлены, Адольф Гитлер не находится в живых.

Я, один из немногих находящихся в Берлине живых высоких чиновников правительства, прошу Вас взять в свои руки Берлин под защиту советских войск... Прошу о немедленном прекращении военных действий и предоставлении возможности через радиовещательную станцию Берлина дать германскому народу соответствующую трансляцию... Я высказываю уваже-

¹ ЦАМО, ф.48, оп.3412, д.63, л.46—47.

² ЦГАОР, ф.9401, оп.2, д.97, л.181.

ние не от своего имени, но в признание Вашей победы прошу милости от имени моих сограждан.

Ганс Фриче, министерский директор»³.

Подручный Геббельса просит взять Берлин «под защиту советских войск». А менее полутора месяцев назад, когда 19 марта Гитлер отдал приказ о тотальном разрушении объектов на территории Германии при отступлении немецких войск, Фриче, разъясняя народу указания фюрера, делал акцент на то, что, когда немцы перейдут в контрнаступление и будут возвращать оставленные территории, противник оставит им лишь выжженную землю...⁴

Ежедневно Жуков подписывал Сталину много самых разных телеграмм. Вот, например, две из них, которые были направлены Верховному Главнокомандующему 3 мая 1945 года.

«Войска фронта, сломив сопротивление окруженного противника, овладели столицей Германии городом Берлином и в течение дня пленили войска, оборонявшие город, а также уничтожали отдельные группы, пытающиеся прорваться в западном направлении. По предварительным данным, за 2 мая из состава войск окруженного берлинского гарнизона противника взято в плен более 64 тысяч солдат и офицеров...»⁵.

Позже офицеры штабов фронтов, осуществлявших Берлинскую операцию, подсчитают, что за 24 суток ее осуществления было разгромлено свыше 90 соединений вермахта и около полумиллиона немецких солдат и офицеров оказались в плену. Советские воины теперь в плен не попадали, но гибло их и сейчас отнюдь не меньше, чем гитлеровских солдат...

³ ЦАМО, оп.3412, д.63, л.42—45.

⁴ КТВ ОКw, Bd. IY Hb. II, s.1580—1581.

⁵ ЦАМО, ф.233, оп.2356, д.575, л.28—36.

Одновременно Жуков и Телегин 3 мая подписали и такую шифровку:

«Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза
товарищу Сталину.

Второго мая на территории гитлеровской канцелярии, где в последнее время была ставка Гитлера, обнаружены обгоревшие трупы, в которых опознаны имперский министр пропаганды доктор Геббельс и его жена. Там же — трупы 6 детей Геббельса, отравленные сильнодействующими ядами... За три дня до самоубийства жена Геббельса была награждена Гитлером золотым партийным значком — единственная женщина Германии, удостоенная этой чести...

Здесь же обнаружен труп покончившего самоубийством генерал-лейтенанта Кребса, приходившего в 8 гв. А. в качестве парламентаря для переговоров о капитуляции...

Трупы Геббельса, его жены, а также Кребса находятся в СМЕРШ.

Прошу указаний, как поступать с трупами.

Жуков, Телегин»⁶.

Время было такое, что нужно было спрашивать указаний, как поступить с трупами...

Документы, документы, документы... Оперативные, разведывательные, дипломатические, политические. Вот один из таких, свидетельствующий о приближении нашего триумфа:

«Заместителю Верховного Главнокомандующего
Маршалу Советского Союза Г.К.Жукову.

Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Сталин
Антонов»⁷.

⁶ ЦАМО. ф.48, оп.3412, д.63, л.37—39.

⁷ ЦАМО, ф.132-а, оп.2642, д.39, л.115.

О том, как прошла церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции, написано так много, что сказать что-либо новое весьма трудно. Правда, не всем известен один маленький эпизод — «зазубринка» накануне церемонии.

Серов (один из наиболее приближенных сотрудников Берии), а затем и сам Берия доложили, что церемония подписания акта, по их словам, была задержана «по причине небрежного отношения к делу работника наркоминдела — посла Смирнова, который в тексте документа о капитуляции немцев, переданного из Москвы, пропустил четыре строки, а союзники это заметили и отказались подписать. После сверки с нашим подлинным текстом пропущенное было добавлено и текст документа о капитуляции никаких возражений не встречал»⁸.

...Приближались часы великого, оплаченного огромными жертвами, триумфа. Неожиданно возник вопрос: в какой день и час объявить народам мира о победе над германским фашизмом после его капитуляции? Начался интенсивный обмен телеграммами между главами «Большой тройки». Президент США Трумэн 5 мая направил послание Председателю Совета Народных Комиссаров СССР Сталину:

«Приняты меры к тому, чтобы генерал Эйзенхауэр уведомил нас заблаговременно о том, когда он намерен официально объявить о Дне Победы в Европе... Ведь Вы согласны с тем, что весьма важно, чтобы Ваше, Черчилля и мое заявление были сделаны в одно и то же время. Аналогичное послание направляется Черчиллю».

На другой день Сталин отвечает Трумэну (как и британскому премьеру):

«...Согласен с Вашим предложением, чтобы мы трое — Вы, г-н Черчилль и я — сделали одновременно соответствующие

---

⁸ ЦГАОР, ф.9401, оп.2, д.96, т.V., л.1.

заявления. Г-н Черчилль предлагает установить это время — три часа после полудня по британскому летнему времени, что соответствует четырем часам после полудня московского времени и девяти часам утра по вашингтонскому времени».

Но когда американский президент 7 мая сообщил Сталину, что объявит в США о капитуляции Германии «в 9 часов утра по вашингтонскому времени во вторник 8 мая», советский лидер неожиданно внес новое предложение:

«У Верховного Командования Красной Армии нет уверенности, что приказ германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на восточном фронте. Поэтому мы опасаемся, что, в случае объявления сегодня Правительством СССР о капитуляции Германии, мы окажемся в неловком положении и введем в заблуждение общественное мнение Советского Союза...

Поэтому командование советских войск хотело бы выждать до момента, когда войдет в силу капитуляция немецких войск, и, таким образом, отложить объявление Правительств о капитуляции немцев на 9 мая, в 7 часов вечера по московскому времени»⁹.

Конечно, странно слышать о том, что Сталина заботило «общественное мнение Советского Союза»... В те времена оно полностью «совпадало» с его мнением. Но теперь уже решительно возразил Черчилль. Восьмого мая он направил новую телеграмму Сталину:

«Я только что получил Ваше послание, а также прочитал письмо от генерала Антонова генералу Эйзенхауэру, в котором предлагается, чтобы объявление о капитуляции Германии было отложено до 9 мая 1945 года. Для меня будет невозможно отложить мое заявление на 24 часа, как Вы предлагаете. Более того, парламент потребует информации о вчерашнем

---

⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы. С.382—383.

подписании в Реймсе и об официальной ратификации, намеченной на сегодня в Берлине...

Я полагаю, что Президент Трумэн делает свое заявление сегодня в 9 часов утра по американскому времени, и надеюсь, что Вы с соответствующими оговорками сможете сделать Ваше заявление, как это было условлено»¹⁰.

Сталин не стал больше препираться: в конце концов, победа была в руках, и не имело существенного значения, на сколько часов раньше или позже он о ней объявит!

В этот же день, 8 мая, Черчилль телеграфировал своей жене Климентине в Москву: «Было бы хорошо, если бы завтра, в среду, ты обратилась по радио к русскому народу при условии, что это будет приятно Кремлю. Если это возможно, то передай им от меня следующее послание (наше посольство, конечно, должно представить его на одобрение):

«Премьер-министр — маршалу Сталину, Красной Армии и русскому народу. От имени британского народа шлю вам искренние поздравления по случаю замечательных побед, которые вы одержали, изгнав захватчика с вашей земли и повергнув наземь нацистского тирана. Я твердо верю, что от дружбы и взаимопонимания между английским и русским народами зависит будущее человечества. Мы здесь, на нашей островной родине, весьма часто вспоминаем сегодня обо всех вас и от всего сердца желаем вам счастья и благополучия, дабы после всех жертв и страданий в Долине мрака, пройденной нами вместе, мы в духе верного товарищества и симпатии шли вместе и в солнечный день победоносного мира. Я просил мою жену передать вам эти несколько слов дружбы и восхищения».

Дай мне знать, что ты сделаешь. Целую. У.»¹¹.

---

¹⁰ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т.2, с.377.

¹¹ Winston S. Churchill. The second World War. V. VI, Boston, 1953, p.517.

Самый выдающийся государственный деятель Великобритании XX века и будущий лауреат Нобелевской премии, которую ему присудят через годы за воспоминания о войне, с интеллектуальным изяществом выразил свою мысль небескорыстного союзника...

Документы, документы... Еще не состоялась Потсдамская конференция победителей, а каждая из сторон постаралась уже что-то отхватить из завоеванного общего пирога. Вот «особо важная» шифровка Жукову, направленная генерал-майором Трусовым:

«...По данным, полученным из немецкого главного морского штаба, после капитуляции англичане захватили в водах Балтийского моря и Северного моря следующий немецкий флот: крейсеров легких и тяжелых — 9, эсминцев — 16, миноносцев — 12, эскадренных кораблей — 8, сторожевых кораблей — 100, тральщиков — 20... Англо-американская комиссия занимается разделом военного и торгового флота Германии»¹².

Еще до принятия протоколов о репарациях начало действовать «право» первых и наиболее предприимчивых.

Страна и мир еще не пережили дни триумфа, еще предстояло завершить войну на Востоке, а перед советским руководством встали новые заботы: «привычные» и непривычные.

Одна из майских директив, подписанных Сталиным, такова:

«Командующим войсками 1 и 3 Белорусских, 1, 2, 3 и 4 Украинских фронтов. Тов. Берия, тов. Меркулову, тов. Абакумову, тов. Голикову, тов. Хрулеву, тов. Голубеву.

Военным Советам фронтов сформировать в тыловых районах лагеря для размещения и содержания бывших военноплен-

---

¹² ЦАМО, ф.3412, д.63, л.238—244.

ных и репатрируемых советских граждан на 10 000 человек каждый лагерь. Всего сформировать: в 2 Белорусском фронте — 15, в 1 Белорусском фронте — 30, в 1 Украинском фронте — 30, в 4 Украинском фронте — 5, во 2 Украинском фронте — 10, в 3 Украинском фронте — 10 лагерей...

Проверку возложить: бывших военнослужащих Красной Армии — на органы контрразведки «Смерш», гражданских лиц — на комиссии НКВД, НКГБ, «Смерш»...

И.Сталин»¹³.

Сто лагерей... Не всем удастся пройти эти «проверки». Большинство в массе людей, угодивших в лагеря, были не полицаи и перебежчики, а те, кто в трагические первые месяцы войны оказался в окружении, кто был вывезен на рабские работы в Германию. Для многих победа означала продолжение страданий. Например, генерал Павел Григорьевич Понеделин, будучи тяжело раненным, в августе 1941 года в бессознательном состоянии попал в плен. В том же году по ложному докладу он был заочно судим и приговорен к расстрелу. Долгие четыре года гитлеровских лагерей не сломили генерала — он решительно отказался от сотрудничества с немцами. После освобождения в мае 1945 года. Понеделин был арестован и вновь попал в лагерь, теперь уже советский. После *нескольких лет* лагерей Понеделин пишет ходатайство Сталину о помиловании. Его вновь судят 25 августа 1950 года и еще раз приговаривают к расстрелу...

Победа привела в движение народы. Сотни тысяч узников, перемещенных, унесенных ураганом войны в чужие края потянулись домой. Для многих европейцев ворота концлагерей открыла Красная Армия. Документов об этом — множество. Вот только одна, «бельгийская», строка в мае: войска 2-го Белорусского фронта под ко-

¹³ ЦАМО. ф.3, оп.11556, д.18. л.142—144.

мандованием Рокоссовского из немецкого концлагеря в районе Пренцлау освободили сразу 33 бельгийских генерала¹⁴... Начальник отделения спецпропаганды 70-й армии докладывает, что «в районе Гривитц освобожден бельгиец Ксавье Релек, который сказал о себе, что он с 1937 года является генеральным секретарем бельгийской компартии...»¹⁵

Майские строки военных архивов оборачиваются не только военной стороной. Микоян, Жуков, Хрулев, Телегин в многочисленных записках, шифровках докладывают Сталину, что, например, к 20 мая организован Берлинский городской банк и 20 его филиалов¹⁶, открыты в советской зоне столицы коммерческий продовольственный магазин, несколько ресторанов особторга...

Решением Военного Совета 1-го Белорусского фронта 19 мая были определены источники снабжения и нормы питания жителей поверженного Берлина. Постановлением, подписанным Жуковым и Телегиным, на основании решения Государственного Комитета Обороны от 8 мая были выделены нормы питания на одного человека в зоне оккупации: хлеба — 450 г, крупы — 50 г, мяса — 60 г, жиров — 15 г, сахара — 20 г, а также кофе, чай, картофель и т.д.¹⁷. Сталину шли доклады, что в ряде районов налажено электро- и водоснабжение, начали работать 25 кинотеатров для показа советских фильмов, готовятся к открытию драматический и камерный театры в районе Шарлоттенбург, радиостанция...¹⁸

Специальным Постановлением Военного Совета 1-го Белорусского фронта 31 мая налаживается снабжение

---

¹⁴ ЦАМО, ф.237, оп.2430, д.76, л.365—368.

¹⁵ ЦАМО, ф.237, оп.2414, д.113, л.53—55.

¹⁶ ЦАМО, ф.233, оп.2380, д.31а, л.316.

¹⁷ ЦАМО, ф.233, оп.2380, д.31а, л.316.

¹⁸ ЦАМО, ф.233, оп.2380, д.35, л.115—139.

детей молоком... На Серова, военных интендантов Антипенко, Ткачева, Жижина возложена задача организации снабжения и питания столицы капитулировавшей Германии.

Листая документы майской поры 1945-го победоносного года, явственно видишь, как люди разбирают завалы, пищут первые «мирные» письма, как братаются с союзниками, мечтают о том, что теперь жизнь должна пойти лучше... И тут же рядом строятся новые лагеря, опечатываются трофейные архивы, вводится графа в анкетах — был ли «на оккупированной территории?».

Гигантские военные машины с Востока и Запада, сокрушив агрессора, еще не знают, что скоро между ними надолго опустится гигантский «железный занавес». Пока они остановились друг против друга...

Тихое шуршание архивных документов отзывается эхом истории.

1990

МНЕ
В
О
ВРЕМЕНИ

Строки из дневника

СТРОКИ
ИЗ
ДНЕВНИКА

Бабушкины часы... Древние ходики с замками вместо гирьки бабушка использовала только для одной цели: сажая в печь хлеб, она, кряхтя, становилась на облупившуюся табуретку и толкала скрюченным пальцем маятник. Спустя полтора часа она, так же кряхтя, взбиралась и останавливала часы, затем вынимала хлеб. Я несколько раз незаметно от нее приводил в движение маятник, но стоило мне уйти, бабушка их останавливала. На мой недоуменный вопрос, зачем она это делает, бабушка ворчливо ответила: «Хлебу-то надо знать свое время, а для меня нечего отстукивать да напоминать. Так-то незаметно и мое время приспееет...»

1960

* * *

Хранилище человеческого интеллекта — это память. Но как сделать, чтобы в этом хранилище все нужное было под рукой, — не знаю.

1960

* * *

Своему соседу — Феде — я помогал утром выбрать что-нибудь почитать в своей библиотечке. «Кровь людская — не водица» Стельмаха, или рассказы Мопассана, или вот томик (мамин еще) Надсона, читал?

— Нет, на сон я читаю что-нибудь из современных авторов...

16.07.1960

* * *

Вчера виделся со своим старым сослуживцем — Александром Георгиевичем Дружковым. Так уж случилось, что угодил он в госпиталь, а я, прослышав про это, заехал навестить. Неподдельная радость выразилась на его лице. Как обычно, когда встречаются военные, вспоминали знакомых, далекие гарнизоны, общих друзей, запомнившиеся случаи. Он все время похлопывал меня по плечу, приговаривая: «Ты, брат, очень хорошо выглядишь, здоров, свеж!» Размечтались: эх, вместе бы вновь послужить! «Послужим, обязательно послужим», — уверенно говорил оптимист Дружков.

Мы расстались, надеясь, что наши жизненные дороги еще пересекутся. Он был возбужден, очень долго держал мою руку в своей вспотевшей руке, глаза его блестели... «Подразмяк Александр Георгиевич, — подумал я, — видно, госпитальная обстановка располагает...»

Спустя полчаса я шел домой, держа в руках фуражку, не замечая, что с неба сеял нудный дождь. Только что лечащий врач объяснил мне, что положение А.Г. — безнадежное. Рак. Что-либо предпринимать — уже бесполезно. Но вот что меня особенно поразило: врач сказал, что Дружков сам об этом хорошо знает...

01.09.1960

* * *

Наша квартирная хозяйка (мы снимаем комнату) в кино:

— Вот так и знала... Будут два часа тянуть, хотя ясно, что героиню нужно скорее замуж выдать, и делу конец...

Сын ее, по-моему, туняец. Примитивная, но яркая мечта всей его жизни заключается в скороговорке, часто им повторяемой:

— Жить бы так, чтобы до обеда во дворце спать, а после обеда — деньги считать!

Жалкая мечта жалкого существа.

1960

* * *

Огромная радость — я получил комнату. Шестнадцать квадратных метров. А было — ничего. С 1952 года — Ульяновск, Саратов, Куйбышев, Бухарест, Констанца, Чернигов, Москва. Не так уж мало для 8 лет службы. А если вспомнить, что два переезда равносильны одному пожару, то четыре пожара — не много ли для нас?

1960

* * *

На одном собрании актива выступал знакомый мне краснобай. Речь шла о законе, принятом Верховным Советом, реализация которого должна была привести к значительному сокращению армии. Желая сделать свое выступление более ярким, он воскликнул в конце своей речи:

— Перекуем мечи на орлов!

Как выяснилось после собрания, он никогда не слышал слова «орала» и, встретив где-то это выражение, решил, что в книге опечатка...

Но дело даже не в незнании, дело в привычной бессмысленности речей и выступлений. Интересно, как же это он хотел перековать мечи на орлов? Поистине неразрешимая загадка!

1961

* * *

Мемуары — явление возрастное: молодые, фотографируя сегодня, пишут дневники; старые, вороша прошлое, — мемуары.

1961

* * *

Прислушайся. Если ты и не услышишь, как скрипит земная ось, то тысячи других шорохов и звуков земли услышишь обязательно.

1962

* * *

Тот, кто способен увидеть необыкновенное в обыкновенном, — талантлив. Тот же, кто в необыкновенном видит лишь обычное, — беден духом. В способности удивляться — не только жажда вечного постижения мира, но и вероятность когда-нибудь сказать (хотя бы самому себе): «Эврика!»

15.03.1979

* * *

Соломатка — деревенька в верховьях Агула, в предгорьях Саян. Печать заброшенности... Трудно рассказать о деревне в две сотни домов (в прошлом), где больше уже *никто* не живет вот уже четверть века... Лес поглотил жильё; болтающиеся на ржавых петлях двери и ставни, кустарник, опутавший сараи, колодцы; молодой ельник там, где когда-то скрипели колеса крестьянских телег... Человеческое гнездовье, оставленное людьми. Грустно мое возвращение на родину.

01.11.1980

* * *

Я на Кубе. Мы ждем Фиделя Кастро. Наша делегация расположилась в небольшом домике на окраине Гаваны. Смотрим на дорогу, ведущую к нашему бунгало. Вдруг сзади, из кустов, почти бесшумно (как будто подкрался на цыпочках!) выехал джип, в котором приехал Кастро. Никакой охраны. Только водитель и он. В машине — автомат и полочка с десятком книг (!) на заднем сиденье. У самого Кастро на поясе пистолет. Умное, очень усталое, бледное лицо. На него с подачи ЦРУ уже было организовано десятки покушений, а он по-прежнему тот же — бесстрашный в своей нездоровой революционной одержимости. У меня этот человек вызвал искренний интерес и уважение...

25.11.1980

Гавана

* * *

В январе 1976 года в Главпуре была делегация из Эфиопии во главе с одним из высших армейских чинов Асдатом Дестой. Он много и гладко говорил о стремлении построить социализм и утвердить демократию в Эфиопии. А в феврале, меньше чем через пару недель, так и не «утвердив демократию», был убит в перестрелке, вспыхнувшей во время заседания среди присутствовавших армейских руководителей! Но наша помощь эфиопской армии от этого не прекратилась и не уменьшилась.

А недавно присутствовал при встрече А.А.Епишева с Менгисту Хайле Мариамом. Я смотрел на его смуглое лицо и думал: прежде, чем он стал первым лицом в государстве, эфиопские междоусобицы унесли жизни тысяч людей, почти всех, кто заваривал революцию в этой отсталой стране... Что он чувствует, вспоминая тех, с кем начинал и кого сам позже не только убрал с политической арены, но и вычеркнул из жизни?

Вчера смотрел дворец Хайле Селассие, императора Эфиопии, и поражался. Золотые дверные ручки, дивные ковры, редкостного цвета мрамор... Великолепие и роскошь. А за стенами — чудовищная нищета. В деревнях не дома, а хижины, живя в которых трудно сохранить что-либо *человеческое*.

В Эфиопии я почти не видел стариков. До этого возраста не доживают.

26.04.1981

Аггис-Абеба

* * *

Я замечал, что многие люди живут главным образом *ожиданиями*, — ожиданием обеда, конца рабочего дня, полочки, отпуска, повышения, праздника, поездки, новой квартиры, юбилея и т. д. Ожидание становится состоянием души, ослабляющим их деятельное начало.

21.06.1981

* * *

Мне часто приходится бывать на заседаниях коллегии министерства обороны. Бывают — изредка — интересные, яркие выступления. Но порой большие по рангу люди читают то, что им написали подполковники. Чужие мысли, казенщина, рутина. Почти всегда так было при министре Устинове. Сам он, начиная или заканчивая заседание, бесчисленное число раз славословил Брежнева, пел ему аллилуйю, повторял без устали «дорогой», «любимый» и никогда не забывал ввернуть: «просил передать», «я сейчас с ним говорил», — чтобы подчеркнуть свою приближенность. Эти «приветы» и «разговоры» с генсеком были ритуалом. Все сидели, опустив голову. Было стыдно. Но аллилуйщина торжествовала.

23.06.1981

* * *

Перед вводом войск в ДРА Устинов вызвал генерала В.П.Заплата (советника политорганов у Экбаля) и спросил:

— Чем еще помочь афганцам? Может быть, чем-то более существенным, чем техника, оружие и советники?

Заплатин ответил:

— Техника, оружие, советники — да. Но ничего более «существенного» делать не надо. Руководство ДРА контролирует ситуацию в стране, но не внутри себя: его раздражает внутренняя борьба и взаимные счеты...

Устинов помолчал и сказал сухо:

— Идите...

Он явно остался недоволен этим ответом.

Позже Епишева и меня тоже пригласил министр. Мы тогда только что вернулись из Афганистана. Задал и мне тот же вопрос, что и Заплатину. Я ответил:

— Не знаю, что можно предложить «существеннее» той помощи, которую афганские руководители уже получают сегодня...

Устинов, обращаясь к Епишеву, сказал:

— Как Вы держите такого политически безграмотного генерала в ПУРе?

Повернувшись ко мне, бросил:

— Вы свободны...

Я не знаю, что говорил Устинову Епишев.

А решение о вводе войск в огромной степени было принято на основании телеграммы из Кабула, которую прислал главный советник по КГБ генерал В.И.Иванов. В шифровке он убеждал Андропова, что ввод войск в Афганистан будет встречен населением положительно, а кое-где и с радостью. Сопrotивления не будет...

Так развивались события. Устинов перед принятием на Политбюро окончательного решения *убедил* себя в правильности рокового шага.

Декабрь 1981

* * *

Человеческое зло редко бывает тихим, вегетарианским. Оно любит бороться, драться, наступать, обличать, приспособливаться.

09.12.1982

* * *

Сирия. Эль-Кунейтра — город-призрак. Израильтяне сровняли его с землей. Ни одного целого здания. Даже остовов почти нет. Груды щебня и разбитого бетона. Голландские высоты — рядом, метров 800, не больше. Они поднялись над равниной и стерегут ее. В бинокль видно, как евреи укрепили свои позиции — траншеи, доты, антенны, дороги. У подножия горы — израильский пост. Вижу бороды, расстегнутые куртки, небрежно брошенные за спину автоматы. Между израильскими и арабскими позициями — узенькая полоска под наблюдением ООН. Поскольку мы в штатском, то беспрепятственно доходим до поста «голубых беретов», заговариваем. Два австрийца, голландец и несколько канадцев

охотно объясняют нам, что их служба — неплохой бизнес: ООН хорошо платит.

Евреи на высоте, арабы — у подножия. Первые сейчас сильнее.

10.12.1982

Дамаск

* * *

Нашим переводчиком в Дамаске был молодой курд. Мне он подарил свою книгу о Льве Толстом, изданную в Сирии. Когда я держал ее в руках, во всем этом был какой-то привкус нереальности происходящего. Мухаммед, оказывается, окончил филологический факультет МГУ, защитил там кандидатскую диссертацию, сейчас готовит еще одну книгу о Чернышевском и Добролюбов... Влюблен в Россию. О Москве может говорить бесконечно. А у его девяностолетнего отца — четыре жены и двадцать четыре человека детей, причем младшему около десяти лет. Поистине парадоксы бесконечны в этой жизни: абсолютно безграмотный отец и книга сына о Толстом на арабском языке...

Мухаммед показал мне мечеть Омейядов, построенную в третьем веке. Величественное, гигантское сооружение в виде четырехугольника. Внутри мечети — тысячи босых людей под высокими (метров 40—50) потолками. Все в коврах. Но несмотря на величественность здания, здесь витает дух покорности и ничтожества человека. Лично мне как-то ближе мысль, что человек — образ и подобие Божие, соратник в Его деле.

Были в сирийских войсках. Техническая оснащенность (нашим оружием) неплохая. Много наших советников. Рассказывают о сирийцах с удивлением и непониманием: сирийские летчики летают только в горизонтальной плоскости. Большого не желают и учиться *не хотят*. Танкисты — совсем не умеют стрелять. Все арабские офицеры не любят черновой работы.

Всех наших советников (250 человек с семьями) за

сутки до конфликта увезли в советское консульство. На следующий день — налет на аэродром трех самолетов (всего!). После налета из 21 самолета МИГ-17 осталось три (18 уничтожены). Никто из сирийских летчиков не поднялся в воздух. На другом аэродроме — похожая картина. Во всей сирийской армии осталось на следующий день восемь самолетов. Начальник штаба после первого же налета дает приказ отходить, хотя противника никто еще в глаза не видел. В результате всякое управление войсками потеряно. Трусость, слабость, дисциплины нет.

Мы (в утешение?) подарили 100 танков. Бессмысленно — экипажей сирийских нет. Ничего не умеют. Такое впечатление, что сирийское руководство ждет, что мы начнем воевать вместо них сами...

Армия рассматривается, главным образом, как опора правительства. От службы можно откупиться, это стоит около 500 фунтов. Поэтому рядовыми в армию попадают лишь бедные и необразованные. А офицеры — белая кость, богачи. Разумеется, нищие неграмотные феллахи (крестьяне) не горят желанием воевать за богачей из Дамаска.

Зато в израильском генштабе — 8 Героев Советского Союза, много бывших советских офицеров. Ирония судьбы...

11.12.1982

* * *

Беседа с министром обороны Сирии корпусным генералом М.Тласом. Сухощавый, вечно улыбающийся человек. Любимая тема разговоров — книги, особенно о великих людях и по ботанике (!). Кабинет книгами просто завален. По их расположению и виду можно безошибочно сказать, что они — не внешний антураж, а неотъемлемый элемент образа жизни.

Со второй встречи начинает казаться, что не сходящая никогда с лица улыбка похожа на маску. Интересно, что он думает на самом деле?

Узнаю, что Тлас пишет стихи о красоте женщин и розах, составляет многотомную энциклопедию растений, заканчивает книгу «Немецкое искусство ведения войны от Клаузевица до Маннергейма». Сочетание этих занятий поражает самое смелое воображение. Но рассказывал мне он о своей многосторонности не без тщеславия.

1982

* * *

Не в поиске ли смысла жизни заключается смысл жизни?

Быть добрым — значит быть недобрым ко злу?

15.03.1983

* * *

Сегодня разговаривал с Ю.Цеденбалом. Подарил ему свои книги, не надеясь, впрочем, что он их прочтет. Интересно было слушать его рассказы о прожитом (а рассказывал он много и долго), в частности, о встречах со Сталиным, Мао Цзедуном. Произвел на меня впечатление образованного человека, не испорченного славой и властью. Дал понять, что главный его контролер — жена (русская по национальности).

— Если я — маршал, то она — генералиссимус...

19.03.1983

Улан-Батор

* * *

Пятого мая принял участие (вместе с А.А.Епишевым) в беседе с начальником главного политуправления армии Кампучии Миех Кроутем. Впечатление: жалкий, убогий, полуграмотный человек. Рассказывал ужасные вещи: сейчас у них в стране лишь 2 человека с высшим образованием, 4 врача, более трети командиров и политработников не умеют ни читать, ни писать. Наследие Пол Пота. Слушая этого тощего маленького мужчину (видом — 10-летнего подростка) с измученным лицом,

понимаешь, что в истории бывают колоссальные скачки назад. После встречи — опустошение в душе.

05.05.1983

* * *

Во второй половине дня мы с Епишевым были приняты Чаушеску. С ним был только переводчик, хотя (и это было видно) румынский лидер хорошо понимает по-русски. Я заметил, что глаза его бегают так же, как и тридцать лет назад (тогда я служил в Румынии помощником начальника политотдела армии). У людей с душевным изъяном, с нечистой совестью — всегда так. Епишев мне рассказывал, что, когда он был послом в Бухаресте, они «подкармливали» Чаушеску в обмен за информацию, которую тот поставлял в наше посольство. Ничтожество, вознесенное волей случая на партийный трон. Бывший осведомитель советского посла, ставший диктатором немалой страны. У него хватило злой воли насадить национализм, преклонение перед собой — «спасителем нации», подозрительность в отношениях людей друг с другом. Фарс, уже сыгранный более талантливым исполнителем в СССР, повторяется и в Румынии.

Во дворце множество охраны. Все румынские газеты заполнены речами и фотографиями самого Чаушеску, его жены Елены, их сыновей, другой родни.

Во время разговора о ракетах Чаушеску препирался с Епишевым. Он хотел быть посредником между Западом и СССР. Потом жаловался, то венгры «мутят воду» в Клуже — среди «румынских венгров», говорил об экономических трудностях... Беседа была долгой, но, по моему, бесплодной. Мне показалось, Чаушеску вздохнул с облегчением, когда пожал нам руки на прощание. Думаю, его не могла не мучить мысль, что Епишев знает о нем то, что он не хотел бы предавать гласности.

09.11.1983

Бухарест

* * *

Если рассуждать с «биологической» точки зрения, то лишь люди и крысы могут уничтожать и пожирать друг друга. Но люди изощреннее крыс.

14.11.1983

* * *

Много мне сейчас не надо. Только немножечко одиночества для работы.

1984

* * *

У первого секретаря райкома партии Прага-5 в кабинете рядом с бюстом Ленина — бюст Сталина. Правда, поменьше. Молодой еще секретарь не скрывал своей тоски по «сильной руке», в которой, по его мнению, залог уверенности в будущем страны. Страшно, что люди не замечают в таком будущем ни колючей проволоки, ни униженного страха за свою жизнь и жизнь близких...

15.05.1984

Прага

* * *

Высшее мастерство любого политика — уметь превратить поражение в победу, а победу в триумф.

Говорят: хочешь мира — готовься к войне. А может быть: хочешь мира — пойми, что такое война?

* * *

Судьбу часто считают какой-то внешней силой. Толстой в «Войне и мире» говорил о судьбе как о безличном роке, универсальном законе. Сегодня судьба — это власть власти. Быть или не быть войне? Реформам? Обновлению?

1984

* * *

В середине августа 1985 года я был включен в военную делегацию, возглавляемую маршалом Советского Союза В.И.Петровым, весьма умным и интересным че-

ловеком. В составе делегации был и будущий маршал Д.Т.Язов, еще несколько человек. Делегация как делегация. Но то, что я увидел в Северной Корее, мое знакомство с подлинным, живым «казарменным коммунизмом» произвело на меня впечатление посещения иной цивилизации. Вот некоторые мои личные размышления после посещения страны Чучхе, страны земного бога.

Все встречи с Ким Ир Сенем, его сыном — «великим руководителем Ким Чен Иром, маршалом О Дин У сводились к одному: корейцы настаивали, чтобы обещания по поводу модернизации корейской армии, данные в мае 1984 года К.У.Черненко в Москве, были выполнены.

Они не забыли, что в свое время Сталин не просто «разрешил» военное объединение двух Корей, но и спас, вместе с китайцами, Пхеньян от неизбежного разгрома. Ким Ир Сен откровенно говорил, что он не оставил мысли «объединить родину». На юге много их людей. «Но нам нужны, — добавил О Дин У, — не менее 500 вертолетов, чтобы в час «Х» перебросить за 38 параллель сотни отрядов «коммандос». Дайте нам эти вертолеты или постройте вертолетный завод у нас».

На следующий день нам этих смертников показали. Ничего подобного я раньше не видел. Люди-роботы, люди-автоматы, которых начинают готовить с детских лет. Демонстрация человеческих (а вернее, нечеловеческих) возможностей продолжалась долго. Об обнаженный торс солдата многократно разбивалась толстая дубина. Супервоин стоял у стены и ловил руками бросаемые в него остро отточенные кинжалы, не оставляя на ладонях ни капли крови. Солдаты в мелкую пыль босыми ногами разбивали десятки лежащих на полу бутылок. И многое, многое другое показали нам корейцы. Все это было просто невероятно. В завершение показа с десятком коммандос с гортанными криками, в полном снаряжении мгновенно выскочили с третьего этажа военной школы прямо на асфальт плаца, расстилавшегося перед

зданием. Сразу же — меткая стрельба по условным силуэтам и бросок вперед с победными воплями...

Подумалось, что, выбросив тысячи таких молодых с 500 вертолетов в Южную Корею, действительно, пожалуй, можно парализовать всю страну за несколько часов.

На каждом шагу необычное, с трудом укладываемое в голове. Мужчины, например, женятся лишь в 28—30 лет, женщины выходят замуж — в 27—28. Когда спросил корейского генерала, почему так, он, не задумываясь, ответил заученными словами: «До этого возраста они все должны отдать свои главные силы родине. Семья мешает сделать это полностью».

Все со значками Ким Ир Сена. Заметил: они разные. Одни — с золотым ободком (таких мало), другие — с серебряным, третьи — в белом, эмалевом. Никто из корейцев не захотел мне объяснить причин этой дифференциации. Но заметил сам: к автобусной очереди (чистой, дисциплинированной) подошел плотный кореец с золотым значком. Все расступились, и он зашел в автобус первым. Я понял, что значки — символы социального статуса человека, удобные руководителям, «удобные» подневольным гражданам.

О степени почтения и низкопоклонства подданных перед Ким Ир Сеном рассказать едва ли возможно, это надо увидеть. Даже подумалось: может быть, люди, почти ничего не знающие об остальном мире и имеющие гарантированную чашку риса в день, и впрямь по-своему счастливы в этом казарменном порядке, всеобщей регламентации жизни и полной ясности, кто враг, а кто друг? Изменить сознание этих людей может только широкий поток информации...

11—17 августа 1985

Пхеньян

* * *

Труба поэзии возвещает о грядущей буре раньше, чем шквальный ветер поднимет страшные волны. На-

стоящая поэзия — всегда провидческая. Стихотворные паруса Блока, Гиппиус, Северянина, Евтушенко — всегда надувались ветрами будущего.

* * *

Почему-то только в стихах женщин-поэтесс — З.Гиппиус, А.Ахматовой, М.Цветаевой, Б.Ахмадулиной — я слышу мольбу, невнятную молитву чувству. Как у Гиппиус:

*Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов...*

Такие стихи — мост от одной души к другой, построить его немногим дано. Ибо здесь — особое познание истины, не интеллектом, а чувствами.

Кому что дано...

10.11.1986

* * *

Выступал сегодня в Потсдаме перед нашими офицерами с лекцией. Поймал себя на мысли: выступая здесь же пятнадцать лет назад, — волновался и переживал, пять лет назад — не волновался, но в груди ощущал холодок. А сегодня был абсолютно спокоен, говорил свободно, уверенно, наверное, интереснее, чем раньше. Но не покидает ощущение, что утрата взволнованности как-то обеднила меня... Эмоции не имеют равноценного эквивалента для замены.

11.11.1986

Потсдам

* * *

Рутинa. Она опасна и вредна не столько в организации, структуре, образе жизни, сколько в *мышлении*, сознании. Рутинa, становящаяся традицией, — огромный тормоз в любой сфере бытия. Именно она культивирует бюрократизм, превращает его в норму жизни. Ее

символы — паутина, пыль, сумерки, «амбарные» книги, исписанные мелким почерком.

Рутинa в сознании — умственный сизифов труд.

24.03.1987

Кремль

* * *

Провидение учит нас, как тупых школяров, а мы все никак не можем взять в толк науку.

10 апреля в 7 часов утра загорелась триумфальная арка на одной из центральных площадей Бухареста, сооруженная в честь 20-летия избрания Н. Чаушеску генсеком. Огромный пластиковый монумент, сделанный «под камень», с огромным портретом и надписью: «Золотая эпоха Николае Чаушеску» сгорел синим пламенем за полчаса.

Тщетно пытаться увековечить себя при жизни.

12.04.1987

* * *

Мне очень по душе интеллектуальный романтизм, хотя это теперь и старомодно. Ныне больше ценят рациональность. Рационально мыслящие люди, как правило, преуспевают. Но лучше быть белой вороной, чем изменять самому себе...

14.04.1987

* * *

Редко кому удается сохранить детскую чистоту души на всю жизнь. Если удается — человек способен восхищаться, огорчаться, радоваться столь непосредственно, что живущим рядом с ним обычным среднестатистическим людям с зачерствевшей душой он кажется чудаком.

18.04.1987

* * *

Люди бывают смелыми в молодости (от безрассудства) и в старости (терять нечего).

26.05.1987

* * *

Во время одной из поездок в Афганистан был в одном из далеких гарнизонов. Через три часа отсюда должен был быть выброшен десант (рота) для перехвата каравана душманов с оружием.

Молоденький старший лейтенант (замполит роты) возбужденно докладывал мне, что все у них готово... Не в первый раз... Ребята — что надо... Вертолетчики — знакомые... Вечером будем здесь... Он, конечно, не знал, что через три часа будет убит и вечером я увижу его лежащим на плащ-палатке с бледным изменившимся лицом. Все произошло, как в сентиментальном романе, только в жизни получилось страшнее и бессмысленнее.

09.06.1987

* * *

Думаю, тайна христианства заключается в страдании и слезах. Они сильнее бича, тюрем, костров. Внутренне это выражается в неодолимой вере, внешне — в прекрасном плачущем лице.

* * *

«Упраздняя» Бога, люди становятся склонными к тому, чтобы выдвинуть его из своей среды.

* * *

Не будь человека, вся драма мироздания разыгрывалась бы перед пустым залом.

* * *

Свобода веры — это и есть свобода сомнений.

12.08.1987

* * *

Можно допустить дерзость и даже ересь по отношению к непреходящим ценностям, но нельзя допускать кощунства.

14.08.1987

Гурзуф

* * *

Чтобы написать философскую биографию И.Сталина, нужно прочесть биографии Александра Македонского, Цезаря, Кромвеля, Ивана Грозного, Петра Великого... Психология «вождей», диктаторов, владык имеет нечто общее: чувства непогрешимости, вседозволенности, неограниченного превосходства, бесконтрольности, переоценки собственных возможностей и способностей... Как правило, эти люди, окруженные толпой прихлебателей и льстецов, бесконечно одиноки. Им не с кем соотнести себя, не с кем дискутировать, некому доказывать, не перед кем оправдываться... Им всем не хватает alter ego. Леденящее одиночество на вершине. Неограниченная власть иссушает чувства. (Нерону надо было поджечь Рим, чтобы испытать поэтическое вдохновение.) Каждый шаг такого «владыки» — «исторический», «решающий», «судьбоносный». Это убивает человека в человеке.

16.08.1987

Гурзуф

* * *

Когда я смотрю на пожилого человека, то часто ловлю себя на мысли: а каким он был в молодости? Пытаюсь уловить в сегодняшних чертах лица ушедшее, отгоревшее, промелькнувшее. Ну кто может сказать, что полвека назад это скрипучее чучело с выцветшими глазами, пучками редких пепельных волос, медленными движениями, выдающими обреченность, был парнем с вулканической энергией?! И дело не в розовой рубашке и намазанных дегтем сапогах «бутылкой», а в той, ничем не заменимой свежести бытия, перед которой, кажется, лежит беспредельная, по крайней мере — огромная жизнь. Но уже в этот счастливый миг начинается медленный маскарад, о котором можно узнать, правда, лишь, если не видишь человека 10, 20, 30 лет...

27.08.1987

Гурзуф

Горбачевская перестройка в разгаре. XIX партконференция. Кремлевский Дворец съездов. Все как раньше. При входе членов ПБ — все вскакивают... Несколько дней дебатов. Лейтмотив: перестройка нужна, но не видно пока результатов. Доклад Горбачева долгий и очень общий. Как всегда у него.

Сiju на балконе в составе пензенской делегации; впереди, в составе карельской, — Ельцин. В перерыве поздоровался с ним (до этого я лично встречался с ним лишь раз — в горькоме).

Ораторы заранее «расписаны»: Бакатин, Моторный, Колбин, Белянинов (критиковал Ельцина, не называя его фамилии), Абалкин, Чазов, Арбатов... Депутаты аплодируют по привычке всем: так было принято долгие годы. Как всегда, много самоотчетов: Марчук, Арутюнян, Бондарев (писатель). Выступление Бондарева — ретроградное, удивительно! Фактически защищал ценное историей. Голос из прошлого. Событийным было выступление другого писателя — Бакланова: смелое, умное, свежее. Это был анти-Бондарев.

Вскоре Горбачев объявляет: записалось выступить 274 человека, выступило 53. Ельцин быстро пошел вниз, подошел к президиуму, просит слова. Шел 4-й день конференции. Горбачев: «Борис, посиди, сейчас решим». Ельцин сел. Генсек спустя какое-то время вышел, вызвали за кулисы и Ельцина. Видно, выкручивали руки, уговаривали «не обострять ситуацию», не выступать...

Выступление Ельцина было сумбурным, но мятежным. Говорил, что партия «отстала от перестройки», что «нужно менять политическую систему». Критикуем прошлое, а почему молчим сейчас, видя ошибки ПБ? Даже члены ЦК боятся высказаться прямо...

Потом выпустили Усманова и Лигачева, чтобы «развенчать» Ельцина.

Подумалось, что это только начало. Главные баталии еще впереди. Едва ли можно реформировать социалистическую систему. В этом все дело...

Июль 1988

* * *

27 апреля 1987 года я выступил на пленуме СП СССР с критикой белорусского писателя Алеся Адамовича за его концепцию одностороннего разоружения. Я, как мне казалось, убедительно показал ошибочность его пацифистской позиции. Мол, находясь на боевом дежурстве, офицер может надеяться на то, что ему никогда не придется нажимать кнопку запуска ракеты, но *готовность* к этому должна быть. Мир балансирует, но не теряет равновесия благодаря паритету ядерного оружия и мысли о том, что офицеры всех ядерных держав *готовы* нажать кнопку в ответ на нападение... Адамович сравнил мою позицию с позицией Тэтчер и не согласился с моими доводами: если мы не нанесем ответный удар, то у жизни еще останется шанс сохраниться где-нибудь в дебрях Амазонки или в пустынях Австралии...

Он был прав.

20.10.1987

* * *

Горбачев ездит с протянутой рукой, рассчитывая на благодарность своих сограждан. Но он плохо знает россиян: большинство было оскорблено.

* * *

Освободить других проще, чем освободить себя. Подобное я испытал: помогая многим очиститься от власти утопии, тоталитарного мышления, разных марксистских идолов, мне приходится и самому проходить через это чистилище.

18.11.1988

* * *

Приехал в Финляндию, чтобы выступить с докладом «Драма «зимней войны». В прошлом году я уже давал интервью по этому поводу генералу Кинникеку. Оно было опубликовано в одном из популярных финских журналов. Реакция в СССР была естественной: после возмущенных телеграмм посла Аристова меня затаскали по начальству. Назначили комиссию, расследование, вызывали... Почему я дезавуировал советскую официальную точку зрения? А она, как известно, заключалась в том, что финны сами спровоцировали войну, начали ее, а мы лишь ответили. И хотя ни один человек в мире, наверное, не верил этому, такая официальная версия поддерживалась десятилетиями. Я же сказал, как все было в действительности. На основании фактов, документов. Не обходя и финнов, напомнив их несговорчивость, негибкость и антисоветизм того времени. В конце концов официальные инстанции согласились с моей точкой зрения, меня оставили в покое, но никто, конечно, передо мной не извинился.

Сейчас зал был переполнен. Доклад длился полтора часа. Десятки вопросов. Устал на них отвечать. В конце сказал что-то вроде: «Река времени унесла те события в невозвратное. Теперь их можно лишь спокойно и честно анализировать. Нынешние поколения не ответственны за безумие 1939-1940 годов. Не нужно превращать историю в политику. Пусть история останется историей».

* * *

В Хельсинки остановился в чистенькой гостинице «Ваакуна», как и год назад. Уютно, спокойно, тихо. Подумалось: родное мое отечество, несчастное, замученное, когда же ты будешь жить так, как твоя бывшая колония? Как надоели все эти революции, стачки, исторические решения, митинги...

26—29.01.1990

Хельсинки

* * *

Иногда так хочется побывать в своем детстве. Оно было тяжелым, голодным, скорбным... И все же в душе остались какие-то солнечные пятна, щемящая тоска об отце, матери, сверстниках, снежных Саянах, быстром потоке Агула, кедровниках бескрайней тайги. Видимо, это грусть не только о безвременно рано ушедших близких, но и о самом близком в моей жизни общении с природой. Она нас кормила: рыбой, ягодами, кедровыми орехами, грибами. Если бы не она — нам бы, ссыльным, не выжить. С тех пор сохранилось неизбывное чувство благодарности к природе, потребность понимать ее, слушать. Думаю, что даже в мысленном контакте с тем, что мы называем природой, человеку дается возможность ощутить бесконечность и гармоничность мироздания.

11.02.1990

* * *

Уход на пенсию сопровождается, я бы сказал, ритуалом посвящения в тайны старости. Конечно, старость относительна. Тютчев: «уж жизнь прошла — минуло сорок», а сейчас, бывает, и в 70 лет бегают на марафонские дистанции, но пенсия — это некая грань, когда общество как бы дает тебе понять, что рассчитывать особенно не на что, что каждый лишний прожитый день — подарок судьбы...

Каждый человек пишет книгу своей жизни. Правда, большинство этих книг никто не читает, кроме самых близких, родных, чье дыхание всегда рядом. Люди равнодушны друг к другу.

У старости одна улада — воспоминания о прошумевшей жизни. Одно жаль: старость проходит так же, как и молодость.

Когда С.М.Буденному должно было исполниться 90 лет, мне пришлось побывать у него по вопросу подго-

товки к этому юбилею. Он сидел в глубоком кресле у себя на даче под Москвой. Над ним висела огромная картина — табун лошадей, Сталин, Горький и Буденный стоят рядом. Заметив мой интерес к картине, Буденный оживился и долго рассказывал об этом посещении конезавода, о лошадях, их кличках, достоинствах, о тогдашнем разговоре со Сталиным... Я с трудом перевел разговор на готовящийся юбилей. Буденный сразу как-то поник, потух — ему было интересно прошлое, а не настоящее с тяжким грузом лет...

15.05.1990

* * *

1979 год. Лидер афганской революции, ее идеолог и организатор принимал нас в Народном дворце — бывшей резиденции короля. (Интересно, почему все народные дворцы и замки — не новые постройки, а всегда бывшие королевские апартаменты? Видно, строить красиво могут только для королей. Нет короля — начинают плодиться бетонные трущобы.) С первой же минуты у меня сложилось о нем мнение как о наивном мечтателе, смотревшем поверх наших голов куда-то вдаль. То же, что было рядом, вокруг, — видел плохо...

Вскоре он пал от руки Амина, который тоже был на той встрече. У того зрение было лучше. Впрочем, и он не долго упивался властью...

21.05.1990

* * *

По поручению Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцина был у Крючкова, руководителя КГБ СССР, с вопросом: каков будет порядок передачи структуры органов КГБ на территории России? Говорил спокойно. Разговор получился долгим. Я сказал, что консервативная реакция Центра и его контрнаступление могут лишь продолжить стагнацию. Горбачев фактически поддерживает Полозкова, а его программа —

крах, тупик, катастрофа. Это возврат к старому. Но нельзя дважды вернуться в одну и ту же реку. Крючков что-то неопределенное говорил, даже как будто соглашаясь. Привычка людей этой профессии: говорить очень неопределенно, чтобы потом была возможность интерпретировать разговор как угодно.

Заговорили об отношениях Горбачева и Ельцина. Я вспомнил французский устав, где говорится, что при встрече двух равных в звании военнослужащих первым приветствует другого тот, кто лучше воспитан... Если бы Горбачев однажды без предупреждения приехал в Дом России, к Ельцину, к парламенту, без официоза — это многое могло бы изменить. Ведь здесь столкнулись не только два курса, две линии, но и две личности, величины... Крючков сказал, что этого не будет никогда.

На мои рассуждения о непрофессиональном руководстве страной, запаздывании, боязни, отсутствии концепции движения у лидеров он тоже что-то возражал. Было видно, что к разговору он специально готовился (даже процитировал кусочек из моей речи на съезде), но цель его была не столько договориться до чего-нибудь конкретного, сколько «прощупать» ситуацию.

Февраль 1991

* * *

Были вместе с Галей неделю в Лондоне в связи с презентацией моей книги о Сталине. Издатель, лорд Вайденфельд, разместил нас необычно: в квартире своей компаньонки, миссис Гетти. Сама она приезжает в Лондон из США лишь два-три раза в год. В общем, пожилы несколько дней в обители настоящей миллионерши. Квартира похожа на дорогой антикварный магазин с чудесным видом на Темзу. На противоположной стороне реки — пагода, парк. Удивительно красиво!

Много выступал: в Центре славистики, Центре политических исследований, в Экономической школе и, на-

конца, в Оксфорде, в колледже Сент-Энтони. Везде было много людей, масса вопросов, чувствовался искренний интерес к русской истории и событиям в СССР. На «парадном» обеде в Оксфорде (где вся профессура — в черных мантиях) меня просто «замучили» разговорами о Горбачеве, Ельцине, войне в Персидском заливе, тайнах советской истории. Колоссальная заинтересованность нашей страной! Думаю, прилети сейчас на летающей тарелке марсиане — все равно наши события не ушли бы с первых полос газет. Конечно, это не может продолжаться долго, но сейчас у нас есть реальный шанс перечеркнуть все годы недоверия, страха, «холодной войны» и войти в «европейскую семью народов» (так называл Запад Чаадаев) на равных. Боюсь, упустим этот шанс.

В Экономической школе познакомились с Лидией Крушинской. Польша, прожившая большую часть своей жизни в Англии, химик по профессии, она оказалась давней поклонницей России и русской культуры. Удивительно ее стремление серьезно (в университете) заняться изучением нашей литературы, несмотря на «пенсионный» возраст. Как жаль, что у нас в стране большинство людей после 60 уже не живут, а «доживают»...

Почти на всех встречах, обедах, выступлениях были и люди из советского посольства, но ко мне никто не подошел. Более того, мое уже намеченное выступление перед сотрудниками посольства неожиданно отменили, ничего внятно мне не объяснив. Что-то не очень я «котируюсь» по официальной линии...

О моей книге появилось несколько очень хороших рецензий. Исключение — статья О.Гордиевского (того самого невозвращенца): «Что может сказать генерал? Это кремлевская версия...» Но в целом я почувствовал, что в Лондоне меня хорошо знают, особенно в университетских кругах.

28.02. — 06.03.1991

Лондон

* * *

Понять историю — это значит пережить ее в душе год за годом. Многие годы моей жизни ушли на такое «переживание». Надеюсь, что приблизился к истине, хотя в истории всегда гораздо больше вопросов, чем ответов. Меня это радует — столько еще интересного и нового впереди, столько планов!

10.05.1991

* * *

То, что произошло в ноябре 1989 года с ГДР, а затем и с другими странами «социалистического содружества», должно было произойти. Рано или поздно. Провидение как будто специально выбрало эти ноябрьские дни, окрашенные памятью об октябрьском перевороте.

Но один момент оставил горький осадок: выдача бывших руководителей ГДР — постыдна. И Хонеккера, и Кесслера, и Штрелеца судили фактически за то, что они исполняли волю Москвы. Судьба Я.Клихи в Чехословакии, других военных руководителей в «братских странах» мягче, но морально не легче. Тень государственной мести легла на судьбы этих людей.

Оказалось, что, требуя от немецких военачальников все, мы не отвечали ни за что. Я лично хорошо знал генерал-полковника Кесслера, участвовавшего еще в гражданской войне в Испании, помогавшего нам в войне против Гитлера. Так же безоглядно служил нам и Штрелец... Уверен, пожелай Горбачев, а затем Ельцин — судьба Хонеккера, Кренца, военачальников была бы другой. Все, даже разговоры о «преступных приказах стрелять», одобрялось в Москве. Безнравственность нашего поведения очевидна.

Впрочем, немецкое правосудие не снискало себе лавров этими судебными процессами. Историческое великодушие почему-то покинуло чувствительных к тонкостям права немцев в момент общегерманского триумфа.

Состоявшиеся суды останутся той ложкой дегтя в истории немецкого объединения, вкус которой будет еще долго чувствоваться. Свобода тоже может быть горькой...

18.07.1991

Москва

* * *

Оксфорд. Уже десять дней как мне сделали тяжелую операцию. Рак. Достаточно сказать, что разрез — на треть метра. На второй день сидел, на четвертый — пошел. Обаятельная доктор Мортенсон и ее помощник Севиж — большие мастера. Теперь вопрос в том: просто это отсрочка или спасение? Знает только Бог...

Читаю, пишу заметки, делаю выписки из книг, которые мне приносит из библиотеки колледжа Святого Антония Гарри Шукман. Живу — таков человек! — планами, задумками, надеждами. Часто смотрю с высоты пятого этажа госпиталя, стоящего на холме, на всю округу. Красивый пейзаж, старинные дома, вековой панцирь викторианской черепицы. За суетой современного университетского города стараюсь угадать глубь веков: династические катаклизмы и коллизии, крестьянские восстания и войны, колониальные захваты и рождение великих умов... Поток жизни — как кинолента, которую беспощадно заглатывает камера истории.

На моей палате надпись на табличке: «Д.Грин», как я понял, для конспирации (для администрации госпиталя непривычно, что русский военный чин может лежать в английском госпитале под своей настоящей фамилией). Молоденьких медсестер будоражит такая таинственная атмосфера вокруг первого русского генерала, которого им привелось встретить в своей коротенькой жизни. Забегают ко мне каждые полчаса. Вот так, под именем Дмитрия Грина жду ответа у судьбы... И еще жду: скоро придут Галя и Оля, они так заботятся обо мне.

09.08.1991

P.S. А сегодня, перед выпиской, мне сказали, что у меня при операции обнаружили еще одну опухоль... Нужна еще одна операция... Это был удар. Но, помолчав, я сказал: давайте скорее делать ее. Предложили — через месяц, два. Я настоял раньше: через 9 дней. 21 августа — новая операция.

* * *

Неделю с женой отдыхали в Венгрии по приглашению МИДа и министерства обороны. Один день — деловые встречи: с министром иностранных дел, госсекретарем МО, другими официальными лицами. Потом — отдых в этой изумительно красивой стране.

Для меня было интересно: как венгры смотрят на жизнь, прошлое и будущее после крушения тоталитарной системы.

Жизнь большинства людей стала хуже. Но небольшой слой стал жить значительно лучше, много лучше. Западные машины. Богатые витрины магазинов. О прошлом жалеют (негромко) лишь немногие. Уравниловка оскорбляла человека.

Но чего-то из уходящего жаль... Возможно, идею справедливости, на которой так долго и умело спекулировали большевики, коммунисты. Эта идея, конечно, никогда не умрет. Надеюсь, что реализовать ее можно не революциями, а творческой социальной эволюцией.

Нас сопровождали два молодых венгра — Петр и Миша, у которых матери — русские. Они тянутся к России, хотя уже неотделимы от Венгрии. Великий человеческий котел — русские, венгры, американцы, китайцы, немцы... Как мы все перемешались и как много у нас общего!

26.09.1991

Борт самолета Будапешт—Москва

* * *

Что такое человек? Вместилище клада иллюзий и надежд. Но со временем — иллюзий меньше, а лекаств — больше.

* * *

Прошлого всегда так много! А будущего? Никто не знает. У меня есть реальная угроза, что очень мало...

1991

* * *

Постсоветская интеллигенция, по сути, кричит: «Не верим в Бога, но хотим Его иметь!»

02.10.1991

* * *

Чаадаев разочаровался в России, а Герцен — в Западе. Но было ли у них «очарование»?

* * *

Трагическая история России... Думаю, лучшие ее годы в XX веке приходились между 1906-м и 1914-м. Не будь злосчастной войны — Россия стала бы великой державой в полном смысле этого слова. Но с тех пор как страшный октябрь 1917 года вторгся в российскую жизнь, страна стала олицетворением страданий, жертвенности, насилия, угрозы, безразличия к судьбе личности. И все же, все эти годы где-то подспудно жила вера в духовную миссию России.

Трагедией переворота Россия помогла всем, кроме себя. Таков ее *крест*. Мир ужаснулся увиденному и сделал все, чтобы это не повторилось.

01.12.1991

Вашингтон

* * *

Распался Союз. Печально. При всем том, что это была Империя, — грустно. Думаю, мы его могли бы сохранить как *конфедерацию*. Уверен, придет время — сами потянемся к интеграции.

Мы больше не «советские». А какие же? Русские? Тоже не осознаем. Кроме языка, — все забыли. Да и языку досталось... В интеллектуальном смятении ищем, как всегда, ответа на извечный российский вопрос: «Кто виноват?» Не находя ответа, сами выискиваем врагов. Если так будет и дальше, можем пройти весь страшный путь сначала.

11.02.1992

Оксфорд

* * *

Читаю у Достоевского в пропущенной главе «У Тихона»: «по несовершенству веры своей сомневаюсь». Возможно, историческая неудача нашего отечества от «несовершенства веры»? В том смысле, что мы верили в утопию идеального человеческого муравейника? Конечно, идея справедливости будет жить вечно, но мы ее, видимо, не там и не так искали. «По несовершенству веры» Тихон сомневался, а мы не сомневались...

11.02.1992

Оксфорд

* * *

Мир эфемерен, призрачен. Песочные часы истории не знают пауз. Рушатся империи, приходят и уходят правительства, вспыхивают и гаснут конфликты, рождаются и меркнут надежды. На нашей грешной земле все течет быстро, неумолимо и необратимо. Единственное, что не уходит от человека, пока он живет, — Вера. Пытались ее растоптать, унижить, заменить суррогатами и мифами — не получилось. Вера в единение человека с высшим началом, вера в душу нашу объемлет все поко-

ления, а потому она бессмертна. Люди ушедшие, живущие, грядущие благодаря вере чтили, чтут и будут чтить истину, добро, красоту.

Пожалуй, только вера в неизбежное поражение зла держала русских людей в самые трудные годы их истории, не давала им согнуться и сломаться. Это не просто борьба за выживание, это вера в то, что все мы несем искру света в своей душе, которую нельзя потушить.

17.03.1992

* * *

Сегодня — мой день рождения. Встречаю его необычно — в поезде Киото—Токио. Мы с Галей прилетели в Японию 18 марта по приглашению издательства «Асахи» в первый раз. На следующий день, 19 марта, выступал на семинаре, организованном газетой издательского концерна «Асахи». Тема: «Будущее бывшей Советской Армии и проблема северных территорий». Интерес был огромный. Видимо, потому, что меня пресса немного знает и потому еще, что я — советник Президента России. (Что-то он скажет?) Семинар длился около пяти часов в переполненном зале (человек 400). Ответил на великое множество вопросов.

Конечно, все помешаны на одном: когда Россия вернет острова. Я был осторожен и определил суть проблемы так: «Отдавать острова нельзя, но и не отдавать острова нельзя». Для будущего развития России и исхода из принципа исторической справедливости нам нужен мирный договор с Японией, тем более что исторически эти четыре пустынных каменных острова никогда не принадлежали России. Но нужна тактика малых шагов (компенсация экономических интересов, демилитаризация района, возможно, — «двойной суверенитет» вначале и т.д.). Думаю, мои размышления произвели впечатление на японцев. Но просто отдать острова нельзя.

Нас сопровождал везде мой давний знакомый Йекута-сан, очень приятный человек и известный журналист. Здесь в следующем месяце должен выйти мой «Сталин», японцы хотят заключить контракт и на издание «Ленина». Вел переговоры по этому поводу.

Очень интересной была поездка в старинную столицу Японии — Киото. Произвели впечатление старинные храмы, древние улицы города, дворец императора, замок сегунов. Сами японцы тоже поражают (хоть и читал об этом, и слышал много раз) — своей вежливостью. Пусть здесь есть что-то от традиций, даже лицемерия, но я не видел ни одного неприветливого японца. Побежденная страна без природных ресурсов добилась потрясающих успехов. Она смогла создать обширнейший средний класс (думаю, процентов 80 населения). Это делает общество устойчивым, стабильным, социальные потрясения становятся маловероятными. Для себя я назвал Японию «Страной муравьев». Не хотел и не хочу обидеть японцев, но трудно найти более точный эквивалент их трудолюбию, организованности, целеустремленности. Поодиночке не довелось встретить талантов, но нация в целом — талантлива.

22.03.1992

* * *

Одолели «японские размышления». Что знает обычный русский человек о Японии? В лучшем случае что-то слышал о династии Мэйдун, императоре Хирохито, самураях, камикадзе, послевоенном экономическом чуде, телевизорах «Сони».

Меня поразило другое. Я нашел в судьбе Японии подтверждение своим давним предположениям о том, что народ имеет душу, характер, привычки, совесть, склонности, психологию, философию — не отдельный человек, а именно народ. Для России многие (Хомяков, Соловьев, Бердяев, Розанов) пытались эти феномены вы-

разить через «*русскую идею*». Думаю, в основном это верно. Японский пример подтверждает мысль о целостности нации еще и потому, что Япония — мононациональна (99,5% населения — японцы). Такой монизм дает более рельефное ощущение черт нации (трудолюбие, вежливость, фанатичная организованность и приверженность национальной идее). Русские, «разбавленные» десятками других национальностей, более аморфны. Их характер (как нации), склонности и черты более размыты.

Нация — цельный организм. Для Японии монизм — благо. Для России же многонациональность может быть бедой, ибо от национализма избавиться в многонациональной стране чрезвычайно трудно. Национализм же, в какие одежды его ни ряди, в основе имеет разрушительную уверенность в превосходстве и исключительности своей нации. Как луковица — сколько с нее ни снимай слоев, слаще она не станет. Если нация борется только за себя, то она уже борется против других. Выход для России — перестроить ее по территориально-производственному принципу (как бывшие наши губернии). Но реализовать это страшно трудно...

23.03.1992

* * *

Между обществом и властью — всегда противоречие. Смягчает его только демократия. Демократия — единственный способ реализации человеческой свободы, хотя и несовершенный.

10.04.1992

* * *

Израиль... Выступил на конгрессе «Беершева» (тема была заявлена организаторами чрезвычайно интересная: «Политический портрет как метод исторического исследования») в Тель-Авивском университете. Принимали очень хорошо. За эту неделю состоялось и не-

сколько интересных официальных встреч: с министром обороны Моше Аренсом, начальником израильского генштаба Эгудом Бараксом, другими...

Убежден, российскому руководству, сохраняя добрые отношения с арабами, нужно поднять на принципиально новый уровень отношения с Израилем. Прошлое расточительное противостояние (путем многомиллиардного одаривания оружием арабов) должно быть прекращено. Совместно можно решить многое... Нужна новая стратегия (Иран, Ирак, попытки последнего установить особые отношения с Таджикистаном, ядерная проблема...). Поговорю с Президентом и доложу свои соображения.

Двойственное впечатление оставило посещение кибуцы*. Романтическая, но уже чуть-чуть устаревшая утопия...

Везде русская речь: в транспорте, на базаре, в университете. 500 тысяч выходцев из бывшего СССР! Какие возможности для установления особых отношений! Думаю о том, как много мы потеряли, враждуя долгие годы по вине своих незадачливых руководителей...

30.04.1992

Борт самолета Тель-Авив—Москва

* * *

Я никогда раньше не считал антисемитизм серьезным явлением в СССР. Меня он раздражал, но казался частностью в нашем бетонно-бюрократическом обществе. Но однажды, уже после августа 1991 года, увидев по ТВ манифестацию каких-то молодчиков с омерзительными плакатами, я почувствовал, что угроза фашизма в России — не только в лженационализме, но и в антисемитизме. На экране маршировали люди, которые демонст-

---

* Сельскохозяйственный кооператив в Израиле, доходы от деятельности которого распределяются поровну между работниками. — *Ред.*

рировали обществу готовность реализовать на деле свои убеждения.

Иногда мне хочется крикнуть: поймите, нас мало! Мы не просто русские, евреи, татары, чеченцы, мы — *земляне. Мы все связаны навеки вместе.*

Антисемитизм — болезнь неполноценных людей, даже если эти люди носят ученые степени. Может быть, антисемитов надо лечить, ведь для некоторых обвинять во всех грехах и бедах евреев — способ сохранять собственную психическую устойчивость. Причем это заразная болезнь, быстро передающаяся от одного неудачника к другому. Духовный СПИД...

Холакост. Лауреат Нобелевской премии писатель Эли Визель так сказал о судьбе евреев, имея в виду 6 миллионов уничтоженных во второй мировой войне: «Не все жертвы нацизма были евреями, но все евреи были жертвами нацизма». Мы, представители страны, потерявшей в минувшей войне 26 с половиной миллионов своих сограждан, должны, более чем кто-либо, сердцем понять, что значит для гонимой столетиями нации потерять в XX веке почти половину своих соплеменников...

* * *

Орск. Мы сюда прилетели на военном самолете вместе со шведскими пасторами Ульфом Эккманом и Карлом Северином. Накануне в Орск пришли три трайлера с 42 тоннами гуманитарной помощи, которую сегодня раздают в городе пенсионерам, студентам, детям.

Есть что-то унижительное в этой помощи, но бедственное положение населения (особенно при недостатке лекарств) заставляет откликаться на эти добрые намерения.

Встречи с избирателями. Поддержка и неприятие реформ. Понимание их сути, ожидание их результатов

и — многочисленные утверждения «раньше жили лучше». Такой разброс мнений! Но народ бедствует. Плюс к этому в Орске — «сладкий» воздух и желтые облака. Ведь здесь — 64 завода! Это в городе с населением менее 300 тысяч! Таковы печальные результаты большевистской индустриализации.

19.05.1992

Орск

* * *

Вечная слабость демократии — обезличенность и безответственность. Но ничего лучше человечество не придумало в противовес тирании, тоталитаризму и диктаторству.

Почти четыреста лет назад Земский Собор позвал Романовых «на царство»; Учредительное собрание 1917—1918 годов хотело отменить монархию. Все в прошлом: монархия ушла навсегда, коммунистическая система, надеюсь, тоже, а демократия все еще в дымке туманной... Впрочем, в истории не бывает родов без мук.

Май 1992

* * *

С 1929 по 1988 год главным редактором эмигрантского парижского журнала «Часовой» был капитан белой армии В.В.Орехов, проживший почти сто лет... Помню, как он критиковал меня в своем «Часовом» за мою статью «Честь офицера». Наверное, он был прав, спрашивая: какая может быть честь у цареубийц? Мы с ним — современники, но он видел, помнил Николая II... Когда думаешь об этом, возникает чувство прочной связанности с историей и прошлым.

01.06.1992

* * *

Россия распята между Европой и Азией. Она не Европа и не Азия. Или и Европа, и Азия — частично. Ей

не хватает (при колоссальном интеллектуальном потенциале!) европейской цивилизации, не хватает азиатского трудолюбия. Это не распятие между континентами, а распятие между цивилизациями. Российские беды исчезнут тогда, когда Россия перестанет искать своего будущего в простом заимствовании и подражании. Заимствование марксизма — историческое предупреждение.

20.06.1992

* * *

Самое памятное из этой моей поездки в Штаты — недолгая беседа с президентами Бушем и Ельциным по поводу работы Комиссии по розыску американцев, пропавших на территории СССР.

Буш: Мы надеемся на достижение полной ясности в этом вопросе. Этого ждет Америка...

Ельцин: Волкогонов, как и Тун, — уважаемые в наших странах люди. На них можно положиться. Я окажу им всяческое содействие. Мы выясним судьбу каждого американца.

Затем нас представили доброй сотне журналистов на знаменитой лужайке перед Белым домом.

Буш подошел ко мне. Очень мягок, смотрит прямо в глаза. Говорил, прося, как о личном одолжении: «Прошу сделать все возможное для ответа на вопросы, которые нам поставило ушедшее время...»

Июнь 1992

Вашингтон

* * *

Я всегда считал себя честным человеком. Но страна прожила десятилетия во лжи. Мучительно думать, сколько сил, энергии и надежд потрачено мной во имя утопической идеи! Историческая неудача народа — это и драма всех граждан страны. Согревает одно: хватило сил в последней четверти жизни вырваться из обруча

догматизма, якобинства, постыдных мифов... И сделать это открыто.

21.06.1992

В самолете

* * *

Посещение ядерной базы в дальнем Подмосковье.

Здесь хранится ядерная смерть, достаточная для *всего* человечества... Блестящие «чушки», «сигары», «кастрюли», «блоки»... Одна тысяча с небольшим ядерных боезапасов, три слоя особой охраны — внешний обод распространяется аж на 21 километр.

Вход в «объект» сопровождается резким звонком: много стальных дверей огромной толщины. Затем боксы. Командиры бригад контроля — полковники. Входим в бокс — 36 ядерных бомб. Каждая в контейнере на тележке, примерно три с половиной метра длиной.

Один бокс: образцы наших ядерных зарядов. Первая атомная бомба — огромных размеров яйцо продолговатой формы. Кстати, первая ядерная бомба была названа «РДС» — «Россия делает сама». Так предложил Сталин в августе 1948 года. Рядом — монстр: самый крупный заряд, 10 мегатонн. Ракета весом 283 тонны! Затем — все меньше и меньше. Последние из демонстрируемых ядерных зарядов могут переносить люди.

Все это — дьявольские чудеса. Вершина человеческого интеллекта — и создание самого страшного оружия зла...

08.07.1992

Объект «С»

* * *

По просьбе А.Абашидзе (Председателя Верховного Совета Аджарии) мы встретились с ним конфиденциально пятого октября. Часовая беседа.

Смысл: Абашидзе не скрывает своих прорусских настроений. «Я не скрываю в Грузии, что я русофил». Шеварднадзе, по его словам, ничего сам не решает, он в ру-

ках Китовани, криминальных элементов. Он нужен им как прикрытие. «Я хочу попросить Ельцина не выводить войска из Аджарии. Нужна твердость России по отношению к грузинскому национализму. Если бы сейчас — фантастическое предположение — проходил референдум: жить ли вместе с Россией, 60 процентов сказали бы «да». Но так будет не всегда.

Россия должна изъять оружие из Грузии (принадлежащее российским войскам). Нужно активнее влиять на этот процесс через личные контакты.

О Чечне. Если Ельцин пригласит Дудаева в Москву, генерал придет немедленно. Удовлетворив таким образом амбициям Дудаева, с ним можно будет вести переговоры о положении в Чечне. Это улучшит положение на Северном Кавказе.

В целом просил передать Президенту: «Россия не должна оставлять Кавказ. Ее место сразу же займет Турция, Иран, другие государства. Россия должна уйти, чтобы остаться...»

Я вместе с М.Д.Малеем (советником Президента по конверсии) написал записку Б.Н.Ельцину с просьбой принять Абашидзе.

05.10.1992

* * *

Все еще хотят вождя, чудодейственного, необычного, всемогущего и мудрого. Пока будет жить вера в такого вождя — тоталитаризм будет жить хотя бы в душах людей. В тоталитарной системе вождь — это государство. Государство — это фюрер.

Тоталитарность у нас жива, ибо жив его носитель — советский человек.

19.10.1992

* * *

Вечером мне позвонил из Нью-Йорка Петр Петрович Врангель — сын известного белого генерала. Ему 82 года. Старик хотел «перед смертью узнать правду о

кончине отца, крепкого, здорового 48-летнего человека». Я ему рассказал, что, как только Петр Николаевич Врангель оказался после печального исхода из России в Париже, ГПУ установило за ним слежку. Многие бедствующие белые офицеры быстро попадали в сети советских спецслужб. Недостатка в волонтерах у ГПУ не было. Некоторые пытались таким образом «заслужить» себе право вернуться на родину. Один из близких людей П.Н.Врангеля оказался сотрудником ГПУ и смог отравить генерала.

Петр Петрович помолчал и сказал:

— Я так и думал...

Быстрая смерть генерала для многих не была загадкой. Знали, что выкрали и увезли в СССР не только генералов Кутепова и Миллера, но и за рубежом уничтожили многих.

Думаю, так продолжалось довольно долго. В архивах ЦК, КГБ, Президента я находил бумаги, подтверждающие это. Таким образом, например, был уничтожен в Каире руководитель партии армянских дашнаков; в Германии был отравлен женщиной—сотрудницей КГБ Хохлов (правда, его удалось спасти)... Продолжать можно долго. Система, провозгласившая себя носителем высшей нравственности, действовала как банда преступников.

В тихом, печальном голосе Петра Петровича Врангеля не было ноток осуждения или мести. Изменить ничего уже нельзя. Можно узнать и понять прошлое. Это тоже важно.

14.11.1992

* * *

Несколько дней назад выступал в сенате на слушаниях. Десяток лет назад такое и представить было невозможно! Думаю, впервые в парламентской истории США русский генерал участвовал в работе сената. Речь шла о судьбах американских военнопленных, исчезнув-

ших за границей (и, в частности, в России). Вел заедание сенатор Керри. С меня взяли клятву: «Клянусь говорить правду, только правду, ничего, кроме правды».

Правда же была такова, что в течение трех с лишним часов я, следуя данной клятве, рассказывал сенаторам, что, согласно сведениям нашей совместной российско-американской Комиссии по розыску пропавших без вести американцев, насильно удерживаемых американцев в сегодняшней России больше нет (за исключением одного, совершившего уголовное преступление, вопрос о помиловании которого уже практически решен). Зато живут те, кто был «превращен» в советских граждан. (В 1939 году 49 американцев славянского происхождения были обращены в советскую «веру», а затем, как водится, направлены в советские лагеря. Менять свою жизнь им теперь уже поздно.) Живет около десяти и тех, кто по своей воле остался в СССР.

Вопросов было много. Несмотря на корректную форму, почти во всех чувствовалось сомнение в том, что мы до конца искренни. Обижаться было бессмысленно — срабатывал стереотип, выработывавшийся долгими десятилетиями: у русских всегда есть что-то, спрятанное в рукаве.

В эти же дни встречался с самыми высокопоставленными руководителями Америки: Иглбергером, Скоукрофтом, Тейтси (ЦРУ) и др. Говорил о важном: мы помогали и будем помогать разыскивать пропавших американцев по всему миру, но мы просим и американской помощи в освобождении российских солдат в Афганистане.

Интервью, беседы, круговерть встреч. Многим подписал свою книгу, вышедшую в Америке. Чувствую свою ущербность, не зная английского языка. Французский мой редко здесь помогает...

15.11.1992

Борт самолета Вашингтон—Франкфурт

* * *

Мы все хотим приподнять завесу над грядущим. Пророки, предсказатели, футурологи... Это естественно. Я сам делал немало прогнозов.

Но, к счастью, никто, кроме Бога, точно не может знать, что будет впереди, завтра, в будущем. Если бы мы знали все о грядущем, жизнь была бы кошмаром. Находясь в неведении, мы имеем надежду. Вечную.

02.01.1993

* * *

С 18 по 23 мая вместе с Галей был в Дании: прочел лекции в трех университетах — Копенгагенском, Орхусском, Оденсе. Темы разные: Ленин, Сталин, пути России, ее военная политика и др.

Произвел впечатление профессор Берт Янсен — умный русист, вдумчивый ученый и радушный хозяин. С нескрываемой любовью говорит о своих детях — дочери-корейке и сыне-вьетнамце. Два десятка лет назад он взял их шестимесячными...

Посещение одной из датских ферм восхитило и озадачило. Корова в год — 9 тысяч литров молока. Но муж и жена (29 коров, 115 свиней, 20 телят) работают с 5 утра до 11 вечера. Каролина (хозяйка) сказала:

— Если бы я не родила пятерых детей, то не знала бы, что я женщина...

Рабский труд... Мы в России отвыкли *так* работать.

Внешне безмятежная страна.

Встретил случайно (впервые за всю жизнь!) земляка: военный атташе посольства полковник Бугаков Иннокентий Степанович родился в Читинской области, в Киринском районе, в станице Мангут!

На лекциях — полные залы. Большой интерес к России. Факультеты славистики — по 90—150 студентов. Еще несколько лет назад на них училось по 15—20 человек...

18—23.05.1993

Дания

* * *

Люди ждали земного рая семьдесят лет. Поэтому сегодня они так нетерпеливы или равнодушны. Семьдесят лет!

Яростные митинги, как прибор социального сейсмографа, показывают «бурю».

Памятник Ленину в Бишкеке, выполненный из гранита, оказался... радиоактивным. Он создает гамма-поле интенсивностью 80 микрорентген в час, и находится рядом с памятником опасно. Ирония судьбы?

29.07.1993

* * *

Большевизм души — худшее из наследия русских революционеров. Он глубоко сидит во многих. Люди не ценят *свободу*, а хотят лишь права плохо работать и иметь гарантированный минимум материальных благ. Как трудно убедить, что свободный человек добьется всего, получит все, сделает все...

01.09.1993

* * *

К душе тоже может прилипнуть грязь. Отмыть ее легче с помощью Бога.

30.09.1993

* * *

О времена, о нравы! В эти полтора года несколько раз за океан летал спецрейсами: с Ельциным, Шохиним, Грачевым. Полеты как полеты. Б.Н. всю дорогу в своем отсеке сидел над бумагами. Видимо, готовился к встрече с Бушем. Работали Шохин и Грачев... А остальные?

Остальные пили: экономисты, помощники, дипломаты, генералы... Приглашали и меня к «застолью», но я вот уже четверть века, как отрунул от себя это занятие. Причем не «выпивают» (глагол, столь характерный для русского языка), а пьют «по-черному». Все долгие семь-восемь часов, что самолет перелетает океан, —

пьют... Читают единицы. Противно и грустно. Перед посадкой приводят себя в порядок — снимают спортивные костюмы, на свет извлекают белые крахмальные рубашки, а против запаха спиртного используют в неограниченных количествах одеколон, причем не только наружно, но и внутренне: видел, как парочка помощников обрызгала им не только свои щеки, но и язык с зубами! Этот «полетный ритуал» — ужасен.

Помню, лет десять-пятнадцать назад приходилось летать с Гречко, Епишевым, Соколовым и в Афганистан, и в Эфиопию, и в Египет. Тоже пили... Правда, сами военачальники сдержанно, зато их подчиненные не упустили случая...

Что это? Российская традиция? Невысокая духовность? Или низкая культура?

08.09.1993

В самолете с П.С.Грачевым

* * *

Мало достойно жить, важно уметь достойно умереть. Я хочу написать еще две книги: до этого не имею права умирать. Источник неиссякаемого оптимизма в том, что, несмотря на личные трагедии, — жизнь продолжается. Для других.

* * *

Когда я, находясь далеко от дома, вспоминаю о своих внучках, у меня становится тепло на сердце, — словно солнечные лучики согревают его...

* * *

Человек умирает так, как гаснет свеча, — медленно и печально. Вечная тайна ухода... Пока жив, в твоих руках великая ценность — время. До последней минуты бытия есть время творить добро.

12.09.1993

Вашингтон

* * *

Символ разрушения старой, патриархальной Руси — усадьбы. Уцелели единицы. В остальных случаях — бурьян, чертополох, обломки старого фундамента. А ведь в старину это были гнездовья русской духовности, родники патриотизма и культуры. Нельзя без усадьбы представить Пушкина, Лермонтова, Толстого. До революции издавался даже журнал «Имена и усадьбы».

Бесовство большевизма и коллективизации смело эти культурные гнезда. Уцелевшие, но покалеченные Кусково, Абрамцево, Архангельское да десяток других — редкие исключения.

Культура всегда имеет свои гнезда. Их разорение ведет к оскудению духа, варварству, безбожию.

Есть усадьба духа на русском пригорке — будет она и в душе человека.

29.09.1993

* * *

Человечество — гигантский оркестр. И несмотря на катаклизмы, войны, потрясения, — оркестр всегда играет. Спасибо Дирижеру...

* * *

Жизнь полна вызовов: случайных, мелких или грозных, потрясающих. Уметь ответить на них по-христиански — важное мерило нравственности человека. Если человеку неведомы смирение, покаяние, совесть, он, вероятно, «поврежден».

01.10.1993

* * *

Петр начал, а Екатерина «довернула» Россию к Западу, через плечо, однако, пристально поглядывая на Азию. Так была заложена основа евразийской политики России — и Восток, и Запад.

Реформы Екатерины незаслуженно забыты. Но они «работали» вплоть до октября 1917 года! Новое законо-

дательство, определившее права и обязанности подданных, оформление сословий, элементарное просвещение народа, созыв Уложенной комиссии — карманного, временного парламента, реформа Сената, отмена гетманского правления на Украине, собственноручное написание известного Наказа, где было осуждено рабство, губернская реформа...

В душе, думаю, Екатерина презирала крепостничество. Но она не забыла урока, который сама же дала своему несчастному мужу. Власть для нее была дороже радикальных благодеяний, несущих риск трону.

12.06.1994

Висбаген

* * *

Не тот живет больше, кто живет дольше.

* * *

Скептицизм — печальная черта старости.

1994

* * *

В апреле я приезжал в ФРГ на консультацию к профессору, который практикует методом локальной химиотерапии. Поскольку традиционные методы, как мне сказали, уже исчерпали себя, — надо экспериментировать. А мне надо успеть закончить «Семь портретов».

В тот, апрельский, приезд со мной захотел встретиться один преуспевающий немолодой немец и показать свою коллекцию исторических картин и книг. Коллекция действительно впечатляла: французская живопись XVIII века, книги, посуда...

Но я скоро понял (был я не один), что нужен ему для другого (я ему дал слово, что его фамилию не скажу никому). Поужинали коротко, ведь я больше четверти века абсолютно ничего не пью. Он заговорил. Суть его рассказа вот в чем. Он знает, что из России в Германию, а затем в Швейцарию (а возможно, и в Париж, и Ам-

стердам) регулярно «плывет» золото в огромных количествах (по 4, 5, 6 тонн в месяц; иногда до 10 тонн...). Даже не верится в правдивость этих откровений.

Я молчал. Немец долго в 60—80 годы вел с нами дела, сохранил теплые воспоминания о СССР и хочет помочь прекратить этот поток. Но сказал немного: по определенным дням из С.-Петербурга в Амстердам приходит судно с несколькими ящиками золота, а иногда в Берлин — на грузовиках. Затем уже проще — в Цюрихский или Бернский банки, где их предприятия переплавляют металл в стандартные слитки... Берут 5% с веса. Он не знает, кто этим распоряжается, но ясно, что за этим стоят очень влиятельные люди — промышленники из Якутии, дипломаты, таможенники, различные представительства с той и другой стороны и др. Он считает, что в год уплывает до 100 тонн золота... Вновь просил н и к о м у не называть его имени: меня просто сразу «уберут».

В Москве зашел к Степашину, доложил Илюшину. Решили попытаться получить всю возможную дополнительную информацию у этого человека, тем более в России симптомы крупной «утечки» есть. Золото, как сказал С.В., — «воруют», и немало.

Со мной приехал сейчас в ФРГ специальный человек. Но немец был уже другим: испуганным, встревоженным, только говоривший о том: не названа ли в Москве его фамилия. Все старые сведения, правда, подтвердил, но нового ничего не сказал. Ясно одно: надо искать, упорно искать ФСК на российской стороне...

Июнь 1994

* * *

Пригласили выступить на «Римских семинарах». Попытался в докладе набросать контуры «итогов» XX века. Сказал, в частности, что, хотя в мировом оркестре по-прежнему слышны тревожные ноты (Босния, Карабах, Таджикистан, экологическая угроза, терроризм). в

целом симфоническое звучание более гармонично, чем полвека назад. XX столетие, начавшееся страшной мировой войной, революцией в России, все же принесло много важного и хорошего — победу над фашизмом, распад коммунистической системы, ослабление угрозы ядерного самоуничтожения. Это повод для оптимистических надежд в веке XXI.

Пришлось выступить на семинаре еще раз. Дело в том, что профессор Нольде из ФРГ, весьма глубокий историк, в своем докладе заявил, что сравнительный анализ национал-социализма и коммунизма — не в пользу последнего. Мол, фашизм имеет «рациональные зерна», например, он — «защитник западных демократий». Душа возмутилась. Ответил примерно следующее: коммунизм и фашизм — две стороны тоталитаризма, две стороны политического Зла. Говорить о «большем» или «меньшем» зле в данном случае — безнравственно. Фашизм имел государственность 12 лет, коммунизм — более 70. Но по глубине негативного воздействия на судьбы людей, по социальной и нравственной порочности обе разновидности этого зла равновелики. Разница в том, что Сталин делал акцент на геноциде собственного народа (21,5 млн. человек), а Гитлер — на геноциде других народов. У фашизма и коммунизма больше сходства, чем различий. Реабилитировать фашизм (как и коммунизм) — аморально.

08.10.1994

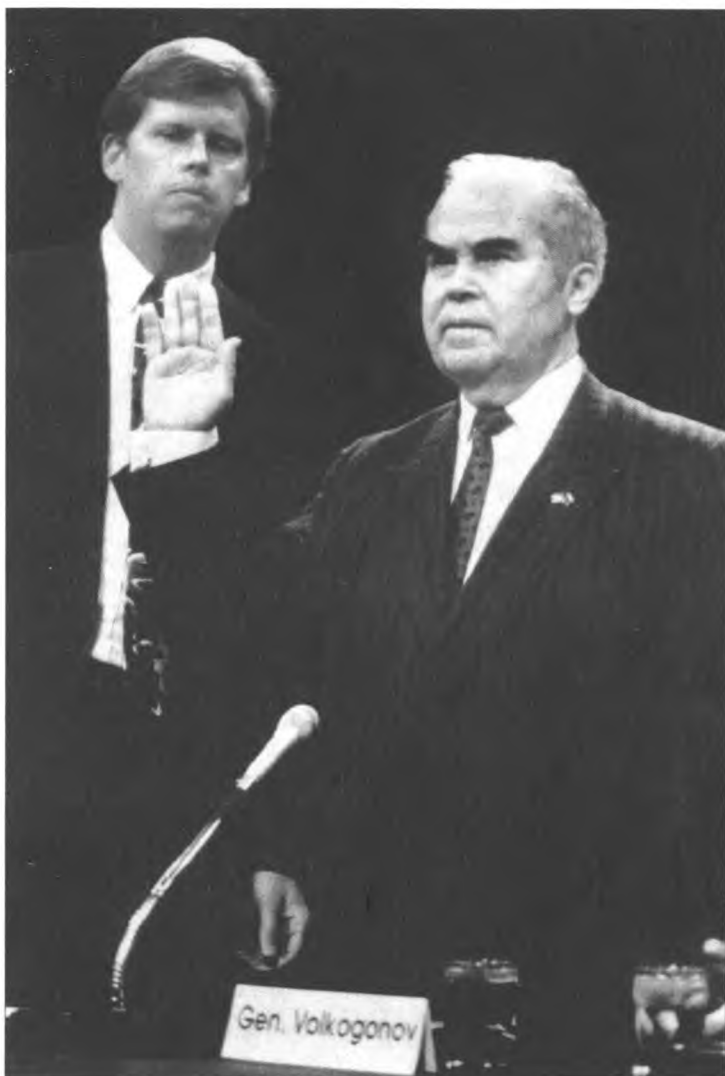
Рим

* * *

После того как завершили свою работу «Римские семинары», поехали с Галей на несколько дней в Каррару, к моей давней знакомой Лидии Крушинской.

Эта женщина, прекрасно говорящая на нескольких европейских языках, давно уехала из Польши и жила в Англии, Франции, Италии со своим мужем-художником, умершим от рака. Бог не дал им детей. У нее высоко над

Сопредседатель российско-американской Комиссии по розыску пропавших без вести на территории СССР граждан США Д. А. Волкогонов приносит клятву в Сенате США: «...говорить только правду, одну правду, ничего, кроме правды».
Вашингтон. Ноябрь 1992г.

Советник Президента РФ в своем рабочем кабинете.
Москва. Белый дом. 1992г.

Президент Б. Н. Ельцин с сопредседателями российско-американской Комиссии Малколмом Туном (справа) и Д. А. Волкогоновым.
Кремль. Сентябрь 1992г.

С директором издательства «Коссен», выпустившим книгу «Сталин» в Германии. Дюсельдорф. Декабрь 1989г.

Римские чтения на конференции «История России». Октябрь 1994г.

Беседа с председателем Комитета начальников штабов США Пауэллом. Пентагон. Апрель 1990г.

Бibliothekarь Конгресса, выдающийся знаток России и обаятельнейший человек» - Джеймс Билингтон (на фото слева). Вашингтон. 1992г.

С министром обороны
США У. Перри. 1994г.

Встреча с американскими
историками.
Вашингтон. Апрель 1990г.

С Гарри Шукманом, который перевел на английский язык трилогию «Вожди». Оксфорд. 1991г.

В гостях у Бернарда и Франчески Лефке. Вашингтон. Апрель 1993г.

С Джоном и Сьюзен Эйзенхауэр.
США. Ноябрь 1991г.

Владыка Василий (Родзянко) -
слева и отец Дмитрий (Григорьев).
Вашингтон. 1996г.

Встреча с Б. Клинтон в «Спасо-хаус» - резиденции американского посла в Москве Пикеринга. Январь 1994г.

Я поддерживал, поддерживаю, и буду поддерживать Ельцина, как живой символ опоздавших на семь десятилетий перемен». Беседа с Президентом РФ в его кремлевском кабинете и вручение на память последней книги трилогии «Вожди» - «Ленин», увидевшей свет в издательстве «Новости». Август 1994г.

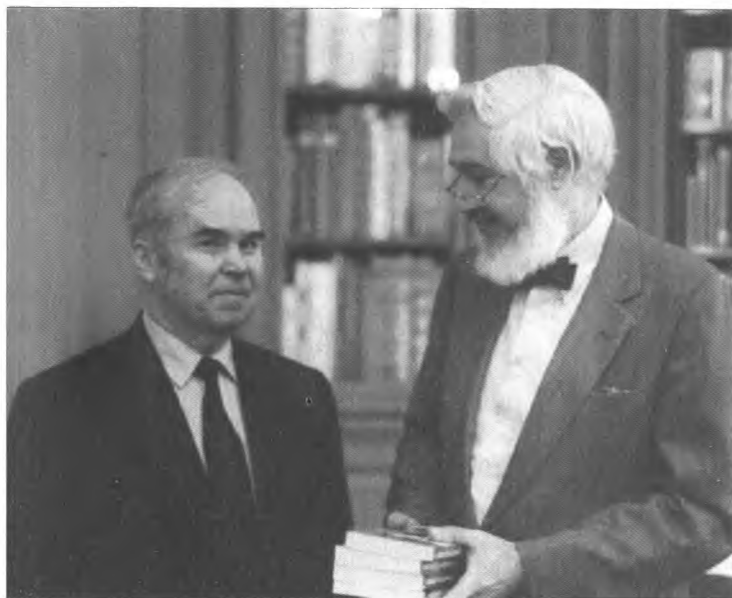

С врачами
Национального института
рака докторами М.
Гамильтоном и К. Аллегра.
США. Июнь 1995г.

После операции в
палате английского
госпиталя.
Оксфорд. Май 1991г.

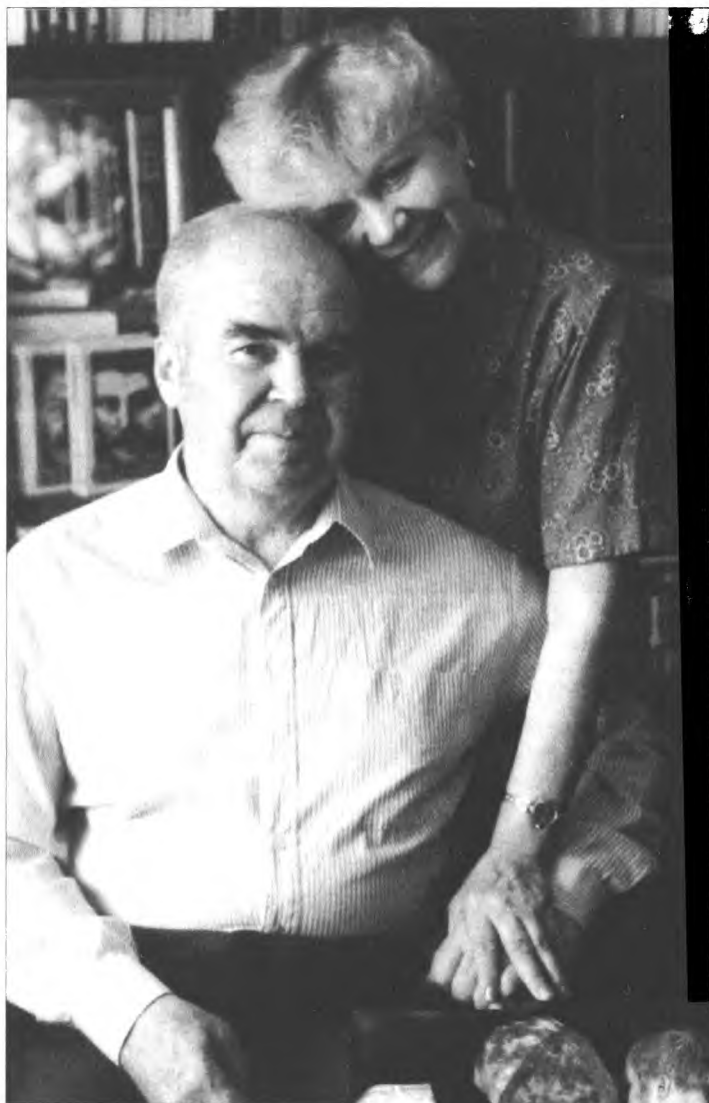

В библиотеке
Гарвардского университета.
США. Апрель 1990г.

Шереметьево.
Интервью после
возвращения из Англии.
Сентябрь 1991г.

В московской квартире с женой Галиной. 1992г.

Венчание в церкви Вознесения. Москва. Январь 1993г.

С
старшей
дочерью
Татьяной в
ГДР. Начало
1980-х

В Нью-Йорке
с младшей
дочерью Ольгой.
Июль 1993г.

С внучками Дашей (слева) и Машей на даче во Внуково.
Октябрь 1991г.

Могилы
Д. А. Волкогонова
на Кунцевском
кладбище в Москве

Отпевание в церкви Вознесения

Вручение Г. А. Волкогоновой Государственной премии РФ за трилогию «Вожди», присужденной Д. А. Волкогонову посмертно. Кремль. 1996г.

морем, километрах в восьми от города, старинный крестьянский дом, которому уже лет триста. Дикий камень стен, великолепный вид на Каррару, море, горы. Поверх оливковых рощ видно, как далеко-далеко море сливается с небом.

Вечером сидели в комнате и слушали запись сонат Бетховена в исполнении великолепного пианиста Альфреда Бренделя.

Музыка быстро овладевает мыслью, чувствами и уносит одновременно (возможно, в этом и состоит волшебство Бетховена) и в прошлое, и в будущее... Сегодняшняя суэта сразу кажется незначительной и мелкой перед ликом вечных таинств бытия. Такая музыка позволяет приблизиться к единственному Творцу, во власти которого мы все находимся.

12.10.1994

Каррара

* * *

Впервые в Москву приезжает английская королева Елизавета, в генеалогическое древо которой тесно вплетены и ветви, связанные с Романовыми.

Я приглашен на прием в британское посольство. Раньше, когда послом был недавно уехавший в Лондон сэр Брэдвейт, я бывал тут не раз. Да и он приходил к нам домой на Галино «фирменное блюдо» — сибирские пельмени. Сейчас мои визиты в особняк на набережной стали гораздо реже.

В зале посольства — много знакомых лиц из столичного «большого света». После представления каждого пришедшего королеве образовалось много оживленно беседующих группок и пар. По этикету к Ее Величеству подходить не положено; если не позовет сама. Королева позвала Александра Николаевича Яковлева, потом еще кого-то. А я с Галей нашел очень интересного собеседника — что-то вроде церковного «министра иностранных дел» — владыку Кирилла.

Неожиданно ко мне подошел сотрудник посольства: «С вами хотела бы побеседовать королева Англии».

Глаза у немолодой женщины пронизательные. Представился. Королева задала несколько вопросов о моей работе как председателя Комиссии по розыску сгинувших без вести иностранцев на территории СССР, спросила, были ли среди них англичане. Постарался ответить лаконично, чтобы не злоупотреблять монаршим вниманием. Королева слушала с неподдельным интересом. Затем вдруг спросила:

— Мне рассказывали, что вы несколько лет назад читали лекцию по русской истории в палате лордов?

Действительно, в 1988 или 1989 году, точно не помню, я был приглашен лордом Крэдоком прочесть лекцию «Сталин во второй мировой войне». Аудитория была необычной; пожилые джентльмены с интересом изучали советского генерала, задавали вопросы. Один из вопросов запомнился:

— Господин генерал, командарм Власов боролся со Сталиным, которого вы теперь осуждаете. Не стоит ли переоценить роль Власова в войне? Возможно, он не предатель, а борец со сталинизмом?

Я ответил вопросом на вопрос:

— Власов изменил не Сталину, а присяге и Родине. Если бы таким образом поступил, допустим, генерал Монтгомери, как бы вы оценили подобное?

— Это невозможно! — почти крикнул степенный джентльмен.

Я рассказал об этом маленьком эпизоде королеве. Елизавета, выслушав, неожиданно громко засмеялась и спросила:

— Вы думаете, эти джентльмены поняли вас?

В ее тоне сквозило явное сомнение. Мне показалось, что она невысокого мнения об интеллектуальных способностях лордов...

Подумалось об историческом парадоксе, который уже давно не кажется никому таковым: английская демократия сочеталась тесным союзом с монархией! И служат верно не столько друг другу, сколько Великобритании. А у нас и без парадоксов верной службы поискать надо...

17.10.1994

* * *

На научной конференции. Тема — «Октябрь 1917 года. Итоги большого эксперимента». Сижу. Слушаю.

«Вся власть Советам»... «Вся власть Временному собранию»... Большевики *ВСЮ* власть всегда хотели... Мировую революцию торопили: хотели ее лично возглавить. Жажда власти...

Доклад С.А.Филатова — удачен, убедителен. Очень понравился содоклад А.Н.Яковлева — острый ум в сочетании с удивительным обаянием личности. Выступил и я: «Ленин в судьбе России». Потом выступил академик П.В.Волобуев, наиболее трезво мыслящий в отделении истории РАН. Но, Боже, что он говорил: о «благородстве» большевизма, о «чисто народной» революции в октябре, о том, что большевики «не хотели насилия»!!! Даже оторопь берет — неужели открывшиеся архивы, факты, материалы, свидетельства о том времени ничего не значат?! Крайне ретроградное выступление: мы «не имеем права упрекать большевиков в насилии» и т.д. Выступал, как Зюганов. И это наша наука?

Дело, думаю, объясняется тем, что он писал всю свою жизнь об октябрьской революции в апологетическом ключе. Пересмотреть себя он не в состоянии. Вот и защищает не истину, а свое прошлое, работу всей своей жизни.

Академик Емельянов хорошо, с «фактами в руках» ответил Волобуеву (он говорил о крестьянском вопросе, о том, *ЧТО* большевики сделали с русским крестьян-

ством). Потом выступил Костиков и показал, как большевики сделали народ *молчащим*. Много разных мнений, правда, ярких выступлений, как всегда, мало. Часто чувствуется желание выступающего не столько сказать что-то интересное и важное, сколько показать себя. Под покровом академической благопристойности ощущаются и какие-то подводные течения, противостояния, конфликты.

Думаю, что суть всех конфликтов — та же, что испокон веков. Дележка, говоря цинично. Делят власть, собственность, территории, ресурсы, но делят и влияние, авторитет в научном мире, признание, место под солнцем. Последнее время все чаще эта атмосфера дележки осязаемо ощущается в научном мире. Жаль.

05.11.1994

* * *

Приезд Александра Исаевича в Россию ждали давно. И вот, через Владивосток, сквозь всю Россию, великий русский писатель добрался до Москвы. Разговоров о нем было много. Демократы ждали его с надеждой, коммунисты — с опаской, но не ошиблись, по-моему, только националисты: они получили то, что хотели.

Спикер Думы Рыбкин предоставил слово Солженицыну. Жена писателя была тут же, сидела в ложе. Александр Исаевич вышел за трибуну в каком-то странном полувоенном френче. Раздались жидкие аплодисменты. Мы на своем ряду — Молоствов М.М., Воронцов Н.И., Мишустина Л.П. и я — поднялись, приветствуя писателя. Но большинство нас не поддержали.

Держа в руках листочки, Солженицын начал с истории российских Дум. Начал хорошо: «Мы пережили семьдесят лет вымирания народа». Коммуно-аграрное крыло притихло, демократы заплодировали. Но реакция и тех и других была преждевременной. Писатель рассказал, что, проехав через всю Россию, увидел само-

убийства, отчаяние народа, обнищание. Это уже больше понравилось коммунистам, они встретили эти слова шквалом одобрения. Речь Солженицына целиком им понравилась больше, чем ее начало.

Пересказывать выступление я не буду. Оно известно, опубликовано. Многое Солженицын говорил, как обличитель демократической власти: разгул чужой валюты, дикая приватизация, воровство, отсутствие плана реформ, ограбление вкладчиков. Все верно. Жириновцы особенно радовались, когда Солженицын, говоря о преступности, заявил: «Где открытые суды? Где приговоры преступникам?» Нынешнюю демократию назвал олигархией, властью замкнутого числа лиц. Как всегда, ратовал о земстве. Особо нажимал на защиту русских, ограничение въезда в Россию иностранцев, предал безжалостному остракизму «безжизненное СНГ»...

В общем, речь была сугубо обличительной: всего и вся. Его фотография состояния дел в России — точна. Но странно, что основная критика была направлена против новых властей, как будто они не расхлебывали семидесятилетнюю кашу большевиков. Меня как-то насторожили воинственность, прокурорская агрессивность речи.

Писатель в России всегда был совестью нации, а не политическим Мессией. Но вот замелькали частые передачи по телевидению с участием Александра Исаевича: о земстве, о выборах, о судах, о самоуправлении, о школах, о преступности... Писатель не нашел нужного тона; он не беседовал со зрителями, а наставлял, поучал. Конечно, некрасиво было без объяснений прерывать этот цикл, но интерес к передачам быстро угас. А мне, смотревшему на экран телевизора, думалось: плохо, когда великий человек сам думает о себе как о великом.

Мне дорог Солженицын ранний, бросивший вызов мощнейшей Системе и победивший ее нравственно. Сегодняшний, вернувшийся Солженицын слишком нацио-

налистичен, категоричен и политичен. Лучше бы ему оставаться совестью нации и не ввязываться в политику, где лавров ему не сыскать...

28.12.1994

* * *

Я вновь лечу в онкологический центр к доктору К.Аллегра. На душе — печально. Не от нездоровья. Удручает «откат» демократии. Конечно, она, легально возникнув после августа 1991 года, была все это время хрупкой, незрелой, вороватой. Ни традиций либерализма, ни умного заимствования у других... Ошибки, ошибки... Обещания, коррупция, конфуз в Шенноне, Чечня... Будущее демократии в России закачалось... Оно во мгле.

Как будто ждали этого состояния интеллектуалы-попутчики. Буквально терзают в печати Ельцина, власть; все, что можно «повесить» на демократию, — уже «повесили».

Генерал КГБ Докучаев издает книгу, в которой о Сталине пишет так, как это делали в 1937 году (с той лишь разницей, что тогда это многие делали из страха, а он излагает свои настоящие взгляды). Академик П.Волобуев публично защищает Ленина как «великого преобразователя». Целый сонм «бывших» строчат свои мемуары, где открытая тоска по прошлому (советскому). В общественном сознании нарастают тенденции готовности к реставрации ушедшего. Термидор идет на цыпочках. Отлив надежд и несбывшиеся завышенные ожидания усиливают этот уже слышный шаг. Грядет постсоветский термидор. Печально... История, как всегда, никого ничему не учит.

01.01.1995

Борт самолета Москва—Вашингтон

* * *

Все говорят сегодня о «чеченском синдроме». Вспомнил в этой связи, как на аналитическом Совете при Пре-

зиденте мы в конце ноября или начале декабря (не помню точно) обсуждали проблему: какое решение может быть у чеченской проблемы. Присутствовали около 20 человек: министр экономики Ясин, социолог Левада, писатель Карякин, руководитель «Останкино» Яковлев, другие. Работали три часа. *Все до одного* члены Совета рекомендовали Президенту *только путь переговоров*; вероятно, долгих, трудных, но все же более эффективных, чем сила.

Немного позже состоялся Совет Безопасности при Президенте. Сегодня все в мире по видимым страшным результатам знают, каково было его решение. Знают также, что на решение Совета Безопасности оказала сильное влияние позиция руководителей северокавказских регионов, уставших от беспредела чеченских боевиков. Хотя еще в начале декабря существовал шанс решить бескровно мучительный узел проблем; Кремль должен был пригласить Дудаева для переговоров в Москву. Знаю, тот был готов к далеко идущим компромиссам, устраивающим и Россию, и Чечню.

Было избрано самое худшее решение — «бомбовые методы». В результате — гибель людей, падение авторитета власти.

Сейчас речь идет уже не только о Чечне. Синдром Чечни наложил свой отпечаток на всю политическую жизнь России. Активная оппозиция, националистические силы стремятся не упустить благоприятного для них момента, чтобы добиться досрочного переизбрания Президента...

26.01.1995

Вашингтон

* * *

Русские американцы, выходцы из бывшего СССР, даже теперь, когда его нет, по инерции ругают в России все.

Русские в США распались на множество группок. У них нет другого общего духовного начала, кроме православной веры. Русские церкви становятся точками притяжения самых разных, не похожих друг на друга людей. Приходит новая эмиграция, старая тает. Но почти нет тех, кто стремился бы назад, на родину...

30.01.1995

Вашингтон

* * *

Время держит за фалды не только какого-то конкретного человека, но и всю нацию. Ленинско-сталинская система не распалась. Мы все в объятиях догматизма, готовности верить в чудо и гоняться за ведьмами (при «надобности»); половодья болтовни, терпимости ко лжи, стадности... Не освободимся от этих удушающих объятий — останемся в плену у прошлого.

Февраль 1995

* * *

Почти не осталось друзей. Старые, из генералитета, давно отвернулись от меня, как от еретика и оппортуниста. Те, к кому я объективно пришел, особенно из числа бывших диссидентов, по-прежнему считают меня аномалией. Ощущение пустоты. Только жена всегда поддерживает меня.

10.02.1995

* * *

Сегодня днем, 24 февраля 1995 года, мной, председателем Комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, была дана пресс-конференция для журналистов. Только с телекамерами человек 30... На основании максимально возможно точных данных о жертвах (все эти люди пофамильно зарегистрированы в нашем компьютерном банке данных) я заявил, что военнослужащих федеральных войск в Чечне погибло 1146 человек, а пропало без вести — 374 (в том числе около

100 неопознанных трупов). Сказал, что за три недели освободили около 100 военнослужащих, список еще на 90 человек — у нас. Будем пытаться менять, освобождать и т.п.

Вечером по разным программам ТВ передали мое заявление. Слава Богу, две главные цифры не исказили. Но вдруг заявили, что Волкогонов, мол, утверждает, что погибших мирных чеченцев и русских не десятки тысяч, а всего несколько тысяч. И что, мол, «правозащитники» не интересуются точными цифрами...

Но я этого совсем не говорил! Заявил, что в условиях, когда беженцев из Чечни более 250 тысяч, когда нет местной администрации, — трудно организовать учет погибших мирных жителей. И вдруг заявление НТВ, что «погибших совсем немного»...

Что это? Дирижирование информацией? Непрофессионализм журналистов? Или просто привычка (за 75 лет научились) врать? Воровство, как и вранье, похоже, скоро станет, к нашему стыду, чертой национального характера... Горько.

24.02.1995

* * *

На улице часто узнают. Вчера шел в госпиталь им. Мандрыка на Арбате. Навстречу — пожилой человек. Узнав меня, замедлил шаги, остановился, бросил в спину: «Жив еще, гад!»

Но через несколько метров догнала пожилая женщина (может быть, услышав брошенное ругательство, не согласилась): «Дмитрий Антонович! В нашей семье мы все вас любим... Но что же делает Ельцин! Все загубил...»

Люди любят персонифицировать свое негодование и симпатии, преувеличивая значение конкретных людей в человеческих коллизиях.

25.02.1995

* * *

Страшное открытие: свобода нужна не всем. Даже не большинству. Я встречал и встречаю множество людей (даже с профессорскими дипломами!), для которых материальное благосостояние, покой и размеренность быта важнее свободы! Свобода — все еще Золушка на Руси... В этом вся трагедия.

02.03.1995

* * *

Человек никогда в этой, земной жизни не успевает сделать все, что задумал. Особенно человек творчества. Жизнь всегда короче дальних замыслов. Но иногда важнее начать, чем завершить.

* * *

Любая «стоящая» мысль, претендуя на оригинальность, всегда немного высокомерна...

* * *

Погружаться в себя непросто. Даже мысленно трудно прокричать о своих изъянах, ошибках, просчетах. Любить себя проще, чем других. Из-за любви к себе не каждому дано поумнеть.

* * *

Боль — понятие не только физическое, физиологическое. Осознание необратимости земного бытия причиняет долгую душевную боль.

* * *

Просветление приходит в «пограничной», роковой ситуации. Окружающий мир становится прозрачен, как сентябрьский воздух. Но собственное страдание — ничто по сравнению со страданиями твоих близких.

05.03.1995

* * *

Дума. Я не часто бываю в этом балагане. Обижаться нельзя: каково общество, таков и парламент. В прежнем, печальной памяти, Верховном Совете я принимал активное участие, пытался что-то изменить, на что-то повлиять. Сейчас же, когда бываю здесь, могу лишь голосовать «против» — против жириновцев, зюгановцев... Мы же, «Выбор России», имеем очень мало шансов провести свои решения. Думаю, больше пользы приношу вне Думы: выступления по ТВ, статьи, книги.

Интеллектуальный уровень Думы в целом — весьма невысок. В этом нетрудно убедиться, послушав депутатов типа Марьчева и других «народных избранников». Иногда кажется, что находишься на каком-то сюрреалистическом спектакле: клоуны жириновские, цековские призраки лукьяновы, сталинисты луковы, зюгановские большевики, новые матросы-железняковы в лице невзоровых...

Семь десятилетий монополии на мысль и власть сформировали элементарно мыслящего человека... Все мы вышли, выходим (а кто-то и остается там) из духовного ГУЛАГа... Здесь кроется объяснение характера Думы.

10.03.1995

* * *

Каждый человек приговорен к собственной судьбе...

Этот афоризм вырвался у меня сегодня в беседе с Николаем Покровским при входе в Военно-морской госпиталь США в Бетезде. Не думал, что через несколько минут эта истина грозно напомнит о себе. Доктор М.Гамилтон, показывая на новые снимки, печально констатировал: после нескольких месяцев затишья опухоли начали вновь расти. Появились и новые... Воистину — приговорен...

03.05.1995

Я опять за океаном. Попытался разложить «по полочкам», что мне нравится в Соединенных Штатах, а что — нет. Нравится, если одним словом, — потрясающий динамизм. Кажется, пожелай эта страна «прибавить ходу» — и она сделает это быстро, столь огромен ее потенциал. Не нравится, тоже одним словом, — чрезмерный рационализм бытия и мышления.

Но, побывав здесь много раз (думаю, более двадцати), я все больше чувствую, что эту великую страну цветных (не столько белых, сколько темно- и светло-коричневых, желтокожих) где-то за порогом XXI века ждут сильные потрясения. Пожалуй, неизбежные. «Дело Симпсона»^{*} лишь еще больше убедило в верности моего «пророчества». Как только в населении Штатов станут преобладать не белые, а люди с иным цветом кожи (а может, еще и до этого рубежа), — страну ждут социальные спазмы, расовые и национальные проблемы более опасные, чем пережитые Россией. При всем приобретенном опыте в сглаживании, ослаблении расовых трений уже будет недостаточно традиционных мер. Я не расист. Совсем нет. Но Америка заметно темнеет лицом. И это не загар Флориды. И если России нужно искать выход из лабиринта национальных проблем, то перед Америкой — лабиринт расовых. И легкого пути здесь не будет.

В этом смысле для Америки относительным благом является иммиграция из Европы: русские, украинцы, евреи, немцы быстрее ассимилируются, они — хорошее

---

^{*} Речь идет об обвинении, выдвинутом против Симпсона, известного чернокожего боксера, в убийстве его бывшей жены. Благодаря действиям адвокатов на следствие и прокуратуру посыпались многочисленные газетные обвинения в расизме. Симпсон был оправдан, хотя существующие улики его причастности к преступлению в любом другом случае привели бы к обвинительному приговору. — *Ред.*

«варево» для гигантского национально-этнического американского котла.

Америка — страна цветных?

10.10.1995

* * *

Когда я начинаю писать новую книгу, статью, я, как правило, знаю, чем я их закончу. Это, в известном смысле, писание «с конца». А некоторые пишут так: начнут писать и пишут по «колее», которая неизвестно куда их выведет. Бывают в таком писании удачи — здесь много импровизации. Но чаще — аморфный сумбур, где мысли ищут друг друга, но не всегда находят, чтобы «сцепиться» в костяк произведения. Может быть, в таком подходе к писанию моя «военная косточка» сказывается?

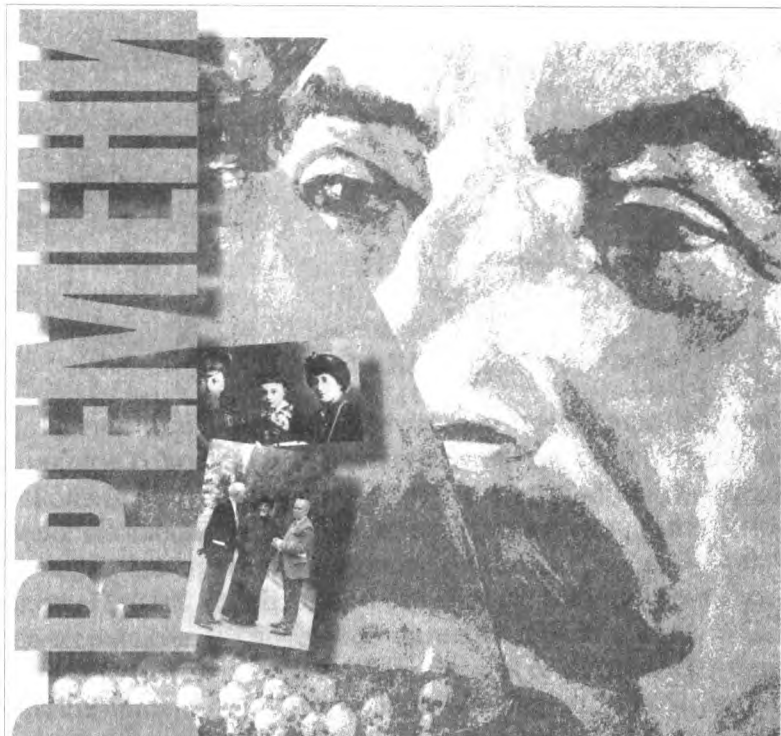
13.10.1995

* * *

Человека всегда пугает бесконечность, особенно небытия. Но последнее слово всегда за Богом...

10.11.1995

«Трава после нас»

Ров забвения

Брошенные

Сент-Женевьев де Буа

Неоконченное прошлое

О судьбах

Мельница НКВД

Соккрытие террора

Марионетки большевизма

Вакансия для гениев

Пограничная ситуация

Вечный ветер

«Трава после нас»

Волшебный фонарь истории

Мысли из записной книжки

РОВ ЗАБВЕНИЯ

Когда въезжаешь в Агул, процветавшее раньше большое село, справа на взлобке видишь школу. До войны она была двухэтажной. Потом постепенно село захирело: с каждым годом увеличивалось число домов, смотревших на пустынную улицу бельмами заколоченных окон. Печать запустения легла на старинное прибежище кержаков — потомков первых переселенцев в Сибирь из западных областей России. В селе осталось считанное число детей. Отапливать, убирать большую деревянную школу стало трудно и дорого. В сельсовете и правлении колхоза порешили: снять второй этаж, сделать ее одноэтажной. После плотницкой «хирургической» операции школа стала походить на старый барак — темный, длинный, несуразный. А второй этаж пошел на дрова: на целую зиму хватило.

Глядя на притихшее, как бы вросшее в землю здание, не верилось, что когда-то это был настоящий центр деревенской культуры. Именно здесь собрали первый детекторный приемник и принимали Москву. Зимой, по воскресеньям, в школьном зале показывали самодеятельные спектакли. Перед войной из семилетки даже сделали среднюю школу. Из окрестных сел (а они, как это принято в Сибири, лежат не близко друг к другу) повезли мужички своих сыновей и дочерей в старшие классы. Кто жил в общежитии, кто просился на постой

к знакомым. А сколько интересных, одержимых своим делом было учителей!

Перед войной учеников заметно прибавилось. На окраине села построили большой лагерь для заключенных. Администрация, охрана зоны, инженеры, техники (велись большие лесные и деревообрабатывающие работы) привозили свои семьи, селились в бараках, построенных как-то сразу, в несколько недель, заключенными. Вроде ничего в селе не изменилось, и все же... Целые участки леса у реки, где шел повал сосны, стали запретными. Кое-кого из местных мужиков взяли в «стрелки», охрану лагеря, хотя, насколько знаю, по доброй воле никто не хотел уходить от земли. Бабы стали приторговывать молоком, яйцами, сметаной. В селе появлялись расконвоированные (таких, правда, было немного), которые без охраны заходили в лавку, паяли в домах посуду, чинили часы. Двоих, помню, на все лето даже «выделили» колхозу для ремонта сеялок, плугов, косилок.

Однажды в школу, где мать работала тогда директором, пришел немолодой худой человек в очках. Кроме эковских бахил, остальная одежда на нем была совсем обычная. Сказал, чтобы не опасались: его отпускают из зоны на несколько часов два-три раза в неделю.

— Не возражаете, если я посмотрю вашу библиотеку? Могу старые книги подремонтировать. Переплести, подклеить... Платить мне ничего не надо, — заключил, глядя на мать, добровольный переплетчик.

— Не знаю даже... Пожалуй, можно, — несколько растерялась мать и повела незнакомца в школьную библиотеку.

Надо сказать, что была она, даже по нынешним меркам, неплохой. Конечно, новых книг было немного. Обязательные «Об основах ленинизма» Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)», книги о Мичурине, челюскинцах, сочинения Плеханова, Горького, Демьяна Бедного, учебники. Но кроме этого, библиотека располагала большим количеством ранее конфискованных

книг у «богатеев», раскулаченных, а также взятых из фонда бывшей уездной читальни. Были здесь энциклопедия Брокгауза и Эфрона, труды Соловьева и Ключевского, книги по эллинизму, томики Клаузевица, Лажечникова, подшивки «Нивы» и даже как-то попавший сюда комплект журнала «Имена и усадьбы».

«Городской» (так я окрестил его про себя, не забыв имени-отчества) оживился, стал брать книгу за книгой, листать, рассматривать оглавления, иллюстрации. Особенно долго он перебирал плехановские тома. Попросил тряпочку и, взяв книгу в руки, протирал ее прежде, чем открыть. Осмотрев библиотеку, сказал, что нужен клей, бумага, ткань, еще кое-что.

Потом «городской» часто бывал в школе. Варил на лужайке в ковшике клей, часами копался с книжками, ловко охватывая корешки ровными красными лоскутками. В школе были довольны. За лето многие книги принарядились. На обложках появились аккуратные надписи. Потом вдруг «городской» исчез и несколько недель не появлялся. Его уже не хватало. К нему привыкли. Случалось, между делом он вдруг начинал рассказывать о книгах, писателях, городах, странах. Мог со знанием дела говорить о самых разных вещах. Тогдашние учителя, народ пытливей, поражались его энциклопедическому «диапазону». Однако, рассказывала мать, стоило спросить «городского» о чем-либо, связанным с его судьбой, профессией, прошлым, — он тут же замыкался, уходил в себя, отделяясь ничего не значащими фразами:

— Какое там образование... Позабыл уж все. Не нужна никому теперь моя профессия. Вот разве книжки переплетать... — И переходил на другую тему, прилаживая очередную книжку под самодельный пресс.

Как-то «городской» неожиданно пришел в школу. В последний раз. Исхудавший, бледный, какой-то отрешенный от всего. О книгах, библиотеке и не вспомнил. Побыл недолго. Улучив момент, когда начался урок и учителя разошлись по классам, он обратился к матери:

— Александра Дмитриевна, вы не собираетесь в район, может, на какое-нибудь совещание? Или по другим делам?

— Не знаю... Может быть, в следующем месяце. А что?

— Просьба деликатная к вам. Опустите письмо в районе. Я не потерял надежды на пересмотр дела. А так все мои прошения в Москву не идут дальше лагерного начальства. — Помолчав, добавил: — Надеюсь, вы не думаете, что я преступник...

— Что вы... Нет, разумеется. Конечно, брошу письмо, только не влетело бы нам обоим, — несколько растерянно ответила мать.

Помолчав, «городской» полез за пазуху и вытащил сначала письмо, а затем завернутый в старенький, но чистый платочек кусок картона. Торопливо развернул, сунул тряпку в карман и протянул прямоугольник матери:

— Посмотрите...

Мать внимательно взглянула на фотографию, какие делали еще до революции. Золоченые виньетки на глянцевых полях. Внизу — мелким шрифтом фамилия мастера. А в центре — групповое фото. Несколько мужчин и одна женщина. Мать быстро подняла глаза на собеседника:

— В центре — Ленин, да?

— Да, Ленин. Может, и еще кого узнаете?

— Кажется, справа, с краю, — это вы? — всмотревшись в силуэты, произнесла мать. — Да, это вы...

— Снимались мы в 1916 году в Швейцарии. Кто-то предложил, не помню. Запечатлелись... От прошлого у меня только и осталось, что эта фотография да еще, пожалуй, голова... А сам уже ни на что не гожусь...

Помолчали. Так же тщательно завернув фотографию в платок, «городской» спрятал ее в грудном кармане поношенного пиджака. Напомнил еще раз о письме и выпшел. Больше мы его не видели.

Месяца через полтора, уже когда осенние холода перешли в сибирскую зиму, мать спросила Алексея Пер-

минова, заделавшегося стрелком в охране, — не видел ли он школьного переплетчика? На что тот ответил:

— А как же, видал. Недели две назад его да еще нескольких бедолаг похоронили. В том, общем рву. Ведь с холодами мрут они чаще, чем летом.

Прошлом много лет. Давно нет матери. Но я помню ее рассказ и сухонькую фигурку человека в очках. Кто он был? Как оказался в лагере? Какова была степень его знакомства с Лениным? Какова судьба фотографии? Не знаю. Знаю одно: на месте тех старых, многочисленных могил сегодня нет никаких следов. Люди и время на этом ровном, поросшем кустарником месте вырыли невидимый ров забвения.

24.08.1987

Гурзуф

БРОШЕННЫЕ

Зимний тусклый день быстро перешел в белесые сумерки. Очертания домов, деревьев, мелькавшие за стеклами машины, все больше смазывались и расплывались. Водитель включил фары. Пучки яркого света, поминутно качаясь, вырывали из мглы то силуэт заснеженного стога, то покосившуюся изгородь, то какие-то штабеля бетонных блоков. После напряженного дня учений говорить не хотелось. До гарнизона, куда мы направлялись, было больше ста километров. По выработавшейся с годами привычке время поездок, перелетов всегда использовал для обдумывания предстоящих дел, текущей работы, будущих выступлений. Размеренный ход мыслей прервал голос сопровождающего — молоджавого полковника:

— Минут через десять будет заброшенная деревенька. Разрешите остановиться на минутку?

— А что вам в таком месте делать? — машинально поинтересовался я.

— Деревня — как есть мертвая. Только двое стариков живут здесь. Раза два-три заезжал, когда в дальний

гарнизон приходилось ехать. Что-нибудь стараемся подбрасывать могиканам. Разрешите?

— Давайте, «подбросьте»...

Действительно, скоро на снежном ковре показался длинный, темный двойной ряд полузасыпанных домов. В одном из них мелькнул слабый огонек. Подъехали, но сворачивать не рискнули — потом не выберемся. Хотя я и не собирался выходить, в последнюю минуту, когда полковник вытаскивал из портфеля сверток, тоже открыл дверцу и пошел к дому. Дорожка была тщательно расчищена. Постучались.

— Не заперто, заходите, — послышалось негромкое.

Поздоровались. Глаза, забывшие керосиновую лампу, постепенно привыкли к «доэлектрическому» освещению. За столом сидел седой старик в меховой жилетке и пил чай. Маленькая старушка с выцветшей дешевой шалью на плечах что-то хлопотала у печки.

Полковника быстро признали как старого знакомого. Тот проворно вытащил из свертка городские сушки, пару пачек печенья, сахар, еще какие-то пакеты. Я, отказавшись от гостеприимно предложенного чая, навязался на знакомство.

— Иван Демьяныч зовут меня. А старуху мою — Марфа Алексеевна, — охотно вступил в контакт старик.

— Кто же еще живет в деревне? — поинтересовался я.

— Да уже, пожалуй, годов пять или шесть, как Михеевы померли, а Шумиловы уехали, — одни мы остались.

Видно было, что на подобные вопросы старик отвечал не впервые.

— Как же вы живете-то? Вот ведь даже электричества нет...

— Было электричество, да в прошлом годе совсем отключили. Говорят, переезжайте в город, к дочери. Мне уже восемьдесят три, старухе немного меньше... — неожиданно перевел разговор старик, но быстро спохватился:

— А так, разве мы одни? Вот вы заехали... Шофера

бывают погреться, чаю попить. Сахар, мыло, чаю, чего там другого попросим, — завозят... Привыкли уже.

— Дети-то есть, Иван Демьяныч? — прямолинейно спросил старика.

— Были, как же! Есть, — неожиданно вступила в разговор Марфа Алексеевна. Старик молчал. Видимо, эта часть их бытия и судьбы была «закреплена» за женой. — Как же без детей...

— Бывают они здесь-то, у вас? — все пытался я понять причины одиночества стариков, насторожившись словом «были».

— Без детей какая же жизнь, — продолжала задумчиво старуха и негромко пояснила. — Старший, Петр, сгинул на войне, сказывали, без вести, а Георгий уже после погиб при исполнении обязанностей... Дочь есть, младшая, в городе живет. Были в прошлом году у нее, пособили люди. Уж тоже немолодая, а мужик у нее все пьет. Наш же, деревенский. Работающий, ладный был парень в молодости, а вот сколь уж лет пьет. Неделю пожили, — мерно, не останавливаясь, говорила Марфа Алексеевна, видно, не впервой уж рассказывала свою грустную историю. — Внук куда-то завербовался после армии, дочь на заводе. А мы вот доживаем свой век, — тихо и спокойно закончила Марфа Алексеевна. — Одно страшно: помрет кто из нас — че же делать в одиночку?.. Похоронить, и то никак нельзя...

Старик отодвинул стакан:

— Вроде как брошенные. Даже внук не приедет. Доживаем, как старые валенки донашивают...

Время далеко унесло их молодость и невзгоды крестьянской жизни с ее редкими радостями в беспросветной полукрепостной работе. Как будто проскрипел полосьями длинный колхозный обоз и ушел за околицу, бросив их здесь навсегда. Брошенные...

01.09.1987

Гурзуф

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ де БУА

Каждый раз, когда бываю в Париже, езжу на старое русское кладбище Сент-Женевьев де Буа. Особенно запомнилось одно посещение в конце сентября 1989 года, когда мы, приехав на XV коллоквиум военных историков, выкроили целых полдня для встречи с человеческой печалью. На этот раз нам повезло, мы встретили отца Силюяна — восьмидесятилетнего священника, большую часть жизни прослужившего на этом кладбище. Родился он в Москве, в семье русского полковника, но девятилетним мальчиком был вынужден бежать вместе с родителями в Югославию от преследования большевистских властей, затем оказался в Париже. Сухой, высокий старик, оставив у церкви мопед, водил нас среди могил русских, нашедших свое последнее упокоевание здесь, на чужбине. Медленно продвигаясь по дорожкам, священник иногда останавливался и скупно бросал одну-две фразы:

— Самые печальные места на Земле — кладбища, хотя именно отсюда души людей возносятся к Всевышнему...

На кладбище 8 тысяч русских могил, хотя захоронено гораздо больше наших соотечественников — более 22 тысяч. Часто в одной могиле — несколько человек. Писатель В. Некрасов, автор превосходной книги «В окопах Сталинграда», захоронен, например, в могиле некоей мещанки Раисы Семеновны Клячкиной...

Тишина. Березы. Печаль. Мало людей. Словно время прислушивается к едва слышному эху, которое оставили на этой грешной земле ушедшие люди своими последними словами, последними вздохами.

На окраине кладбищенской поляны две особенно памятные мне могилы: Мережковские Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна. На полузаросшей плите: «Да придет царствие твое...» Знаменитая поэтесса, всегда печатавшая свои стихи, очерки, эссе под мужскими псевдонимами, была яркой, но странной личностью.

Любила знакомым часто напоминать, что со своим мужем, Дмитрием Сергеевичем Мережковским, за всю жизнь не рассталась ни на один день... Мистически боялась цифры «9». Символично, что ее муж умер 9 декабря 1941 года, а она сама — 9 сентября 1945 года...

Отец Силуян заметил, глядя на заброшенную могилу Мережковских:

— Никого и ничего у них не осталось, кроме книг... Крутая была дама: до конца дней своих считала Сталина большевистским дьяволом. Непримируемость редкая.

И ненависть, и надежды, и покаяние похоронены здесь. Надписи на надгробиях, фамилии на них так знакомы, словно перед нами страницы русской летописи: Романовы, Платовы, Юсуповы, Миларадовичи, Лифари, Кшесинская...

Священник мимоходом бросил:

— Мария Феликсовна Романова-Кшесинская прожила очень долго, 99 лет... С ней в могиле ее муж — великий князь Андрей Владимирович Романов...

Есть могилы с курьезами, если можно так сказать. На кладбище похоронен «мещанин Владимир Троцкий», не имевший никакого отношения к демону октябрьского переворота; навсегда успокоился тут «лейтенант российского флота Ленин», хотя весь мир знает, что Ульянов-Ленин, погубитель России, лежит в каменном могильнике на Красной площади. Тут же — Зиновий Пешков, брат Я.М.Свердлова, офицер французского флота. Не сюда ли, в Париж, тайно готовился бежать соратник Ленина в критическую минуту революции, когда он заготовил для себя и своей семьи зарубежные паспорта и крупные суммы денег? «Профессиональные революционеры» играли в революцию как в рулетку: удастся переворот — власть у них; не удастся — с немалым количеством золота можно неплохо устроиться и в Париже.

Множество памятников мученикам гражданской войны: дроздовцам, алексеевцам, кадетам, кутеповцам.

Офицеры, писатели, простые казаки, сестры милосердия, великие князья... Соотечественники на чужой земле развернули свой кладбищенский мартиролог, словно напоминая французам: удел России — страдать и надеяться. Замечательный бард Галич, нашедший успокоение среди русских французских берез русского кладбища, пел и об этом...

Проходя мимо могил Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных, священник покачал головой:

— Бунин талантлив, а Шмелев чище...

Об Иване Сергеевиче Шмелеве, могила которого неподалеку, сказал:

— Вы знаете, ведь его сын был расстрелян красными...

Помолчав, добавил:

— Пролили кровушки и белые, и красные...

Печальная прогулка среди тех, кто оставил земную жизнь навсегда. Да, жизнь — чудо. Космическое, биологическое, божественное. Смерть — тоже чудо: трагическое, пугающее, но... тоже божественное. К жизни привыкают, и в молодости кажется, что она будет вечной. К смерти привыкнуть невозможно. Но это неизбежность, ибо смерть — это часть жизни, ее земной финал. Плутарх заметил: «То, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым».

Сент-Женевьев де Буа — еще одно напоминание об этой вечной истине.

23.09.1989

Париж

НЕОКОНЧЕННОЕ ПРОШЛОЕ

Самый загадочный феномен нашего бытия — время. Человек для удобства своего «поделил» его на века, десятилетия, годы, месяцы, сутки, часы, минуты, секунды... А оно, время, течет, не замечая этих эфемерных рубежей. Течет так, как текло на планете, когда не бы-

ло, человека, будет так же «изливаться» из кувшина мироздания всегда.

Обычно кажется: то, что осталось за спиной, — прошлое. Физически это, возможно, и так. А вот в человеческом контексте дело обстоит, видимо, по-другому. Пока нет ответа, почему, зачем что-то произошло, — для человека это прошлое не окончено, берedit душу, всплывает перед глазами. Вспоминается мне один давний эпизод, случившийся в конце тридцатых годов.

Вечер ранней весной. Тихо скрипнула дверь в сенях. Кто-то поскребся в полумраке, ища ручку двери и, без стука, осторожно открыл ее. Старый деревенский обычай тех мест — двери никогда не запирались. Мать подняла голову от очередной тетрадки, испещренной красными пометками, быстро взглянула на вошедшего поверх бумажного абажура керосиновой лампы, стоявшей на столе.

— Здравствуйте, извините... — негромко произнес незнакомец, закаплявшись в рукав.

— Здравствуйте, — так же негромко произнесла мать. — Вы кто? Вы к кому?

Наступила долгая пауза. Мои глаза мальчишки-второклассника, которого мать никак не могла отправить в соседнюю комнату к сопевшему на широкой постели брату, быстро разглядели в полумраке вошедшего. Это был, по общепринятой терминологии того времени, «зэк». На окраине деревни года полтора назад разбили большой лагерь, и с тех пор почти каждый месяц по деревенской улице прогоняли в лагерь под конвоем десятки таких же вот «зэков». Брезентовые бахилы на ногах, драные ватные штаны и фуфайка, серая тряпичная шапка. На худом лице лихорадочно блестели глаза. «Зэк» нервно тер руки, переминался с ноги на ногу и чуть слышно повторял: «Извините, я уйду сейчас, уйду...»

Мать положила ручку, отодвинула стопку непроверенных тетрадей и молча посмотрела на несчастного.

Страх у нас с матерью не было, точно помню. За все время, что построили тут бараки для заключенных, опоясанные высоким бревенчатым забором с колючей проволокой, в деревне не было ни одного случая грабежа, разбоя и даже воровства со стороны «зэков». Хотя днем многие из тех, кто не был на лесоповале, ходили по деревне расконвоированными.

За окном послышался громкий говор двух проехавших верховых. Поздним темным вечером тут могли ехать только стрелки лагерной охраны. Руки незнакомца замерли. Но губы продолжали что-то беззвучно повторять. Конечно, для меня тогда это был просто чужой человек, моему пониманию совершенно недоступна была постигшая его трагедия.

Долгое молчание нарушили слова матери:

— Куда же вы... Поймают непременно... До Канска больше ста верст... Тайга, безлюдье...

— Не могу больше... Двенадцать лет ни за что дали, у меня легкие... хоть на день взглянуть на своих... А там — будь, что будет...

— Разберутся, раз невинный...

Мать встала, вытащила чугунок из печи, достала оттуда оставшуюся от ужина картошку, взяла лопоту хлеба и подала все это «зэку». Тот, торопливо рассовывая еду по карманам, попросил еще спички. Взявшись за дверную скобу, обернулся, бросил:

— А у меня жена тоже учительница... Две дочки. Даже не верится, что жил с ними, что все было... Поклон мой вам, не забуду вашу доброту...

Дверь негромко хлопнула. Пришелец растаял в темноте. Мать вновь села за стол, подвинула к себе тетрадку, но ручку не взяла. Глядя на спокойный язычок огня в лампе, она притянула меня к себе: иди спать, наконец.

О чем она думала тогда? Об отчаянии беглеца, уже сломленного лагерной жизнью? А может быть, об отце? Хотя кто мог знать тогда, что ее муж, а мой отец, находившийся в области на курсах агрономов, так их и

не окончит, а окажется «врагом народа» и сгинет навсегда.

Я не знаю и никогда уже не узнаю, какими были последние дни отца, где он похоронен. Разве могу я считать для себя то прошлое оконченным? А те дочери беглеца-«зэка», который надеялся увидеть еще раз свои родные места, неужели они не думают об этом прошлом? Не верю, что прошлое отпустило их. И меня уж, видно, не отпустит.

23.08.1987

Гурзуф

О СУДЬБАХ

Восьмого ноября 1988 года я выступал в передаче «Казначей Ленина» (о Я.С.Ганецком). Судьба этого большевика давно волновала меня: таинственностью, близостью к Ленину, мужеством (один из немногих перед расстрелом в 1937 году ничего не подписал), посвященностью в секреты о так называемых «немецких деньгах». Расстреляли его, жену — Гизу Адольфовну, сына — слушателя академии. Судьбу дочери — Ханны — я выяснить не мог.

После передачи мне через день-два позвонила старая женщина (ей оказалось 82 года) Вера Александровна Дудовская, которая и восполнила пробел...

Оказывается, одновременно с арестом Ганецкого на его квартире, прямо в театре арестовали и его дочь, семнадцатилетнюю Ханну. В праздничном белом платье студентку ИФЛИ* (она только что туда поступила) привезли на Лубянку. Передачи носить было некому. Она даже не знала, что все ее близкие арестованы.

В декабре ее, раздетую, осужденную на пять лет, отправили в лагерь на севере Урала. Полуобмороженную, ее выходил лагерный врач. Через 8 лет ей разрешили вернуться в Москву: ни родных, ни крыши, ни средств к

---

* В настоящее время — Литературный институт им. Горького. — *Ред.*

существованию... Потом — опять лагеря, где она была до 1954 года. Вернувшись уже очень больной женщиной, — получила угол, где тихо и незаметно доживала. Нормальная человеческая жизнь оборвалась для нее в мечтательные 17 лет, в белом платье... Умерла в 56—57 лет из-за подорванного в лагере здоровья...

Был у Ганецкого и приемный сын — майор НКВД. Его хотели заставить отречься от отца — «врага народа». Он отказался. Дальнейшая судьба его неизвестна, но о ней нетрудно догадаться...

Таким было крушение семьи Ганецких — своеобразный символ ликвидации ленинских «профессиональных революционеров»...

15.11.1988

Москва

МЕЛЬНИЦА НКВД¹

В апреле 1941 года заместитель наркомата внутренних дел И.Серов санкционировал «мероприятие» под названием «Ложный закордон». Иначе — «Мельница». Идея принадлежала начальнику управления НКВД Федотову.

Около Хабаровска «забрасывали» проверяемых граждан, подозреваемых в шпионаже, «за кордон» (создали ложную границу, ложную заставу, ложную японскую миссию — не поспешили). Забрасываемый за «границу» человек схватывался «японцами». Жестоко допрашивался, затем «перевербовывался» и вновь переправлялся за «границу», уже «японцами». Поскольку у «японцев» эти люди, как правило, признавались в своих связях с НКВД (они и действительно думали, что получили настоящее задание!), то «дома» по решению Особого совета их ждал обычно расстрел... Более 150 человек было пропущено через это провокационное мероприятие... Расстреляли С.И.Швойко, Л.В.Куракина, С.С.Брониновского, других...

¹ ЦХСД, ф.4, оп.16, д.157, л.120—128.

Поражает во всем этом какая-то нездоровая изощренность приемов...

СОКРЫТИЕ ТЕРРОРА²

Когда началась реабилитация осужденных в 1955 году, руководство страны, страшась последствий, — вдруг общество узнает, как много было расстреляно людей, и осознает размеры происшедшего — решило следующее. КГБ совместно с Прокуратурой СССР отдало указание № 108СС: лица, расстрелянные по решению внесудебных органов, должны фигурировать в сообщениях родственникам как умершие. Дату смерти указывать в ответах на их запросы в пределах 10 лет с момента ареста, а причины смерти — вымышленные.

Лишь в 1962 году частично изменили это решение. Не случайно, что о моем расстрелянном отце сообщили вначале, что он «умер от туберкулеза»...

МАРИОНЕТКИ БОЛЬШЕВИЗМА

Их было очень много. Особенно из числа тех руководителей «братских компартий», которые кормились из кэпээсесовской казны, жили месяцами в Москве, лечились здесь, учили своих чад. Это были действительно театральные куклы, которые скрытно приводились в движение чиновниками из международного отдела ЦК.

Вспоминаю такой эпизод. В начале апреля 1987 года меня и генерала армии Ивановского вызвали в ЦК: нужно сегодня же ночью вылететь в Аден (столицу Южного Йемена), где ранее произошли кровавые события. Бывший генсек А.Н.Мухаммед прямо на заседании политбюро организовал акцию, во время которой верные ему люди ворвались в здание, где шло заседание, и расстреляли

² Архив ЦК КПСС. № 3265 с.

тех членов политбюро, которые были неуютны Мухаммеду. Но армия не поддержала главу промосковской партии: несколько дней в Адене шли тяжелые бои, стоившие многих жизней (в том числе погибло около 800 офицеров из числа тех, что учились в СССР), сгоревших жилых кварталов, практически полностью уничтоженной авиации и военных складов. Мы должны были помочь «стабилизировать обстановку».

Во дворце ЦК, построенном, кстати, на деньги, подаренные КПСС «йеменским коммунистам», сидел новый генсек, одобренный в Кремле, — Аль Бейд. Мы с Ивановским были им приняты. Из окон кабинета открывался величественный вид на изумрудный Индийский океан. Симпатичный молодой человек с длинными, цвета воронова крыла, волосами флегматично вел беседу. С первых же слов она свелась к бесчисленным просьбам: «передайте Горбачеву, что нам нужны комплексы «Печора», БМП на две бригады, нужны 93 танка Е-72, система «ЗАС», новая учебно-материальная база, мука, консервы, масло, ткань для обмундирования, запасные части...»

Уткнувшись в бумагу, генсек долго-долго читал заявку. Мы переглянулись с Ивановским. Как все это старо: марионетки за свое послушание постоянно просят платы, денег, оружия, внимания. Министр обороны Салех Обейд и начальник генерального штаба Тагер сидели с непроницаемыми лицами. Список-то ведь составляли они сами...

Подумалось, что все наши «друзья» у нас только просили, даже требовали: оружия, строительства казарм, обучения их армий нашими специалистами, не забывая о личных подачках — машинах, мебели, поездках на отдых в СССР. Роль марионеток для многих из этих людей стала профессией.

Ни в Москве, ни в столицах «дружеских» государств не задумывались, что, как только наши отношения принимали «особый характер», эти страны становились вооруженными до зубов (нашими танками, самолетами,

ракетами, БМП), но — одновременно! — превращались в еще более нищие государства. Иногда страна бывала просто неспособна «переварить» смертоносные высокотехнические подарки из Советского Союза. В той же НДРГ существовало всего 65 обученных и полностью укомплектованных экипажей самолетов, самих же боевых машин было более 200!

Экономика сателлитов окончательно разваливалась. Мы связывали марионеток военными узами, стоившими советским людям десятков миллиардов рублей...

01.05.1987

ВАКАНСИЯ ДЛЯ ГЕНИЯ

Только что побывал в музее Бетховена. Музей гения, каких на земле было немного. Не рояли и репродукции, портреты и флейты остались в памяти и в сердце. Мучил вопрос: откуда неземная сила великого волшебника музыки, почему рождаются гении?

Провидение и Природа так распорядились, что среди обычных людей незаметно вырастают (страшно редко!!!) люди, потрясающие нас своими возможностями и способностями. Бетховен, Шекспир, Пушкин, Моцарт, Достоевский, Толстой, Эйнштейн, Лютер...

Гений — это тот, кто навсегда делает своим союзником вечность. Рождаются они потому, что только с их помощью человечество способно подчеркнуть свою уникальность, разнообразие, многодетность и неисчерпаемость. Гении «окрашивают» не эпоху, а вечность: они помогают понять тайну земного бессмертия.

...Скрипучие половицы бетховенского дома рождали в моей голове космическую музыку бесконечного, необъятного, торжественно-печального и одновременно светлого. Тот, кто услышит «музыку» гениев (независимо от того, поэт это, писатель, художник), незаметно подталкивается, подвигается ими к Добру, Красоте, Истине. И так не хочется даже вспоминать о гибели на-

дежд, разрухе, многочисленных кликушествах лжеспасителей отечества... Ничтожества тем и опасны, что они неуязвимы. А гении уязвимы. Мы уязвляем их своей толстокожестью, глухотой, бессердечием. И как тут быть?

У человечества всегда вечная нужда в гениях. Только посредственности в избытке. Всегда есть и перепроизводство тех, откуда «метят» в гении: политиков, писателей, художников, генералов, шарлатанов. Претендентов много, а гениев нет. Особенно трудно претендовать на роль гениев политикам. В СССР, правда, было два таких «гения»: Ульянов-Ленин и Джугашвили-Сталин. Да вот беда: для существования этих «гениев» потребовалось уничтожить, сгноить, истребить как в гражданской войне, так и в многолетней полицейской войне против собственного народа, многие миллионы жизней. «Гении» насилия.

Я бы рискнул отнести к гениям лишь одного политика в XX веке — Уинстона Черчилля.

Гениальность — дар божественный. Еще Спиноза заметил, что прекрасное так же трудно, как и редко. История знает гениев слова, кисти, веры, мысли. Но история не знает гениев одновременно и в интеллектуальном озарении, и в морали, и в откровениях веры, и в политических прозрениях. Да и само понятие гениальности не является всеобщим. Гений для одного, для группы, для племени, для расы — да. А для всех? Столь разные мы...

Непохожесть людей и делает их личностями. Бесконечное различие при глубочайшем сходстве индивидов. Различие — в степени осознания человеком своей индивидуальности, возможностей, способностей, готовности к дерзанию. Один мыслит масштабно, но действует локально. Другой вообще не любит и не умеет мыслить. Некоторым нравятся усы Сальвадора Дали, другим — брови Брежнева, третьим — улыбка Гагарина. Не могут все рациональным путем объяснить причины своих склонностей и привязанностей. Большевизм, нивелируя

людей, делает бедными личности. Непохожесть людей — одно из условий их существования.

Одинаковость — духовная немота. Непохожесть — вечный диалог духовных миров.

Мы — земляне, раздираемые этническими распрями, страшными болезнями, перенаселенностью, страхами и соблазнами технической цивилизации. Место Планетарного гения — вакантно. Вероятно, навсегда.

05.08.1993

Бонн

ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Пограничная ситуация. Так много о ней в свое время написали сложный Хайдеггер, мятежный Маркузе, ироничный Сартр... Но всего никто сказать не в состоянии.

У каждого в жизни есть свой «девятый вал» — испытание на духовную крепость. Но лучше всего пограничную ситуацию чувствуют люди, стоящие близко от невидимой «красной линии», отделяющей земное бытие от неземного бытия. Эта грань, как и рождение человека, — часть жизни, самая таинственная и загадочная. Реинкарнация — сомнительна. Необратимость. Вечность. Навсегда. Вовеки. Эти слова при жизни — как выстрел судьбы. Как ее итог и последний приговор.

Но пограничная ситуация близкого соседства земного бытия и «того света» (я в ней нахожусь уже несколько лет, повергая в изумление врачей) не только трагична, но и, в известном смысле, плодотворна. Понимаешь, сколь эфемерна сама жизнь и... успокаиваешься. Голова становится ясной, как осенний воздух в подмосковной березовой роще. Куда-то уходят неприязнь, раздражение от суматошного бытия и интеллектуального смятения. Думается отчетливо, ясно. Мысль свободна и легка. Хорошо пишется. Прошлое упрекает. Будущее оправдывает. Настоящего уже словно нет...

«Красная линия» рядом. Но повременю ее переступать.

26.01.1995

ВЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Вечный ветер... Все мы — пожухлые, сухие листья, которые несет ветер из ниоткуда в никуда. Мы летим, пока не превратимся в пыль. Земную. Не вечную. Ветер — вечный, а листья — с призрачной судьбой. Сколько их было? Попробуй вспомни имя прабабушки. Не вспомнил? Листья, пыль давно провалились в пропасть человеческого забвения. А ветер шевелит листья, сдвигает с места, подхватывает в своем вечном движении. Пока я, ты, все мы — люди. Но судьба наша подобна листьям и пыли. Как писал любимый мною В.Ходасевич, один из мастеров русского слова, умерший в изгнании:

*Превутся сны, что душу душат,
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.*

В конечном счете все мы окажемся «лишними свечами». Погаснет твоя свеча, — зажжется другая, может быть, ярче...

Сколько до нас было трагедий и триумфов, смятений и озарений, надежд и разочарований. Будет и после нас. Потому что есть вечный ветер...

21.05.1995

«ТРАВА ПОСЛЕ НАС»

Василь Быков, прекрасный писатель, сказал однажды, что надо жить так, чтобы после нашего ухода «туда», осталась «травка после нас».

Пока же мы чаще оставляем затоптанные плешины бывших полян, горы чудовищных отходов и радиоактивную возможность уничтожения всего живого на земле.

Но «трава после нас» — это не столько, как теперь говорят, «экология», сколько сохранение для потомков подлинно человеческого, вечного, непреходящего. Иначе через век люди превратятся в существа с атрофированной совестью, потерянным состраданием и утраченным милосердием.

Эволюция человечества продолжается и, как думается мне, не только в желанном направлении. Максимальный рационализм, жестокость национализма, повсеместный терроризм, холодящий душу эгоизм — грозные признаки духовного и нравственного вырождения. Важна не только техническая, а больше, пожалуй, культурная цивилизация землян.

Не вытапывайте траву бытия сегодня, чтобы она имела возможность взойти и после нас.

18.06.1990

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ ИСТОРИИ

С высоты птичьего полета истории видно не все. Только то, что под тобою. Рядом. Близко. Лишь когда время возносит историка на высоту, пугающую огромной, космической глубиной, можно почувствовать непреходящий масштаб великого или случайную мелочность события.

Происходящее сегодня часто кажется ужасным, потрясающим, исключительным. Проходят недели, месяцы, годы — и событие становится бледным пятном на ковре истории и едва заметным штрихом в памяти.

Я ощутил это, работая над книгой «Семь вождей», — фактической историей СССР в лицах первых руководителей (Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев). Так уж случилось, что за семь десятилетий страной правили семь большевистских лидеров. Хотя Сталин правил три десятилетия, а Андропов и Черненко «мелькнули» в течение одного года. Но легче сегодня писать о Ленине, а труднее всего — о Горбаче-

ве (вроде, все всё знают о живом современнике). В отечестве его клянут и правые, и левые, но история, уверен, распорядится иначе. Не варенниковы и зюгановы будут его судьями, а безжалостное и не подвластное никому время. Нравится это кому или не нравится, но в историю он войдет как один из величайших реформаторов XX века.

Виной всему — высота птичьего полета истории. Главное увидится лишь с космической высоты времени.

Об этом много говорили, писали. Как сказал поэт: «большое видится на расстоянии»... Добавлю: не только большое, но и мелкое, случайное. Человек, пытающийся что-то постичь, должен уметь «перевернуть бинокль» и посмотреть на прошлое «уменьшенное». Разглядит ли?

Я пытаюсь иногда унести мыслью на четверть века, полвека вперед, в дальнюю даль, и оглянуться. То, что кажется нам сегодня судьбоносным, — окажется, возможно, историческим мусором. Политическая возня мелких политиков будет казаться неким балаганом. А главное — стремление людей к свободе и достойной жизни — останется. Взгляд на нас самих из будущего — волшебный фонарь истории...

21.11.1993

МЫСЛИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

В истории ничего не исчезает. Только мы не всегда об этом знаем.

Переходный период от чего-либо к чему-либо — это историческая суета.

Вертикаль власти — в вечном конфликте с горизонталью подданных.

30.04.1992

* * *

Прометей хотел освободить человека не от Бога, а от стихии природы.

Человека всегда пугает бесконечность: особенно небытия.

Не только прошлое, но и будущее дает предписания настоящему.

30.10.1992

* * *

Нельзя быть виновным за деяния своих предков. Иначе евреи вечно будут нести грех за распятие Христа, монголы — за порабощение десятков народов, россияне — за деяния Сталина и геноцид в собственной стране, немцы — за Гитлера с его душегубками... Вина всегда конкретна. Человек не может нести «исторической» вины...

* * *

Трагедия евреев: везде чужие и одновременно везде — дома. Слава Богу, по мере роста цивилизованности этот парадокс постепенно устаревает.

1993

* * *

Человек не может жить без Авторитета: Бог, политическая система, Высшие ценности, Вождь, Монарх. Именно в авторитете личность ищет духовную опору, «бастион» своей нравственной позиции. Часто прибегая к этим устоям, не вполне сознаем свою зависимость от них.

* * *

Мир не только рационален, но и глубоко иррационален; почти все проклинают насилие, ложь, войны, фашизм, коммунизм, национализм... А они живут, процветают, празднуют свои маленькие или большие триумфы, умело рядясь в «светлые одежды». Разве это не иррационально, проклиная зло, взращивать его? Но так было всегда. И видимо, будет вовек...

12.12.1994

Советник Волкогонов Президенту Ельцину

Об архивах

**О предстоящей «жаркой осени»
и действиях властей**

**О стратегии и тактике Президента
накануне съезда народных депутатов**

О Российской Армии

О ликвидации мятежа

О «северных территориях»

О памятнике Г.К.Жукову

**Об азербайджано-армянском
конфликте**

Об американских военнопленных

ОБ АРХИВАХ

Президенту России
товарищу Ельцину Б.Н.

Уважаемый Борис Николаевич!

В последнее время в российской и зарубежной печати, на Центральном телевидении неоднократно поднимался вопрос о фактах «продажи документов из архивов КПСС и КГБ» различным зарубежным организациям.

Докладываем, что ни Парламентская Комиссия Верховного Совета по архивам, ни Главное архивное управление России никогда не рассматривали и не давали санкций на сделки подобного рода. Мы считаем, что архивы — память народа и бесценное национальное достояние — не могут быть предметом торга. Использование архивов должно осуществляться гражданами России и других государств на основании «Закона об архивных фондах», подготовка которого завершается.

Вместе с тем у нас есть неопровержимые данные о том, что официальными лицами из прежнего КГБ осуществлялась противоправная передача (продажа) государственных документов западным организациям. Известны и конкретные лица, причастные к этим действиям. Товарищ Баранников проинформирован по этому вопросу, и мы надеемся, что соответствующие органы проведут тщательное расследование данного вопроса.

Парламентская Комиссия и Главархив России принимают дополнительные меры по сохранности национального достояния.

23 января 1992 г.

Дм. Волкогонов,
Рудольф Пихоя

О ПРЕДСТОЯЩЕЙ «ЖАРКОЙ ОСЕНИ» И ДЕЙСТВИЯХ ВЛАСТЕЙ

Конфиденциально
Президенту России
Ельцину Б.Н.

Переходный период, в который вступила Россия, будет долгим и мучительным. Не все в обществе понимают, что невозможны магические действия властей, которые сразу, кардинально, изменят ситуацию к лучшему. Люди, воспитанные в советском обществе, слишком верят в революции, скачки, катаклизмы, переломы, чтобы понять, что только медленный, эволюционный, реформистский путь преобразований изменит нашу жизнь. Печально, но это так: сейчас в обществе господствует атмосфера *пассивного ожидания* перемен, а не стремление их осуществлять.

Накапливается социальная усталость, которая перерастает в разочарование и озлобленность. Этим состоянием непременно попытаются воспользоваться силы, которые выступают под национал-патриотическим флагом. (Власть же никогда и никому не должна «уступать» идею патриотизма!) Предстоит драматически жаркая осень, от которой, возможно, могут зависеть судьбы российских реформ.

Начало обострению положит открытие осенней сессии парламента. Демократическое крыло Верховного Совета, в результате увеличения количества политических «перебежчиков», уже, пожалуй, утратило свой имевшийся небольшой перевес. Не является удачной и попытка группы демократических депутатов поставить вопрос об отстранении Председателя Верховного Совета. Это приведет лишь к сплочению вокруг него консервативных сил парламента

и еще большему сдвигу в сторону оппозиции курсу Президента. Более плодотворной тактикой была бы линия конструктивной критики и личного влияния на спикера палаты.

Перенос визитов в Японию и Южную Корею будет расценен лидерами оппозиции как симптом слабости властей перед угрозой внутреннего взрыва. «Национал-патриоты» в парламенте, в столице, ряде городов в предстоящие месяцы инициируют акции, враждебные курсу Президента и правительства. Усилится поляризация общества. Как только лидеры консервативного крыла почувствуют, что общественное мнение радикально качнулось в сторону их демагогических лозунгов и призывов, будут остро поставлены требования отставки правительства, роспуска парламента и проведения новых выборов. В условиях разброда, слабости и низкой дееспособности демократических сил это *грозит неизбежной сменой стратегического курса*. Таким может быть новый термидор и реставрация некоего подобия директивно-тоталитарной системы.

Этот сценарий — прогноз возможного негативного развития событий осенью и позже. Полагаю, что недооценивать этот политический и социальный вызов было бы опасно для исторического дела перехода России на цивилизованные рельсы. Что можно было бы сделать для сохранения курса реформ?

Первое. Настоящий рынок должен иметь не одну модель своего существования, а несколько, возможно даже — много. В нашей же практике видна лишь одномерная концепция. Самое главное — на этапе перехода к цивилизованному рынку роль государства должна быть значительно большей. Нам в наследство досталась так называемая «административно-командная» система. «Командный» компонент мы справедливо отбросили, а «административный» — надо поправить. Он еще не исчерпал своей роли. Народ должен чувствовать правительство не только по росту цен, но и по явным, наглядным шагам организаторского толка, создающим класс собственников; действиям, стимулирующим не

только посредничество, но и производство; наполнению потребительского рынка; решениям, направленным на сохранение определенного уровня социальной справедливости.

Второе. В условиях продолжающейся поляризации политических сил в обществе, что всегда в российской истории заканчивалось в какой-либо форме потрясением, взрывом, очень важно поддерживать организации, движения и фракции центристского толка. На переходном периоде в этом находится общественная гарантия стабильности и цивилизованности перемен. При продуманных действиях властей «центристы» могут быть реальными союзниками курса реформ.

Третье. Социальную температуру «жаркой осени» можно сбить конкретными шагами правительства (при широкой гласности!) в направлении обеспечения благополучной «зимовки» страны. Уровень хлебных запасов, объем закупок, темпы уборки урожая, обеспечение его сохранности, топливные дела — должны быть ежедневными темами соответствующих правительственных ведомств. Люди должны знать, чувствовать, слышать, что правительство проявляет заботу о народе. Ибо на чувствах тревоги и страха как раз и спекулируют те, кто хочет повернуть Россию вспять.

Четвертое. При всей слабости нынешнего парламента с ним нужно более тесно взаимодействовать и влиять на него. Ваши выступления, встречи с депутатскими фракциями всегда оказывают заметное позитивное влияние на атмосферу и климат высшего органа власти. Было бы полезным по наиболее сложным, противоречивым проблемам и вопросам Президенту обращаться прямо (устно или письменно) к парламенту, особенно если речь идет о стратегическом компромиссе или каких-либо шагах, имеющих большое государственное значение в переходный период. Очень важно сохранить регулярный «час Президента» на телевидении. Вы должны знать (в этом хрупкость и слабость политической конструкции общества), что реальным авторитетом сегодня обладает лишь Президент. А в благополучном обществе имеют высокий вес все три составляющие властей.

Пятое. Следует внести ясность в «восточную политику» России. Ваше решение о переносе визитов должно сопровождаться корректировкой всего «восточного курса». Не отказываясь от намерений постепенно улучшить отношения с Японией, максимально развить связи с Кореей (которая уже до истечения века станет единой), главным стержнем восточной политики сделать Китай. Я в прежние годы долго занимался Китаем, написал несколько книг об этой стране и знаю: в Пекине готовы пойти на крупные шаги навстречу в экономической, торговой и иных областях. Это будут самые дешевые и близкие товары. Сближением с Китаем мы решим и проблемы границ. В декабре, возможно, Ваши визиты следует начать с Пекина, затем — Токио и Сеул. Во всяком случае, «китайский фактор» пока незаслуженно находится в тени. Визиты — не самоцель, а способ удовлетворить интересы России и решить проблемы двусторонних отношений.

Разумеется, я коснулся лишь некоторых аспектов предстоящей «жаркой осени». Но с помощью продуманных шагов ее, эту осень, можно сделать ступенью к внутренней стабилизации и выработки более сбалансированной новой внешнеполитической стратегии.

*С уважением, искренне
11 сентября 1992 г.*

Дм. Волкогонов.

О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ ПРЕЗИДЕНТА НАКАНУНЕ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Конфиденциально

Президенту России
Б.Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Как я уже Вам говорил, кульминация борьбы за сохранение демократического курса и продолжение реформ придется на лето и осень 1993 года. Если устоим — в 1994

году могут появиться первые признаки экономического оживления, а затем наступит и политическая стабилизация.

Несколько советов по Вашей стратегии и тактике в ближайшее время, полное исторического драматизма:

1. Мало вероятно, что удастся принять удовлетворительное Конституционное Соглашение. Вам следует тогда заявить народу, что, поскольку не удалось уточнить разделение и прерогативы властей, Вы призываете неукоснительно следовать Духу и Букве существующей Конституции. Ваши полномочия, согласно Основного Закона государства, велики и достаточны, чтобы управлять государственным кораблем.

2. Накануне навязанного стране внеочередного съезда народных депутатов следует сделать все возможное для сохранения на нем устойчивой трети Ваших сторонников, дабы не допустить принятия ни одного антидемократического и антипрезидентского решения. Такая возможность есть, несмотря на то что появилось много откровенных перебежчиков из демократического крыла. Значительная часть депутатов съезда понимает, что нарушение баланса политических сил ведет к непредсказуемым последствиям.

3. Повторю еще раз: стратегия ближайших месяцев — перенесение центра тяжести политической опоры на центристские силы. Ваше выступление 28.01.93 на форуме «ГС» было в верном направлении. На базе центристских сил следует создать коалицию, которая фактически поддерживала бы Президента. Не поступаясь главными демократическими завоеваниями, следует решительнее привлечь на свою сторону центристские фракции в парламенте и общественные силы этого же толка. Возможно, стоит ввести от центра кого-то в правительство. Это тем более важно, что, к сожалению, «Демроссия» по ряду причин резко утратила свое влияние.

4. Вы редко пользуетесь телевидением. Большинство Ваших выступлений удачны. Желательно установить «Час Президента», где Вам не обязательно зачитывать заявления и произносить речи. Общение с народом лучше делать

в форме встреч, бесед с людьми демократической и центристской ориентации. Сегодня мы чаще видим на экране «фронтовиков» и «большевиков», чем подлинных архитекторов реформ. Большинство печатных изданий уже в оппозиции курсу реформ.

5. Мне представляется, что Президенту следует четко изложить свою роль в обществе и государстве. Все должны знать: Вы стоите над парламентом, правительством и судом (так по Конституции). Вам не стоит вести переговоры с Хасбулатовым, какими они были до сих пор. Этим Вы принижаете роль президентского поста. Президент — единственный человек в обществе, избранный *всем* народом. Вы можете *приглашать* Председателя Верховного Совета, Председателя Верховного Суда, Главу правительства для консультаций, советов, обсуждений, но не ставить себя в *один* ряд с ними. Народ должен видеть в Вас высшего арбитра, гаранта и самого надежного выразителя его интересов.

Накануне встречи с президентом Клинтонем желательно осуществить в стране два-три энергичных заметных шага, подтверждающих Ваш вес и общенародное значение. Запад должен быть уверен, что дело демократических преобразований в крепких руках. Вопреки почти повсеместному «карканью» маловеров о «конце демократов» — это не так. Исторические шансы (и немалые!) пока в Ваших руках.

*Искренне -
Март 1993 г.*

Дм. Волкогонов.

О РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Президенту России
Б.Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Накануне Дня Победы исполняется первая годовщина Российской Армии. Вы и Правительство сделали немало за истекшее время для людей в униформе солдат и офицеров.

Например, в 1991 г. в СССР было передано армии лишь 42,9 тыс. квартир, а в 1992 г. в России — 61,3 тыс. (почти на 20 тыс. больше!), а в этом, 1993 г., планируется — 82,1 тыс. Таких темпов армия раньше не знала.

На прошедшем референдуме 68 процентов солдат, матросов, офицеров, генералов, адмиралов, рабочих и служащих Вооруженных Сил с их семьями (в закрытых городках РВСН, ПВО, ВВС, ВМФ и др.) проголосовали за Вас. Это очень высокий процент; значение этого факта трудно переоценить.

Прошу Вас выделить в своем временном бюджете один час и 7-го или 8 мая выступить перед слушателями, преподавателями Академии им. М.В.Фрунзе (или какой-либо воинской части) с поздравлениями в связи с первой годовщиной армии, Днем Победы. Важно поблагодарить личный состав армии за поддержку. Президент немало сделал для армии и будет делать все для нее, что в его силах.

Но, главное, в этом выступлении, обращенном к нации, должна содержаться краткая концепция: как реформы пойдут после референдума. (А к этому времени опубликуют окончательные его итоги.) Сказать, что будет сделано, в чем нужна еще народная поддержка, почему необходима консолидация всех здоровых сил общества, зачем необходима новая Конституция и избрание нового парламента и т.д.

Очень важно, чтобы это выступление прозвучало через призму как военного, так и всенародного Праздника Победы. Нужно дать почувствовать всем: *армия способна в этот трудный переходный период быть гарантом Стабильности в России.*

Некоторые соображения по выступлению передал Л.Г. Пихоя. При принятии Вами решения о выступлении — сразу же подключусь к его подготовке. Исторические шансы на успех реформ — стали выше.

*С уважением, искренне
30 апреля 1993 г.*

Дм. Волкогонов.

О ЛИКВИДАЦИИ МЯТЕЖА

Конфиденциально

Президенту России
Ельцину Б.Н.

Уважаемый Борис Николаевич!

Докладываю, что Оперативная группа по подавлению мятежа, под руководством генерала армии К.И.Кобеца (входили в нее О.Н.Сосковец, Ваш Советник по обороне, замы силовых министров), действовала слаженно и смогла обеспечить эффективную координацию действий всех привлеченных сил. Полагаю, однако, что завершен лишь **первый** этап разгрома сил реакции и реванша.

Второй этап, по моему мнению, должен включать в себя действия по глубокой чистке и освобождению Москвы (а в принципе — не только столицы) от всех бандитствующих, фашиствующих, криминальных, а главное — антигосударственных, антиконституционных политических элементов. Нельзя допустить, чтобы Ваша очередная победа вновь закончилась «ползучими», перманентными поражениями. Вторая попытка в XX веке (первая в феврале 1917 года) перехода страны на демократические, цивилизованные рельсы не должна закончиться поражением. Это стратегически, исторически важно.

В этой связи целесообразно из представителей правительственных структур, МБ, МВД (но без армии) создать Комиссию, чтобы осуществить ликвидацию антигосударственных военизированных формирований, ставящих своей целью реставрацию старых прокоммунистических порядков. Разумеется, что все это должно быть проведено в рамках российской законности.

Если к этой работе приступить через одну-две недели, будет поздно. Гидра вновь протянет везде щупальца и най-

дутся «защитники» прав человека и в России и за рубежом.

Новая победа демократии будет эфемерной, иллюзорной, если ее не закрепить подлинными цивилизованными переменами в общественном и государственном строе России.

*С уважением, искренне
05 октября 1993 г.*

Дм. Волкогонов.

О «СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ»

*Конфиденциально
Президенту России
Б.Н. Ельцину*

Уважаемый Борис Николаевич!

Направляю Вам очень коротенькую записку. Ее суть: находясь в Токио, не принимайте никаких новых решений по т.н. «северным территориям». Даже подтверждение старых советских уступок (кстати, дезавуированных позже) о передаче двух островов — не должно с е й ч а с иметь место.

Вы, в результате событий 3-4 октября, получили огромную поддержку народа. Один неосторожный шаг может лишить Вас ее. Не отрицайте наличия проблемы, но перенесите ее решение в будущее и прежде всего через экономическую плоскость.

Я очень хорошо знаю историю советско-японских отношений. В любом случае, если Вы допустите подвижку вопроса о «северных территориях», Россия проиграет неизмеримо больше, чем выиграет.

Вы принадлежите Демократии и Народу. Не рискуйте своим именем там, где можно этого избежать.

*С уважением, искренне
07 октября 1993 г.*

Дм. Волкогонов.

О ПАМЯТНИКЕ Г.К. ЖУКОВУ

Президенту России
Б.Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Обращаюсь к Вам с непопулярными предложениями в связи с увековечиванием памяти замечательного советского полководца Г.К. Жукова.

Первое. Нужно отказаться от решения соорудить памятник Г.К. Жукову на Красной площади. Если это произойдет, то сложившийся веками ансамбль этого знаменитого исторического места России будет непоправимо нарушен. В то же время в Москве есть проспект имени Жукова, где можно найти достойное место монументу, или воздвигнуть его на Поклонной горе.

Второе. Орден Жукова, о котором сейчас многие хлопочут, может быть по статусу *только полководческим*. Кого же сейчас, *в мирное время*, таким орденом награждать? Разве можно себе представить, чтобы сегодня кого-то удостоили ордена Суворова или Кутузова? Стоит ли России, ставшей на путь искренней, последовательной, миролюбивой политики, учреждать ныне сугубо военный орден? Ведь мы не планируем войны: трезвомыслящими людьми это не будет понято.

Подобные ордена, как показывает история, рождаются в годину военных испытаний. Самое лучшее, чем отметить прославленного советского полководца времен Отечественной войны, — это соорудить высокохудожественный монумент, учредить памятную медаль его имени, создать специальный мемориальный зал в Военном музее.

Третье. Было бы правильным, если по этому вопросу выслушать общественность (ветеранов, историков, деятелей культуры, военных и т.д.).

Прошу рассмотреть.

С уважением, искренне
4 февраля 1994 г.

Дм. Волкогонов.

ОБ АЗЕРБАЙДЖАНО-АРМЯНСКОМ (КАРАБАХСКОМ) КОНФЛИКТЕ

Президенту России
Б.Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Я Вам уже докладывал в декабре прошлого года свои предложения по урегулированию Карабахского конфликта. Слава Богу, дело начало сдвигаться с места.

Сейчас, после Вашей крупной, впечатляющей инициативы по Боснии, которая дает реальные надежды на прекращение войны в Югославии, следует не меньше внимания уделить азербайджано-армянскому (карабахскому) конфликту. Я в Записке предлагал полнее использовать опыт Паньмыньчжонских переговоров и соглашений в Корее на 38 параллели 40 лет назад. В Закавказье эффект может стать еще бльшим.

Сейчас, используя огромный позитивный импульс боснийских подвижек, важно не утратить дипломатического темпа в Карабахе (чего только стоит, например, насущная задача возвращения в места своего проживания 1,5 млн. азербайджанских беженцев накануне весеннего сева!). Начавшиеся переговоры следует вести форсированно, но мудро. Военного решения проблемы нет. Если Президенту России удастся в этом году потушить очаг конфликта в Закавказье, это не только резко укрепит стратегические позиции Российской Федерации в этом регионе, но и создаст Вам имидж удачливого миротворца, будет способствовать внутренней стабилизации в стране.

В случае успеха в карабахских делах, мы формально уйдем с Кавказа, а фактически, своим позитивным влиянием, вернемся надолго туда. Это будет фактом огромного исторического значения.

С уважением, искренне

Дм. Волкоганов.

P.S. Еще раз докладываю план возможного урегулирования азербайджано-армянского (карабахского) конфликта.

21 февраля 1994 г.

План урегулирования

1. Встреча полномочных представителей России, Азербайджана, Карабаха, Армении для выработки и одобрения плана урегулирования конфликта.

2. Объявление о безоговорочном прекращении огня на всех участках противоборства сторон.

3. Отвод карабахских (армянских) войск в пределы границ и позиций, с которых начато наступление на азербайджанские районы, по согласованному графику, под наблюдением российских представителей.

4. Возвращение до апреля 1994 года азербайджанских беженцев в места своего проживания (на носу весенний сев), обмен военнопленными.

5. Подготовка и начало в одном из приграничных пунктов бессрочных переговоров по урегулированию конфликта (по типу Паньмыньчжона в Корее 40 лет назад). Это даст возможность зафиксировать позицию, устраивающую сегодня обе стороны: Карабаху — владеть независимостью де-факто; Азербайджану — искать приемлемые пути федерализации или другие решения.

7. Обеспечить полное исключение военных поставок конфликтующим сторонам из России.

8. Создание пунктов российских наблюдателей за выполнением перемирия в районе конфликта.

9. Подготовка и проведение встречи, под эгидой Президента России, лидеров Азербайджана, Карабаха, Армении для подписания Акта о перемирии и начале переговоров по достижению мира.

Стороны не должны быть обескуражены отсутствием быстрых положительных результатов. Нужно историческое терпение и выдержка.

Дм. Волкогонов.

25 декабря 1993 г.

ОБ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Президенту России
Б.Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Во время Вашей предстоящей встречи с президентом США Б.Клинтоном, вероятно, будет затронут вопрос об американских военнопленных. Докладываю некоторые промежуточные результаты работы российско-американской Комиссии по выяснению судеб граждан США, пропавших без вести во время и после второй мировой войны, как и российских соотечественников, исчезнувших за рубежом при исполнении служебного и воинского долга. С 31 августа по 2 сентября состоялось очередное, десятое, заседание Комиссии.

За время работы — с марта 1992 года — Комиссия заметно продвинулась вперед. За это время мы выяснили судьбу более 23000 американских граждан, освобожденных Красной Армией из немецких лагерей и оказавшихся на территории СССР. Все они, за исключением 12 умерших, были репатриированы на родину в 1945—1946 гг. Тела девяти умерших и погибших в 1946—1950 гг. были также переданы в США. Двое из оставшихся похоронены в Одессе, а могила одного не установлена.

Нам долгое время не удавалось найти документов ташкентского лагеря, созданного для американских летчиков, интернированных в годы войны на территории СССР. Сегодня, благодаря помощи узбекских коллег и усилиям архива ФСК России, эти документы, наконец, обнаружены. Потребуется совместная с американцами поездка в Ташкент для уточнения некоторых деталей, но ясно, что драматических открытий там не будет.

После анализа архивных документов и бесед с сотнями свидетелей российская сторона пришла к выводу, что фактов депортации на территорию СССР американских военнопленных из Вьетнама не было. В Москве оказалось

лишь несколько американских военнослужащих, уклонившихся от войны во Вьетнаме и доставленных в советскую столицу КГБ. Затем они выехали из СССР. Данные эти переданы американской стороне. В наших архивах содержится ряд важных документов, позволяющих судить об общем количестве американских военнопленных во Вьетнаме и судьбе отдельных из них. Эти сведения российской стороной Комиссии также доведены до американской стороны, что позволило установить судьбы нескольких десятков человек, ранее числящихся пропавшими без вести. Это направление работы тоже можно считать близким к завершению. Оставшиеся невыясненными вопросы, как мы заявили американцам, им целесообразно изучать напрямую во Вьетнаме и, может быть, в Китае.

По вопросам, связанным с войной в Корее и инцидентами «холодной войны», работа далеко не завершена. Нам удалось установить количество и места содержания американских военнопленных в Корее и Китае: установить места падения более 1349 американских самолетов, сбитых советскими средствами ПВО над Кореей, и судьбу некоторых членов экипажей. В наших архивах обнаружены материалы допросов советскими спецслужбами 49 американских летчиков. Все это продвинуло нашу работу, но мы по-прежнему не можем абсолютно уверенно ответить на настойчивый вопрос американской стороны: доставлялись ли американские военнопленные из Кореи на территорию СССР? Они приводят свидетельства (по нашему мнению, малоубедительные), что якобы доставлялись.

Мы нашли русских участников допросов американских летчиков, однако и они не могут полностью прояснить вопрос, а американцы находят все новые и новые «доказательства» того, что якобы вывоз пленных имел место. Но все эти данные косвенные. Этому вопросу в США посвящено несколько крупных публикаций Института стратегических исследований. Сегодня российская сторона однозначно может утверждать, что сколько-нибудь массовых перепра-

вок американских военнопленных из Кореи в СССР не было. Но мы не уверены: не было ли единичных случаев депортации авиационных специалистов? Ведь исправные новейшие самолеты, захваченные в Корее, в Москву доставлялись... Работа в этом направлении будет продолжена.

Совместными усилиями удалось разрешить большинство вопросов, связанных с судьбами членов экипажей 10 американских самолетов, сбитых над территорией СССР в годы «холодной войны». В настоящее время на о. Юрий (Южные Курилы) работает российско-американская экспедиция по розыску останков капитана Донема (члена экипажа В-29, сбитого 7.10.1952 г.). Останки найдены, но их надо идентифицировать. В случае подтверждения, церемонию передачи останков можно рассматривать как символ полного очищения от наслоений «холодной войны». В целом этот вопрос нельзя считать закрытым, так как не все еще выяснено. В частности, летчик, сбивший упомянутый В-29, говорит, что видел несколько раскрывшихся парашютов, а из документов следует, что, кроме тела капитана Донема, больше никого не нашли. Этот и еще два случая сбития самолетов требуют дальнейшего исследования.

Американцы со своей стороны оказывают нам помощь в деле выяснения судеб российских граждан, пропавших без вести за рубежом. В частности, в мае месяце нам впервые переданы специально для этих целей рассекреченные документы ЦРУ и Госдепартамента США о наших военнопленных в Афганистане и 14 самолетах ВВС СССР, потерпевших крушение вблизи берегов Аляски и военно-морских объектов США в Мировом океане. Эта информация помогла нам выяснить места вечного упокоения многих российских граждан и открыла новое перспективное направление в работе по освобождению наших военнопленных из Афганистана. В частности, американцы передали адреса 19 бывших военнослужащих, которые, вырвавшись из плена, сделали свой выбор и живут на Западе. Неизвест-

на судьба еще 290 человек, пропавших во время этой войны.

В связи с приближением дней празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, российская сторона Комиссии поставила перед американцами вопрос о прояснении судеб почти 452 000 бывших граждан СССР, которые еще в 1952 году фигурировали в документах как «перемещенные лица». Конечно, абсолютное большинство из почти полумиллиона граждан сделали свой выбор добровольно. В официальных советских военных сводках эти люди — «без вести пропавшие». Получение дополнительной информации позволит уточнить количество наших потерь в Великой Отечественной войне и открыть одну из ее слабо раскрытых страниц. Надеемся, что российская общественность с интересом воспримет эту новую информацию.

Работа Комиссии вышла за рамки первоначальных задач и в настоящее время является заметным фактором улучшения российско-американских отношений и повышения международного авторитета России. В Комиссию обращаются правительственные и общественные организации Великобритании, Германии, Японии, Италии, Австрии и ряда других стран. Даже правительство Кувейта обратилось к нам за моральной поддержкой в деле освобождения своих граждан, угнанных в Ирак. Думаю, что подобная работа способствует повышению престижа России как за рубежом, так и в нашей стране.

Замечу, что вся деятельность Комиссии ведется силами энтузиастов и подвижников и не требует финансовых затрат.

*С уважением, искренне
05 сентября 1994 г.*

Дм. Волкогонов.

Глас момента

Трагедия свободы

Решающий момент истории

Путч

Духовные лидеры

Смена эпох

Российский радикализм

Свобода и справедливость

Русский вопрос

У последней черты

В каком обществе жить

Человек в униформе (Мы-земляне)

Свеча России

Мысли из записной книжки

ТРАГЕДИЯ СВОБОДЫ

Как историк и философ, я пытаюсь взглянуть на драму момента как бы из-за порога следующего века. Время безжалостно сотрет грим с масок иных политиков, обесценит их заявления, высветит призрачность попыток сохранить то, что безжалостно и давно уценено историей. Но уже и сегодня многое проясняется.

Во мне сейчас борются противоречивые чувства: обманутой надежды и горестного недоумения. Два года назад я передал письмо М.С.Горбачеву с критикой его непоследовательности во внутренней политике. Позже я не раз публично, с высоких трибун, говорил о его опасном сползании вправо. Сегодня с печалью можно констатировать: инициатор обновления претендует на роль его могильщика. Драма Горбачева, как понимаю, заключается в его неспособности отрешиться от имперского характера мышления и действий. Но они несовместимы со свободой.

Общество устало от хаоса, анархии и безвластия — все это верно. Но как наводить порядок? Те, кто считает, что выхода уже нет, что применение военной силы неизбежно, — глубоко заблуждаются или лукавят, намеренно затемняя смысл происходящих событий. Потому что, как бы ни был глубок и всеобъемлющ кризис, у нас есть, верю, есть возможность справиться с ситуацией парламентским, гражданским, неэкстремальным путем.

Наша страна, до дна испившая горькую чашу насильственных преобразований, должна, наконец, понять, что время революций кончилось. Никакая революция не может быть удачной, проницательно заметил Николай Бердяев. Удачных переворотов тоже не бывает.

Историческое время диктует сегодня нам совсем другое — мудрые реформы, когда сила власти проявляется не в мощи танков, а в готовности и умении идти по пути компромиссов и соглашений.

В нынешней ситуации приходит неизбежная мысль: зачем понадобились нашему президенту дополнительные полномочия? Ведь у него и так их не меньше, а больше, чем у прежних российских самодержцев. Он может распустить представительные органы власти, приостановить действия общественных организаций, использовать военную силу... Но в том-то и беда, что эскалация чрезвычайности, которая дает президенту право в критическую минуту делать все, что он сочтет нужным, ни к чему доброму не приведет. Не хочу проводить аналогий персонального плана. Но в сентябре 1917 года, когда власти встали перед дилеммой: они дали людям свободу, но не дали ни хлеба, ни мира, — Керенский просил все новых и новых полномочий. Ему их дали, была создана «Директория», но это вызвало лишь дальнейшую эрозию власти. Большевики, отобрав эту свободу, дали людям мир и землю. Но без свободы их ценность стала иной... И сегодня, когда общество находится в тяжелейшем состоянии, сама угроза применения силы, чтобы заточить свободу, — может спровоцировать обвал, столкновения, кровь...

Нашего президента весь мир знает как человека, который пять лет назад мужественно перевел стрелку на путях движения советского общества от тоталитаризма к демократии. История не простит ни ему, ни нам, если эта стрелка будет теперь взорвана, если поезд перемен повернет вспять, или если еще на полтора-два десятиле-

тия общество погрузится в тягостную стагнацию. Это в лучшем случае. Просматривается, о чем мы не должны забывать, и куда более мрачная возможность — гражданской войны в стране, наспигованной атомными станциями и ядерными арсеналами. Перспектива, способная ужаснуть весь мир.

Меня, как российского депутата, больше всего тревожит, что тень вины за возможные трагедии опять падет на Россию. Беды, которые обрушились на наше государство, многие так или иначе связывают с Россией. Меня глубоко печалят кличи, которые раздаются кое-где на окраинах, когда политику центра связывают с русскими, а в это время русские беженцы влечат жалкое существование в казармах, ютятся в школах... Русский народ расплатился за ложное положение «старшего брата» и имперскую политику собственным бесправием и неприязнью тех, кто видел в нем носителя имперского штыка. Но Россия и россияне ни в чем не виноваты. Ведь тоталитарная система, сделавшая ее фасадом империи, превратила саму Россию в бесформенное образование, в придаток центра, его резервуар, его арсенал, из которого черпали десятилетиями, никого не спрашивая. Разве не свидетельство тому десятки тысяч русских деревень, которые глазами пустых окон смотрят сегодня на мир там, где когда-то были жизнь и надежда...

Сегодня родилась новая Россия — демократическая. И она не желает больше, чтобы ее дети кровью платили за преступления сталинизма и ошибки сегодняшнего союзного руководства. Она не хочет, чтобы угрозы, применение силы записывались на ее счет.

Но привычка к покорной и молчащей России не желает сдавать свои позиции. Иначе чем вызван тот факт, что практически любые действия нынешнего российского руководства расцениваются только как деструктивные. Сколько несправедливых слов было сказано в последние месяцы о торпедировании российским руко-

водством проекта нового Союзного договора! И это несмотря на неоднократные заявления об обратном. Дело же в том, что Центр и Россия по-разному видят создание Союза. Не вассальные князья должны прибыть в кремлевские палаты и припасть к подножию трона. Новый Союз нужно создавать демократическим путем: начиная с горизонтальных связей и договоров между республиками. На фундаменте общесоюзного цивилизованного рынка легче возводить политическое здание равноправного и добровольного Союза.

Российские депутаты впервые выделили огромные средства на развитие агрокомплекса, в том числе 1 миллиард рублей фермерам. Но мы помним, как на одном из последних заседаний декабрьского Съезда народных депутатов СССР Президент страны, размахивая газетой «Правда», стал упрекать Россию, что она отказала союзному бюджету, а следовательно, всем народам — в 119 миллиардах рублей и таким образом, «разваливает» Союз. Было обидно видеть: никто из россиян на съезде не встал и не сказал, что эти утверждения не соответствуют действительности. Во-первых, стоило, видимо, прибегнуть к более солидным источникам, чем массовая газета. А во-вторых, в действительности речь шла о 20—25 миллиардах. Но дело не в конкретных цифрах. Другое волнует. Зачем надо было показывать Россию как Монстра, который, дескать, хочет разрушить существующую в стране систему здравоохранения, народного образования, оборону и т.д. Кому нужна была такая драматизация?

В общественных противостояниях победителей не бывает. Психология победителей годится лишь для модели: «стенка на стенку». Одержать верх, конечно, можно, но куда больше риска оставить после себя пепелище — погост свободы.

Пытаясь взглянуть на день сегодняшней, не покидает мысль: все это уже было. Летом 1918 года большевики

быстро разгромили партию левых эсеров (которые тоже наделали ошибок), своих единственных союзников. И получили монополию на власть, мысль, свободу. К чему это привело — видно предельно ясно сегодня. Чтобы разогнать два-три парламента, не потребуется военных сверхусилий. Но «мечь» истории бывает неотвратимой, ибо свобода неделима. В жизни все сразу пишется «набело», без «черновиков». Некоторые ошибки могут стать роковыми.

Не будут ли думать наши дети и внуки за гранью века, что тот, с кем мы связывали такие надежды, был лишь болидом — стремительно падающей звездой на политическом небосклоне?

Дм. Волкогонов.

14.01.1991

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ ИСТОРИИ

Соотечественники! Если мы смирится, чтобы всех нас, как скот, вновь загнали в стойло неосталинизма, то в этом будут повинны не только государственные преступники из неконституционного «комитета по чрезвычайному положению», но и все мы сами.

Сегодня нельзя отсидеться, спрятаться, выждать. Решается судьба будущего страны, России, наших детей и внуков. Нельзя исполнять указы и распоряжения незаконных властей. Не дайте повода для провокации. Инициаторы путча с радостью ухватятся за любой повод, чтобы применить силу.

Идите к солдатам, офицерам. Я хорошо знаю, что армия расколота. Много офицеров разделяют демократические убеждения прогрессивной части общества. Многие солдаты дезориентированы. Слово правды сегодня может оказаться сильнее гусениц танков, пушек и автоматического оружия.

Сам я мучительно переживаю свое отсутствие: нахожусь в реанимации после второй тяжелой операции, но

чем могу, через своих друзей помогаю свободной России.

Заговорщики в смятении. Еще несколько дней — и они будут искать выхода для своего спасения в виде отставок и поиска компромиссов. Но только безусловная отмена чрезвычайного положения и предание заговорщиков суду — может быть достойным выходом из смертельного кризиса.

Помните: мы переживаем решающий момент своей истории. От твоей позиции зависит будущее.

Генерал-полковник

Дм. Волкогонов.

19 августа 1991

Радио Би-би-си

ПУТЧ

В воскресенье, в 18.00 часов, мне позвонили на дачу: «Вас вызывает Президент. За Вами вышла машина». В 18.40 приехал Сергей Осипов, мой помощник. Я взял пистолет (по радио уже узнал о погромах в Останкино, мэрии, других местах Москвы) и немедленно выехал в Кремль.

В 19.30 получили задачу: Кобец (рук.), Волкогонов (зам.), Сосковец (зам. пред. пр-ва), заместители силовых министерств образуем Оперативную группу по координации усилий, направленных на разгром мятежа.

Попытались работать в Кремле: связи с войсками нет, в коридорах суматоха, неразбериха, нервозность.

Согласовав с В.С. Черномырдиным, выехали на Ленинградский проспект, 41 — в штаб бывшего ШОВСа. Там есть командный пункт Управления.

Перед этим поговорил по телефону с Президентом: если власть «проглотит» погромы, открытый мятеж, она, власть, удержится не более суток. Нужно предпринять самые решительные меры, вплоть до занятия Белого дома — фактического штаба мятежа.

Президент ответил, что, к сожалению, не все так думают. Некоторые считают, что следует попытаться продолжить переговоры...

— В условиях, когда захвачено Останкино, мэрия, когда вооруженные банды дефилируют по Москве, — это равнозначно поражению...

— В 02 часа ночи принято решение: если Белый дом откажется сложить оружие — штурмом взять его.

— Отовсюду идут сообщения: дивизия Дзержинского, еще какие-то части переходят на сторону мятежников.

— Звоню в дивизии, части МВО. Говорю с командирами. Везде обстановка напряженного ожидания, но фактов измены правительству нет. Это все дезинформация из Белого дома.

— Двигутся части из Кантемировской дивизии, Таманской, особой бригады в Теплом Стане, десантные части. Но в целом войска вызываем мало: например, из Кантемировской дивизии всего 10 танков... Правда — все с офицерскими экипажами.

— По нашим данным, в Белом доме более тысячи «защитников», горы оружия и фанатичная решимость Руцкого стоять до конца... Однако через сутки я узнаю, что, все проиграв, он не сможет, как Ахромеев в 1991 г., покончить с собой... Окажется трусом... Он предпочел вместе с Хасбулатовым обратиться за защитой на Запад...

— Быстро организовали взаимодействие МО, МБ, МВД. Информация с места поступала непрерывно. Решения принимались так же незамедлительно.

— К утру вокруг Белого дома сосредоточились БМП, позже пришла рота танков.

— Решили: любой ценой сохранить жизни солдат, не разрешать выходить им из-за броневого укрытия. Пусть операция продлится на 3-4 часа дольше, на все светлое время суток, но людей сохранить. Забегая вперед, скажу: это удалось — лишь несколько раненых офицеров и солдат.

— С утра начали обстрел Белого дома; тех мест, где были основные узлы сопротивления. Парламент ожесточенно отстреливался.

— Несколько раз из Белого дома звонил Воронин Ю.М. (зам. Хасбулатова) с одним предложением: «Д.А.! Прекратите обстрел, давайте начнем переговоры». Мой ответ был неизменным:

— Выбрасывайте белый флаг, выходите через 3-й подъезд и сдавайте оружие...

После этого Воронин клал трубку. С подобными же просьбами обращался космонавт Севастьянов...

— Мой ответ был идентичным тому, что я говорил Воронину.

— Включились в дело танки: 125-мм орудия быстро подавили огонь сопротивления на разных этажах.

— Два или три раза мы устраивали паузу (по часу), чтобы дать возможность мятежникам сдаться. Но Белый дом продолжал палить даже по врачам...

— Видя замедление операции, я настоял на том, чтобы Кобец выехал к Грачеву: нужно кончать в светлое время, иначе толпы политических сторонников вновь потянутся к Белому дому.

— Звонил Гайдар: беспокоится с затяжкой. Очень энергичен Сосковец, замы министров.

— Примерно в 17.00 в захваченные подъезды двинулась «Альфа». Через полчаса сопротивление было сломлено, и сотни депутатов, боевиков с поднятыми руками потянулись к выходу. В конце проследовали Макашов, Хасбулатов, Руцкой — главные преступники и виновники кровавой бойни.

Всю ночь снайперы стреляли с крыш. Печально, что после 1917 года в Москве впервые лилась в междуусобице кровь. Но видит Бог — это не наша инициатива... Так мучительно Россия переходит на цивилизованные, демократические рельсы.

03. — 04.10.1993

Кремль — Ленинградский проспект, 41

ДУХОВНЫЕ ЛИДЕРЫ

В России, при наличии огромного количества выдающихся, талантливых людей, нет духовных лидеров. В советское время всех их заменяла утопическая, жестокая идеология ленинизма. Идеологический нивелир всех руководителей выравнивал по партийному ранжиру. Духовный лидер просто не мог появиться, как в старой России (Достоевский, Толстой, В.Соловьев, Бердяев...). К моменту крушения тоталитаризма в России, однако, духовные лидеры появились: А.Сахаров, А.Солженицын (до возвращения на родину). По-моему, духовный лидер тот, кто способен обосновать и «расставить» общенациональные, привлекательные для всех ориентиры на длительную перспективу, не вторгаясь при этом в политику, а находясь выше нее. Лидер Духа знает лучше других смертных тайну общения с Провидением. Политика, поднимая человека на эскалаторе власти, всегда делает его духовно жестче, беднее, ограниченнее. Духовный лидер — это совесть нации. Близок к этому уровню сегодня Сергей Адамович Ковалев — бескорыстный правдоборец, правдолюбец, праведник. Но боюсь, заклюют его, как не раз бывало на Руси.

Такие люди способны видеть эпохальную «магистраль» человеческой эволюции, которая как пунктир исторической траектории указывает нации движение до горизонта и дальше, дальше, за его туманной линией. Своим провидчеством и мужеством духовные лидеры создают моральную опору людей в самих себе. Именно они — носители праведности и откровения, люди, которые видят, что только вечный альянс со Свободой может дать надежду.

Духовный вакуум в сегодняшней взъерошенной России не в последнюю очередь объясняется, увы, отсутствием таких лидеров. Это не от нашей интеллектуальной

бедности, а от той глубины тупика, куда завели Россию за 70 лет ее духовные лжелидеры.

04.09.1995

Борт самолета Москва—Вашингтон

СМЕНА ЭПОХ

К ВЫСТУПЛЕНИЮ НА СЪЕЗДЕ «СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»

— В 1793 году голова короля Франции Людовика XVI скатилась в корзину после гильотинирования. За минуту до того, как нож гильотины опустился на шею, Луи Капет сказал: «Нет ли вестей об экспедиции Лаперуза?» Загадки сознания? Не только. Безотносительно к Людовику: человек действует по принципу «даже если завтра будет конец мира — сегодня он пойдет сажать яблони...». Поэтому съезд — не только результат политических коллизий, но и неистребимого желания людей добра «сажать яблони»... Но политика держит нас в своих объятиях...

— Кстати, о соотношении политики и литературы. Сначала: Л.Фейербах: «Поэзия обращается к капле росы — видит ее великолепие, через которое можно увидеть весь мир. Философ «размазывает» эту каплю по полотну бытия и ищет подход, дефиниции». По аналогии, литература и политика, сказал бы: «литературное творение мастера, способного затронуть самые сокровенные струны бытия, которые невидимы, или непонятны политику. Политика же, в лучшем случае, хочет сделать служанкой литературу, или рвет эти нити».

Политика — особа циничная во все времена, и лишь с помощью цивилизованных демократических норм ее можно держать под контролем. Что и пытается сделать наше многострадальное общество, мучительно перестраивая его.

— Историки назовут наше время изломом, сменой эпох. Вот только сейчас начинается подлинный пере-

ходный период. И писателю никак не уйти от всех драм и трагедий этого перехода к цивилизации. Амплитуда исторической эволюции: большевизм — демократия — неофашизм. Неумелая российская демократия (откуда ей было взяться другой) барахтается в котле проблем. Если не решим, то эволюционный сдвиг дальше — к неофашизму. Наступит время жириновских. Это призрак грозной опасности — **неофашизма**.

— О нашем времени, верно, будут созданы потрясающие произведения не только потому, что мы пережили полночь эпохи — сталинизм; не только потому, что жатва «жертвенного» будет потрясать века, но и потому, наконец, что у нас появился шанс противостоять Универсальному Злу, в котором мы жили семь десятилетий, — ЛЖИ.

— Только такая литература позволит «выскрести» из души раба, догматика. Ибо самое страшное наследие сталинизма — он формировал элементарно мыслящих людей...

— Важно прекратить разговоры о политике. Главное — понять, что от тоталитарного, бюрократического общества достойный путь лишь к цивилизации, демократии. Пусть каждый называет это общество как хочет. Но при этом еще не все понимают (сказываются семь десятилетий), что **идеальных** обществ не бывает. И хотя мы находимся сейчас в хвосте обоза мировой цивилизации, у нас есть исторический шанс.

— Зачем я это все говорю? Не только потому, что, как философ и историк, пытаюсь взглянуть на наше время сегодня, изнутри, но и хочу из-за порога следующего века посмотреть на траекторию нашего движения.

— Мы когда-то хотели всех опередить, но отстали от многих. Важно осознать, где мы находимся.

а) Индивидуальное творчество — неповторимо. Никаких литературных «министерств», а только СОЮЗ литераторов.

б) Отказ от превращения этого братства в новый идеологический орден; всю энергию на борьбу со злом, ложью и насилием.

в) Российский литературный голос во все времена не замыкался на собственных бедах.

Верю, что новый Союз поможет российским писателям не только во время интеллектуального смятения, сумерек повседневности, но и поможет выжить, подняться, сыграть свою роль, которая всегда на Руси была не только страдальческой, но и провидческой.

21.10.1991

РОССИЙСКИЙ РАДИКАЛИЗМ

Декабристы, народники-«метальщики», эсеры, савинковцы, люди типа Камо, наконец, классические радикалы-большевики...

Стремление одним скачком перепрыгнуть через эпохи, одним махом оказаться в желанном мире, одной идеей заменить многоцветье человеческого мышления. «Военный коммунизм», заградотряды 1918 года, погром церквей, «ликвидация кулачества как класса», зловещий приказ № 227 в 1942 году, советская каторга, желание сделать планету «красной» с помощью коммунистического движения, «догнать и обогнать», разместить ракеты на Кубе, а затем — в Европе... Перечислять эти радикальные «начинания» можно бесконечно долго. В них — сама жизнь большевизма. А истоки, генезис радикализма — в самой нашей истории, в просторах российских, монархическом всевластии, полуазиатском происхождении, отрезанных Петром бородах, преклонении перед революционной Францией...

Радикализм — это не только способ действия, это — форма мышления, метод протеста против всех и вся, попытка «решения» вековых проблем революцией... Что-то во всем этом есть от Клемансо, Бланки, от слепых

крестьянских бунтов и — главное — от татар («туранского элемента»), от Азии.

Радикализм без моральной узды, без меры, без ума всегда губил все доброе в России. Историческое нетерпение питается оттуда же.

06.06.1990

Москва

СВОБОДА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Идеальных обществ не существует. На моей родине многие сегодня заморожены Америкой, Германией, Скандинавией... Да, изобилие подавляет, отлаженность государственного механизма удивляет. Активность общественных организаций впечатляет. Но они так же далеки от социальной справедливости, как и мы со своей убогой уравниловкой. Вероятно, свобода и справедливость не сестры. Свобода — она и свобода от... справедливости. А справедливость боится свободы. Побаивается. Видимо, самое плодотворное занятие — стремиться к рациональному, управляемому, в чем-то гармоничному соотношению между этими двумя великими ценностями. Но они не могут во всем «сотрудничать».

Сегодня утром видел на авеню Висконсин темнокожего бродягу под грязным одеялом на скамейке в сквере. Он свободен, но справедлива ли к нему жизнь?

03.12.1991

Вашингтон

РУССКИЙ ВОПРОС

Есть не только русская идея, но и *русский вопрос*, к сожалению, он существует.

Гигантская империя, созданная русскими, громадное мегообразование, была разрушена большевиками. Вначале «расплатились» с германцами за власть половиной европейской России (полурухнувшим в войне

немцам отдали!), а затем с помощью бывших союзников в Версале, которых ранее предали, вернули эти земли. Но почти тут же большевики во имя своих марксистских национальных (вернее, интернациональных) химер уничтожали губернии, которым *никогда* не грозил национальный распад.

Великая Россия, до октября 1917 года на 80% состоявшая из русских, вобрала в себя сотни маленьких народностей, племен, национальностей. Все стали россияне. Созданные же большевиками образования зачастую были такими (Коми АССР, Якутская АССР, Карельская АССР и другие), что в них жили 65—75% русских! Но все это казалось несущественным, формальным для унитарного государства.

Вечно так быть не могло. И то удивительно: как большевики смогли удержать в руках Систему, которая была антинародной и антинациональной? Только за счет террора, монополии на мысль и власть. Но пришло время, были открыты шлюзы гласности (прекрасно!), начаты первые шаги по политической демократизации (прекрасно!) и созданию свободного рынка (тоже прекрасно, хоть и трудно). Сразу же выявилось, однако, что о б р а з о в а н и е в виде СССР, созданное большевиками на руинах разрушенной ими империи (более передовой, прогрессивной в смысле государственного и национального устройства), — великий колосс без прочных скреп... Толчок жалкого, опереточного путча 19—21 августа 1991 года сдвинул лавину обвала, разрушил «монолит» Союза; взорвалась мина, заложенная Лениным много десятилетий назад.

Декабрьская 1991 года бледная, поспешная, не очень умелая попытка хоть что-то спасти от Союза в виде Содружества уже ничего существенно изменить не могла. Империя рухнула раньше. Так вновь возник и обострился *русский вопрос*.

Российская Федерация унаследовала от СССР примерно чуть более 60% богатств, земель, промышленности.

Связи рухнули; а ведь большевистская ставка в СССР была на развитие окраин. Около 30 миллионов русских сразу же оказались «иностранцами» в новом зарубежье, часто, как в Прибалтике, Крыму, Средней Азии, гражданами «второго сорта». Колоссальная человеческая драма... Внутри России национальные образования стали подчас «над русскими» (например, Якутия, где почти 80% населения — русские, стала тем не менее Саха-Якутией). В губернской России «болезнь» государственных структур никогда не могла иметь подобных последствий.

Совместно прожитая жизнь стала вдруг разорванной, разъединились миллионы семей... Я прочитал недавно один украинский учебник по истории и почувствовал себя в ирреальном мире! Самые вожделенные мечтания некоторых политиков и политических деятелей Запада о «крушении советской империи» не просто реальность, но и проявления активного желания и дальше разрушать российскую государственность.

Как естественная реакция на российскую беду все выше поднимается национальное самосознание русских, на волне которого уже качаются отнюдь не бумажные кораблики русского шовинизма и русского фашизма. Рождены они в немалой степени *русским вопросом...*

Перечислять последствия распада СССР можно очень долго. Но нельзя при этом недооценить трагедии происшедшего и переоценивать глубину катастрофы. *Русский вопрос* вполне решаем цивилизованным гуманным путем. Великое евразийское государство — Россия, Российская Федерация — непременно сохранится, окрепнет, станет демократическим, процветающим. На «русском поле» начнутся преобразования по постепенному, добровольному воссозданию межнациональных земель.

Что нужно делать? В каком направлении двигаться?

1. Не сдерживать естественных устремлений народов бывших советских республик к образованию демократической конфедерации (общая граница, общая валюта, об-

шая армия, экономический союз, но очень большая политическая и культурная национальная самостоятельность, членство в ООН, «свои» президенты, государственные институты и т.д.). Пусть вначале эта конфедерация будет состоять из 2-3 республик. Время оценит это движение. Чем выше будут экономические и культурные успехи России, тем будет больше тяга к Москве.

2. Путем двусторонних и многосторонних соглашений создать гарантированные условия равноправной, достойной жизни русских в бывших советских республиках, впрочем, как и в России, необходимы такие же гарантии для украинцев, молдаван, грузин, узбеков (свобода передвижения, пенсии, язык, двойное гражданство и т.д.).

3. В России разработать многолетнюю глубокую программу «Возвращение» для тех, кто хочет жить только в российской среде. Не нужно искусственно инициировать, подталкивать этот сложный процесс, но и нельзя его сдерживать.

Желающих переехать в Россию много. Сужу даже по своим близким: увидев, как сносят в маленьком провинциальном городке памятник Ермаку, бросил нажитое место и перебрался в Сибирь из Казахстана младший брат; до самой смерти мечтала перебраться из Полтавы в Россию сестра жены, горькие письма пишут друзья из Севастополя...

При реализации программы предусмотреть усиление развития перспективных районов, возрождение русского Центра, укрепление Сибири и Дальнего Востока. Это должна быть не просто стихийная миграция по свободному волеизъявлению, а вливание свежей, могучей крови соотечественников в бессмертный организм России.

4. Нельзя обойти при разговоре об этих процессах демографическую депрессию, вестернизацию культуры, необходимость повышения эффективности науки, сохранения и приумножения уровня образования, разви-

тие транспортных артерий. Россия должна решать свой *русский вопрос* в гармонии с интересами всех народностей, живущих на ее территории. Самоопределение в рамках Российской Федерации, всяческое развитие культурной автономии, широта государственного представительства во всех федеральных органах. Помнить, что любая форма национализма (сверху, снизу) опасна, опасна, опасна... Это чувство, доведенное до крайности, делает человека темным, слепым, мстительным, жестоким. (А если говорить о христианском мироощущении — сколь многие националисты сегодня напоказ демонстрируют свою «религиозность», — то для христианина «нет эллина, нет иудея»; анализ крови «на чистоту» никак не влияет на человеческую душу.)

5. Россия не должна больше быть государством, которого бы боялись за его военную мощь. Предельно допустимая демилитаризация страны. Небольшая, но профессионально сильная армия. Ядерное оружие — только для целей сдерживания в рамках всемирных (!) соглашений. Широкое участие в миротворческих акциях ООН на основе строгого, четкого российского и международного правового определения.

6. Сильная Россия может возникнуть только в том случае, если она будет равноправным, авторитетным, влиятельным членом мирового сообщества. *Русский вопрос* — это вопрос не только внутренний, но и международный. События в октябре 1993 года с ужасом показали всему миру, что, если случится гражданская война в стране со все еще гигантским ядерным потенциалом, — это угроза всей цивилизации. Попытки недругов России продолжить ее «дифференциальное» расщепление опасны не только для нас, но для всего мира.

Русский вопрос — часть русской идеи, споры о которой не стихают уже более столетия. Его нельзя игнорировать, но и нельзя представлять только в координатах катастроф. *Русский вопрос* — вопрос оздоровления, но-

вого самоопределения великого народа и его возрождения в рамках мирового сообщества.

Бескрайние просторы России — колыбель ее Духа, Судьбы и Свободы.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Накануне я только приехал из Онкологического центра на Каширке, где проходил очередной мучительный сеанс химиотерапии. Уехал с семьей за город. Уже давно на заседания Верховного Совета не ходил — было стыдно за этот деструктивный орган. А на «съезд» не пошел и подавно.

По радио 3 октября услышал отрывочные сообщения о погроме мэрии, «Останкино», о подстрекательских призывах «президента» Руцкого... Сразу же решил вернуться в столицу, к месту своей работы на Старой площади.

По дороге услышал еще более тревожные сообщения о действиях Руцкого. Поехал в Кремль. Застал в коридорах власти обстановку неопределенности и растерянности. Собралось немало людей. Все чего-то ждали, спрашивали друг друга: что нового, что нужно делать, что решил Президент? Все чувствовали, что попытки мирно договориться о ликвидации кризисной ситуации, даже с помощью Православной церкви, ничего не дают. Лидеры Белого дома, похоже, решили идти до конца, а это грозило бедой всей стране.

Зашел к С.А.Филатову. Он сказал: создается оперативная группа из представителей правительства и силовых министров с задачей помочь восстановить в столице порядок. «Будем делать все, — добавил Сергей Александрович, — чтобы не было крови, хотя прошедшие погромы мэрии и телевидения ясно показывают, кто ее не боится...»

Мы собрались в одной из комнат: генерал армии К.Кобец, первый заместитель главы правительства О.Сосковец, заместители силовых министров. Константин Иванович Кобец, как председатель Комиссии, и я — его заместитель, предложили переехать в здание бывшего штаба Варшавского Договора. Там связь с регионами и войсками надежна, устойчива. В.Черномырдин одобрил это решение.

Знаю, высшее руководство мучительно искало последние шансы избежать применения силы и найти какой-то взаимоприемлемый компромисс. Этого же хотела и наша Комиссия, которая не должна была обеспечивать осаду Белого дома. Этим занималось министерство обороны.

Члены Комиссии, получая тревожную информацию с разных сторон, делали все, чтобы защитить государственные учреждения, узлы связи, средства массовой информации от погромов и захвата. Кобец и заместители министров старались скоординировать охрану этих объектов. Я же «сел» на телефоны, связываясь с командирами соединений и частей, ибо из Белого дома продолжали раздаваться подстрекательские «команды», обращенные к армии. Но вопреки утверждениям Руцкого о «переходе на его сторону» целых соединений в дивизиях, полках, военно-учебных заведениях все было спокойно. Командиры готовы были исполнять приказы министра обороны, генерального штаба и законного избранного народом Президента. Спрашиваю, например, по телефону командира Кантемировской танковой дивизии генерал-майора Полякова:

— Как обстановка в соединении? Чем занимается личный состав?

— Все спокойно. Действуем на основании приказов и распоряжений министра обороны.

Все было ясно. Армия не поддержала лидеров Белого дома.

Много было звонков из регионов. Например, из Новосибирска, Санкт-Петербурга, Элисты поступали предложения от общественных организаций выслать своих людей для поддержки Президента и его реформаторского курса. Отвечал:

— Спасибо за готовность. Оставайтесь у себя, дома. Президент и правительство полностью контролируют ситуацию и надеются мирным путем разрешить опасный политический кризис.

Знаю, что поздно ночью Президент, глава правительства и коллегия министерства обороны приняли трудное, непростое решение: предложить еще раз защитникам Белого дома (созданным там вооруженным бригадам) покинуть здание и сдать оружие. В этом случае гарантировались их безопасность и неприкосновенность. В противном случае не оставалось другого выхода, как начать обстрел и силовое разоружение военных формирований Белого дома. Медлить было нельзя. Через день-два ситуация неопределенности могла вырасти в грозную опасность войны.

Когда я ехал из Кремля на Ленинградский проспект, то обратил внимание: Москва была пустынной. Люди находились в тревоге. Но все ли осознавали, что этой ночью страна подошла к роковой черте, за которой — гражданская война? Россия уже пережила в этом веке одну гражданскую войну, которая стоила ей тринадцать миллионов человеческих жизней... Неужели не знают о том руководители Белого дома? Вторая гражданская война — война в государстве, «нафаршированном» ядерными объектами: атомными станциями, складами, заводами. Война в таких условиях — катастрофа не только для России... Поэтому считаю, решение Президента о применении силы исторически оправданным. Да, это горькое, тяжелое, трагическое решение, но другого тогда не было. Руководители защитников Белого дома не хотели сложить оружие.

Четвертого октября я два или три раза разговаривал по телефону с первым заместителем Председателя Верховного Совета Ю.М.Ворониным. На его вопрос, когда кончится обстрел Белого дома, отвечал: от вас требуется лишь одно — белый флаг, сдача оружия, и все свободны. Воронин говорил что-то неопределенное и клал трубку. Приехал на Ленинградский проспект заместитель Председателя Верховного Совета Соколов — он решил покинуть Белый дом.

Мы тоже с тревогой и острой болью следили за осадой Белого дома. В течение дня было несколько пауз по решению властей, дабы дать возможность обитателям здания на Краснопресненской набережной выйти и сложить оружие. Выезжал к Белому дому с целью найти мирное решение и министр обороны П.Грачев. Все было напрасно. Однако ставка мятежников на армию полностью провалилась. Ни одна часть и ни одно соединение не поддержали их. Тем не менее мы с горечью узнали о потерях с обеих сторон. В Москве пролилась кровь.

Однако, когда к вечеру четвертого закончился еще один акт российской трагедии, для меня было ясно: стране удалось остановиться у бездны гражданской войны.

Тяжелый урок всем политическим силам: решить накопившиеся за долгие десятилетия проблемы Россия может только на рельсах согласия, компромиссов, цивилизованных форм политической борьбы.

У нас, граждан Российского Отечества, есть сегодня один общий «противник» — экономический и социальный кризис, разрешить который мы сможем лишь сообща, вместе. Слава Богу, последнюю черту, отделявшую нас от общенациональной катастрофы, мы не переступили. Пусть страшный октябрьский спазм 1993 года, став историей, сделает нас мудрее и терпимее друг к другу. Ведь все мы — россияне.

01.11.1993

В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ ЖИТЬ...

К сожалению, я вновь в госпитале. Мое жизненное пространство сокращается. Но не могу, хотя бы тезисно, не высказаться по поводу учредительного съезда «Выбора России».

Сознательно и убежденно поддерживая «Выбор России» и идею создания крупной и влиятельной партии демократического, реформистского толка, полагаю, что мы должны быть готовы ответить людям на самые жгучие, трудные вопросы и проявить способность решать наболевшие проблемы. При этом важно помнить, что Россия — не только великая интеллектуальная держава, но и страна Веры.

В каком обществе мы хотим жить? Без ответа на этот вопрос ни один ветер для демократии в России не будет попутным. Совершенно бесплодны разговоры о капитализме и социализме. Сейчас смятенное российское общество находится на ухабистой дороге перехода от тоталитарного общества к демократическому, думаю, такой подход является более плодотворным, чем схоластические рассуждения о капиталистическом или социалистическом способах производства. Поддерживая идею гражданского, общенационального согласия *со всеми* здоровыми силами общества, нам следует, используя все законные, конституционные средства, превращать общество в содружество свободных граждан, права которых священны.

Ни одна партия в России сейчас по-настоящему не защищает идеалы свободы. Но ведь только свободный человек может создать нормальное гражданское общество, сотворить людям и себе достойную жизнь, добиться экономического и духовного процветания. Только свободный человек способен создать сильное демократическое государство. Верю: за порогом XXI века Россия переживет свое «экономическое чудо», как и новый «серебряный век» российской культуры.

Но дело сегодня выглядит драматически; если в течение двух-двух с половиной лет власти не обеспечат стабилизации в экономической, социальной и финансовой областях, не добьются хотя бы некоторого оживления в отдельных сферах производства, не смогут остановить спад жизненного уровня населения и не повернут пугающую статистику преступности вспять — дело демократии в России будет загублено. На одно-два десятилетия могут прийти к власти те, кто хочет вновь навязать обществу тоталитарную методологию мышления и действий, решительно уцененную историей.

Несколько мыслей по поводу практических действий «Выбора России».

1. Центральная политическая задача — создание к выборам 1996 года широкого Демократического блока партий и движений, отвергающих коммунизм, фашизм и национализм.

2. В политическом спектре России слабо учитывается то обстоятельство, что эволюция движения к свободному, цивилизованному обществу должна исходить из специфики менталитета всех нас, рожденных и воспитанных в «социалистическом» обществе. Поэтому в переходный период большие шансы будет иметь партия, которая возьмет на вооружение социальные идеи традиционной социал-демократии. Это не значит, что я призываю «Выбор России» сделать «розовым», нет. Но наше движение (и, надеюсь, партия) обязано полнее выразить интересы огромного количества людей, которым не просто отрешиться от старых стереотипов мышления и образа жизни.

3. Еще один важнейший вопрос: отношения с республиками бывшего СССР и положение людей, считающих себя россиянами. «Выбор России» явно недооценил огромную значимость этих проблем для общества. Я вновь, в который раз, выдвигаю идею образования демократической конфедерации добровольным, плебисцитным путем. Возможно, в ней будет вначале всего 2-3 республики, ны-

не самостоятельных государства. Общая граница, общая армия, общая финансовая система, тесные экономические связи при сохранении политической самостоятельности членов конфедерации (вхождение в ООН, самостоятельные национальные и дипломатические институты и т.п.). Необходимо обеспечить приоритетное осуществление программы «Возвращение» для тех граждан бывшего СССР, кто намерен жить в России.

4. Во внешнеполитической сфере не стоит забывать, что мы не Европа и не Азия. Вряд ли мы можем целиком перенести европейскую или азиатскую модель на нашу почву. Мы — Евразия, ориентирующаяся на нормальные, цивилизованные, гармоничные отношения со всеми странами. Но приоритетными сегодня должны быть взаимосвязи с государствами «нового зарубежья» (сейчас, например, с Украиной).

5. На первом съезде народных депутатов России я говорил о «кризисе лидерства». Так и получилось. Сейчас у нас есть только демократический лидер общенационального масштаба. А в здоровом обществе их всегда несколько. Вопрос этот стоит остро в связи с будущим развитием России. Конечно, невозможны искусственные «инкубаторы», где выращивают талантливых лидеров. Но следует подумать о некоторых шагах по подготовке руководителей разных уровней демократического движения, которое обязательно выдвинет на авансцену людей, способных мудро отвечать на вызовы грядущего.

Сегодня главный противник россиян — тотальный кризис. Есть силы, которые, призывая к обострению политической конфронтации, усугубляют его. Нам, оставаясь реалистами, следует шаг за шагом утверждать в обществе демократические ценности, среди которых главные — свобода человека и его права на достойную жизнь. И нужно не ждать, а действовать уже сегодня. Если бы каждый из нас выполнял свой долг — служебный, гражданский, патриотический, нравственный — не

на «усредненном» уровне, а на высоте исторического момента, то многие из проблем, которые «докучают» нам сегодня, отпали бы, как сухой осенний лист...

07.06.1994

ЧЕЛОВЕК В УНИФОРМЕ

(Мы — земляне...)

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ В МОСКВЕ

Надеюсь, что в XXI веке люди станут много умнее, демократичнее и гуманнее. Для них будет трудно понять, что разумные существа, выдвинувшие из своей среды Пушкина, Шекспира, Эйнштейна, Радонежского, тысячи других гениальных творцов, мыслителей и пионеров духа, были одновременно способны на взаимное тотальное уничтожение, оккупации, мировые войны, планы ядерных блицкригов. Но, верю, что, хотя мировое сообщество осудит войны как способ достижений политических целей, человек в военной униформе сохранится. Но ему исторической эволюцией будут уготованы иные функции.

В Ч Е Р А

Известно, что войны — давний спутник человечества, как и армии — орудия их ведения. В России, с момента создания централизованного государства, военный человек всегда занимал особое место. С давних пор офицерскую часть армии составляла социальная, классовая элита общества, а солдатскую массу — люди низших сословий. Среди российского офицерства были известные поэты, писатели, путешественники, строители, медики, инженеры, летчики, корабельщики, ученые. Армия, люди в униформе, были инструментом создания Великой Империи. Но о той российской армии мы не знали почти ничего, ибо, как считалось, раз она была «царской», в ней не могло быть ничего хорошего.

Советский период истории, охвативший поруганную веру в достойное будущее и муки бессмысленного насилия (только гражданская война стоила России 13 миллионов человеческих жизней), связан с одной идеей: сделать планету «красной». Люди верили в ленинскую утопию мировой революции, верили в неизбежную гибель капитализма, всемирное торжество социализма. Этот сложный пласт истории воспитал людей в униформе, — советских военнослужащих, — как солдат одной партии. В армии соседствовали российское мужество, готовность к массовому героизму при защите Отечества, высокий патриотизм с одновременным навязыванием человеку в шинели политической воли партийных верхов: военного вмешательства в дела Венгрии, Чехословакии, Афганистана. Мы были в одном шаге от подобной акции и в отношении Польши. Все мы — дети этой Системы, которую искренне хотели реформировать, особенно начиная с 1985 года.

СЕГОДНЯ

Процесс реформ, начатых в середине девяностых годов, в силу ряда причин, дал крайне противоречивые результаты. Самый позитивный из них: мы почувствовали вкус высшей духовной ценности — с в о б о д ы; самый отрицательный и горестный — распад СССР. Если бы не произошло путча 19 августа 1991 года, то 20 августа был бы подписан новый Союзный Договор (мне довелось принимать участие в его подготовке), и, думаю, мы смогли бы без потрясений, эволюционным путем переходить от бюрократического, тоталитарного общества к обществу демократическому, цивилизованному. Однако, думаю, что еще утрачены исторические шансы добровольного образования демократической Конфедерации, может быть, вначале из трех-четырёх бывших республик СССР.

Сегодня Российская Армия (я был председателем Государственной комиссии по ее созданию), находясь в

крайне тяжелом и сложном положении, тем не менее выполняет исключительно важную роль внутреннего государственного Стабилизатора. Вооруженные Силы сохраняют надежду у миллионов людей России, что не будет допущена анархия, безвластие, сползание к гражданской войне в ядерной стране. По поручению Президента я был в последние месяцы на ряде ядерных объектов армии и флота. Могу с удовлетворением сказать, что увидел там обычный в этих частях вполне удовлетворительный порядок, спокойствие, выдержку. Лучшие качества российского солдата, офицера, выражаемые в глубоком патриотизме, гражданственности, верности воинскому долгу, чести, благородстве, — не покинули их в это смутное время.

Страдания российского человека в униформе — это результат социальных и политических катаклизмов, которыми сопровождается долгий и мучительный переходный период. Но даже в этих условиях в 1992 году Президент и Правительство России, Министерство обороны обеспечили получение военнослужащими 82,5 тысячи квартир. Это один из самых высоких показателей за все годы. Скажу сразу: от способности человека в российской униформе обеспечить сегодня стабильность, целостность и безопасность нашего государства в огромной мере зависит наше будущее. Я надеюсь, что в обстановке контролируемого государством спокойствия, здоровые силы общества не допустят Термидора, что чревато откатом далеко назад. Это было бы реваншем необольшевизма.

ЗАВТРА

Мы все долго уповали на коммунистические постулаты. Я был одним из жрецов этой утопической идеологии. Ленинская крепость пала последней в моей душе. После всего, что я узнал (из находившихся в заточении специальных архивов множества партийных и ленинских документов), я не мог не пересмотреть свои взгляды

ды. Хотя вполне допускаю, что у социал-демократических идей (но не коммунистических!) сохраняются определенные шансы. Ведь старая христианская идея социальной справедливости (не уравниловки!), которую извратили коммунисты, никогда не умрет. Думаю, что мучительная переоценка устоев веры и знаний произошла и происходит у многих военнослужащих России. В ряде случаев в общественном и индивидуальном сознании образовался духовный вакуум. Но по размышлению я вижу, что в новых условиях на первый план выходят следующие мировоззренческие и нравственные ценности. *Российские*: убежденность в необходимости крепкого российского государства — сильного, процветающего и демократического. *Общечеловеческие*: приверженность к свободе и правам человека. *Профессиональные*: верность воинскому долгу, присяге и другие качества военно-этического характера, которыми всегда был так богат российский солдат и офицер.

Приближаясь к порогу XXI столетия, уверен, что будет продолжаться процесс (внешне незаметный) формирования *планетарного* сознания, означающего глубокое понимание всеми нами, что, будучи русскими, или американцами, украинцами, немцами, англичанами, белорусами, французами, казахами и людьми множества других национальностей, мы — *земляне*. Мы все находимся на одном космическом корабле, затерявшемся в бесконечной Вселенной, и вокруг нет (пока никто не доказал обратного) таких же обитаемых островов и кораблей. Мы обречены вместе хранить бесценный очаг Разума. В одиночку никому не справиться с растущей экологической угрозой, климатическими и озоновыми катаклизмами, болезнями, другими грозными опасностями, подстерегающими жизнь на Земле. Мы одиноки и уникальны во Вселенной. Поэтому в планетарном сознании, о котором я упомянул, должны существовать некие общие для всех ценности: осуждение насилия для

достижения политических целей, неприятие расизма, национализма, различных форм тоталитарного мышления, будь то фашизм, или сталинизм.

В этих условиях национальные армии, когда окончательно исчезнет угроза любого ядерного столкновения, будут гарантами от акций террористических диктатур, станут играть роль миротворческих сил по предотвращению этнических и иных конфликтов. Битвы и сражения различных эпох станут достоянием лишь историков. Открытость и доверие на этом пути — важнейшие спутники нашего движения в XXI век.

А пока человек в униформе — неотъемлемая часть современного общества. В нашей развороченной, взъерошенной, ожесточившейся России человек в униформе, уважающий законы государства и демократические ценности, сегодня является огромной Надеждой, которая не позволит стране сорваться в штопор второй гражданской войны. Россия столь велика и потенциально богата, что заслуживает неизмеримо лучшей участи.

29—31.03.1993

СВЕЧА РОССИИ

В церкви Большого Вознесения я недавно краем глаза видел маленькую сцену, заставившую проглотить комок в горле. Сухонькая, маленькая старушка, бедно, но аккуратно одетая, интеллигентного вида, зажигая одну свечу от другой, изгоревшей уже, молясь, шептала:

— Боже, спаси Россию... Верни людям разум, не дай погубить Россию...

В церкви, как теперь, наверное, везде, было довольно много прихожан. Храм всегда располагает к смирению и философствованию. Подумалось: ветер времени всех нас несет в одном направлении. Одни задерживаются в этом потоке дольше, другие меньше. Но все, в конце концов, исполняют то, что предназначено им на Земле.

Службы еще не было. Люди зажигали и ставили свечи, молились про себя за здравие и упокой, за родных и близких, просили защиты и милости. Старая женщина, стоявшая возле меня, молилась за спасение России. В крохотном пламени ее свечки мне чудились протянутые к куполу храма сухие старческие руки: «Боже, спаси Россию...»

I

Читая сегодняшние журналы и газеты, ловишь себя на мысли, что многие авторы статей, до того как сесть за письменный стол, основательно изучили «Апокалипсис» — последнюю часть новозаветного канона «Откровения Иоанна», излагающую пророческий сценарий всемирной истории, начиная от Неронова гонения на христианство до конца света. В печати нашей господствует парализующий мотив ожидания катаклизмов и все новых потрясений. Однако даже «Апокалипсис», готовя христиан к мученичеству, дает им надежду на приход другого мира — Царствия Божия. Современникам же нашим оптимизм не свойственен вовсе.

Критические периоды в судьбе России случались и раньше. В истории бывало не раз, когда во времена страшных нашествий и великих смут, казалось, что свеча России погаснет. Но ее глубинные жизненные силы были столь неисчерпаемы, что и в самой трагической ситуации Россия поднималась и продолжала свой путь. Так будет и сейчас.

Идя до октября 1917 года со всеми цивилизованными странами почти рядом, параллельно, мы, ведомые домощенными «пророками», захотели «срезать» историческую дистанцию, выйти на столбовую дорогу кратчайшим путем. Но вместо ожидавшегося исторического опережения мы затерялись в обозе цивилизации...

Никогда и нигде ни один кризис не продолжался бесконечно. Но, опираясь на понимание этого непреложного факта, мы должны знать истоки нынешних бед. Кто

не знает прошлого, тот не ценит настоящего и не может разглядеть будущего.

Царская Россия имела смешанное административное устройство, включавшее в себя губернии, ханства, княжества, царства, области, генерал-губернаторства. Но в основе территориального деления были губернии (даже в Царстве Польском, княжестве Финляндском и т.д.), отражающие наиболее прогрессивный принцип устройства — экономическую целесообразность. Такое строение ближе всего к модели североамериканских штатов. Большевики, придя к власти, взяли курс на административный передел по национальному признаку. Под Россию была заложена мина замедленного действия огромной разрушительной силы.

В тезисах к VIII большевистскому съезду, рассмотренных и одобренных Лениным в марте 1919 года, утверждается, что «устарелое деление страны на губернии и уезды препятствует правильной постановке центрального и местного самоуправления». Сложившееся, устоявшееся деление было взорвано. По команде Политбюро стали создаваться национальные образования, которые в условиях тоталитарной системы не могли демократически развиваться, но аккумулировали потенциальное глухое недовольство действиями центральных властей. На заседании Политбюро ЦК РКП 8 июня 1920 года при активном участии Ленина, Троцкого, Каменева, Томского и других большевистских вождей было принято решение «О подготовке руководящего письма Казанскому губкому о создании Татарской республики». А через десять дней, 18 июня, на следующем заседании партийного ареопага уже назначили день «торжественного объявления новой республики». Республики рождались одна за другой. Произвольно, сидя в Кремле, вожди отрезали уезды смежных губерний и передавали новым образованиям. Пока существовало унитарное, тоталитарное государство, это не играло решающей роли. Очередной вождь мог

подарить республике целую провинцию (как это было с Крымом во времена Хрущева), и это никого не трогало. Но сегодня на пространстве бывшего СССР находится дюжина самостоятельных государств. И процесс распада империи, видимо, еще не закончен.

Постановления сопровождались идеологическими напутствиями. Например, при рассмотрении на Политбюро 14 апреля 1920 года вопроса, озаглавленного «Башкирские дела», говорилось: «разъяснить коммунистам Башкирии, что основной задачей партийных и советских организаций Башреспублики является ее превращение в коммунистическую страну, в часть великой коммунистической федерации». Часто в этих преобразованиях допускались дискриминационные меры по отношению к целым группам населения. При рассмотрении вопроса о положении в Туркестанской республике 22 июня 1920 года Политбюро в составе Ленина, Троцкого, Крестинского, Каменева, Бухарина, например, постановило: «разбить, выселить русских кулаков из Туркестана в российские концлагеря...»

Под видом заботы о национальном самоопределении вожди творили акты властного произвола по отношению к нациям, веками проживавшим в мирном соседстве с другими народами, разрушали прогрессивные традиции, существовавшие в старой России.

Трудно понять причины исторической неудачи, постигшей нашу страну, если не сознавать, что многие беды проистекали от ставки властей на принуждение и насилие в «строительстве нового мира». Свеча России тогда едва тлела. Я приведу лишь один документ, который десятилетиями пролежал в тайниках партархивов. Написан он собственноручно Лениным.

«Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и др.
пензенским коммунистам.

Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к *беспощадному* подавлению. Этого требует интерес всей

революции, ибо теперь везде «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо иметь.

1. Повесить (неприменно повесить, дабы *народ видел*) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2. Опубликовать их имена.

3. Отнять у них *весь* хлеб.

4. Назначить заложников — согласно вчерашней телеграммы. Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал... Телеграфируйте получение и *исполнение*.

Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей потверже».

Документ не нуждается в комментариях. Заботой властей с тех пор было лишь найти «людей потверже». Они нашлись. В большом количестве. Так что трудовому, работающему мужику жилы начали подрезать не в 1929 году, а много раньше. Психология вседозволенности, а по сути государственного террора, прочно заняла место в общественном сознании нации.

Позволю себе еще один исторический фрагмент, показывающий, что свеча России была в опасности не только во время революций и войн, но и десятилетий лжи. Ложь — универсальное зло. Сталинская конституция именовалась «самой демократической в мире». Ее лживость в том и заключалась, что все происходящее в обществе не имело никакого отношения к тому, что было написано в Основном Законе. Накануне первых выборов в Верховный Совет СССР заместитель наркома внутренних дел Фриновский доложил Сталину о том, что «председатель Калмыцкого ЦИКа Хомутинников явно симпатизирует троцкизму». Творец «самой демократической» конституции тут же реагирует: «Т.Фриновскому. Если Хомутинников является кандидатом в Верховный Совет, его не стоит сейчас арестовывать (с ним можно расправиться после выборов). Если не кандидат — арестовать через две недели. И.Сталин».

Нам потребовалось почти семь десятилетий, чтобы понять, что такой режим преступен, что он является исторической аномалией. Заслугой Горбачева было то, что он решился на его реформирование. Правда, при этом он не учел, что никогда в истории попытки реформирования тоталитарных систем не удавались. Они разрушались.

II

Если бы нам, сегодняшним, посмотреть на себя из XXI века...

В своей глубокой работе «Русская идея» Николай Бердяев писал, что «в русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия Киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская... И, возможно, еще будет новая Россия...» Может быть, с высот следующего тысячелетия мы смогли бы увидеть: у дверей какой «новой России» стоит сегодня наше отечество?

Возможно, только сейчас и начинается тот переходный период реформ, который выведет нас через 10—15 лет на рельсы общечеловеческой цивилизации? Или свершится Термидор, и идеи большевистских вождей вновь возьмут верх, мы окажемся в новом ГУЛАГе?

Будет ли свеча России горечь ровным пламенем, сегодня зависит от главного вопроса: удастся ли цивилизованно провести реформы. Пугают не только растущая оппозиция их проведению, но и знание печального исторического факта: раньше в России реформы почти никогда не удавались, за редким исключением. Главная трудность, перед которой мы стоим, не столько социально-экономического, сколько духовно-психологического порядка: мы почти *не способны* к цивилизованным переменам. Революция, взрыв, катаклизм, господство директив — вот наши старые, испытанные способы перемен. Они самоубийственны.

Для сегодняшних дней характерна оглушительная критика нынешней власти. От серьезной, аргументированной — до разносной, подстрекательской. Никто особенно не задумывается, с каких исходных позиций стартовали реформы: с фактической разрухи и дезинтеграции общества. Единственным прогрессивным путем выхода из кризиса является эффективная поддержка всем народом курса реформ с одновременными серьезными коррективами как в «тактике» их проведения, так и в команде правительства. Некомпетентные, непрофессиональные государственные чиновники должны уйти.

Большинство простых людей очень слабо понимает существо проводимой реформы. Едва ли способному и жесткому Гайдару удастся быстро сотворить «экономическое чудо», как в Германии или Японии, но, чтобы вывести страну из кризиса, его правительство должно сформулировать простые, ясные, понятные каждому человеку цели — ступени реформирования. Без веры в реформу, а значит, без массовой поддержки трудно рассчитывать на успех.

Складывается впечатление, что реформаторы смотрят на изменения в стране как на чисто технологический процесс, из которого как бы выпадают конкретный человек и целые слои населения. Геометрия макропроцессов не должна вести к тому, чтобы человек, как точка, оставался незамеченным на этих гигантских чертежах...

Говоря о реформах, в которых сегодня единственное спасение, коснусь еще одного момента. Идеология марксизма рухнула быстро и обнаружила в общественном сознании огромный зияющий вакуум. Конечно, «министерство пропаганды» создавать не нужно. Никакой единой идеологии — как духовной униформы — не требуется. Наоборот, важно прекратить споры о капитализме и социализме как бессодержательные. Пытаясь создать цивилизованное демократическое общество, важно сохранить вечные духовные ценности, иначе на-

ступит *моральное одичание*. Начальная стадия его, похоже, уже пришла.

Кроме критической активности, в которой мы сегодня соревнуемся, российской интеллигенции, средствам массовой информации, школе надо поразмышлять над возрождением тех духовных ценностей и идей, которые были присущи россиянам веками, до того как мы их потеряли или ушедший режим подверг их нравственной эрозии. Ничего выдумывать не надо, надо лишь найти формы утверждения этих ценностей в общественном сознании. О чем речь?

Велика значимость российского патриотизма. С некоторых пор слово «патриот», «дружба народов» стали символами реакционности. Но ведь патриотами были Пушкин и Достоевский, Ломоносов и Сахаров. Страшно представить себе наших сегодняшних детей еще и «освобожденными» от вечной любви к земле собственных предков!

Разве не заслуживают утверждения в общественном сознании, поступках такие ценности, как гражданственность, ответственность перед обществом, народом, будущим России? Даже Николай II в драматические дни октября 1905 года, обращаясь к народу, писал: «Призываю всех верных сынов России вспомнить свой долг перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле». Скажут, Николая вспомнил... Не царя, а непреходящие ценности вспомнил, которые нужны народу всегда! К слову, этот самый Николай в августе 1898 года предложил учредить международную, всемирную конференцию по предотвращению войн и конфликтов (прообраз Лиги Наций и ООН). На Ист-Ривер, в здании ООН, этого, не в пример нам, не забыли: на одном из этажей висит подлинный рескрипт русского царя с призывом созвать международный орган.

Наконец, важно имеющимися средствами воспитания, образования прививать уважение к общечеловеческим

ценностям, так всегда почитавшимся на Руси: совестливости, благородству, мужеству, честности. Как говорил святой Александр Невский: «Не в силе Бог, а в правде». Жаль, мы редко следовали совету великого предка.

III

Мы еще не осознали до конца, что Союза нет. Я не одобряю тех людей, которые с легкостью говорят о «развале СССР». У меня, например, в сердце печаль. Возможно, был шанс сохранить если не федерацию, то хоть конфедерацию. Но последний толчок к разрушению советской империи сделали «герои» августовского путча 1991 года. Ведь если бы не чрезвычайное положение, введенное ими, 20 августа Союзный Договор был бы подписан...

Повторяю: распад СССР — не повод для ликования. Но за этим актом стоят объективные процессы, которые привели все империи, существовавшие в истории, к гибели — Византийскую, Римскую, Германскую, Австро-Венгерскую, Российскую... Переход государства от тоталитаризма к демократии всегда связан с подводными рифами. У нас они оказались национальными. Главное сейчас — справиться с угрозой национализма, ожившего на обломках СССР.

Как правило, навстречу реформации поднимается волна контрреформации. И исход столкновения не бывает почти никогда ясен. Попытка Керенского утвердить на месте самодержавия демократический режим завершилась приходом к власти Ленина и его партии; демократа Сунь Ятсена сменил китайский якобинец Мао: Фридрих Эберт не смог устоять перед нацизмом Гитлера... Нечто схожее может произойти и у нас: если основная масса населения не поддержит трудных реформ Ельцина, произойдет реставрация старых порядков. Если это произойдет, это будет не просто поражением для Ельцина и демократии, это будет крахом для

всей мировой цивилизации. Демократическим странам Запада пришлось бы вновь в этом случае иметь дело с тоталитарным режимом. У нас нет иного достойного выбора: мы должны опровергнуть вековую традицию неудач всех российских реформ.

Каковы главные из реальных угроз переходу к цивилизованному обществу? Их много, к сожалению. Но я выделю основные. Первая — угроза экономического коллапса. Она очень реальна. Вторая — поднимающий все выше голову монстр национализма. Угроза третья — быстрая бюрократизация всех государственных структур. Без гласной конкурсной системы назначения должностных лиц справиться с этой опасностью нельзя. И наконец, расширяющийся фронт «вчерашних», в который входят не только неосталинисты, но и недавние антикоммунисты.

Нам всем очень важно освободиться от *чувства пассивного ожидания*. Это бедственное состояние общества. Ждем со страхом повышения цен, очередного митинга, нового обещания социальных благ, грядущего катаклизма, чего-то еще... В нас живет ностальгия по человеческому будущему — будущему без нынешних конвульсий. Но просто ждать — бессмысленно. Ждать очеловечивания нашей жизни можно, только действуя, создавая, переучиваясь, веря.

Мы привыкли мерить свою жизнь «по царям». Это было еще «при Сталине», а это — «при Хрущеве»... Рабская психология. Лидеры — премьеры, кумиры, президенты — будут всегда. Но соизмерять собственную жизнь полезнее не с датами их царствования, а с днями и годами собственных свершений, за которые не стыдно.

Верю, что свеча России не погаснет. Та старушка, с которой случайно оказался рядом в храме, в моем сердце осталась олицетворением долготерпения и мудрости русского народа, достойного лучшей участи.

МЫСЛИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Коммунизм — Великая Утопия. Это путь в никуда. Но без этой утопии нельзя представить XX век. Эта химера грандиозна по целям, но страшна по способам достижения.

* * *

Бесплодное занятие — искать виноватых в нашей трагической истории. Виновные известны. В том числе и все мы. Если всю энергию отдавать поиску виновных, а тем более пытаться наказать их — вина наша еще увеличится. Человек живет в этом мире всегда с бременем вины.

15.08.1990
Оксфорд

* * *

Вечная слабость демократии — аморфность и безответственность. Но ничего человечество не придумало лучшего в противовес тирании, диктаторству, тоталитаризму.

В России всегда боялись власти. За исключением: после февраля 1917 года до октября 1917 г. И сейчас не боятся — после августа 1991 г. Демократия. И хорошо. Но не допустить бы к власти «новых большевиков»... Угроза реальна.

18.01.1994

* * *

Материальным идеалом, символическим выражением коммунизма должен бы быть не серп и молот, а бильярдный стол. На нем вершины низведены до равнин. Все плоско и уравнено. Шары судеб гоняют вожди. Равенство...

Толпа, стадо, стая — наиболее подходящие объекты для экспериментов левых и правых радикалов.

Любая революция поднимает знамя Свободы, но обычно лишь меняет одну ложь на другую. Свобода для революции редко бывает целью. Чаще — приманкой.

К сожалению, народу слишком часто отводят роль *толпы*. Хотя все «вожди» это отрицают.

11.10.1994.

* * *

Беда демократов — нет общенационального лидера. Гайдар — без харизмы. Явлинский — слишком любит себя, нарцисс. Но... может быть, придется поддерживать его. Ельцин — похоже, исчерпал себя. С.Федоров — не его это дело... Придется бороться за Явлинского или Ельцина, чтобы не пришли зюгановы.

На выборах в декабре 1995 г. и в июне 1996 г. решат общероссийскую судьбу бабушки и дедушки. Несчастные люди, мало видевшие доброго в «ленинской» жизни. Решат своей активностью и понятной консервативностью. Коммунисты знают это и спешат.

1.05.1995

* * *

Все за реформы. Но все вкладывают разный смысл в этот тезис. И те, кто хочет госзаказа и директивного управления ценами, и те, кто выступает за полную отмену всех ограничений, — все за реформы. Мода...

17.01.1992

* * *

За последние семьдесят лет в России сформировался особый тип человека: верующий не в Бога, а в земного вождя, непримиримый и подозрительный, пытающийся не делами своими изменить ситуацию, а поисками виновных, разучившийся истово работать, утративший былую российскую предприимчивость, готовый все делить и отбирать, завидующий богатству, но по-прежнему сохранивший высокую умственную потенцию и пат-

риотизм. Он справедливо верит, что крушение СССР вовсе не было обязательным, однако не понимает истинных причин распада великой державы.

Думаю, пройдет не меньше 10—15 лет, пока он вернет лучшие качества своих дооктябрьских предшественников. Но это обязательно произойдет, ибо ум, доброта, радушие и благородство у него остались. Придет время, и этот человек будет изумляться, как он мог позволить на 70 лет захватить власть вначале кучке авантюристов, а затем бездушной касте партийцев; как он победил фашизм при столь преступных ошибках руководства; как разрешил сформировать новое поколение крепостных; как смог принять бюрократию и догматизм за прообраз «светлого будущего»... Историкам в XXI веке хватит работы, осмысливая прошлое.

21.06.1992

* * *

Я был коммунистом. Но только когда порвал с этой чудовищной утопией, понял, сколько в этой идеологии двуличия и, если хотите, бесстыдства. Несколько мелких штрихов.

— Изгнанного из СССР в свое время коммунистами Солженицына именно коммунисты приглашают в Думу, они больше всех говорят о величии писателя.

— Затравленного коммунистами до самоубийства Есенина, затем запрещенного на десятилетия, сегодня славят; руководители КПРФ присутствуют на открытии его памятника в Москве.

— Бунину, выразившему отношение к большевикам страстными «Окаянными днями», ныне в Воронеже без участия коммунистов ставят памятник. Конечно, говорят о славе, которую он принес России и Воронежу. Но ни слова о том, что великий писатель никогда, никогда не простил «разрушителей отчего дома», как он выразился в одной из своих речей.

Циничный, бесовестный прагматизм — одна из строк визитной карточки большевизма. Как старого, так и нового.

15.11.1995

* * *

Люди любят рабство и кумиров.

История не терпит грима. Время его безжалостно стирает.

Собственное бессилие так же опасно, как и чужая сила.

Создается впечатление, что мы заняты не решением проблем, а созданием новых и усугублением старых.

Сегодняшняя Россия похожа на путника, ищущего верную дорогу: старая ведет в никуда. Новой — пока не найдено... За поворотом XXI века, хочу верить, Россия переживет чудо: экономическое и духовное.

07.03.1994

* * *

России плохо затевать войны в декабре; все они кончатся печально, позорно. Русско-японская война, советско-финская*, афганская авантюра, чеченская позорная «операция». Декабрь, стылый, холодный в России месяц, лишь сильнее оттеняет бездарность и верхоглядство российских руководителей. На морозе, как когда-то говорил Короленко, словно совесть у них застывает.

28.12.1994

* * *

Красно-коричневая чума — реальность. Она надвигается. Но ее приход — не фатален. Еще есть неплохие шансы не допустить ее. Главный способ — экономический. Если мы добьемся хотя бы частного, но заметного в масштабах нации успеха в экономике — мы остановим тех, кто поднял красные знамена.

11.02.1992

---

* Официальное начало советско-финской войны — 30 ноября 1939 г. — Ред.

* * *

Свобода не может быть привилегией. Но у россиян не было тоски по свободе, когда они ею не обладали. Добившись — не оценили ее судьбоносности. Рост левого движения в России — специфическое выражение тоски по несвободе. Парадоксально, но это так.

Нужна, если можно так сказать, моральная коалиция интеллигенции. Без всяких партий, комитетов, комиссий. Пароль: приверженность к свободе.

29.10.1992.

* * *

Завершается XX век. Люди привыкли считать «свой» век исключительным, особым. Скажут это и сейчас. Возможно, для этого есть основания: две мировые войны, открытия А.Эйнштейна, коммунистический эксперимент над Россией, использование ядерного оружия, космос, внедрение компьютеров в нашу жизнь...

Думаю, есть все основания подводить «итоги» века на оптимистической ноте:

— крушение фашизма, стоившее 50 миллионов человеческих жизней;

— крушение коммунизма, прошедшее фактически бескровно (реки крови были пролиты коммунистами до этого);

— устранение угрозы ядерного самоуничтожения;

— признание высшей ценностью прав и свобод человека;

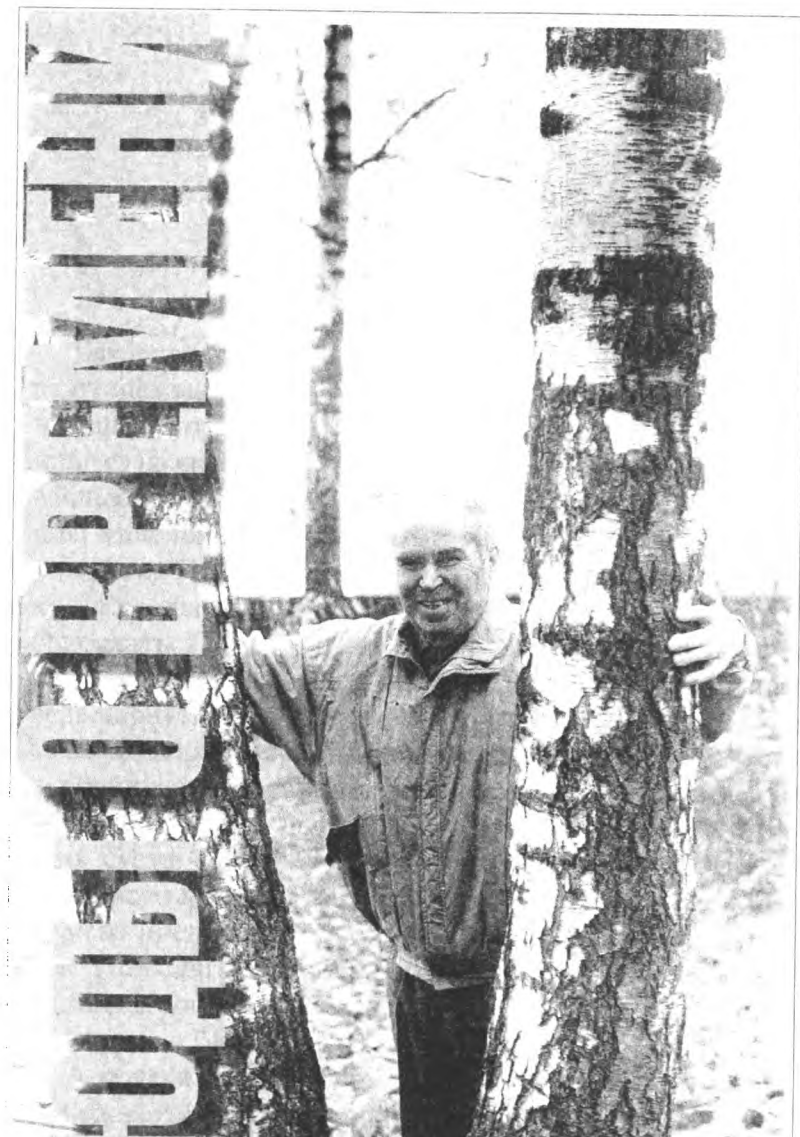
— осознание того, что впредь эволюцией можно достичь неизмеримо большего, позитивного, чем революцией...

Предполье XXI века обещающее. Что покажет будущее?

1994

Сильный и верный

**Что есть
жизнь?**

Что есть жизнь? Это когда твой поезд уходит навсегда от щемяще безвозвратного детства с его солнечными пятнами, когда локомотив пронесет состав мимо станций с названиями: Отрочество, Юность, Зрелость... Мелькают годы, как километровые столбы. Стремления, увлечения, свершения, неудачи, надежды, разочарования... Поезд жизни идет не останавливаясь, и ты никогда не знаешь, на какой остановке тебе сойти, чтобы остаться там вечно. Пока *твоя* вечная стоянка впереди, все чаще возвращаешься в прошлое — мысленно, ведь вернуться туда иначе не дано никому. Стучат колеса на стыках рельсов, заменяя песочные часы. Наконец ты начинаешь понимать, что самая главная истина, которую ты искал, высказана давно: «суета сует». Мирская суета — заботы, хлопоты, тщеславные надежды, конфликты, погоня за жар-птицей благополучия в один момент превращаются в нечто несущественное, случайное. Приходит глубокое осознание тривиальных вещей, остается богатейшее пиршество — парить мыслью над прошлым и будущим.

А колеса стучат... Немногие заметят, что ты остался на безвестной станции. И поезд уже умчался в дымку неизвестного...

01.11.1995

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЦ (3)

О.Д. ВОЛКОГОНОВА (3)

НЕМНОГО О СЕБЕ (25)

Моя мама (27). День Победы (30). Пять моих женщин (31). О моей жене и друге (32). Болезнь (33). В зеркале моего «я» (34). Остракизм (42). Мои «выдвижения» (43). Драма отказа от убеждений (44). Выбор осознан и необратим (45). Страхи и надежды (51). Бремя судьбы (52).

ЭСКИЗЫ К ПОРТРЕТАМ (55)

Архиепископ Василий Родзянко (57). К.У.Черненко (58). М.С.Горбачев (59). Б.Н.Ельцин (63). И.П.Рыбкин (65). Г.В.Старовойтова (66). А.И.Яковлев (67). Г.Э.Бурбулис (68). В.В.Жириновский (70). А.А.Епишев (73). А.А.Гречко (74). Д.Ф.Устинов (76). Д.Т.Язов (79). В.И.Варенников (80). В.Г.Куликов (81). С.Ф.Ахромеев (83). П.С.Грачев (84). К.М.Симонов (85). В.П.Лисакович (86). М.Л.Ростропович (88). М.М.Молоствов (88). Войцех Ярузельский (89). Малколм Тун (91). Джеймс Биллингтон (93). Строуб Тэлбот (94). Нур Мухаммед Тараки (95). Ким Ир Сен (96). Маргарет Тэтчер (97). Бернард Лэфке (98). В.Б.Резун (Суворов) (100)

ЛИКИ УШЕДШИХ (103)

Генерал Деникин (105). Маршал Ворошилов (119). Ленин в судьбе России (143). Еще о Ленине (150). Ленинские пророчества (152). Кончина диктатора (152). Феномен сталинизма (168). Хрущев — один из семи вождей СССР (174). Исторические свидетельства (177). Варианты «Макса» (181). Мысли из записной книжки (186).

ТИХОЕ ЭХО ИСТОРИИ (191)

22 июня 1941 года (193). Старая версия (220). «Паникеры и трусы должны истребляться на месте...» (227). Черчилль и Сталин как союзники (237). Май 1945 года (242).

СТРОКИ ИЗ ДНЕВНИКА (255)

«ТРАВА ПОСЛЕ НАС» (319)

Ров забвения (321). Брошенные (325). Сент-Женевьев де Буа (328). Неоконченное прошлое (330). О судьбах (333). Мельница НКВД (334). Сокрытие террора (335). Марионетки большевизма (335). Вакансия для гениев (337). Пограничная ситуация (339). Вечный ветер (340). «Трава после нас» (340). Волшебный фонарь истории (341). Мысли из записной книжки (342).

СОВЕТНИК ВОЛКОГОНОВ — ПРЕЗИДЕНТУ ЕЛЬЦИНУ (345)

Об архивах (347). О предстоящей «жаркой осени» и действиях властей (348). О стратегии и тактике Президента накануне съезда народных депутатов (351). О Российской Армии (353). О ликвидации мятежа (355). О «северных территориях» (356). О памятнике Г.К.Жукову (357). Об азербайджано-армянском конфликте (358). Об американских военнопленных (360).

ГЛАС МОМЕНТА (365)

Трагедия свободы (367). Решающий момент истории (371). Путч (372). Духовные лидеры (375). Смена эпох (376). Российский радикализм (378). Свобода и справедливость (379). Русский вопрос (379). У последней черты (384). В каком обществе жить (388). Человек в униформе (Мы — земляне...) (391). Свеча России (395). Мысли из записной книжки (405).

ЧТО ЕСТЬ ЖИЗНЬ? (411)

Волкогонов Д.А.

В 67   Этюды о времени. — М.: АО «Издательство „Новости“», ООО «Фирма „Издательство АСТ“», 1998. — 416 с., илл.

Это весьма разнообразная по стилю и содержанию книга. В ней собраны воедино наброски, зарисовки, мысли, которые автор записывал на картонных карточках. И делал он это везде: дома, на работе, в самолете или гостинице. В книге — впечатления о встречах с Б.Ельциным, М.Горбачевым, К.Черненко, В.Ярузельским, Ким Ир Сенем, М.Тэтчер и другими. Здесь же материалы о Ленине, Сталине, Хрущеве; его конфиденциальные записки Ельцину в качестве советника Президента РФ и дневниковые записи; размышления о путях развития российской демократии и воспоминания детства..

ББК 63

Волкогонов Дмитрий Антонович
ЭТЮДЫ О ВРЕМЕНИ

Художественный редактор *В.В.Анохин*
Технический редактор *Н.А.Федорова*
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

АО „Издательство «Новости»“
ЛР № 040676 от 28 февраля 1994 г.
107082, Москва, Б.Почтовая ул., 7.

ООО „Фирма «Издательство АСТ»“
Лицензия 06 ИР 00048 № 03039 от 15 января 1998 г.
366720, РФ, Республика Ингушетия, г. Назрань,
ул. Московская, 13а.

Эту и другие книги издательства «АСТ» можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Подписано в печать 20.05.98.
Формат издания 60×90 /16. Печать офсетная. Гарнитурa «Латинская».
Печ. л. 28,0. Усл. печ. л. 28,0. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 687. Изд. № 9501.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Дмитрий Антонович ВОЛКОГОНОВ (1928-1995) - доктор философских наук и доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук, генерал-полковник. Окончил танковое училище, Военно-политическую академию. Службу завершил заместителем начальника Главпура, откуда его уволили за демократические взгляды. Был начальником Института военной истории, снят с должности за "очернение советской истории". Возглавлял Комиссию при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. Автор более 30 книг по философии, истории, политике. В 1996 г. трилогии Д.А.Волкогонова "Вожди" ("Сталин", "Троцкий", "Ленин") присуждена государственная премия Российской Федерации.

ISBN 5-7020-1119-8

9 785702 011196

11196-98

Э 38-00